

КАТРИНЕ ЭНГБЕРГ

«Катрине Энгберг —
абсолютная звезда!».
Камилла Лэкберг

18+

КРОВАВАЯ ЛУНА

Annotation

В Копенгагене наступила суровая зима. Следователь Йеппе Кернер только что вернулся из отпуска, но его хорошее настроение длится недолго — в парке в сугробе найдено тело мужчины. Поначалу полиция считает, что это замерзший бездомный, но вскоре выясняется, что это зверское убийство знаменитости в мире моды. Но кто и как его убил остается загадкой.

Йеппе Кернеру поручают вести дело вместе с коллегой Анетт Вернер. Они выясняют, что жертва была очень хорошо знакома с лучшим другом Йеппе — Йоханнесом Ледмарком, но он бесследно исчез. Что заставило его сбежать? Грозит ли ему опасность? Или это он виновен в преступлении? Йеппе Кернер все глубже и глубже увязает в запутанной паутине лжи.

Книга переведена на 26 языков.

- [Катрине Энгберг](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
-

Катрине Энгберг

Кровавая луна

Blodmåne

Katrine Engberg

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Katrine Engberg, 2017

© Жиганова В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

*Моему отцу, Яну Леону Катлеву, любителю
полной Луны.*

*Это высокие слова; мы должны быть уверены,
что заслужили их. Вслушайтесь, как они
звучат: «Я тебя люблю».*

Джулиан Барнс

Пролог

Далила уперлась руками в сырую кирпичную стену туалета и расставила ноги, чтобы клиент смог протиснуться в кабинку. Вместе с каблуками ее рост составлял сто восемьдесят сантиметров, мужчина был гораздо ниже и не представлял собой ничего выдающегося. Ему не сразу удалось войти в ее плоть; он схватил Далилу за шею и дернул вниз, чтобы облегчить проникновение. Она не испытывала дискомфорта. Если клиент проявит излишнюю жестокость, сутенер, который контролирует ситуацию с обзорной точки у железного забора, тут же прибежит и остудит его пыл.

Она замерзла. Вообще-то она мерзла постоянно, с того самого момента, как приехала сюда около года назад; лето или зима, она не ощущала особой разницы, когда ветер забирался под пуховик и добирался до ее голых бедер. Но сейчас было хуже, чем обычно. Этот январь месяц побил все исторические рекорды холода. Местные говорили о «ледяной зиме». Если бы кто-то поинтересовался ее мнением на этот счет, она предпочла бы назвать такую погоду «ледяным адом». Но никто не интересовался. Кожа на щеках обветрилась, глаза слезились. Зато под ногами забавно хрустело, когда она прогуливалась вверх и вниз по улице Скельбэк, а парки из-за холода совсем вымирали по ночам, так что можно было спокойно обслуживать клиентов.

Она подалась вперед и прижалась к мужчине вплотную, напевая про себя какую-то мелодию и размышляя о том, какой подарок послать сыну на день рождения. Может быть, машинку, красного цвета, с пультом дистанционного управления. Ему должно понравиться.

Освободившись от семени, мужчина разразился потоком бессвязного бурчания.

Далила откинула голову назад и посмотрела на луну. Это была та самая луна, которая вставала в небе Ганы, она пробуждала то же томление. Скоро полнолуние.

Она не заметила бездомного, пока клиент неожиданно не закричал:

— Вали отсюда! От тебя несет мочой!

Он замахнулся на бродягу, даже не думая отпустить Далилу.

Бездомный стоял очень близко и странно покачивался. Для бомжа он был слишком приличен, но даже в темноте она заметила, насколько он бледный. Кажется, наркоман. Характерный отсутствующий взгляд вряд ли являлся следствием перебора с алкоголем.

— Помогите!

Шепот бездомного прозвучал так глухо, что почти растворился в столах клиента. Но если и существовало слово, которое Далила поняла бы на любом языке и расслышала бы на любом уровне громкости, то это было именно оно.

Она послала бездомному вопросительный взгляд, но бедняга, казалось, не замечал ее. Шатаясь, он открыл рот, словно собирался сказать что-то еще. Глазные яблоки закатились и полностью скрылись под верхними веками, руки лихорадочно задергались, сухой хрип послышался из глубины широко раскрытого рта.

Затем его начало рвать, обильно и надсадно.

Изрыгаемые массы были темные и вонючие. В перерывах между двумя спазмами он открывал рот в беззвучном крике, обращенном к луне. Язык его был окровавлен, ротовая полость как будто разодрана в клочья. Он весь словно плавился на глазах.

Он рухнул; сначала осел на колени, затем тяжело приземлился лицом в снег. Под землей прогудела городская электричка.

Клиент натянул штаны и бросился к забору в сторону Нёрре Вольдгэде.

— Эй, чувак, ты забыл заплатить! — Далила кричала в основном для того, чтобы ее услышал сутенер. Уж он-то позаботится о том, чтобы выцарапать деньги у плутишки, прежде чем тот запрыгнет в свой «универсал» и рванет домой куда-нибудь в пригород, с облегченными шарами и свежевывдуманными историями о городских похождениях.

Она выудила из кармана влажную салфетку и вытерла вагинальную смазку с ягодиц, а затем наклонилась и потормошила бездомного.

— Эй! Эй, дружок, ты в порядке?

Жуткая вонь и вид травмированной ротовой полости хорошенько встряхнули ее.

— Чувак, да ты тут околеешь.

Никакой реакции не последовало.

Она огляделась, но поблизости никого не обнаружила. Не заметила она и фигуры человека, притаившегося в кустах всего в нескольких метрах за ее спиной и тихо наблюдавшего за происходящим.

Холодный прозрачный лунный свет озарял снег. Она склонилась над беднягой и, приложив кое-какие усилия, перевернула его на спину. Аккуратно отогнув полу куртки, она принялась искать.

Вот и кошелек. Наличных в нем было порядочно, насколько Далила могла оценить. С левого запястья бездомного она сняла удивительно элегантные часы.

Запихнув сокровища к себе в трусики, она до самого горла застегнула пуховик и быстро направилась под свет фонарей.

Глава 1

Четверг, 28 января

— Да. М-м-м, хорошо. Парк Эрстеда? Выезжаю.

Следователь полиции Йеппе Кернер проснулся от звука собственного сонного голоса, прорезавшего январскую темень спальни.

Он встал с кровати. Рутинные действия были отработаны до автоматизма и почти не требовали осмысления: принять душ, непродолжительный и прохладный, натянуть кальсоны под джинсы, сунуть в карман записную книжку, нахлобучить шапку на коротко подстриженную шевелюру. Через семь минут после телефонного звонка он уже стоял в прихожей перед зеркалом, застегивая молнию на флисовой толстовке. Пытаясь собраться с мыслями и пробудить умственные способности.

Размытое отражение в зеркале покачивалось. Загар еще не сошел, хотя Йеппе вернулся в родной мрак и холод уже две недели назад. Поездка оказалась лучшим событием, которое он когда-либо инициировал ради самого себя: четыре недели в Западной Австралии, на побережье от Перта до Брума. На путешествие была потрачена основательная часть сбережений, но значимость этой поездки невозможно было измерить в денежном эквиваленте. Он отправился туда сломленным человеком, страдающим от болей в спине, впавшим в полную зависимость от опиатов. Утратившим веру в любовь и надежду на будущее. А теперь он вновь в строю.

Йеппе снял с крючка ключи от машины, проверил наличие в кармане рабочего удостоверения и заряженного телефона и захлопнул за собой дверь. От холода у него едва глаза не заledenели. Мороз проникал под одежду, просачивался под кожу и медленно, но верно вытягивал оптимистичный настрой. Вся жизнь застыла вокруг, момент ледяного оцепенения все длился и длился. Йеппе изо всех сил старался сохранить жизнелюбие, обретенное на противоположной стороне земного шара.

Промерзший двигатель завелся лишь с третьей попытки. Йеппе оставил его прогреться на холостом ходу, а сам тем временем принялся энергично счищать с ветрового стекла ледяные узоры. На первой скорости он вырулил на дорогу между коттеджами и по заснеженному шоссе потихоньку двинулся в сторону города. Часы показывали половину четвертого утра, улицы Копенгагена напоминали декорации, оставшиеся после съемок фильма про Апокалипсис.

На пересечении Фаримасгэде и бульвара Г. Х. Андерсена Йеппе пропахал снежную целину в направлении тротуарного бордюра и остановился перед парком Эрстеда. Кое-как запарковался. За железной оградой парка виднелся свет — видимо, специалисты из НЦК, Национального центра криминалистики, уже прибыли и врубили свои мощные фонари. Йеппе вошел в зону оцепления, кивнув паре полицейских, поставленных на входе, и направился к детской площадке, расположенной неподалеку от ворот.

Группа криминалистов в синих костюмах сконцентрировалась вокруг какого-то силуэта на снегу перед туалетом. Подойдя ближе, Йеппе увидел, что это силуэт человека. Мертвого человека. Тело лежало, свернутое в позу эмбриона: спиной вовне, колени подтянуты к грудной клетке. Туловище будто обернулось вокруг того места, где некогда располагалась пуповина, — этот участок тела коченеет в последнюю очередь, когда человек замерзает насмерть. Жизнь покидает наше тело в той же последовательности, в какой проникает в него.

Йеппе вздохнул. Очередная потеря.

К нему направился один из мужчин, облаченных в синие костюмы. Йеппе узнал в нем Лима 11, ведущего специалиста по техническим работам на месте преступления. Его первым вызывали при обнаружении тела, он определял дальнейший план работ.

— Кернер, рад тебя видеть.

— Благодарю. Что у нас имеется?

Йеппе невозмутимо промокнул слезящиеся глаза перчаткой. Проклятый холод!

— Похоже, бомж. Перебрал спиртного и замерз насмерть. Облевал все вокруг и улегся поспать.

— Понятно. Что-то настораживает?

— Пока нет. Однако свидетелей не выявлено, точная причина смерти не установлена, у умершего не оказалось при себе удостоверения личности. А потому на данный момент я вынужден признать этот смертельный исход подозрительным. Стандартная схема.

— Кто его обнаружил?

Лима 11 сверился с записями у себя в блокноте.

— Патруль из участка Сити обнаружил тело в 01:54, прибывший на место врач «Скорой помощи» официально констатировал смерть в 02:21. Криминалисты приехали в начале четвертого и сразу принялись за дело при свете своих фонарей. Хреново работать, когда так темно и скользко.

— Судмедэксперт на месте?

Лима 11 кивнул на долговязую фигуру у туалета. Это Ньюбо, сомнений быть не могло. Ведущий судмедэксперт, профессор судебной медицины, он имел слишком солидный стаж для того, чтобы быть вызванным и явиться в парк Эрстеда посреди ночи.

Вынув из кармана блокнот, Йеппе направился к нему.

— Привет, Ньюбо. Чем обязаны честью?

Это был высокий мужчина, которому всю жизнь приходилось наклоняться к собеседникам, так что в итоге у него скривилась шея. В центре его седой шевелюры уже обозначилась лысина. Но авторитет во взгляде оставался неизменным, и уверенность в себе ничуть не пострадала.

Он обернулся и слегка кивнул.

— Я совершенно не могу спать зимой. В период с октября по март я превращаюсь в настоящего полуночника. Тьма все равно не дает мне заснуть, так почему бы и не поработать? — Ньюбо провел рукой по редким волосам. Он выглядел уставшим. Продрогшим насквозь. Йеппе захотелось предложить ему свою шапку, но он сдержался. Ньюбо вряд ли одобрил бы такую заботу. — На снегу обнаружены следы от подошв, криминалисты уже сняли отпечатки и приступили к их изучению. Но тут в парке по ночам кто только не шляется, так что едва ли нам стоит связывать с этой находкой особые надежды.

— И что же нам известно на данном этапе?

— Пока не особо много, мы ведь только-только приехали. Но у меня имеется вполне обоснованное предположение, что речь идет о бездомном, который облевал себя какой-то алкогольной дрянью, а

затем угодил в объятия Госпожи Метелицы. К сожалению, каждую зиму бывает по несколько подобных случаев.

Йеппе едва не поперхнулся.

— То есть мне, в общем-то, и не было особой нужды сюда ехать?

— Нет. Нам необходимо осмотреть тело и решить, надо ли проводить вскрытие. Я, впрочем, считаю, что обойдется без вскрытия. Мы скоро увезем труп. Не вижу никаких оснований для того, чтобы ты ехал с нами.

— Уверен?

Ведущий судмедэксперт глянул на Йеппе так, словно тот произнес бранное слово.

— Я передам результаты осмотра патрульным из Сити, чтобы они могли вставить эту информацию в рапорт.

— Хорошо. Я тут все-таки немного осмотрюсь.

Нюбо любезно кивнул.

— Конечно. Ты пока нам не мешаешь.

Он натянул перчатки и сел на корточки перед трупом. Йеппе бросил взгляд из-за плеча судмедэксперта.

Тело лежало головой к туалету. Лицо было скрыто всклокоченными темными прядями волос, выбившимися из-под шерстяной шапки. Йеппе разглядел лишь гладко выбритые щеки и светлую кожу, мерцающую в свете мощных рабочих ламп. Край шапки смыкался на задней части шеи с воротом вязаного свитера, поверх которого было надето темное шерстяное пальто — оно вполне вписалось бы в образ какого-нибудь элегантного бизнесмена, если бы не изобилие нашивок и пятна рвоты.

Я вполне мог бы оказаться на его месте, пришло в голову Йеппе. Он на несколько шагов отступил от тела в темноту. Если бы окружающий мир не захватил его с новой силой, что могло бы с ним случиться? Год назад в канун Нового года его существование было вдребезги разбито изменой жены, последующие несколько недель он провел на диване у своего лучшего друга, Йоханнеса, а остальную часть времени — в полубреду под действием психотропных препаратов. Абсолютная чернота. Но жизнь вновь увлекла его за собой. Последний Новый год он отметил в окружении красных скал неподалеку от «Природного окна»^[1] холодным пивом на кемпинговой стоянке и замечательным сексом в палатке. Сексом с юной красавицей

Ханной. И он пошел дальше. Он пожелал Терезе и ее широкоплечему возлюбленному счастливого Нового года и побольше романтических ночей в компании новорожденного малыша.

Йеппе сфотографировал труп и здание туалета на мобильный телефон, отметил в блокноте основную информацию и попрощался с командой профессионалов, после чего повернулся спиной к яркому свету мощных ламп и зашагал к своему автомобилю. Ему еще удастся поваляться в постели пару часов, прежде чем надо будет вновь отправляться на работу.

Кстати, насчет Йоханнеса. Йеппе отправил ему смс с напоминанием об их договоре встретиться вечером и выпить где-нибудь пива. Затем прогрел автомобиль и наконец-то направился в Вальбю. Йоханнес работал актером и часто отсутствовал — то в связи с зарубежными съемками, то из-за ночных съемок. Востребованный и активный по жизни, он был довольно беспамятлив. Йоханнес не раз «кидал» его, однако Йеппе и не думал отступать. Раз уж их дружбу ничто не поколебало в течение двадцати пяти лет, не разрушит ее и раненое тщеславие одного из друзей.

Припарковавшись, Йеппе нащупал ключи. Он промерз насквозь, пока возился с замком, но наконец победно толкнул входную дверь. Рюкзак, стоявший в прихожей, с грохотом упал, щедро вывалив на пол из своих недр сандалии, спальный мешок и походные столовые приборы. Он так и не отнес его в подвал. Убрать рюкзак с глаз долой было бы слишком жестким поступком, даже несправедливым. Все-таки в нем в течение четырех недель заключался весь скарб Йеппе, все вещи, необходимые ему для существования в этом мире. Присутствуя в этой полупустой прихожей, рюкзак воплощал собой один квадратный метр жизни в 140 квадратных метрах абсолютно мертвого жилища; он был связан с представлением о доме гораздо больше, чем то, что являлось этим самым домом для них с Терезой всего год с небольшим назад. Теперь дом решили продавать. У Йеппе не было столько средств, чтобы выплатить бывшей супруге ее долю, да и на что ему одному сдалась эта вилла в Вальбю?

Улегшись на постель прямо в одежде, Йеппе прикрыл глаза. Он еще не начал заниматься вопросом продажи. Возможно, займется ближе к весне.

«Que sera, sera. Whatever will be, will be...»^[2]

Эти строки крепко застряли у него в голове, так что заснуть он так и не смог. Правое полушарие его мозга в любое время суток инициировало бесконечное воспроизведение отрывка из какой-либо случайной музыкальной композиции. Психологи из полицейского управления назвали это явление стрессовым синдромом. Йеппе в очередной раз зевнул и решил — ну и пускай музыка будет фоном, звучащим откуда-то из затылочной мозговой доли.

«The future's not ours to see...»^[3]

* * *

— Черт возьми!

Взглянув на часы, следователь полиции Анетта Вернер вновь подумала, не отложить ли ей свои планы. Было уже восемь часов, а она терпеть не могла опаздывать. Она и так все утро ничего не успевала; проснулась от того, что эрекция Свена настойчиво заявляла о себе, и к моменту выхода из дома Анетта не успела толком ни принять душ, ни позавтракать. Однако дело уже не терпело отлагательств. Выставив время на парковочном диске, она захлопнула за собой двери автомобиля и направилась к аптеке.

Внутри было на удивление безлюдно. Анетта поспешила к кассе.

— Добрый день, мне нужен тонометр.

— А вы взяли номер? — Дама за прилавком сурово взглянула на нее сквозь толстые линзы очков и продолжила распечатывать этикетки.

— Но ведь кроме меня здесь нет ни одного клиента, — попыталась возразить Анетта.

— Но есть установленный порядок работы.

Анетта вернулась к входу, нажала кнопку выдачи номеров и взяла вылезшую бумажку.

— Вот!

— Я сама вас вызову. Будьте добры, отойдите немного назад и следите за номерами на цифровом табло. Благодарю.

Анетта почувствовала, как у нее учащается сердцебиение. Если миссис Аптекарша сейчас же не обслужит ее, Анетта засунет принтер так глубоко в задницу этой твари, что она целую неделю будет испражняться этикетками.

Спустя минуту дама вывела на экран номер Анетты, тем самым позволив заплатить 499,95 крон за автоматический электронометр, не забыв при этом провести инструктаж по пользованию прибором и настоятельно рекомендовать посетить семейного доктора. Когда Анетта наконец вышла из аптеки, пульс оказался настолько высоким, что ей пришлось в течение пяти минут неподвижно сидеть в машине, прежде чем она смогла воспользоваться аппаратом.

Ноги вытянуты, рука расслаблена, никакого стресса. Манжета сдулась, Анетта покосилась на дисплей — 172 на 118. Да уж, высокогато. Действительно, надо бы сходить к врачу. Только не к тому, который похлопает ее по плечу и отправит домой отдыхать. Анетта предпочитала, чтобы ее отпустили из медицинского кабинета с уверениями, что она здорова как бык. А прибор... Она упаковала его обратно в коробку. Пускай полежит пока в машине, он как раз хорошо помещается в «бардачке».

Вскоре, запыхавшаяся и покрасневшая, она влетела в кабинет управления полиции Копенгагена, который делила с Йеппе, и принялась избавляться от многочисленных слоев верхней одежды и разматывать шарфы. В мрачном коридоре с высокими потолками, который объединял кабинеты сотрудников отдела преступлений против личности, подразделение № 1 — отдела убийств, проще говоря, — было сегодня тихо и пусто. Безлюдно, как в русском Зимнем дворце в ночное время, и почти так же холодно.

Начало года в Управлении выдалось необычайно напряженное, из-за чего личный состав оказался охвачен стрессами, гриппом и волной массовых отгулов, по сравнению с которыми те же самые проблемы в медицинской среде выглядели цветочками. Организация испытывала на себе последствия опрометчивого решения о переезде в новое здание в Тайльхольме. Наркоотдел и отдел по борьбе с организованной преступностью уже переехали, но в результате необъяснимого просчета размеры нового здания не соответствовали насущным потребностям и численности сотрудников, а потому отдел убийств до поры до времени оставался в прежнем помещении.

— А я и не знал, что у нас теперь принято являться на работу ближе к обеду. Наверное, я пропустил какое-то важное распоряжение? — Юмор Йеппе всегда носил налет сарказма, и догадаться, что он просто мило пошутил, зачастую бывало сложно.

Вообще-то, после отпуска длиной в целый месяц он мог бы и воздержаться от комментариев по поводу ее опоздания.

— Если уж ты так рано пришел на работу, мог бы купить по дороге каких-нибудь булочек. — Анетта красноречиво посмотрела на пустой стол, где булочками и не пахло, и принялась расстегивать кардиган, с досадой обнаружив, что под мышками у нее расплылись пятна пота. — Было тут одно дело по дороге. Кстати, утро у меня выдалось просто чудесное. Спасибо, что поинтересовался.

— Я не интересовался.

— Вот именно!

Анетта взглянула на старомодный ртутный термометр на стене и поежилась. Пятнадцать градусов — с ума сойти можно! — а Йеппе даже не удосужился ничего предпринять, чтобы исправить ситуацию. Опустившись на колени, она объявила войну радиатору.

— Вообще-то, пора нам завязывать с белым хлебом, Анетта. Он явно не идет нам на пользу.

— Ты хотел сказать, что он мне не идет на пользу, да? — Анетта подняла голову и недовольно посмотрела на напарника. Бывали дни, когда его предостережения, даже самые доброжелательные, просто выводили ее из себя.

— Белый хлеб — это в принципе нездоровая пища. Ты не согласна?

Смахнув со своего свитера невидимые пылинки, Йеппе внимательно изучил ладони.

— О боже, избавь меня от этого! Давай не будем сейчас читать проповедь о здоровом питании, а? Неужели мне недостаточно того наказания, что я вынуждена весь день сидеть с тобой в одной комнате?

Она поднялась и включила компьютер, чтобы запустить POLSAS, устаревшую систему обработки данных и учета дел.

— Пойду загляну на кухню, а то я просто умираю от голода.

Выходя из кабинета, Анетта заметила, что взгляд Йеппе устремлен на ее внушительный зад. Его кратковременная память была столь же нестабильна, сколь безапелляционно осуждение в ее адрес. Ведь буквально несколько месяцев назад он сам утолял голод бесконечным кофе и шоколадными батончиками. Обнаружив в холодильнике хлеб для тостов и пачку салями, она наделала себе бутербродов. Легко вести здоровый образ жизни, болтаясь по

Австралии с двадцатичетырехлетней веганкой и не имея под рукой ничего съестного, кроме кенгурятины с латуком.

Когда она вернулась, Йеппе сидел, сцепив пальцы на затылке и задрав ноги на двойной рабочий стол. Его ботинки покоились прямо на материалах расследований, проводимых в последние месяцы, на их основании предстояло провести оценку и перспективу персонального развития сотрудников, кроме того, здесь же на столе лежала целая стопка бухгалтерских отчетов и неразобранных документов. Иными словами, Анетте предстоял один из тех дней, в которые она искренне жалела, что не стала дантистом.

Она плюхнулась в кресло, стараясь удержать на каждой ладони по бутерброду. В результате на стол все-таки упал кусочек салями, который она поспешно подобрала и отправила в рот.

Йеппе отвернулся.

— Ну, поскольку ты пропустила утреннее собрание, видимо, ты ничего не слышала о бездомном, обнаруженном в парке Эрстеда?

— Нет. Что там стряслось? — Анетта протолкнула в горло кусок хлебного мякиша, чтобы обрести более-менее членораздельную речь. — Очередной «цыпленок табака»? — Она имела в виду то, что, к сожалению, во время зимних холодов перебравшие с алкоголем частенько замерзали насмерть в городских парках.

— Угу, похоже на то. Я ездил на место посмотреть, но Ньюбо сказал, что тут вряд ли есть что-то по нашей части.

— Ночью? Где это случилось?

— Парк Эрстеда. На детской площадке, что граничит с Фаримасгэде. Меня вызвали около трех ночи.

Анетта кивнула.

— Ты имеешь в виду парк Г. Х. Эрстеда?

— Нет, деревенщина, он называется парк Эрстеда, ни больше ни меньше. И все уроженцы Копенгагена об этом знают. — У Йеппе даже глаза побелели от напряжения.

— Скажи-ка, а ты сам случаем не в Вальбю живешь?

— Это временно.

Анетта скептически фыркнула, размышляя над тем, стоит ли продолжать дискуссию.

В кабинете повисла вербальная тишина на фоне звуков жевания, скрипа стульев и ощущения переизбытка энергии. Стопки документов

напоминали ступеньки, кладущие начало подъему на крутую горную вершину. Своим непрístupным видом они словно издевались над владельцами кабинета. Каждый лист бумаги потенциально означал небольшую часть жизни полицейского следователя, потраченную впустую.

Громкий телефонный звонок прорезал тишину и заставил вздрогнуть обоих коллег. Звонил стационарный телефон, что случалось нечасто. Йеппе взглянул на Анетту, вздернув брови, откашлялся и снял трубку.

Слизывая с пальцев остатки масла, Анетта наблюдала за тем, как он говорил в трубку «да» и «ладно». Возможно, сейчас какое-то любопытное дело выманит их из этого помещения. Йеппе положил трубку, глядя в пустоту.

— Как странно...

— Что?

— Нам надо подготовиться.

— К чему? Что происходит?

Хлопнув в ладоши, он растерянно покачал головой. Затем серьезно посмотрел на Анетту.

— В течение дня к нам зайдет мастер насчет ремонта отопления. Кому-то из нас надо обязательно находиться в кабинете, чтобы его впустить. — Лицо Йеппе расплылось в широкой улыбке.

Анетта смяла салфетку и запустила ему в лицо.

— Ха, игривое настроение, значит. Очень смешно!

— Мне — да. — Йеппе удовлетворенно улыбнулся.

Анетта медленно доела бутерброды и принялась копаться в ящиках стола в поисках пакетика с лакрицей, чтобы избавиться от неприятного колбасного послевкусия. Она слышала, как Йеппе спустил ноги со стола, включил компьютер, тяжело вздохнул и принялся что-то печатать.

Дверь приоткрылась — перед ними предстала комиссар полиции собственной персоной. Ее настоящее имя звучало как Ингрид Дам Йенсен, но все звали ее исключительно КП. К другому она не располагала.

— С холодом пока справляетесь? — Вместо ответа Анетта застучала зубами. — Да уж, сегодня свежо. Кернер, заглянешь ко мне?

КП закрыла дверь, не дождавшись ответа.

Йеппе с Анеттой переглянулись.

— Что ей вообще нужно? — пробурчал Йеппе, встав из-за стола и направившись к двери.

— Надеюсь, то, что ей нужно, поможет нам перебраться в более теплое место. — Анетта поднялась и проследовала за Йеппе. — Выйду ненадолго по делам, а потом готова выезжать, если понадобится. — Она нажала на воображаемый гудок и издала звук, похожий на сигнал грузовика.

На мгновение Йеппе подумал сбежать, пока она не вернулась.

Но что может быть веселее, чем подтрунивать над уязвимыми душами!

* * *

— О, проклятие!

Эстер ди Лауренти отодвинула горячую чашку кофе и потрясла кистью руки, словно это движение могло избавить ее от боли. Она осмотрела кончики пальцев, начинающие краснеть, и, обернув кисть спущенным рукавом, вновь взяла чашку и направилась к своему любимому месту в доме — к окну.

Глубокие подоконники, установленные поверх батарей отопления, понравились ей чуть ли не больше всего остального в новой квартире. На них можно было удобно разместиться, укутавшись в уютный теплый плед, и созерцать серые воды озера Пемблинге. Она заказала специальные плоские подушки для подоконников и теперь любила сидеть у окна больше, чем в любом другом месте в новой квартире, включая персиковое кресло с «ушами» и диван «честерфилд».

Потихоньку она привыкала ко всему новому вокруг: к незнакомому району, к скрипу половиц, к странному запаху на «черной» лестнице. И все же часть ее души по-прежнему оставалась в доме № 12 по Кластерстрэде. Отдельный дом в старом центре города, который принадлежал ее семье более семидесяти лет, стал собственностью двух взрослых отпрысков состоятельного владельца кирпичного завода, которые вряд ли обрадовались бы визиту пожилой сентиментальной дамы.

Эстер сидела на подоконнике, выпрямив спину и придерживая чашку с кофе, стоящую на коленке. Она запустила пальцы в волосы, подстриженные а-ля Мэри Куант^[4], и устремила взгляд на облетевшие каштаны и на бегунов, наматывающих круги по периметру озера. Наконец-то все было в порядке. Она очень радовалась обилию света, который наполнял ее новую квартиру, и благодарила высшие силы за то, что денег от продажи дома хватило на покупку этого замечательного вида из окна. Это был источник постоянного ощущения, похожего на счастье. Да она и была счастлива. От того, что могла позволить себе жить в таком месте. От того, что выжила.

Полгода назад ее до полусмерти искалечил человек, который убил девушку, снимавшую у нее комнату, и ее любимого учителя пения, Кристоффера. Чудо, что она вообще осталась в живых. И она была благодарна судьбе за это чудо. Однако произошедшие события разрушили ее привычное существование и сделали невозможным дальнейшее проживание в фамильном доме.

И вот теперь она переселилась сюда вместе с восьмидесятитрехлетним арендатором Греггерсом, который с радостью согласился на ее предложение разделить кров с ней и парой ее мопсов, Доксой и Эпистемой.

Все прошло прекрасно. Даже собаки очень быстро привыкли к новому жилищу. И Эстер надеялась, что в скором времени и ее внутренний компас настроится на новые обстоятельства и перестанет по инерции тянуть ее в направлении Старого города всякий раз, когда она возвращается с прогулки.

К счастью, в новых условиях совершенно преобразился Греггерс, несмотря на то, что поначалу наотрез отказывался переселяться за пределы Старого города. Довольно быстро он проникся противоречивой любовью к неравномерно оживленной улице Блогордсгэде и даже к раздражающим факторам, неразрывно связанным с ней. Таким, как зеленщик, который плохо понимал датски и не продавал капусту и петрушку, зато всегда готов был предложить плантаны^[5] и телефонные карты. Или хипповатое кафе, где подавали заоблачно дорогой кофе в щербатых чашках и посетители сидели на жутко неудобном мебельном старье, какое можно было отыскать разве что на блошином рынке. А прежде всего к молодым чернявым представителям нового датского общества, которые и не

думали уступать дорогу, то и дело выкрикивали «валлах»^[6] и прочую тарабарщину, громко смеялись и подтрунивали друг над другом.

Да-да, Грегерс действительно наслаждался проживанием в Нёрребро. К удивлению обоих, даже то обстоятельство, что теперь они жили в одной квартире, не доставляло никаких неудобств. Две комнаты Грегерса выходили окнами во двор, две комнаты Эстер — на озеро, кухня и ванная комната в центре квартиры были общие. Холодильник пополнялся дважды в неделю, совместные покупки доставляли им прямо к двери. Каждый четверг дотошная чистюля Аня приходила сделать уборку. Очень эффективно и никому не докучая. Грегерс был очень покладистым — ему не нужно было ничего, кроме кофе, который он варил сам себе на небольшой персональной кухоньке. Они общались почти исключительно друг с другом, да и то лишь тогда, когда Эстер время от времени приглашала его разделить с ней завтрак или обед.

Переезд действительно прошел гладко, гораздо лучше, чем можно было предположить. Сломанное ребро Эстер благополучно срослось, и она выполняла предписанные ей упражнения с таким рвением, какого сама от себя не ожидала. Она отвергла перспективу стать инвалидом в шестьдесят восемь лет! На протяжении всей осени она посещала кризисного психолога по имени Алис и наконец ощутила, что если и не оставила чудовищные летние события в прошлом, то по крайней мере поместила их в глубокий ящик, где им надлежало храниться. На самом деле теперь перед ней стояла одна-единственная проблема: на что тратить свое время. Первоначальный план раннего — для академических кругов — ухода на пенсию заключался в том, чтобы писать детективы, однако этот план оказался решительно отклонен.

Одна лишь мысль о возобновлении литературного творчества вызывала у нее дискомфорт и страх. С этим покончено навсегда.

Воплотить былые мечты о длительных путешествиях оказалось затруднительно по причине совместного проживания с Грегерсом; она чувствовала, что не может позволить себе уехать от пожилого, слабого здоровьем человека. Тем более, если уж признаться начистоту, она начала ощущать, что и сама немного сдала. Размышляя о том, не напиться ли ей до беспамятства красным вином, она пришла к выводу, что это было бы чересчур малодушно, учитывая те обстоятельства, которые она недавно пережила. Она и так потратила немалую часть

жизни впустую, так что теперь приняла на себя своего рода обязательство — выжать из оставшейся жизни максимум смысла. Вопрос заключался лишь в том — каким образом это осуществить?

Эстер осторожно отхлебнула кофе и пробежала глазами первую страницу «Политикен» — прочитав свежий выпуск газеты, Греггерс каждое утро оставлял его для Эстер. Она просмотрела первую полосу, немного полистала дальше, но читать ей не хотелось. Докса и Эпистема лежали на полу, свернувшись калачиками, и не выказывали ни малейшего желания отправиться на прогулку в холодную утреннюю темноту. Может, лучше послушать музыку?

Летом, еще до того, как рухнула вся ее жизнь, Эстер под руководством Кристоффера разучивала партию Недды из оперы Леонкавалло «Паяцы». Она не сумела даже приблизиться к самым высоким нотам — си второй октавы, если она правильно помнила, и ей не хватало воздуха для исполнения драматичной арии «Qual fiamma aveva nel guardo»^[7], в которой Недда воспевает свою тайную, запретную любовь. Героиню охватывает интенсивно нарастающий страх — сложный, очень сложный для исполнения отрывок. Но попробовать было все же интересно. Воспоминание пронзило сердце, как и остальные воспоминания о беззаботном времени, предшествующем трагедии. Оценила ли она по праву предоставленную ей тогда возможность или ощущение полноты счастья захлестнулось очередными спорами и бытовыми проблемами?

Она откопала «Паяцев» на полке среди других пластинок с итальянскими операми. Старый добрый винил... Она была слишком стара для восприятия прогресса в области воспроизведения музыки, хотя постепенно приняла прочие усовершенствования, привнесенные миром цифровых устройств. Но только не в музыке. Пластинку, как и прежде, следовало осторожно вынуть из футляра и поместить на диск проигрывателя, и вот она уже вращается, подрагивая, а специальная щетка бережно счищает с нее пыль.

Вообще-то надо бы предупредить Греггерса о том, что она собирается слушать музыку. Греггерс, туговатый на ухо, проявлял удивительную чуткость слуха, в особенности когда дело касалось этой оперы. Отложив пластинку, Эстер направилась через коридор к комнатам Греггерса. Обе двери оказались закрыты.

Еще один положительный момент переселения заключался в том, что, лишившись возможности смотреть из окна на Клостерстрэде, Грегерс был вынужден выходить на улицу, чтобы быть в курсе внешней жизни. И прогулки пошли ему на пользу. Эстер подошла вплотную к двери в гостиную соседа. В комнате работало радио. Грегерс первым делом включал его с утра пораньше одновременно с кофемашиной, и, как правило, оно уже не выключалось целый день, пока Грегерс не укладывался спать. Постучавшись, она приоткрыла дверь.

Грегерс сидел в кресле, откинув голову с открытым ртом, звуки поп-музыки уютно обволакивали его. Эстер уже собиралась закрыть дверь, как вдруг он встрепенулся.

— Что такое?

— Ничего, Грегерс, я только хотела предупредить тебя, что собираюсь послушать пластинку...

— ЧТО?! — гаркнул он.

— Просто чтобы для тебя не было неожиданностью...

— Ох, проклятая шарманка, как я от нее устал! — Грегерс с трудом встал и выключил музыку. — По-моему, лучше бы они каждый день пускали в эфир «Мэдс и Монополия». Тогда я бы с радостью вносил абонентскую плату.

— Абонентскую плату вношу я, а не ты.

— Как по мне, так это самая настоящая служба психологической помощи! Вот, к примеру, взять субботний выпуск. Обсуждение одной из дилемм и тебе было бы полезно послушать, дорогая Эстер.

— Хорошо, при случае обязательно расскажешь...

— Им написала одна пожилая женщина. Ее взрослая дочь недовольна тем, что мать пьет вино, когда сидит с внуками. Она была рассержена — а что тут, собственно говоря, такого уж страшного? На протяжении последних двадцати лет она каждый вечер выпивает по полбутылки белого вина, так почему она должна отказываться от этой привычки из-за пуританских взглядов дочери? Тем более дочь сама постоянно запивает еду кока-колой. Неужели это причиняет меньше вреда здоровью?

— Видимо, есть резон в том, чтобы не напиваться до беспамятства, если ты несешь ответственность за маленьких детей? — С этими словами Эстер отстранилась и собиралась уже закрыть дверь.

— И это говоришь ты?!

— Насколько мне известно, у меня нет внуков. По крайней мере, с которыми я должна сидеть.

— Зато у тебя есть собаки и я! А что, если я упаду, а ты в это время пьяная в стельку? — От волнения на шее у Грегера выступили красные пятна.

— Я никогда не напиваюсь настолько, чтобы не суметь набрать «112».

— Ну ладно. Кстати, участники эфира были согласны с тобой: бабуля проявляет безответственность и должна отказаться от алкоголя во время присмотра за внуками. Конечно, им легко рассуждать — сидят себе и умничают в прайм-тайм.

— Я что-то не понимаю: то есть ты считаешь, что эта дамочка должна и дальше глушить свое вино? Или как?

Грегера взглянул на нее так, словно она прослушала какой-то важный момент.

— Речь идет об обсуждении, дорогая Эстер, о дискуссии. Вовсе не о конечном выводе. О, вот это здорово! — Грегера прибавил звук на приемнике. — Клифф Ричард...

Грегера принялся подпевать припев о том, что кто-то там с кем-то больше не беседует. Она тем временем осторожно прикрыла дверь и удалилась на свою половину квартиры. Эстер скользила нежным взглядом по полке с коллекцией пластинок. Пуччини, Верди, Штраус, Вагнер — она питала слабость к высокопарным произведениям. Но разве сама суть оперы заключена не в высокопарности? И в игре чувств, не подвергающейся цензуре. Она установила пластинку с «Паяцами» на круг проигрывателя, опустила иглу и прибавила звук. О, этот хруст, издаваемый иглой, попавшей в бороздку! В груди у Эстер разлилось приятное ощущение, какая-то юношеская неукротимость.

Она пересела на подоконник к своему остывшему кофе. Вдоль озера выгуливали детский сад, дети показались ей похожими на процессию пузатых карликов. Эстер улыбнулась, выпрямилась, облокотившись на подушку, и позволила увлечь себя вихрю скрипок.

Глава 2

— Открыто! — хриплым голосом отозвалась КП на стук Йеппе. — А, Кернер, это ты. Присаживайся!

Йеппе прикрыл за собой дверь, кивнул КП и сел на один из тех стульев из гнutoго бука, жесткость которых ощущалась даже сквозь самые плотные штаны.

Осторожно отодвинув в сторону пустую кружку с надписью «Бабушка», КП взялась за стопку бумаг. Проработав комиссаром полиции уже более двадцати лет, в сознании коллег она полностью слилась со своей должностью. В ее кабинете было уютно и чисто, так бывает на рабочем месте, со временем ставшем для сотрудника вторым домом. В углу стояла целая коллекция длинных бамбуковых удочек, устремленных тонкими концами в низкий потолок и свидетельствующих о приближающемся уходе на пенсию хозяйки кабинета.

КП глухо откашлялась, прикрыв рот локтем, и послала Йеппе обреченный взгляд, тем самым сообщая ему, насколько утомила ее проклятая простуда. КП всегда была решительной и отстраненно благосклонной, даже когда, как в данный момент, предпочла бы лежать под одеялом, то и дело прибегая к помощи назального спрея. Йеппе нравился ее стиль руководства, в то время как многие считали такую манеру оскорбительной. В действительности в подобные моменты благорасположения она строго придерживалась официальных отношений. И не стоило обольщаться ее добродушной внешностью, мягкими щеками и проникновенными карими глазами в обрамлении густых ресниц. Несмотря на то, что она была похожа на миленькую безобидную мышку, суть ее была скорее орлиной, чем беличьей.

— Ты выезжал минувшей ночью на место, где было обнаружено тело бездомного? В парк Эрстеда.

КП скорее утверждала, нежели спрашивала.

— Да. Лима 11 позвонил мне около трех часов, и я выехал немедленно. Поговорил с Ньюбо, сделал несколько снимков. Нам там делать нечего.

ПК нырнула носом в бумажную салфетку.

— Да, я в курсе. Патрульные, обнаружившие тело, уже предоставили отчет. После того, как бригада криминалистов закончила работать в парке, тело доставили в морг, где оно и находилось, пока сегодня утром представители судебной медэкспертизы не приступили к вскрытию. В целом, стандартная процедура.

— До тех пор, пока не выяснилось что-то не слишком стандартное, так понимать?

Их взгляды встретились.

— Ньюбо только что звонил. При вскрытии один из специалистов опознал умершего. Как ты знаешь, у него не было при себе удостоверения личности, но речь тут идет не о бездомном.

— Когда состоится вскрытие? — Йеппе посмотрел на часы.

— Оно уже началось. — Заметив намерение Йеппе возразить, КП пресекла его жестом. — Конечно, нас тоже должны были пригласить к столу, однако возникло некоторое замешательство, так как изначально все считали, что речь идет о бездомном, замерзшем насмерть. Трагично, но совершенно не подозрительно.

Она состроила сочувственную гримасу.

— Профессор Ньюбо был вынужден приступить к вскрытию незамедлительно, у него потом целый день дела в суде. Но он обещал встретиться с вами и доложить о результатах сразу после процедуры. Думаю, через полчаса они уже закончат.

Йеппе сокрушенно покачал головой. КП строго посмотрела ему в глаза, выразив тем самым солидарность с его неодобрением и вместе с тем дав понять, что больше не собирается тратить время на эту тему.

— Человеку, находящемуся на службе по восемнадцать часов подряд, можно простить ошибку в принятии решения.

КП повернулась в кресле на сто восемьдесят градусов и резко отодвинула серебристую жалюзийную дверцу архивного шкафа, после чего подцепила на верхней полке тонкую папку болотного цвета и положила ее на стол перед собой. Послюнив большой палец, она открыла папку и, вытащив из нее несколько фотографий, протянула их Йеппе.

— Вот. Извини за плохое качество. Я сама распечатала снимки, которые криминалисты прислали с места обнаружения тела, они не очень четкие. Может, те, что ты сам сделал, будут получше?

Йеппе покачал головой.

— Я фотографировал до того, как они перевернули тело. Давай взгляну на эти.

Зернистость изображения ничуть не смягчала дискомфортные ощущения, возникающие при взгляде на искаженное мужское лицо с открытым кровоточащим ртом и закаченными глазами. Лицо было худым, с высокими скулами, бровями вразлет и пухлыми губами. Точнее, тем, что от них осталось. Йеппе поднес к глазам фотографию крупного плана. Сложно было определить возраст умершего, так как кожа на его лице была гладкая, без единой морщины, если не считать сетку тонких линий вокруг глаз. Скулы угловатые, как у подростка. И все-таки это лицо не производило впечатление молодого.

— И кто же это? — недоуменно поинтересовался Йеппе.

КП выжидательно посмотрела на него:

— Скажи, неужели ты не в курсе? Ну ладно, признаюсь, я и сама не догадалась. Хорошо, что люди из команды Ньюбо чаще нас читают женские журналы. — С этими словами КП выудила из папки распечатку из Википедии.

— *Альфа Бартольди, родился 12 марта 1968 года в Фредериксхавне. Сын владельца бойни Йорна Бартольди Андерсена и художницы Марианны Бартольди Андерсен. — КП читала неуверенно, словно продиралась через меню узбекского ресторана. — В 1990 году закончил школу дизайна «Маргретесколен»...^[8] Эксперт по вопросам моды в «Вечернем шоу», член жюри многих конкурсов топ-моделей... Вот у кого следовало бы поинтересоваться, почему все модели обязаны быть тощими... Креативный директор в консалтинговой фирме «Фэшин Форум».*

— КП, прости, а почему я должен его знать? — спросил Йеппе.

— Ну это ведь настоящий король моды! Он принимал участие в телепрограмме, где оформляют дома всяких знаменитостей. Не то чтобы я сама постоянно смотрю такие передачи, но в определенных кругах он большой авторитет. — Брови КП синхронно взлетели на лоб.

— В каких кругах?

— В сфере моды, Кернер, среди молодых и красивых. — Она сочувственно улыбнулась ему.

Йеппе опустил взгляд на фотографии.

— Ты хочешь сказать, что этот человек работал в сфере моды? Да он похож на...

— На бродягу, да! Вот вы все так и решили, исходя из его... стайла. — КП произнесла это иностранное слово как-то коряво, обнаружив тем самым, что с английским языком она была на «вы». — Ведь сейчас модно выглядеть неряшливо. Потертости и рвань — хит сезона.

— Тогда, рискну предположить, он замерз насмерть не по чистой случайности? Раз уж между нами сейчас происходит этот разговор. — Йеппе не мог скрыть расстройства. Он вспомнил скрюченную тень на снегу. Уж лучше бы верным оказалось предположение Ньюбо.

— Конечно, сложно сказать на данном этапе вскрытия. Но на случайную смерть не похоже. — КП еще сильнее склонилась к столу, ее плечи коснулись ушных мочек. Лоб пробороzdила горизонтальная морщина. — Близкие уже проинформированы: родители, коллеги и лучшая подруга. Мать направляется сюда из Фредериксхавна, чтобы официально подтвердить верность идентификации. Но мы и так знаем, что это он. А также знаем, что вчера вечером он присутствовал на вечеринке по случаю Недели моды. В Геологическом музее, если говорить точнее.

— Почему вечеринку проводили именно там? Я всегда считал подобные мероприятия вполне гламурными.

— Кто ж знает? Очевидно, минералы сегодня тоже писк моды. Как бы то ни было, поздно вечером он решил покинуть праздник и направился по Эстервольд мимо Нёррепорт в парк Эрстеда, где его тело обнаружили. Он проживает на Вэрнедамсвай. Видимо, он решил пройти через парк по дороге к дому?

Йеппе потер лицо обеими ладонями и глубоко вздохнул.

— Показаний пока нет? От присутствующих на вечеринке? Информация от родственников?

КП дернула уголком рта, ей даже не требовалось трясти головой.

— Насчет состава команды что думаешь?

— Вернер, Сайдани, Фальк. Сколько человек можно взять?

— Фальк на больничном. Стресс. Можешь взять Ларсена. — Она с сомнением взглянула на Йеппе, прекрасно зная, что у того весьма напряженные отношения с молодым и бойким следователем полиции Томасом Ларсеном. — Команда из четырех человек — максимум, на что ты можешь рассчитывать в данный момент.

Йеппе нерешительно кивнул.

— Напиши, с чего предстоит начать расследование, я всех соберу и введу в курс дела.

КП бросила ему блокнот через стол. Пока Йеппе расписывал план работы, она снова раскрыла зеленую папку и вытащила оттуда сероватый картонный прямоугольник с серебряной надписью. Скользнув по прямоугольнику взглядом, она протянула его Йеппе.

— Вот единственное, что нашли у Альфа Бартольди. Приглашение на вечеринку. Криминалисты его уже исследовали, можешь трогать сколько хочешь.

Йеппе посмотрел на карточку:

= *LE STAN* =

приглашает Вас составить нам компанию
на вечеринке в честь предстоящего открытия недели моды Осень/
Зима

Зима

в 21:00, в среду 27 января

Геологический музей, Эстер Вольдгэде, 5

Просим подтвердить свое присутствие

по электронному адресу: press@lestan.com

— «Le Stan» — это дом моды, который организовал вечеринку. По свидетельству матери Альфы Бартольди, его лучшая подруга — это ее слова, не мои — работает руководителем пресс-службы в «Le Stan», так что с ней тоже необходимо побеседовать. Сегодня они проводят показ мод в здании мэрии.

Йеппе скептически посмотрел на КП:

— Показ мод сегодня? Разве они вчера еще не напраздновались?

— Очевидно, в крупных домах моды принято устраивать вечеринку и показ мод по отдельности. Ну, насколько я могу судить.

КП выдержала паузу и инстинктивно покосилась на чучело щучьей головы, которое висело над дверью на деревянной дощечке. Затем она протянула папку Йеппе.

— Держи, передаю это дело тебе. Как уже было сказано, отчет готов. Договорись о встрече с командой Ньюбо, он тебя ждет.

Взяв папку, Йеппе нехотя поднялся. Неудачное начало дела отбросило их назад прежде, чем они официально приступили к расследованию.

КП вытащила еще одну салфетку и высморкалась.

— Я предоставлю прессе основные факты и контакты на случай обращения свидетелей. А ты пришли мне вечером подробную сводку по делу, чтобы можно было завтра утром провести пресс-конференцию. Договорились?

— Да, спасибо.

— Тебе спасибо. Прикрой, пожалуйста, за собой дверь, холод зверский... — КП шмыгнула носом. — И кстати!

Йеппе остановился в дверях.

— Если куда-то поедешь, возьми с собой Вернер. Иначе она меня достанет. У дамочки синдром дефицита внимания. Хорошей охоты!

* * *

Яркие взрывы цвета на стенах, которыми Пер Киркеб украсил лестничный пролет в Геологическом музее, сопровождали тяжелый подъем Торбена Хансена на верхний этаж. Вокруг валялось полным-полно бутылок, пластиковых стаканчиков, соломинок для напитков, от луж исходил запах мочи. Вот что им позволялось! Проклятые представители индустрии моды, якобы интересующиеся искусством и архитектурой! А на самом деле им бы только наклюкаться до потери разума, и плевать они хотели на культурное наследие. В прямом смысле.

Обычно рабочий день в январе строился вокруг рутинных занятий: чистка снега, небольшая уборка, мелкий ремонт. Однако в эти дни надо было прибраться после вечеринки и привести в порядок обсерваторию, подготовить ее для наблюдения за лунным затмением, которое ожидалось во вторник вечером. Вообще-то обсерватория была закрыта для публики и не функционировала уже более шестидесяти лет, но руководство музея в предвкушении предстоящих событий приступило к продаже билетов на Ночь культуры и всякие астрономические явления. Людям нравилось сюда приходить. Когда обсерваторию открывали, перед входом всегда выстраивалась длинная очередь.

У нового куратора состояния зданий и сооружений музея появилось множество идей насчет того, как сделать Ботанический сад

более привлекательным и рентабельным. От этих планов исследователи из научных институтов, в том числе из Института Нильса Бора, чуть не рвали на себе волосы и ужасно нервничали. Однако все понимали, откуда ветер дует: ведь надо зарабатывать деньги. Юбки задираются для всех, кто платит.

Изрыгая проклятия, он выпрямился и, оторвав взгляд от этого свинарника, выглянул в окно. Вид на крыши города стал в свое время решающим для него. После долгих лет в провинции именно этот вид заставил его в прошлом году сменить работу, ради этого вида он просыпался каждое утро.

С холма, на котором располагалась обсерватория, высшей городской точки, Копенгаген выглядел прекраснее всего. В любую погоду золотые шары на башне Кристиансборга затмевали своим сиянием крест на церкви Богоматери, а с другой стороны наблюдателя приветствовала сказочная башня замка Росенборг. Даже зимой, когда городские башни невозможно было разглядеть в утреннем мраке, они неизменно присутствовали на карте города, существующей в его памяти.

Торбен взял в руки два мешка с пустыми бутылками и, следя за тем, чтобы остатки вина не капали на ступеньки, потащил их в подвал в комнату с мусором. Свет включился в «пистолетном коридоре» автоматически, и Торбен, как всегда, когда оказывался здесь, с упоением подумал об участниках Сопротивления, которые во время войны учились здесь стрелять. Эти мужественные люди имели перед собой цель и действовали решительно — вот настоящая жизнь!

Мусорные контейнеры снова завоняли, нужно будет связаться с коммунальными службами и попросить поставить замки на помещение для отходов. Торбен перевел дух, опустив мешки с бутылками на пол, а затем один за другим швырнул их в контейнер для стекла. Бутылки зазвенели, заглушив хруст в коленках, — прозвучало некое подобие древней заезженной мелодии. Он отыскал в подсобном шкафу ведро со шваброй. Выдавил немного коричневого мыла и налил до краев теплой воды, после чего, покачиваясь, поднялся по каменной лестнице на этаж с липким полом. Все провоняло выпивкой и деградацией.

Когда-то он и сам выпивал, но это было совсем не весело. Теперь зловоние вчерашнего праздника вызывало у него лишь отвращение.

Словно в липком налете, покрывавшем пол, застряли небрежно брошенные слова и гадкие поступки.

Он поставил ведро, обмакнул швабру в мыльную воду и принялся мыть пол.

* * *

Войдя в кабинет с двумя кружками кофе, Йеппе обнаружил, что Анетта снова полезла под стол, чтобы постучать по радиатору.

— Анетта, брось, это же центральное отопление. Сколько ни бей по батарее, тепла все равно не добьешься.

Анетта перестала стучать и высунула голову.

— Что хотела КП? Вы говорили про того бездомного?

— Который оказался вовсе не бездомным, а известным представителем мира моды.

— И который на самом деле умер не от мороза?

Она поднялась на ноги и взяла кружку с черным сладким кофе.

— Возможно. В данный момент Ньюбо проводит вскрытие, мы едем к нему. — Затем он поспешил предупредить коллегу: — И не смей жаловаться на плохую организацию рабочего процесса — прими как данность. По крайней мере мы выйдем из кабинета. — Йеппе проигнорировал разинутый рот напарницы и поспешил сесть за стол. — Что ж, приступим. Присаживайся, Анетта Вернер, а не то придется ткнуть тебя в колени, прямо в место старой хоккейной травмы.

Шутка заставила ее рассмеяться. Она села напротив, прилежно сложив руки на столе.

— Хорошо, с чего начнем?

Йеппе улыбнулся.

— КП созывает рабочую команду. Участвуем мы с тобой, Сайдани и Ларсен.

— Негусто.

— Это только начало.

— Что нам о нем известно? — Анетта надела очки для чтения и вытащила из сумки айпад.

— На данный момент лишь то, что выудила КП у его матери и из Википедии. Погибшего зовут Альфа Бартольди, коренной датчанин сорока восьми лет, проживает на Вэрнедамсвай в Старом городе. Работает стилистом и экспертом по вопросам моды, владелец консалтинговой компании «Фэшн Форум», в которой имеются ассистент и неоплачиваемый стажер.

— Слышала про Бартольди. Что известно о смерти?

— Вчера он был на вечеринке в Геологическом музее. Она началась в 21:00. В 1:54 патруль отдела Сити обнаружил тело в парке Эрстеда. О том, что произошло в этом временном интервале, ничего не известно. На данный момент нет ни одного свидетеля происходящих с ним событий после того, как он покинул вечеринку. — Йеппе отпил кофе — по мере остывания напитка все отчетливее ощущался привкус сухого молока. Он отодвинул кружку. — Нам предстоит выяснить, что произошло за эти пять часов, и опросить как можно больше людей, присутствовавших на вечеринке. Во сколько он ушел? Находился ли он под действием каких-либо веществ в момент ухода? Видел ли его кто-нибудь между местом проведения вечеринки и местом обнаружения тела? И так далее.

— Кто его ближайшие родственники? Он женат? — Анетта бесшумно заносила информацию в айпад.

— Одинок, проживает один. Насколько матери известно, возлюбленной у него не имеется.

— Домашнего животного тоже нет? — Она подняла взгляд.

— Нет. Родители живут в Северной Ютландии, братьев и сестер нет. Зато есть пропасть коллег и знакомых, которых нам предстоит допросить. Ну и гости с вечеринки, естественно.

Анетта сняла очки.

— Вообще, рановато, наверное, пока размышлять о взаимоотношениях преступника и жертвы? Что за мотив? — Она задрожала. — Как здесь холодно, черт возьми!

— До тех пор, пока нам не известны результаты вскрытия, бесполезно размышлять таким побытом.

— Каким копытом?

— Таким побытом. Подобным образом то есть.

— Почему бы так сразу и не сказать? Нет уж, с меня хватит!

Она нервно отпихнула стул назад, забралась под стол и вновь принялась стучать по радиатору.

Йеппе вздохнул про себя. Самым никчемным из всех никчемных дел было объяснять своей напарнице значение бессмысленного действия.

— Кто за что возьмется? — донеслось из-под стола.

— Сайдани проверит социальную среду Альфы Бартольди и все, что связано с вечеринкой. Раздобудет список гостей и свяжется с потенциальными свидетелями. Ларсен займется исследованием его личной жизни и материального положения, допросит родителей, хозяина, у которого он снимает жилье, соседей, осмотрит квартиру и так далее. КП сейчас нагрузит их работой.

— А мы что должны делать? — Выкрикнув свой вопрос, она застучала дальше, так громко, что едва ли смогла бы услышать его ответ. Иногда вести диалог с Анеттой Вернер было все равно что пукать в сырной лавке. Только зря напрягаться.

Йеппе подождал, пока стук прекратится и глаза Анетты покажутся из-под столешницы.

— Мы начнем с того, что поговорим с Ньюбо. Узнаем предварительные результаты вскрытия. Затем побеседуем с якобы лучшей подругой Альфы Бартольди — Марией Рингсмосе, которая по совместительству является еще и руководителем пресс-службы «Le Stan».

— «Le Stan», который организовывал вчерашнюю вечеринку?

— Да. В данный момент они занимаются подготовкой показа мод. Если я правильно понял КП, показ пройдет в мэрии — может такое быть?

— Мэрия является официальной площадкой для показа мод во время Недели моды, — без колебаний подтвердила Анетта.

— Откуда ты знаешь?

— Это же общеизвестно.

Анетта Вернер, женщина, полная сюрпризов.

Йеппе нажал на кнопку на наручных часах для дайвинга — дисплей тут же осветил полумрак кабинета.

— После этого начнем опрашивать свидетелей из числа присутствовавших на вечеринке — надеюсь, Сайдани предоставит нам их имена. Но для начала — судмедэкспертиза и мэрия.

— По рукам. — Улыбнувшись, Анетта поднялась с пола. — Мне как раз не помешает немного вдохновиться перед тем, как освежить весенний гардероб.

* * *

— Вам французский соус?

Круглолицый продавец поднял пластиковую бутылку в ожидании ответа. Миккель Хустед оторвал взгляд от электронной версии утренней газеты, которую он листал на своем смартфоне, и рассеянно кивнул, от чего мозг загрохотал внутри черепной коробки, а к горлу вновь подступила тошнота.

Было поздно. Накануне парни зашли в мастерскую после работы, и Миккелю удалось выставить их только в четыре утра после огромного количества выпитого пива и выкуренных джойнтов, гораздо большего, чем сейчас могло воспринять его сознание. Вчера это казалось замечательной идеей. Но только не теперь. Он проспал до одиннадцати, так и не успел побывать в душе, да еще должен был отремонтировать машину, прежде чем вечером возить по городу богатых и шибко умных.

Теперь же больше всего на свете ему хотелось улечься и заснуть. Или умереть.

— Пожалуйста! Приятного аппетита!

Он взял французский хот-дог, утомленный продавец не обратил никакого внимания на его кроткую улыбку. Миккель поплелся к столику у грязного окна, откуда открывался вид на заправку с бензонасосами. Он откусил кусок колбасы и принялся медленно пережевывать его, организм словно еще не был уверен, стоит ли в данный момент принимать фастфуд. Получалось что-то вроде бранча, нечто среднее между завтраком и обедом. Миккель рассмеялся сам с собой, от чего ему немного полегчало.

Две девочки из очереди в кассу обернулись и захихикали. Им было не больше семи-восьми лет — длинные конечности, дырки во рту от выпавших зубов. Такие малолетки вряд ли могут оказаться одни на заправке в северо-западной части города. Миккель осторожно огляделся — наверняка где-то поблизости пьет кофе отец девочек, —

но никого похожего на папашу не обнаружил. Они по-прежнему воровато оглядывались на него и забавлялись. Миккель ощутил знакомое подергивание в области диафрагмы, предвещавшее что-то приятное. Он скосил глаза к переносице и показал девочкам язык. Те радостно захохотали. Миккель широко улыбнулся — теперь он полностью завладел их вниманием.

Резким движением указательного пальца он закатал нижнюю губу вверх, отчего стал похож на оскалившегося деревенского дурачка. Девочки разразились звонким смехом, наполнив магазин жизнью и светом.

— Чем вы тут занимаетесь? Мы с отцом ждем вас в машине. Вы еще даже ничего не купили? — Невзрачная женщина в камуфляжном пуховике и уггах внезапно очутилась на пороге магазина. Миккель обратил внимание на подозрение в ее взгляде и снова уткнулся в телефон.

— Пойдемте! Мы уезжаем! Немедленно!

Мать затолкала девочек в машину под громкие протесты с их стороны. Преодолев соблазн оглянуться на малолеток, Миккель апатично отпил газировку из стакана. Он опять открыл онлайн-газету и принялся просматривать ее, не отрываясь от еды. Одна статья поразила его, он словно резко рухнул в воздушную яму, как самолет.

«Известный представитель индустрии моды Альфа Бартольди посетил пресловутую вечеринку, которую устроил «Le Stan» в Геологическом музее, впоследствии его тело было обнаружено в сугробе в парке Эрстеда. Старший следователь пока не раскрывает причину смерти. Полиция призывает к сотрудничеству свидетелей и тех, кто находился в районе Геологического музея в среду 27 января примерно с девяти часов вечера до двух часов ночи. Связь осуществляется напрямую со старшим следователем полиции по телефону 33141448».

Миккель ощутил, как хлеб с колбасой разбухает у него во рту и превращается в комок стекловаты, который стремительно вбирает в себя всю жидкость. Тошнота вновь несвоевременно подкатила к горлу гигантской волной цунами. Он выплюнул еду в мусорное ведро и как следует прокашлялся, не обращая внимания на взгляды окружающих.

Он предпочел никак не комментировать свое состояние.

Глава 3

— Да входи уже наконец!

Йеппе на мгновение замедлился на пороге кабинета профессора Ньюбо в Институте судебной медицины. Ньюбо пробарабанил пальцами по столу, тем самым сигнализируя, что он не может посвятить общению целый день. Его всегдашняя резкая манера поведения указывала на то, что у него постоянно имелось гораздо больше дел, нежели у людей, в обществе которых он находился.

Анетта уже вошла в чисто прибранный кабинет с видом на Фэлледпаркен. Вдоль стен залакированные металлические стеллажи ломились под тяжестью многочисленных журналов и профессиональной литературы, на подоконнике боролся за жизнь миниатюрный суккулент. Усевшись, Ньюбо жестом пригласил гостей занять места с противоположной стороны письменного стола из деревянного массива. Йеппе отметил, что гостевые стулья были ниже, чем офисное кресло хозяина кабинета. И он сомневался, что это случайность.

— Итак, Ньюбо, значит, он все-таки не бездомный нищий, а?

Приподняв бровь, Ньюбо взглянул на Йеппе и снова указал посетителям на стулья. Они сели. Что ж, вопрос был исчерпан.

Йеппе смущенно кашлянул.

— Понятно. От чего он умер? Наш модник?

Ньюбо пренебрежительно покашлял.

— Вообще-то, было бы гораздо проще, если бы вы присутствовали при вскрытии. Я очень занят, если вы еще не поняли. Через полчаса мне надо быть в суде. У вас есть десять минут.

Йеппе еле сдержался, чтобы не съязвить. Все равно делу этим не поможешь, да и Ньюбо уже не переделаешь.

— Можешь не вдаваться в подробности.

— В деталях кроется бог. — Ньюбо вытащил из папки какой-то документ. — Жертва — относительно здоровый мужчина сорока восьми лет. Все конечности на месте, видимые переломы и раны на теле отсутствуют. Присутствует полный набор зубов, которые восстановлены с помощью дорогих фарфоровых коронок. Рубец на

границе волосистой части головы, образовавшийся в результате как минимум одной операции по подтяжке лица, следы ботокса и рестилайна в кожных слоях лба, щек, губ и вокруг глаз.

— Девяносто процентов пластики, иными словами? — Анетту этот факт почему-то развеселил.

Нюбо продолжал зачитывать, не поднимая глаз от листа:

— Мы проверили жертву на наличие заболеваний, передающихся половым путем. Результаты будут получены после исследования образцов крови. Кое-какие признаки указывают на наличие у жертвы гепатита С и связанного с ним воспаления печени. Обычно это заболевание передается половым путем, в ходе переливания крови или посредством инъекции общей иглой. Обширные участки рубцовой ткани на печени указывают на то, что он жил с болезнью в течение нескольких лет.

— Наркоман?

— Очевидных признаков не выявлено. Даже если и так, это имеет второстепенное значение. — Нюбо выдвинул ящик стола и достал батончик мюсли, который немедленно открыл и принялся есть, немало не смущаясь процессом беседы. — Результаты анализов крови еще не готовы, но мы, естественно, проверяем кровь на содержание всех мыслимых наркотиков, алкоголя и так далее. Кофе будете?

Нюбо смерил их таким взглядом, что утвердительный ответ с их стороны оказался бы абсолютно неуместным. А потому Йеппе и Анетта вежливо отказались. Нюбо удовлетворенно кивнул.

— Ну да, сначала мы решили, что перед нами труп бродяги. Его одежда выглядела совершенно кошмарно — потертая и грязная, да к тому же и со следами жизнедеятельности.

— Что это значит?

— На одежде обнаружены следы мочи и эмеzis. Гематемезис. В общем, эмеzis довольно любопытный.

— Нюбо. Давай по-датски, прошу тебя! — Прибегнув к легкой улыбке, Йеппе попытался разрядить обстановку.

Но Нюбо ничего не заметил.

— Рвота! Его обильно вырвало на одежду, и рвота темная от крови. Это необычно.

— Кровавая рвота — о чем это может говорить?

Анетта принялась искусно имитировать рвотные позывы. Поистине поведение, достойное зрелой женщины, ничего не скажешь.

— Возможно, ретроградная перистальтика, то есть антиперистальтика, когда содержимое верхних отделов тонкого кишечника поднимается в желудок и далее в пищевод. Плюс — внутренние кровотечения. — Ньюбо закинул в рот последний кусочек мюсли и, с сожалением взглянув на обертку, выбросил ее в мусорное ведро.

— Обнаружены серьезные внутренние повреждения ротовой полости и пищевода и, как следствие, сильное желудочно-кишечное кровотечение. Необходимо дождаться рапорта токсиколога, прежде чем делать вывод о причинах таких повреждений, но мужчина явно проглотил какую-то агрессивно-разъедающую субстанцию.

— То есть съел или выпил что-то ядовитое?

Ньюбо поднял глаза.

— Да, можно и так сказать. Только не яд, медленно поражающий нервную систему или оказывающий парализующее воздействие каким-то иным способом. Он принял вещество настолько ядовитое, что умер почти сразу.

— О каком временном промежутке идет речь? — Йеппе сделал пометку в записной книжке: «быстродействующий яд».

— Максимум час между приемом вещества и смертью.

— Выходит, он съел или выпил это неизвестное вещество на вечеринке?

— Почти наверняка. На трупе в районе бедер обнаружены обмороженные участки, так что холод тоже сыграл свою роль. Он умер от сочетания факторов: разъедающее действие яда и обморожение тканей. По поводу яда мы получим разъяснения в токсикологическом заключении.

Ньюбо поднялся и проследовал в угол кабинета к старообразной кофе-машине. Налил себе в чашку кофе из колбы и, больше не предлагая гостям, вернулся за стол.

— Как можно на вечеринке проглотить что-то ядовитое? — Аромат чуть перегретого кофе встряхнул Йеппе.

Отпив небольшой глоток, Ньюбо задумчиво посмотрел в окно.

— Ваша задача как раз и состоит в том, чтобы это выяснить. Но равномерный характер поражений указывает на проглатывание отравы

в виде жидкости.

— Ему подсыпали что-то в напиток? Некачественный ананасовый сок в пина-коладе? — Анетта с надеждой уставилась на Ньюбо.

Ньюбо покачал головой.

— Ананасовый сок тут ни при чем. Мы взяли пробу рвотных масс и провели анализ на уровень pH. Значение превысило десять единиц, несмотря на высокое содержание желудочной кислоты. Это указывает на основную природу вещества. Вы должны понимать, что кислота и основание действуют на организм совершенно по-разному.

— И что это может быть?

Для загруженного делами человека Ньюбо был чересчур педантичен.

— Со всеми возможными оговорками я думаю, что пострадавший выпил некое сильнощелочное соединение, например, гидроксид калия. Это основание с чрезвычайно сильным прижигающим эффектом.

— Где оно встречается?

— Мы ответим на этот вопрос только после того, как вещество будет стопроцентно идентифицировано.

Ньюбо снова вскочил и похлопал себя по карманам — ему не терпелось поскорее распрощаться с посетителями.

— Ну, вот десять минут и истекли. Даже чуть больше.

Йеппе неспешно поднялся со стула.

— А может ли человек добровольно принять настолько агрессивное вещество?

— М-м-м... я бы счел это маловероятным, даже если пострадавший находился в состоянии алкогольного опьянения или под действием наркотиков. Само собой разумеется, ничего определенного сказать нельзя до тех пор, пока мы не знаем, о какой именно субстанции идет речь. Но жертве явно надо было выпить довольно большое количество этой жидкости, чтобы умереть. Не меньше стакана.

— Самоубийство? — Анетта тоже встала.

Ньюбо скептически пожал плечами.

— Интерпретировать результаты — ваше дело, и все-таки я настоятельно советую воспринимать эту смерть как убийство.

— Когда ты рассчитываешь получить заключение токсиколога?

Ньюбо демонстративно вздохнул.

— Обычно это занимает несколько дней, но в данном случае я попросил заняться анализом как можно быстрее. Возможно, к выходным.

— О'кей, спасибо, что уделил нам время.

Йеппе протянул ему на прощание руку, которую Ньюбо, направляясь к двери, предпочел не заметить.

Когда они вышли из корпуса Тайлума^[9], часы показывали полдень, но из-за пасмурной погоды казалось, что уже сгущаются сумерки. Голые кроны деревьев в Фэлледпаркен проступали на фоне зимнего неба. Йеппе и Анетта осторожно продвигались по ледяному тротуару вдоль улицы Фредерика V в направлении парковки.

Ох уж этот январь! Он жестоко лишает датчан света и тепла и всегда тянется дольше, чем хотелось бы. С каждым годом Йеппе укреплялся в мысли, что январь гораздо надоедливее ноября из стихотворения Нордбрандта^[10]. В ноябре по крайней мере можно предвкушать декабрьские излишества. А январь — не что иное, как пора лишений и пустой растраты жизненных сил.

Йеппе потряс рукой, чтобы часы заняли нужное место на запястье. Блестящие, массивные Suunto DX. Ремешок не должен плотно охватывать запястье, так объяснили Йеппе в специализированном магазине в Эксмуте, когда он, поддавшись внезапному импульсу, выложил половину своей месячной зарплаты за часы, которые способны показывать время на глубине 1200 метров под водой. Старые часы «Омега», которые Йеппе унаследовал от отца, но так и не привык носить, лежали дома в ящике. Они были не очень точные, постоянно отставали, теряя примерно одну минуту в сутки. Скромные часы для скромного человека. Они еще долго продолжали тикать в ящике после того, как Йеппе перестал их носить.

— Как ты думаешь, что с ним все-таки произошло? — Анетта явно запыхалась, несмотря на то, что они продвигались со скоростью улитки. — Как можно было сжечь себе пищевод на вечеринке дома мод?

— Как и не менее важно — зачем.

Йеппе почувствовал, как тротуар ускользает у него из-под ног, а в следующую секунду сильная рука Анетты поддержала его за локоть. Он благодарно кивнул коллеге. Проклятая стужа мешала телу сохранить не только тепло, но и человеческое достоинство.

— Лучше идем-ка, дедуля, на проезжую часть. Там хоть почищено.

Анетта со смехом потащила его за собой на дорогу.

— Может быть, там с наркотиками было что-то не то? Как там называется популярное сейчас жидкое экстази? «Кома в бутылке»... [11]

— В этой среде? Забудь! Видимо, кто-то все-таки подмешал отраву ему в пойло.

Йеппе то и дело подавлял в себе порыв вновь вцепиться в напарницу и передвигался, как страдающий от болезни Паркинсона старичок, не справляющийся с ходунками на колесах. Правда, без всяких ходунков.

Анетта добралась до машины первой и открыла дверь под громкое пиканье сигнализации.

— Кстати, насчет пищевода — может, пообедаем?

Ухватившись за ручку на дверце автомобиля, Йеппе выдохнул с облегчением.

— Я могу и потерпеть. Наверное, нам надо сначала поспешить в мэрию, чтобы побеседовать кое с кем из представителей мира моды?

Демонстративно посмотрев на часы, Анетта недовольно буркнула:

— Уж и подумать нельзя о том, чем бы я сейчас предпочла заняться.

* * *

Официант в жилете и с галстуком-бабочкой прошел мимо нее с полным подносом напитков, стараясь потупить взгляд, полный любопытства. Она привыкла к подобной реакции. Зато для персонала отеля «Нимб» ее посещение стало целым событием. Все-таки не каждый день самая что ни на есть настоящая ясновидящая осеняет овальный бар этого роскошного отеля чудотворным ладаном и священным пеплом.

Лулу Суй сдула с ладони щепотку порошка в направлении восточной части помещения, по крайней мере, она предполагала, что именно там находится восток, и пропела хвалу Дамбале, космическому небесному прародителю. Ее руки подрагивали, и это было неудивительно. Ей предстояло собраться с силами и провести обряд до

конца. Бар необходимо было подготовить к завтрашнему показу мод дизайнера Рольфа Токлума, очистить энергию. Если она откажется, поползут всякие слухи, которые люди с готовностью подхватят. А в слухах она совершенно не была заинтересована.

Официант снова прошел мимо, на этот раз и вовсе не скрывая любопытства. Она попыталась улыбнуться — губы пересохли, щеки окаменели. Он ответил ей флиртующей улыбкой и понес дальше свой поднос. Гибкое тело, облаченное в строгий костюм, туфли на шпильке — ее образ абсолютно не ассоциировался с ясновидением. Именно внешний вид принес ей популярность в индустрии моды и развлечений. Если бы она была дородной дамой в цветастых тряпках из полиэстера, едва ли выстраивалась бы такая длинная очередь, чтобы заполучить благословение на проведение всевозможных мероприятий. По крайней мере, из среды владельцев звукозаписывающих студий, дизайнеров и нуворишей.

В помещении запахло едой — мясом на гриле, насколько она могла судить. Компании, рассеявшейся на креслах с длинными спинками вокруг низкого столика, подавали обед — бургеры с говядиной и коктейли. Оттуда доносились смех и фразы на шведском языке. Это явно были представители мира моды, видимо, из какого-то агентства. Копенгагенская Неделя моды являлась лучшим поводом захватить с собой в командировку любовницу и праздновать напропалую.

Сделав глубокий вдох, Лулу Суй постаралась преодолеть пробежавшее по телу волнение. Обычно она первой бросалась в гущу празднования, особенно в темное время суток. Однако после того, что случилось накануне, о вечеринке следовало забыть. Ближайшие несколько дней ей предстояло провести так, чтобы не возбудить подозрений, и позаботиться о том, чтобы снова во что-нибудь не вляпаться. Ей было необходимо сконцентрировать всю свою энергию, сосредоточиться на том, чтобы не допустить ошибки.

К тому же дома ее ждал он. Что с ним делать дальше?

Она скинула обувь посреди просторной комнаты и очертила окружность правой рукой, развернутой ладонью вовне — она вела руку против часовой стрелки от лба к сердцу и далее. Глаза ее были полуприкрыты, разум освободился. Связь осуществлялась всегда одним и тем же образом. Поток энергии проникал в ее тело через

ступни и устремлялся к грудной клетке. Она управляла им исключительно концентрацией собственной воли. Она обменивалась энергией с универсумом. Для нее это было так же естественно, как плыть, едва оказавшись в воде, и отнимало примерно столько же усилий. Лишь немногие из клиентов интересовались ее методами. Большинству достаточно было знать, что она обладает сверхъестественными способностями. Умеет устанавливать контакт с субстанцией гораздо более великой, чем мы сами. Чем более загадочным и непостижимым выглядел этот процесс, тем лучше.

В настоящий момент энергетический поток оказался особенно мощным по причине приближающегося лунного затмения. Представители народности батаммариба, что проживает в Бенине, в свое время считали, что кровавая луна поднимается в небо в периоды конфликтов с солнцем и предвещает беспорядки и грядущие перемены на Земле. Сведение счетов с прошлым и новое распределение власти. Лулу Суй ощущала это очень остро — гораздо сильнее проявлял себя лунный магнетизм, влияющий на приливы и отливы и на женский цикл.

Она чувствовала, что по мере приближения затмения словно сгущается штормовой фронт. Грядет битва света с тьмой, добра со злом.

Только она не знала, какая сторона одержит победу.

* * *

Огромный грузовик был припаркован посреди площади перед копенгагенской ратушей. Рядом с грузовиком стояла молодая светловолосая девушка и угрюмо смотрела на стаи туристов и голубей, суесящихся под буквами «НЕДЕЛЯ МОДЫ В КОПЕНГАГЕНЕ». Пожилая женщина в мехах канареечного цвета и больших солнечных очках вешала что-то в камеру, укрепленную на штативе. Рядом две девушки в мини-юбках, несмотря на трескучий мороз, фотографировали друг друга на айфоны, рассматривали получившиеся кадры и продолжали фотосессию — руки на поясе, губы «уточкой». Видимо, у них в телефонах имелся специальный фильтр, который

исправляет цвет посиневших от холода коленок, прежде чем снимки попадут в ленту блога.

По залу ратуши суетливо сновала группа техников сцены в носках, они трудились над сооружением блестящего серого подиума, трамплином возвышающегося над пучиной зрительских кресел. Молодые женщины, с ног до головы облаченные в черное, с серьезным видом раскладывали на места таблички. Йеппе обратился к одной из них, спросив, где он может найти Марию Рингсмосе. За кулисами! Ответ на певучем американском английском последовал незамедлительно, при этом женщина даже не удосужилась оторвать взгляд от плана зала, который держала перед собой.

На небольшом пространстве за сценическим задником кишела толпа народу. Девушек красили, усадив перед ярко освещенными зеркалами; вдоль вешалок с одеждой всех возможных цветов выстроились модели, находившиеся на разных стадиях одевания. Худощавая темноволосая девушка, на которой из одежды значились лишь трусики, туфли на высоком каблуке и головной убор с перьями, обернулась ровно в тот момент, когда Йеппе проходил мимо, и продемонстрировала ему совсем маленькую девическую грудь. Никакой эротики в этом не было, ситуацию скорее можно было бы назвать неловкой, и то, видимо, только в восприятии Йеппе. Ибо все остальные присутствующие здесь люди воспринимали наготу как совершенно естественное состояние.

С противоположного конца помещения раздался свист — конечно же, это была Анетта, кому бы еще пришло в голову тут свистеть? Кто еще *смог* бы тут свистнуть? Йеппе направился к ней мимо вешалок, потупив взгляд.

Анетта разыскала молодую даму с айфонной гарнитурой хэндсфри, торчавшей в ухе, в широкой черной толстовке с надписью «Le Stan is for Lovers». И снова черный цвет. Для кого вообще предназначаются эти красочные тряпки, висящие на штативах, если даже люди, работающие в индустрии моды, ходят исключительно в черном?

Женщина посмотрела на Йеппе с выражением напряженного недовольства и, повернувшись к нему боком, продолжила говорить по телефону. С черными кругами под глазами она выглядела так, словно

только что плакала или не спала всю ночь. Возможно, справедливы были оба предположения.

— Это Мария Рингмосе, пресс-атташе компании. Она сейчас очень занята. — Анетта демонстративно показала пальцем на женщину, которая резко отдала в трубку последнее приказание на английском языке и разорвала соединение.

— Я прекрасно знаю, зачем вы приехали, и я готова поговорить об Альфе. Само собой разумеется. — Она говорила, понизив голос и блуждая взглядом по моделям вокруг. — Но именно сейчас не самый подходящий момент — через полтора часа начинается показ, ожидается около четырехсот гостей.

— А не уместнее было бы отменить мероприятие, учитывая все обстоятельства? — Вопрос Анетты прозвучал очень злобно.

— Вы представляете себе, сколько стоит организовать здесь подобное шоу? — Мария Рингмосе повысила голос. — Модели, VIP-персоны, представители международной прессы слетаются со всех концов мира, заселяются в отели, плюс — затраты на сценографию, команду визажистов, кейтеринг. И все эти деньги уже заплачены. Мы не такая уж большая компания и вылетим в трубу с такими затратами, если теперь лишимся продаж. В этом все дело. — На щеках у нее выступили красные пятна, глаза заблестели. Стянув резинку с обесцвеченных волос, резким движением она собрала их в небрежный пучок. Рядом возникла молодая официантка в черной униформе и с блуждающим взглядом, она держала поднос, уставленный бокалами с шампанским. На мгновение она приостановилась и протянула им дрожащий поднос.

— Сигрид, благодарю. Прекрасно, что вы приступили к разносу напитков. Убедитесь только, что хватит на всех. — С этими словами Мария Рингмосе взяла бокал, кивнув на поднос и Анетте с Йеппе. Но они отказались.

Мария Рингмосе пригубила шампанское, неуместным жестом пригладила волосы за ухом и сделала еще один глоток.

— Ваше здоровье! — Анетта саркастично улыбнулась.

— Послушайте, я раздавлена тем, что произошло с Альфой. Я с трудом могу концентрироваться на работе. Мы были друзьями в течение десяти лет. Минимум. Я в шоке. Мы все в шоке. — Ее голос охрип.

— Расскажите нам о нем немного. Что это был за человек?

— Прямо сейчас? — Она недоверчиво взглянула на Йеппе и, поняв, что он настроен решительно, демонстративно выдохнула. — Альфа забавный... то есть был забавный. Совершенно безумный человек, большой оригинал с абсолютно неистощимой энергией. Невозможно было предсказать, куда его занесет. И еще он был невероятно щедрым по отношению к нескольким самым близким ему людям.

— И кто же входил в их число? — Йеппе вытащил из кармана блокнот.

— В первую очередь его мама. Я.

— И все? Как насчет возлюбленных?

Она грустно улыбнулась.

— Их было множество! В основном совсем молодые мальчики, но редко эти отношения длились долго. В действительности Альфа был очень замкнутым, одиночка своего рода.

У нее зазвонил телефон. Часто моргая, она взглянула на дисплей.

— Заметили ли вы что-либо необычное на вечеринке? — Йеппе торопился задать вопрос, пока она не ответила на звонок.

— Ничего такого, что отличало бы ее от других наших вечеринок. — Она смущенно улыбнулась.

— Как долго вы общались с Альфой в течение вчерашнего вечера?

— Мы лишь обнялись, когда он пришел, а потом поговорили не больше пары минут. Сфотографировались для соцмедиа. Это было... да, конечно, это было довольно рано. Примерно в десятом часу.

— То есть вы не знаете, когда он покинул вечеринку?

— Нет. Я почти уверена, что позже видела его в баре, но ближе к одиннадцати или к двенадцати часам это было, сказать не могу.

— И как он вам показался?

— Абсолютно такой же, как всегда. — Она ухмыльнулась. — Довольный и воодушевленный, словно под кокой.

Она поводила пальцем по экрану телефона и развернула его к Йеппе с Анеттой. Словно ледяная рука нанесла Йеппе удар аккурат в солнечное сплетение. На снимке нарядно одетая Мария Рингмосе улыбаясь стояла между двумя мужчинами. Первый был — Альфа Бартольди. Второй — Йоханнес Ледмарк.

— А что делал на вашей вечеринке Йоханнес Ледмарк? — Голос Анетты прозвучал откуда-то издалека.

— Они приехали вместе с Альфой. Они часто появляются вместе.

Йеппе игнорировал взгляд Анетты. У Йоханнеса было огромное количество разных знакомых.

— Что происходило после того, как был сделан этот снимок? Потом вы еще видели Альфу? — Во рту у Йеппе пересохло, язык словно увеличился вдвое.

— Хм, нет. Там было столько народу! Большую часть вечера я развлекала основных зарубежных блогеров.

— Мария! МАРИЯ! Она здесь! — Крик пронесся по помещению. Мария Рингсмосе испуганно обернулась на молодого человека в черном костюме, который отчаянно жестикулировал в пяти метрах от нее. Она сорвала с волос резинку, пальцами расправила локоны, на мгновение нырнула лицом в рукав и оценила свой внешний вид, взглянув в зеркало, установленное над вешалкой с одеждой.

— Черт, переодеться я уже не успею! Я вынуждена вас покинуть. Приехала Кайтуре. — Бросив взгляд на их растерянные лица, она пояснила: — Кристина Базан. Блогер, у которой более двух миллионов фоловеров в Инстаграме. Мы заплатили огромную сумму, чтобы она приехала.

— Подождите! У нас есть еще несколько вопросов...

— Придется повременить. Сожалею!

— Мы можем встретиться с вами завтра?

— Да, только сначала позвоните. — Мария Рингсмосе уже начала удаляться. Отойдя на пару метров, она остановилась и быстро осмотрелась. — Скажу еще только вот что.

— Да?

— Вы спросили, кто был ему ближе всего. Если называть кого-то помимо меня и матери, то это Йоханнес Ледмарк. Они прекрасно знали друг друга. — Она слегка дернула плечами, не уверенная в том, что дополнение было важным. Затем отвернулась и ушла.

Йеппе вытащил телефон и набрал номер Йоханнеса, не обращая внимания на недоумевающий взгляд Анетты. Сразу включился автоответчик — телефон был выключен. Йеппе принялся искать номер Родриго, сожителя Йоханнеса, и пролистал его мимо несколько раз, прежде чем успел нажать на нужную кнопку.

Родриго ответил после первого гудка.

— Привет, Йеппе. — Родриго даже спустя много лет продолжал говорить с сильным акцентом, что всякий раз заставляло Йеппе невольно улыбнуться. Дьеппе.

— Родриго, извини, что я тебя отвлекаю, я только хотел убедиться, что Йоханнес дома. Наверное, все никак не проспится?

В трубке повисла тишина. Сердце Йеппе билось быстрее с каждой секундой молчания.

Родриго откашлялся.

— Нет, его нет дома. Он вчера был на вечеринке, до сих пор не вернулся. — Голос Родриго становился все тише с каждым словом и почти исчез к концу фразы.

Йеппе посмотрел на часы. Пятнадцать минут второго.

— Как это не вернулся? А где он?

Дни, когда считалось вполне нормальным объявиться дома после ночной прогулки далеко за полдень следующего дня, минули настолько давно, что Йеппе с трудом мог воскресить в памяти то время.

— Вообще-то я понятия не имею, где он.

— А, ладно. — Йеппе не любил приставать с докучливыми расспросами, сам же Родриго не предоставил никаких дополнительных сведений. — Попроси его перезвонить, как только он придет домой, хорошо? Сразу же!

Йеппе нажал на кнопку отбоя и положил телефон в карман.

— Он куда-то уехал?

— Судя по всему, где-то в городе. — Йеппе пожал плечами. — Так, а у нас тут подоспело дело для расследования. Давай приступим? — Йеппе говорил чересчур оживленно, но Анетту было не провести.

— Йоханнес исчезает, в то время как человек, сопровождавший его на вечеринке, обнаружен мертвым в сугробе?..

— Он скоро вернется домой, тогда мы побеседуем с ним и выясним, что произошло.

Анетта толкнула тяжелую дверь и вышла на холодную лестницу Ратуши.

— Как-то все это подозрительно выглядит.

Анетта была права. Это выглядело чрезвычайно подозрительно.

Глава 4

На зернистой видеозаписи Альфа Бартольди предстал на танцполе в обществе двух девушек, которые, широко улыбаясь, извивались вокруг него с затуманенными глазами. Мобильный телефон, на который был снят ролик, держала в руке одна из участниц трио. Хмельные и дерзкие, все трое пребывали в состоянии счастливой эйфории.

Ассистент полиции Сара Сайдани улыбнулась. Она уже давным-давно не распускала волосы и не напивалась. Она записала ники девушек из Инстаграма и продолжила просматривать фотографии и клипы, всплывающие на экране после набора в поле поиска @alphabarth и #lestanparty. Это был длительный процесс, по-настоящему кропотливая работа, от которой двоилось в глазах и ныла поясница. Однако из многочисленных инструментов, имеющихся в арсенале следователя, социальные сети являлись, безусловно, самым эффективным. Телефонные и банковские выписки, конечно, тоже приносили свою пользу, но потребность людей в хвастовстве и стремление быть признанными оставляли цифровые улики, которые тут же бросались в глаза, как разметка на взлетно-посадочной полосе аэродрома.

На одном из снимков Альфа стоял в окружении трех юношей в черных облегающих футболках, у них в руках было по подносу с напитками. Подпись под картинкой гласила: «Crew by beautifulpeople.dk». Сара Сайдани прокрутила вниз неиссякаемый поток изображений. И это она еще не бралась за Snapchat и Facebook.

Выпрямившись, она взглянула на часы в нижнем углу экрана. У нее была в запасе еще пара часов до закрытия школьной продленки, затем надо было забирать девочек. Коллеги отправились на выездные задания: Кернер и Вернер — в Ратушу, Томас Ларсен — в Институт судебной медицины, чтобы побеседовать с матерью умершего. Ее собственная часть работы по данному делу была четко обозначена с самого начала: социальные медиа, список гостей, возможные свидетели. Чисто офисная работа. Как всегда. Присутствующие на вечеринке гости, с которыми она уже успела пообщаться по телефону,

не смогли добавить к имеющейся информации ничего существенного, лишь то, что Альфа покинул праздник не раньше 23:30. Недавно в английском детективном сериале была одна сцена, когда целая команда следователей расселась перед многоэкранными мониторами и подробно изучала биографию подозреваемого. Она оглядела пустой кабинет. Единственное место в стране, где теперь можно увидеть крупные группы полицейских, это государственная граница. Четыреста штатных сотрудников занимаются ловлей контрабандистов и жалких беженцев.

А она сидела здесь в одиночестве, с ноутбуком, телефоном и нескончаемым списком людей, с каждым из которых предстояло связаться и расспросить о знакомстве с погибшим, а также заставить поделиться любыми наблюдениями в связи с состоявшейся вечеринкой. Если только начать думать о том, насколько абсурдно справляться с подобным заданием в одиночку, кабинет немедленно пропитается негативной энергией. К сожалению, сокращение кадров никоим образом не оправдывает народные ожидания в отношении роста раскрываемости преступлений. Совсем наоборот.

Сара не спеша скользила пальцем вниз по списку гостей и ставила крестик всякий раз, когда натыкалась на имя, фигурировавшее в подписях к снимкам Альфы на вечеринке. Имена, имеющие, по ее мнению, отношение к делу, она заносила в список лиц, подлежащих допросу. Она редко смотрела телевизор и не особо разбиралась в датских знаменитостях, но, несмотря на это, несколько имен бросалось в глаза. Баронессы, поп-звезды, всевозможные медиаперсоны; судя по всему, индустрия моды представляла собой фон, на котором каждому хотелось засветиться.

Сёрен Вести — это имя было ей знакомо. Бизнесмен в неизменной черной кепке и всегда с самодовольной улыбкой на лице. Сара нашла фотографии, на которых он был отмечен вместе с Альфой, всего две штуки. Одна, вероятно, была сделана у самого входа на мероприятие, так как сзади виднелась пресс-стена с отпечатанными названиями спонсоров. Мужчины стояли по бокам от дизайнера из «Le Stan». Все трое смотрели прямо в объектив, однообразно улыбаясь и демонстрируя публике белоснежные зубы. Вторая фотография была снята у бара и совершенно не являлась постановочной. Сёрен Вести разливал шампанское из бутылки магнум, а Альфа наклонился и

подставил язык под горлышко бутылки, как будто собирается похитить искрящиеся пузырьки, прежде чем они достигнут бокала.

В числе наблюдателей этой сцены Сара обнаружила Лулу Суй, ясновидящую, Рольфа Токлума, дизайнера, Йоханнеса Ледмарка, актера, и Кару Скривер, певицу. Фотограф запечатлел мгновение, озарив вспышкой темноту праздничного помещения, мимоходом бросив взгляд на безудержное веселье.

И все-таки в сцене этой присутствовала некая двойственность, на что Сара не могла не обратить внимания; что-то неестественное было в широко раскрытых хохочущих ртах, какая-то холодность во взглядах. Кажется, Сёрен Вести смотрел на Альфу чересчур напряженно. Возможно, он просто был недоволен неожиданно щелкнувшим затвором фотоаппарата. Или же Сара пытается присвоить сцене некий подтекст, зная, что несколько часов спустя Альфа будет обнаружен в снегу мертвым.

Полицейская база данных не предоставила никаких сведений о наличии судимости у кого-либо из присутствующих на фотографии; это почему-то тоже показалось ей странным. Сара внесла в список подлежащих допросу лиц пять фамилий и продолжила просматривать фотоматериалы. Однако через несколько минут она осознала, что не может сосредоточиться. Набрав в поисковике «Йоханнес Ледмарк», она пробежала глазами пару первых страниц заголовков. Это были ссылки на статьи в бульварной прессе и всевозможных утренних газетах — судя по всему, этот человек активно осваивал красную дорожку.

На фотографии с одной из театральных премьер Йоханнес Ледмарк предстал в обществе Кернера. Вот оно что! Кернер его друг.

Сара продолжала поиски. На большинстве снимков Йоханнеса Ледмарка сопровождал красивый темноволосый мужчина, которого не было на фотографиях с вечеринки. Избранник Йоханнеса. Она кликнула на одну из ссылок и очутилась на странице интервью с этой семейной парой, опубликованном в одном из женских журналов около полугода назад. Незадолго до этого они переехали в Вестebro и обосновались в квартире с грубо окрашенными половицами и множеством стильных акцентов в интерьере. Их достаточно зрелые любовные отношения содержали множество оттенков и нюансов, зачастую совершенно неожиданных для самих партнеров. Даже спустя

двенадцать лет им удавалось сохранить свежесть едва зародившихся чувств. Журналист осмелился даже назвать их любовь легендарной. Сара закатила глаза. Легко, наверное, дается эта самая легендарная любовь, когда ты богатый и бездетный.

Сара с раздражением закрыла статью. Ее собственный рациональный брак нельзя было назвать особо страстным, несмотря на то что обе семьи считали бывшего мужа Сары вполне современным мужчиной. Вообще-то, наверное, таким он и был, добрый милый Мидо. Только он так и не смог прижиться в Дании. Не сумев воспользоваться своим образованием биолога по причине трудностей в освоении языка, он был вынужден метаться между временными подработками в качестве уборщика и унижительными беседами в центре занятости населения и в итоге сломался. Она видела это в его темных печальных глазах, когда он встречал ее после работы.

Однажды весной во время прогулки к Кронборгу он прямо сказал об этом. Я хочу домой. Без всяких намеков и околичностей, вот так просто взял и сказал. Он никогда не спрашивал, поедет ли она с дочками вместе с ним. Спустя два месяца он уехал, и Сара осталась одна с Аминой и Мериэм. Развод оформили по Интернету. В марте исполнится уже три года с тех пор. Поначалу они часто общались по скайпу. Теперь связывались в основном, когда надо было обсудить подарки на дни рождения дочерей, да изредка справлялись о здоровье друг друга. Мать Сары сказала, что он женился. Она совершенно не скучала по нему.

Любовь — это совсем не то, что показывают в фильмах. И не та романтическая сказка, в существование которой заставляют нас поверить журналы. Любовь — это непонимание, разочарование от несбывшихся надежд и постоянные ограничения. Чувства, которые постепенно затвердевают, как застывающий стеарин.

Сара посмотрела в окно на снег, гигантскими хлопьями падающий на город. Сейчас она предпочла бы оказаться снаружи на холоде, чем сидеть в кабинете. Но кто-то ведь должен был проделать эту работу. Бросив последний взгляд на снежинки, она вернулась к монитору.

Мешки для мусора, средство для мытья посуды, рулон бумажных полотенец — обычные бытовые товары, ими пользуются все. На противоположном конце города магазинная тележка потихоньку наполнялась товарами повседневного спроса. К чему рисковать? Никто ничего не проверял — зачем? Умеренный темп, только не слишком быстрый, опущенная голова, шапка низко надвинута на брови.

Интересно, быть разъеденным изнутри — как это?

Возможно, чем-то напоминает изжогу, по крайней мере сначала, затем — боль в животе, вкус крови. Как Альфа Бартольди понял, что боль уже никуда не денется? Или он с самого начала осознал необратимость последствий, когда гидроксид натрия прогрыз себе путь из пищевода и желудка, попал в кровь и сожрал все на своем пути? Безмятежный, чуть ли не умиротворенный в своей жестокой медлительности.

А вот смерть Альфы никак нельзя назвать безмятежной. Неудержимая рвота, кровоточащая ротовая полость, прожигаемая едкой отравой. Вот мгновение, когда боль становится невыносимой, но он даже не в состоянии позвать на помощь. Паника во взгляде, первобытный страх человека, который понимает, что растворяется изнутри. Ужас.

Карма — все-таки замечательная вещь. Все зло, что мы посылаем во Вселенную — во имя эгоцентризма и тщеславия, однажды возвращается к нам и пожирает нас изнутри. Мы-то думаем, что сами выбираем, но судьба крепко удерживает нас на заранее предопределенном пути. Чем выше задираем мы нос к небесам, тем сильнее разочарование, когда внезапно оказывается, что дорога скатывается в бездну.

Альфа Бартольди задрал нос высоко. Он проявлял жестокость, бесцеремонно вторгаясь в жизни других людей, безразличный ко всему, помимо собственного насквозь фальшивого зеркального отражения. Неудивительно, что он был одинок. Возможно, людей привлекал этот харизматичный циник, они желали погреться в лучах его успеха, но никто не выдерживал его слишком долго. Ночные истерики, страх ожидания того момента, когда мир разглядит наконец его пустое сердце, — со временем все это начинает утомлять.

А вот и полка с чистящими средствами — синие и зеленые пластиковые бутылки с этикетками, предупреждающими о степени

токсичности содержимого. Вызывает локальное раздражение тканей! Обладает разъедающим эффектом! Высокая степень токсичности! Бутылка оказывается в тележке, не привлекая особого внимания. Никакой очереди у кассы — до вечернего столпотворения в магазинах еще есть время. Товары по очереди выкладываются на ленту. Сдержанная улыбка в адрес уставшей кассирши. Оплата наличными, пожалуйста. Да, будьте добры, пакет. Восемь коротких шагов мимо полок с рекламным товаром в направлении раздвижных дверей, к тротуару, посыпанному солью.

Пакет беззаботно раскачивается с каждым шагом. Скоро счета будут сведены.

* * *

Сорок пять минут. Именно столько просидел Йеппе в кафе у Озер в ожидании Йоханнеса. Часть времени он потратил на пересылку КП отчета с предварительными результатами, чтобы она подготовилась к утренней пресс-конференции. А затем просто сидел и неспешно потягивал пиво. Приятели, коллеги собирались компаниями, потягивали коктейли в расслабляющей обстановке и непринужденно смеялись. Пуховики громоздились на спинках стульев, из динамиков звучал инди-рок конца девяностых.

Йоханнес по-прежнему не отвечал на звонки. Выцедив из бутылки последнюю каплю пива, Йеппе беспомощно огляделся. Ехать домой совсем не хотелось, в нем созрела потребность поговорить с кем-нибудь здравомыслящим. Ох, как многое принимаешь в браке как данность!

Йеппе отыскал номер Эстер ди Лауренти и написал ей сообщение. Они с Греггерсом переехали в дом неподалеку отсюда, а он их еще не навестил. Она ответила немедленно, выразив удивление и радость, — конечно, они с удовольствием примут Йеппе у себя! От Йоханнеса так и не было никаких вестей, и, заплатив за пиво, Йеппе вышел из заведения и зашагал вдоль окрашенных в пастельные оттенки домов, выстроившихся на берегу озера.

Хельбак, Балслев, Андерсен... вот: Лауренти/Германсен, квартира на четвертом этаже. Нажав на кнопку домофона, Йеппе отступил на

шаг назад от темно-синей двери подъезда и запрокинул голову. Пеблинге Доссеринг — вовсе не плохая альтернатива частному дому на Клостерстрэде. Возможно, правда, тут не самое подходящее место для проживания двух пожилых людей. Поднимаясь по лестнице, Йеппе преодолевал по две широкие ступени за раз.

Когда он оказался на четвертом этаже, Эстер ди Лауренти уже стояла на пороге квартиры, ласково улыбаясь, а у нее под ногами крутились и таякали два мопса. Он направился к хозяйке, протянув руку, однако она тут же заключила его в объятия, какими удостаивала лишь тех людей, с кем ее связывали особые отношения. Минувшим летом дело об убийстве навсегда сплотило их.

— Как приятно тебя видеть, Йеппе. Давно мы не встречались! Ты прекрасно выглядишь!

— И вы тоже! — Йеппе поймал себя на том, что его ответная реплика не просто дань вежливости. Эстер и впрямь выглядела замечательно. Все такая же стройная, с прежней короткой стрижкой, только теперь на щеках ее пробился румянец, а в глазах появился блеск. Мягкая ткань абрикосового цвета очень шла ей, образ дополнялся массивным колье из слоновой кости.

— Ну-ну, тише, Докса, Эпистема, угомонитесь, он пришел в гости ко мне, а не к вам.

Йеппе с опаской обошел собак и прошел в квартиру вслед за Эстер. Меблировка полностью повторяла ту, что была в доме на Клостерстрэде: безделушки, привезенные из заграничных поездок, марокканские подушки и стеллажи, пестреющие сотнями книжных корешков. Очень по-женски, с легким налетом безалаберности. Однако здесь, где помещение оказалось светлее, а потолки выше, не осталось и следа прежней гнетущей атмосферы. Вроде бы весь интерьер остался прежним, но стал более упорядоченным и опрятным, оптимистичным и светлым.

— Вы уже успели прекрасно обосноваться. А какой вид! — Подойдя к окну, Йеппе не смог сдержать своего восхищения.

— Да, а днем даже еще приятнее. И я никогда от него не устаю. Тут всегда есть на что посмотреть. Ты кофе с молоком пьешь?

Они устроились на диванном уголке. Эстер разлила кофе в миниатюрные фарфоровые чашки и подала портвейн. Неплохая

альтернатива выпитому в одиночестве пиву. Йеппе чувствовал, как постепенно проникается умиротворением.

— Как у вас заживает челюсть? Или все уже в полном порядке?

Эстер печально улыбнулась. В результате побоев, которым она подверглась летом, у нее оказались сломаны челюсть и четыре ребра. Не так уж легко справиться с последствиями подобных травм в столь преклонном возрасте.

— Мне грех жаловаться. Челюсть почти как прежде, торс стал гораздо подвижнее. Скоро все восстановится. — Она отпила глоток золотисто-красного портвейна и удовлетворенно кивнула. — А у тебя как дела, Йеппе? Поездка удалась?

— О да, спасибо, это было... забавно. Австралия — дикое место. Я путешествовал с рюкзаком и палаткой, довольно примитивно. Как будто вернулся во времена своей молодости. — Йеппе улыбнулся. Несмотря на разницу в возрасте и тот факт, что они были знакомы всего полгода, отношения между ними установились такие, что самые сокровенные вещи доверялись друг другу совершенно запросто. — Моя поездка была животворной. Да, а еще я обзавелся там милой возлюбленной. По крайней мере, я до сих пор встречаюсь с этой девушкой.

— Как тебе повезло. Мне так отраднo слышать, что ты обрел утраченную веру в любовь. А скольким несчастным за всю жизнь так и не приходится испытать это чувство!

В ее искренней душевности таилось нечто такое, от чего Йеппе охватила щемящая тоска. Отзывчивость Эстер обнажила то, что лучше было бы держать скрытым.

Раздался стук в дверь, из коридора заглянул в гостиную Грегерс Германсен. Йеппе поднялся поприветствовать его.

— Добрый вечер, Грегерс, рад вас видеть. — Они обменялись рукопожатиями, старичок глядел на Йеппе с подозрением, словно понятия не имел, кто перед ним стоит. — Йеппе Кернер. Полицейский. Мы встречались...

— Благодарю за справку, но я ж не совсем идиот, а? Исключительно на основании солидного возраста не стоит приписывать человеку старческий маразм. Эстер, я пойду проветрюсь — тебе ничего не надо? Только к арабскому мяснику я не пойду, даже не проси.

— Нет, Грегерс, спасибо за заботу. Приятной прогулки тебе! Осторожнее на тротуарах, на улице гололед!

Грегерс сдержанно кивнул Йеппе и прикрыл за собой дверь. Йеппе вернулся на диван.

— Да, кажется, и у Грегерса тоже все по-старому.

Эстер рассмеялась.

— Наш Грегерс — это восемьдесят три года бесконечных обид, заключенные в одно-единственное тело. Но он стал мне замечательным товарищем. Я так благодарна судьбе за то, что мы обрели друг друга. Хоть какой-то положительный момент связан со всей этой жуткой историей... — Она улыбнулась, так что глаза почти скрылись в сети тоненьких морщинок. — Ну, Йеппе, что тебя терзает? Ты ведь пришел сюда так оперативно не ради пустой болтовни? — Эстер взяла кофейник и посмотрела на Йеппе, приподняв брови.

— Новое дело. Убийство произошло ночью. Тело обнаружили в снегу в парке Эрстеда. Один из друзей Йоханнеса. — Йеппе протянул чашку Эстер, не отказавшись от добавки кофе.

— Ты про Йоханнеса Ледмарка? Твоего знакомого?

Йеппе кивнул.

— Он был на вечеринке вместе с пострадавшим, почти до самой его смерти. А с тех пор его никто не видел. Он еще не вернулся домой, мы не можем выйти с ним на связь.

Эстер выглядела шокированной. Йеппе заметил, что она поспешила скрыть свою реакцию.

— А кто жертва?

— Подумать только, вы ничего не слышали? Информация уже прошла по всем СМИ... Альфа Бартольди. Король модной индустрии.

На этот раз потрясение невозможно было скрыть. Эстер обеими руками прикрыла рот.

— О боже, какой кошмар!

— Вы были с ним знакомы?

— Не очень близко. Мы несколько раз встречались благодаря моему другу Ивану, дизайнеру. Несколько лет назад Иван приглашал нас на вечеринку к себе домой.

— Каким он был человеком?

— Точно таким же, как на телеэкране. Резкий и громкий, стремился заполнить собою все пространство, но в то же время

веселый. Как жаль! Хотя он уже давно двигался в этом направлении.

— Что вы имеете в виду — в каком направлении?

— Ну, я, конечно, совсем не в курсе, при каких обстоятельствах он погиб. Но если его обнаружили в сугробе после вечеринки... Он употреблял наркотики и много пил на том вечере у Ивана. У меня сложилось впечатление, что так было не первый раз. Ты знаешь, есть люди, у которых прямо глаза светятся от тяги к саморазрушению. Таков был Альфа.

— Но, к сожалению, в данном случае речь не идет о саморазрушении. Кто-то ему помог. — Подобное утверждение являлось неосмотрительным со стороны Йеппе, но все равно в прессе скоро поползут слухи. Уж по крайней мере после утреннего брифинга КП.

— И ты переживаешь из-за того, что в этом оказался замешан Йоханнес?

— Да, — признался Йеппе. — А еще из-за того, что он все-таки допрыгался.

Некоторое время они пили кофе в тишине. Одним из удивительных качеств Эстер являлось умение замолчать, когда нечего было сказать, но при этом не возникало чувства неловкости. Йеппе обвел взглядом ее новую гостиную — образчики современного искусства и африканские маски, красочные глиняные изделия из Мексики и стопки бумаг, уже начавшие скапливаться в углах и на горизонтальных поверхностях. В какой момент наш дом превращается из временного функционального объекта в наше собственное отражение? Невозможно было представить себе жилище, больше похожее на Эстер, тут словно все стены были увешаны ее изображениями.

Хлопнув себя по бедрам, Йеппе встал с дивана.

— Пора мне двигаться к дому. Благодарю за кофе.

— И портвейн! — подмигнула Эстер.

— И портвейн. Само собой. — Йеппе улыбнулся.

— Йеппе, я всегда тебе рада, так и знай. — Эстер проводила его до двери и обняла на прощание. — Надеюсь, что нет причины для беспокойства. Наверняка он скоро вернется домой.

— Очень рассчитываю на то, что вы правы. Спасибо. — На пороге он замялся. — Скажите, вы пишете новую книгу? Или...

С таким же успехом он мог бы с размаху ударить ее по почкам. Взгляд ее похолодел, рот скривился. Он не успел даже извиниться за вырвавшуюся фразу, она лишь молча покачала головой и закрыла дверь.

* * *

— Вы являетесь шестой в списке ожидания.

Анетта Вернер немного отклонила спинку автомобильного сиденья назад. Видимо, ждать придется довольно долго. Будь прокляты врачи, дежурящие на телефонах! Причем ведь все равно толку будет ноль. Она сжала левую руку и по очереди расправила пальцы, чтобы прогнать сон. Глубоко вдохнула и попыталась успокоить бешеное биение сердца. По дороге домой ее вновь настигло. Анетту, которая всегда славилась железным здоровьем! Ее семейный доктор всегда шутил по поводу смехотворно низкого уровня холестерина у нее в крови и говорил, что такие люди, как она, оставят его без работы. «Только не забывайте пить витамины, Анетта!»

Повернув голову в сторону, она заглянула в окна собственного дома. Хольмеос, 14, Грече Стран. Он источал теплый свет в вечерней темноте и манил не хуже пряничного домика посреди дремучего леса. Она не видела Свена, но знала, что он там, всюю стряпает ужин. Наверняка блюдо чуть ли не весь день томилось на медленном огне, а как только она войдет в дом, Свен аккуратно выложит его поверх картофельного пюре, толченном на сливочном масле. Свен, милый Свен. Ее чудесный муж! Как он замечательно справляется с домашним хозяйством, распространяет вокруг себя чувство защищенности и благополучия и никогда не повышает голос! Серебряная свадьба не за горами, а он по-прежнему способен вызвать у нее ощущение порхающих в животе бабочек. Нежный и веселый, он заботливо ухаживает за ней и тремя бордер-колли, которых они завели вместо детей и к которым действительно относились как к собственному потомству. Как бы противоестественно это ни было для женщины, но она никогда не горела желанием иметь детей, и он принял в ней даже это.

— Вы являетесь шестой в списке ожидания.

Проклятие! Сейчас ей придется бросить трубку и отправиться к Свену, она не могла поступить иначе. А тонометр пусть пока полежит в «бардачке». Появление аппарата дома означало бы окончательное признание собственных проблем со здоровьем. А она не хочет заставлять Свена переживать.

Ожидая своей очереди, Анетта взяла айпад, чтобы просмотреть сделанные за день записи. *«Представитель мира моды обнаружен мертвым в парке Эрстеда, причина смерти: проглатывание жидкости, разъедающей ткани и органы, обстоятельства случившегося пока неизвестны. Подозрительный смертельный исход».*

Альфа Бартольди выпил какой-то яд, который его убил. Значит, кто-то должен был дать ему эту отраву. Стоит исходить из того, что ему намеренно причинили вред. Эти люди слишком зрелые для таких злых шуток. Никто из гостей вечеринки, с которыми до сих пор успела поговорить Сайдани, не заметил ничего подозрительного. Однако, возможно, фотографии с мероприятия что-то прояснят?

Сайдани выложила снимки из социальных сетей в виртуальную папку, общую для участников расследования: «Фото Альфы с вечеринки Le Stan». Всего 167 штук. Анетта открыла папку и начала листать. На изображениях мелькали Альфа и множество разных людей, битком набившихся в большое темное помещение с ярко расписанными стенами; красивые люди, стройные и ухоженные, в общей массе они выглядели старовато для своего стиля одежды. Мини-платья, высокие сапоги на шпильках, толстовки с надписями, легкомысленные бейсболки. Глаза в густом обрамлении темной подводки, неестественно розовые яблочные щеки, редкие улыбки.

На одной из фотографий Альфа стоял с бокалом в руке и беседовал с азиаткой, облаченной во все розовое. Он производил впечатление андрогина. Джинсы его были усеяны таким количеством дыр, что это создавало комический эффект. На барной стойке позади них выстроилась целая батарея стаканов с жидкостями всевозможных цветов, над ними колдовал тощий, как топ-модель, молодой бармен. Неужели кто-то и впрямь вынудил Альфу выпить яд, смешав его с газировкой? Йоханнес Ледмарк виднелся где-то на окраине кадра — он вел беседу с группой женщин, которые смотрели на него с таким придыханием, словно он представлял собой вожака пижонского, замаячившее в финале долгого и утомительного курса похудения.

Альфа же, казалось, смотрит сквозь азиатку, и все его внимание приковано к Йоханнесу.

Анетта вновь повернулась к светящимся окнам. Затем оставила попытки связаться с дежурным врачом и вошла в дом. Она записалась на прием к новому доктору на понедельник, оставалось надеяться, что до понедельника она не околет.

Открыв ленту новостей в Интернете, она обнаружила, что новое дело составляет чуть ли не все содержание ленты. Сенсация, это ясно. Очень удачный сюжет, два в одном — знаменитость и убийство. Здесь даже можно было не прибегать к кликбейту^[12], чтобы хорошо заработать на материале. «Босс из мира моды найден мертвым в снегу», — таков был один из заголовков. Анетта вновь почувствовала учащение пульса и выключила айпад. Спокойствие, глубокое дыхание. Просто добавилось немного стресса, или как это, черт возьми, еще назвать.

— Вы являетесь пятой в списке ожидания.

Анетта с раздражением отключила телефон, захлопнула за собой дверцу машины и поспешила к Свену.

Глава 5

Нет в мире ничего более печального, чем полузаброшенный дом, сохранивший воспоминания о былом оптимизме.

Не успев толком раздеться, Йеппе стоял в прихожей и смотрел на сад в упадническом настроении. Вон та слива через несколько лет впервые принесет долгожданный урожай. Террасу должны были достроить минувшим летом. В тепер пустующей комнате планировалось обустроить детскую. Дом представлял собой позорное свидетельство развалившегося брака и вызывал исключительно неприятные ощущения. Избавиться бы поскорее от этого дерьма, подумал Йеппе, вешая куртку на пустую вешалку.

Агент по продаже недвижимости предупредил о грядущем на следующий день визите клиентов, так что Йеппе предстояло привести жилище в порядок. Продать этот дом было не очень просто — граничащая с участком железная дорога отпугивала большинство потенциальных покупателей. Неудачное расположение, в этом все дело. Йоханнес так и не проявился. Йеппе снова позвонил ему, затем позвонил Родриго, но в обоих случаях наткнулся на автоответчик.

По углам скопились клоки пыли. Йеппе зашел на кухню, налил себе пива и проглотил кусок вчерашней пиццы, стоя перед открытым холодильником. Затем достал пылесос, с которым отправился на небольшой второй этаж. Надев наушники с звучащим в них альбомом Ло-Фанг «Blue Film», он принялся за уборку. Музыка вернулась в его жизнь с появлением Ханны. Она и помыслить не могла начать день без музыки, и Йеппе осознал, насколько тихой стала их с Терезой семейная жизнь за последние пару лет брака. Ни разговоров, ни музыки.

Он присел на корточки, предоставив пылесосному шлангу поглощать пыльный ковер под комодом от «Илва».

«It's not easy calming down this feeling, calming down this feeling»^[13].

Роли, которыми мы наделяем друг друга в браке! Чего уж тут удивительного, что мы костенеем в них и однажды утром просыпаемся с ощущением внутренней опустошенности? Именно этим Тереза

оправдывала свою измену, и теперь Йеппе начинал видеть в этом смысл. Нечто опасное есть в том, что ты все без исключения знаешь про другого человека.

Он выключил пылесос и отнес его вниз. Рюкзак еще стоял в прихожей вместе с туристическими ботинками и накренившимся спальным мешком. Вздохнув, Йеппе поставил пылесос на пол. Срочно в подвал все это барахло! Он закинул рюкзак на спину и приоткрыл дверь, ведущую на подвальную лестницу.

Хлоп!

Йеппе застыл. Даже несмотря на музыку, играющую в наушниках, ошибки быть не могло. Это был звук захлопнувшейся двери в подвал.

Он снял наушники. Замер и прислушался. Полная тишина. Так беззвучно может быть только в квартале частного сектора. Он слышал лишь громopodobные удары собственного сердца. Неужели ограбление? Его девятимиллиметровый ствол «Хеклер-Кох УСП Компакт» тихо-мирно лежал в Управлении, в комнате, специально предназначенной для хранения табельного оружия. Он прикинул, чем можно было бы воспользоваться в качестве оружия, осторожно снял рюкзак и проскользнул в кухню. Нож не очень подходил в данной ситуации, если, конечно, не хочешь спровоцировать кровавую потасовку. Сейчас лучше тяжелая сковорода.

Медленно и осторожно он начал спускаться в подвал по той стороне лестницы, где слабее скрипели ступени. В носках, с занесенным, как топор, чугунным сотейником, подаренным им с Терезой на свадьбу ее родителями.

Да нет тут никого. Видимо, то были галлюцинации.

И все-таки он был уверен, что слышал, как хлопнула дверь. Йеппе спустился с последней ступеньки. По-прежнему ни звука. Веяло прохладой, словно на сквозняке. Через носки он ощутил промерзший пол подвала. Вдоль стен проступали очертания пыльных полок. Сердце бешено колотилось в груди, он ощутил непреодолимое желание развернуться, добежать до машины и уехать отсюда подальше. Сделав глубокий вдох, он попытался успокоиться.

Не было никакого смысла продолжать стоять в темноте. Пошарив рукой по стене, он нащупал выключатель и включил свет. Подвал был пуст. Опустив сотейник, Йеппе подошел к двери. Никаких следов

взлома, все как всегда. На всякий случай он потянул дверь на себя. Она открылась.

Оказывается, дверь была не заперта.

На полу у порога намело снега. Значит, это были не галлюцинации, дверь не была закрыта на замок и хлопала от сквозняка.

Прежде чем покинуть дом, Йеппе всегда проверял все двери. И дверь подвала была заперта, когда он уезжал на работу. А теперь она открыта. Ключ, помимо него самого, имелся только у Йоханнеса.

Йеппе обошел весь первый этаж, везде включил свет. Никого. Проверил наверху, снова спустился вниз и, надев сабо, вышел в сад. Он был один. Перед входом в подвал с улицы виднелись следы на снегу, однако он сам туда спускался утром за лопатой для снега, так что, вероятно, следы были его собственные.

Видимо, сам и забыл запереть дверь.

Йеппе вернулся на кухню. Обрести прежнее ощущение безопасности оказалось не так уж легко. Облокотившись на стол, он взял бокал, полный еще прохладного пива. Он медлил.

Альфа выпил напиток, который растворил его внутренние органы.

По спине от копчика до самой шеи пробежали мурашки, отчего волоски, растущие выше горловины свитера, немедленно встали дыбом. Не успев как следует обдумать пришедшую ему в голову мысль, Йеппе выплеснул пиво в раковину и вышел в коридор. Надел куртку и ботинки. Надо поскорее убираться отсюда. Отыскав в кармане ключи от машины и направляясь к подъездной дорожке, он написал сообщение Ханне. От вороха мыслей мозг его кипел, порождая смятение.

* * *

«Dôme épais le jasmin, a la rose s'assemble, rive en fleurs frais matin, nous appellent ensemble...»^[14]

Родриго налил себе еще белого вина, уже третий бокал за последние двадцать минут, и оглядел гостиную их с Йоханнесом квартиры на Скюдебанегэде. Вино постепенно действовало, тем более что он так и не поужинал. В данный момент он жалел о том, что не

является любителем виски или коньяка; более крепкий напиток притупил бы чувства гораздо эффективнее, нежели «Грюнер Вельтлингер». «Дуэт цветов» был их общим музыкальным воспоминанием, «Лакме» была первой оперой, которую они слушали совместно во время первого романтического путешествия в Париж. Туда, где розы перемежаются с жасмином. Это было давным-давно. От того момента его отделяли десятков лет и целый континент.

В зеркале на стене спальни, богато обрамленном и чересчур большом — представители нестандартной ориентации любят такие зеркала, — отражались золотистая кожа и высокие скулы. Родриго ясно помнил звонок Йоханнеса после их первой встречи в Пэн-клубе^[15], когда тот признался, что наконец-то нашел пару карих глаз, в которые хотел бы смотреть всю оставшуюся жизнь. Спустя три месяца Родриго перебрался из Сантьяго-де-Чили в Копенгаген, и чувство влюбленности не поблекло ни разу за все двенадцать лет их отношений. Или он ошибался?

Он снова набрал номер и увеличил громкость на телефоне. Как замечательно они жили. Идеально. Все восхищались ими и их взаимной любовью, и не без оснований: двенадцать лет вместе и все еще влюблены друг в друга — ну разве не идеальны подобные отношения? Им было хорошо вместе, даже почти не приходилось искать компромиссы и подстраиваться друг под друга, они занимались любовью и веселили друг друга. Родриго был всем доволен. Но вот как насчет Йоханнеса?

Родриго не мог заставить себя признаться никому, даже Йеппе, в том, что Йоханнес пропал и раньше. Нечасто. Его длительные отлучки за время совместной жизни можно было пересчитать по пальцам. И все же такое случалось. Случилось и теперь. Йоханнес отправлялся на какую-нибудь вечеринку, стильно одетый, трезвый, в дверях дарил поцелуй на прощание и объявлялся дома лишь на второй, а то и на третий день. Он отключал телефон и был недоступен. Родриго обзванивал его друзей или колесил по улицам Копенгагена в поисках возлюбленного. Но в тайне от всех. Слишком стыдно было посвящать посторонних в семейные дела.

Всякий раз Йоханнес возвращался, толком не протрезвев, весь перепачканный, и заваливался в постель дня на полтора. Зато потом чувствовал себя очень виноватым и становился таким милым, что

нельзя было его не простить. Родриго всегда казалось это ничтожной ценой за то счастье и благополучие, которое Йоханнес принес в его жизнь. За исключением самых неприятных моментов. Хуже всего было ощущение, что Йоханнес исчезнет из его жизни. Что их взрослое и счастливое совместное бытие закончится. И тогда ему придется уйти и привыкать к свободе.

Родриго позвонил в очередной раз. Снова автоответчик. Он налил себе еще вина, поднялся, дошел до туалета и перед зеркалом сбрызнул заплаканное лицо ледяной водой. Буквально накануне Йоханнес подошел к нему после душа и на этом самом месте обнял его — их прекрасные нагие тела отразились в зеркале. Красивая пара. Родриго поднял сиденье унитаза, его вырвало: белое вино с желчью, слезы, слюна.

Когда-то давным-давно он был сильным парнем. Он жил у себя на родине в окружении родных, знакомых, говорил на родном языке. Ездил на пляж с друзьями, кузенами, одноклассниками. Поездка из Сантьяго-де-Чили до Плайя ля Вирген была такой долгой, что добравшись туда, компания оставалась там на пару дней. Спали прямо на пляже, рыбачили и готовили на костре. Пили. Пели. Целовались. Курили джойнты под звездным небом. В то время он знал, кто он такой, знал, на что способен. Никакого Йоханнеса, никакой Дании. Уверенный в себе чилийский католик-гомосексуалист, интеллигент, надежный товарищ. В высшей степени принципиальный идеалист.

Но принципы непоколебимы лишь до тех пор, пока их не подвергнут проверке.

Родриго прополоскал рот и направился напрямиком в угол гостиной, к столу с компьютером Йоханнеса. Преимуществом положения домашнего бухгалтера и ответственного за улаживание хозяйственных вопросов был доступ ко всем паролям. Не дав себе времени на раскаianie, Родриго набрал кличку их давно умершего английского бульдога и год рождения Йоханнеса, после чего на экране открылся виртуальный рабочий стол. Его совсем не мучила совесть, когда он открыл чужую электронную почту. Не было смысла просматривать профиль на Фейсбуке, ведь страницу вел агент Йоханнеса, который регулярно обновлял ленту посредством всяческих историй личного содержания и рассказами об очередных успехах. Йоханнес не любил

социальные медиа. Как типично для того, кому есть что скрывать, с тоской подумал Родриго.

Ничего странного в папке «Входящие» и в «Архиве». Корзина пуста. Йоханнес не имел привычки переполнять корзину, он стирал ненужную информацию немедленно. Родриго нерешительно открыл удаленные файлы iCloud, там хранились виртуально синхронизированные документы, удаленные с того или иного устройства.

Есть! От этих документов Йоханнесу не пришло в голову избавиться.

В первое мгновение Родриго испытал злорадство, быстро сменившееся печалью, от которой он едва не рухнул со стула. Вот и доказательство. Общение между Йоханнесом и Альфой, сокрытая до поры до времени беззастенчивая истина, которая, обнажившись, в одну секунду разбила вдребезги привычную жизнь.

* * *

Когда Йеппе, еще не вполне оправившись от охватившего его дома волнения, постучался в ржавую дверь на Стефансгэде, ему открыла Марджун, соседка Ханны. Взглянув на него безжизненными, никогда не улыбающимися глазами, она отвернулась, даже не поздоровавшись. По словам Ханны, у Марджун имелись проблемы в отношениях с мужчинами, но это не мешало ей быть лучшей на свете соседкой. Йеппе пересекся с ней всего несколько раз в прихожей или по дороге в ванную, но уже всюду испытывал к ней ненависть с оттенком какого-то необъяснимого детского страха.

Угрюмая лесбиянка Марджун любила только женщин, кошек и анархистов, а его воспринимала как воплощение мещанства, обветшалости и уродства. С каких это пор молодежь запатентовала молодость?

— Привет, Марджун, — сдержанно поздоровался Йеппе и проследовал за девушкой в небольшую общую кухню, выходящую во внутренний дворик. Марджун предпочла проигнорировать вопрос, как дела, после чего Йеппе поинтересовался, где Ханна.

Марджун махнула большим пальцем через плечо, тем самым дав понять, что Ханна находится в ванной, и продолжила откупоривать банку с кошачьим кормом для двух полосатых мохнатых существ, трущихся о ее лодыжки. Йеппе задержался на кухне, решившись прибегнуть к пустой болтовне.

— Разве не странно кормить говядиной своих кошек, а самой при этом быть веганом? Как вообще сочетается одно с другим?

Он понял, что потерпит поражение в этой дискуссии, едва собеседница открыла рот.

— Кошки являются хищниками, им по природе положено есть мясо, в отличие от людей.

Она раздраженно вывалила все содержимое банки в миску.

— Ох, это не совсем... — попытался возразить Йеппе, но девушка оборвала его на полуслове.

— К тому же веган тут твоя подружка, а я флекситарианец.

— Флекси-кто? Никогда прежде не слышал этого слова.

— Флекситарианец! Я не ем мясо ежедневно, но время от времени употребляю.

Хамские интонации в репликах девушки укреплялись, и Йеппе предпочел удалиться в комнату Ханны без лишних вопросов. Женщины двадцати с небольшим лет явно переоценены общественным мнением. Ханна — исключение, само собой разумеется.

Они повстречались в кэмпинговом лагере во Фримантле, симпатичном пригороде Перта, который является одним из самых удаленных мировых мегаполисов. Только ради этого стоило посетить Перт. Ханна была в обществе двух других студентов, Йеппе путешествовал в одиночестве. Они быстро нашли общий язык, как часто случается вдали от дома, когда невозможное становится возможным. Спустя несколько дней Ханна оказалась в его палатке, где и прожила до самого конца тура. Она была слишком молодой для него. Тут не поспоришь. И все же нечто романтическое было в том, чтобы отправиться на край света и встретить там девушку с Нёрребро, девушку с веснушками и с улыбкой, будившей блаженный трепет в его теле. На данном этапе Йеппе пытался перестать анализировать ситуацию; он решил просто наблюдать, к чему это все приведет в итоге.

Ханна появилась в комнате обернутая полотенцем, лицо ее обрамляли влажные крупные локоны. Красивая, молодая, еще не обсохшая после душа. Замечательное сочетание. Лучшее в мире средство от любого беспокойства, пускай и не слишком долговременное. Йеппе ощутил пульсацию в низу живота, когда привлек к себе Ханну и скользнул руками по ее спине к ягодицам. Вся сочность, вся упругость, что воспринимается совершенно естественной, когда мы молоды, куда девается это все потом? Испаряется, тратится на сложные биохимические процессы типа фотосинтеза, превращается в облака? Что происходит?

— Дай мне хотя бы высушить волосы. — Она, рассмеявшись, оттолкнула его. — И давай сначала хотя бы поговорим. Необязательно сразу трахаться. Будешь чай?

Последнее, чего Йеппе хотелось в данный момент, это чай. Да и не только в данный момент.

— Ну давай, почему бы и нет.

Ханна наклонилась вперед и обмотала волосы тюрбаном из полотенца. Ее гибкое тело все было покрыто веснушками. Она стояла перед ним совершенно голая и такая естественная, прямо как он любил. Йеппе встречал не так много женщин, которым было бы комфортно ходить голышом перед своим мужчиной. Она натянула хлопковые трусики, маленькую грудь скрыла под безразмерной футболкой и исчезла на кухне. Йеппе слышал, как она наполнила и включила электрический чайник, как что-то сказала Марджун, от чего обе прыснули со смеху.

Он сел на толстый матрас, лежавший прямо на полу, и снял обувь. Аккуратно сложил носки и по старой привычке разложил их по ботинкам. В теле по-прежнему ощущалось беспокойство, которое не торопилось отпускать его, похожее на остатки похмелья. Ханна появилась на пороге с подносом, на котором стояли два стакана с кипятком и лежали два чайных пакетика. Она закусилла нижнюю губу, как будто маневры с подносом требовали от нее большой концентрации.

— Послушаем музыку?

Не дожидаясь ответа, она открыла телефон, выбрала музыку и подключила портативный динамик. Пространство между ними заполнилось французским хип-хопом, настолько громким, что

поговорить вряд ли представлялось возможным. Закрыв глаза, Ханна раскачивалась из стороны в сторону. Ее ноги покрылись гусиной кожей.

— Как прошел твой день? На занятиях была? — Йеппе приходилось кричать, чтобы услышать самого себя. — Не замерзла? Может, оденешься?

Ханна села рядом с ним, уставившись на чайный пакетик в бокале, стоявшем перед ней, гладкий лоб пересекла морщинка. Йеппе внезапно почувствовал, что, кажется, чем-то разочаровал девушку. Он совсем запутался: чего она все-таки хочет — разговаривать или танцевать?

Молчание между ними затянулось, и Йеппе получил возможность вслушаться в слова рэпера, который, насколько он понял, решил покинуть этот мир по-самурайски.

— Ничего, если я сделаю чуть-чуть потише?

Ханна отвернулась и выключила музыку. Йеппе не смог сдержать вздоха облегчения.

— Спасибо. У меня был тяжелый день. Один из друзей Йоханнеса обнаружен мертвым в парке Эрстеда, сам Йоханнес пропал. Я жутко волнуюсь из-за него. На самом деле я очень рад тебя видеть. — Он принялся массажировать ей шею и сразу почувствовал, что Ханна снова расслабилась.

— Вообще-то я сразу заметила, что ты какой-то напряженный. Давай я тебя полечу? — Она мило улыбнулась. Похоже, буря миновала. В данный момент лечиться Йеппе хотелось примерно так же, как пить зеленый чай, однако ответить Ханне отказом можно было лишь ограниченное число раз подряд, иначе он рисковал впасть в немилость. Ханна погасила свет и зажгла свечу на подоконнике. Йеппе растянулся на матрасе и закрыл глаза.

— Сделай глубокий вдох, твои энергетические потоки слишком напряженные.

Йеппе глубоко вдохнул. На самом деле сейчас он больше всего нуждался в беседе. Они с Терезой всегда обсуждали прошедший день за приготовлением ужина и бокалом вина, этот отрадный момент являлся для него кульминацией суток. Йеппе старался лежать неподвижно и пытался получить удовольствие от процесса исцеления, однако с каждым прикосновением раздражение его нарастало все

больше и больше. Наконец, прочувствованно ахнув, он резко перевернулся на живот и схватил Ханну за бедра.

— Спасибо, это было прекрасно. Помогло мне расслабиться. А теперь иди-ка сюда! — Йеппе привлек юную возлюбленную и стянул с нее футболку. Раз уж им не удастся поговорить, он предпочитает заняться сексом. Теперь она даже не стала сопротивляться.

Она застонала, прежде чем он проник в ее мягкую теплую плоть. Йеппе смотрел, как она непристойно извивается — вовсе не этого добивался он своими предварительными ласками. Поведение Ханны нельзя было назвать возбуждающим его желание. Когда она села на него и откинула голову, издав звук, напоминающий ржание кобылы, он почувствовал, что охватившее его возбуждение идет на спад. Вечер обещал быть долгим.

Глава 6

Пятница, 29 января

Канаты тяжело вились на полу перед Сёренем Вести и гулко стучали всякий раз, когда он поднимал и опускал их. Раздался пронзительный свист, он отпустил канаты, поднял бутылку с водой и устремился к брусьям — там он подпрыгнул и принялся поднимать ноги к перекладине и плавно опускать вниз. Мышцы у него на руках закислились и едва не лопались от боли. Именно за этим он и пришел сюда, напомнил Сёрен Вести сам себе.

Тяжелый рок раскатисто надрывался в динамиках с целью дополнительно мотивировать кроссфитеров. Это была самая ранняя тренировка в Кёдбюене^[16]. Свисток прозвучал снова, Вести спрыгнул с брусьев, наспех промокнул лицо футболкой и начал выполнять на месте высокие прыжки из положения на корточках со сменой ведущей ноги. Последнее упражнение, предпоследний подход. Скоро он окажется в душе, вымотанный и обессиленный, намылит себя ванильным мылом, а затем с чувством выполненного долга облачит в костюм с иголки и отправится сначала в офис, а затем на вечерний модный показ и вечеринку.

На самом деле он уже устал от вечеринок. Во всех отношениях! Неофициальное начало Недели моды было положено еще во вторник вечером, когда под мостом Книппельсбро возник стихийный бар и, несмотря на холод, постепенно превратился в полноценную пати. В среду... ох, среду ему и вспоминать не хотелось.

Вести подбежал к канатам. Он испытывал легкое головокружение, но для данного этапа тренировки это было вполне естественно. Молодые парни и те подустали.

Краем глаза он покосился на собственное отражение в зеркале. Широкие плечи, сильные руки, которые обрушивали на пол тугие канаты, крепкие мышцы, звериная мощь. В детстве он был дохляком. Тогда он дружил с Эриком-Толстяком, вместе они переживали испытание под названием датская государственная школа. Годы, проведенные ими в Сольвангсколен в Фаруме, были отмечены ужасом

перед ежедневными унижениями, которым подвергали их старшекласники. Когда ты слишком мелкий или слишком толстый для своего возраста, лучше всего стараться быть незаметным, пусть даже это обрекает тебя на одиночество. Эрик-Толстяк и Сёрен-Заморыш научились особым образом передвигаться, ссутулившись и едва прикасаясь ступнями к земле, благодаря чему сумели чаще всего незаметно перебираться из одной классной комнаты в другую, предпочитая наименее людные коридоры и самые отдаленные дорожки, идущие вдоль школьной ограды. В те времена они мечтали о том, как станут взрослыми. Получат власть и деньги. Не то чтобы они имели представление о том, для чего им нужны эти вещи, но инстинктивно чувствовали, что именно с властью и деньгами связан для них выход из замкнутого круга.

Жизнь полна острых краев и слепых тупиков; если не проявлять должной осторожности, обязательно угодишь в один из них.

И вот он одержал победу. Теперь он стал сильным. Во всех смыслах. Когда ты финансово независим и физически силен, никто не сможет тебя одолеть. Вести привык внушать уважение, а иногда и страх. Ему нравилось и то, и другое. Он подбежал к брусьям, уцепился за перекладину, ощутив прилив энергии, и принялся поднимать и опускать ноги, не ощущая ни усталости, ни боли. Все дело в силе мысли.

Прежние школьные товарищи — или как их еще можно назвать, ведь они не были ему товарищами, — так и остались куковать в Фаруме. Наемные работники, ипотечные кредиторы, женины подкаблучники. Он же жил в Торбэке, ездил на «Ауди», заводил любовниц из среды топ-моделей. Развод несколько лет назад пошел ему только на пользу — он устранился, не теряя хладнокровия и сохранив более-менее пристойные отношения с бывшей женой. Она осталась жить на вилле с гигантским батутом в саду, а он купил и полностью переделал небольшой дом с видом на море. Отделка из массива ольхи, встроенная звуковая система, строгий минималистичный стиль. Дети приезжали к нему по выходным раз в две недели, и, несмотря на то, что ему, естественно, не хотелось упускать ничего стоящего, все-таки такой расклад вполне подходил ему. Гораздо проще быть хорошим отцом каждый второй уик-энд, чем ежедневно с утра до вечера.

И пускай его считали скользким и поверхностным, на здоровье! За глаза его называли алчным. Да, он алчный, черт возьми! Чистя зубы по вечерам рядом со своими толстозадными женами, они мечтали пожить его жизнью, он точно знал это. Но Вести не променял бы свою жизнь ни на что на свете! Он сделает что угодно, лишь бы сохранить все как есть. Без исключения.

Прозвучал свисток, и Вести рухнул на пол со вздохом облегчения. Он лежал и восстанавливал дыхание, кровь пульсировала в венах. Словно после хорошей дозы. Он прислушался к своему организму на предмет каких-либо признаков душевного волнения. Но нет, все спокойно. Накануне ему несколько раз звонили из полиции, и он понимал, что не избежит общения с полицейскими. Но он не боялся их, он вообще никого не боялся. У него не было абсолютно никаких поводов для беспокойства.

* * *

Йеппе так и не понял, что же именно его разбудило: голос Ника Кейва, доносящийся с кухни, или одна из кошек Марджуну, которая забралась под одеяло, чтобы откусить ему палец на ноге. Ханна ушла рано утром на встречу с научным руководителем.

Йеппе сел и размял шею, пару раз повертев головой из стороны в сторону, он пытался пробудиться и прийти в себя после ночного поражения. Стряхнув с одежды кошачью шерсть, он прошмыгнул в ванную комнату, чтобы наскоро обдать себя освежающей струей из душа. Не обнаружив никакого подобия полотенца, он вытерся собственной рубашкой, а затем втиснулся в одежду, балансируя на кончиках пальцев, чтобы не намочить ноги. Уже с порога в спешке поприветствовал Марджун и, не дожидаясь ответа, которого так и не последовало, побежал на «круг» ловить такси с намерением промчаться вдоль озер и добраться до Управления полиции.

Первое, что встретило его на месте, когда он в четверть девятого повесил куртку на вешалку у входа в отдел убийств и высморкал замерзший нос, был невыносимый шум. Казалось, будто в одном из кабинетов Управления многочисленная труппа театра «Стомп»^[17] репетировала новый номер с мусорными баками, заменяющими им

барабаны. Оглядываясь по сторонам, Йеппе пытался выявить источник звука. Внезапно открылась дверь кабинета Томаса Ларсена. Оттуда выскочил мелкий мужичок в термोकостюме с разводным ключом и обеспокоенным выражением лица, пробежал мимо Йеппе и скрылся на лестнице.

Проводив его взглядом, Йеппе вошел в кабинет Ларсена:

— Что здесь происходит?

Ларсен резким движением головы откинул челку со лба и устало улыбнулся Йеппе.

— Тут у нас босс. Ну, пытаются починить отопление. Шум, как в преисподней. — Ларсен демонстративно посмотрел на золотые часы, свободно опоясывающие загорелое запястье. — КП проводит внизу пресс-конференцию.

Если не считать юношеской заносчивости, откровенно говоря, довольно утомительной, больше всего в Ларсене раздражал его небрежный эгоизм, который окружающие замечали не сразу. Он относился к тому типу людей, которые никогда не оставляют чаевые. Не вешают новый рулон туалетной бумаги, воспользовавшись последним куском от старого. Такие люди выходят из-за стола в ресторане, оставляя после себя свинство, потому что кто-то ведь получает деньги за уборку. Йеппе сложно было иметь дело с Ларсеном.

— Не беспокойся, КП прекрасно справится и без меня. — В данный момент Йеппе был не в духе для провокаций. — Как дела?

— Отлично! Или, точнее, если уж говорить откровенно, я немного подустал. У меня появилась новая подружка. Двадцать пять лет, ездит на «Порше Бокстер 718». Занимается инвестициями. До чего дерзкая, жуть просто! Я уже говорил, что ей двадцать пять?

Йеппе выдавил из себя подобие улыбки и на мгновение задумался, стоит ли ему упомянуть о своей двадцатичетырехлетней подружке, но решил промолчать. Учитывая обстоятельства, сегодня тут особого повода для гордости не наблюдалось.

— Что с делом?

— А, ты про дело! — Ларсен сделал вид, что смутился, как будто он вовсе не желал похвастаться своей юной богатой пассией. — Я немного изучил его частную жизнь, но тут особо не за что зацепиться.

— В каком смысле? — Йеппе сел на край стола, игнорируя неодобрительный взгляд Ларсена, направленный на его брюки.

Неужели настроение может испортиться всего лишь из-за тряпки из N&M, попавшейся на глаза?

— Пострадавший проживал один, ни семьи, ни детей, ни домашних животных, если, конечно, не считать внушительной коллекции кактусов.

— Кактусов, — исправил Йеппе.

С безразличием во взгляде Ларсен продолжал:

— В данный момент в его квартире трудится команда специалистов из НЦК, однако, по предварительным данным, там все чисто, гладко и совершенно обезличено. Как в гостиничном номере. Его персональный компьютер передадут нам, как только они закончат обследование жилья, не позднее, чем в выходные. Они отправят его прямиком к Сайдани. Когда техники завершат работу, я лично отправлюсь в квартиру. А еще я назначил на вечер встречу с его подругой, Марией Рингсмосе.

— Прекрасно.

— Этот человек, похоже, был женат на своей работе. Вокруг него крутились исключительно коллеги. Стилисты, фотографы, визажисты и так далее. — Положив ногу на ногу, Ларсен провел рукой по волосам.

— Если конкретно, в чем заключалась его работа? Невозможно ведь зарабатывать на жизнь лишь тем, что ты знаменит.

— И тем не менее. Всевозможные ток-шоу, колонки в женских журналах, так называемое дизайнерское оформление модных показов. Я пока не успел объять всего, но он явно мастер на все руки. В высшей степени предприимчивый господин, все в пределах приличного и допустимого, особенно когда он выступал с собственными инициативами. При этом свою выгоду никогда не упускал.

— Бывают такие люди. — Йеппе не сумел сдержаться от саркастического комментария, но Ларсен, кажется, не понял намека. — А что с финансовым положением?

— Основную часть дохода он получал от гонораров за проекты, сущие копейки, если разобраться, по крайней мере до тех пор, пока он полгода назад не вложил по-крупному в серию средств по уходу за кожей под маркой «A-Skin». Вчера я допрашивал помощницу Альфы, она рассказала мне о проекте. Это было крупномасштабное

предприятие, которое, судя по всему, могло принести ему немалый доход.

— Я думал, для производства кремов нужно быть дерматологом или косметологом.

— Единственное, что требуется для запуска того или иного проекта, это имя. Громкое имя. Тогда продукция привлекает большое внимание и с самого начала хорошо продается. Производство разместили в Бангкоке, дизайн упаковки разрабатывал какой-то известный художник. Дело выглядело многообещающим. И все-таки минувшей осенью компания «A-Skin» обанкротилась, серия кремов так и не достигла массового потребителя. — Ларсен выдержал паузу и посмотрел на Йеппе. — Кредиторы потеряли вложенные средства, что повлекло за собой кое-какие... назовем это раздорами в индустрии моды и красоты. Он утратил свою популярность, если не сказать больше.

— Видимо, разногласия быстро были преодолены — ведь позавчера на вечеринке они развлекались все вместе. — Йеппе подавил желание зевнуть. Надо будет выпить кофе. Желательно покрепче. — Поставь меня в известность, когда появится новая информация! — Йеппе поднялся, похлопал попытавшегося отодвинуться Ларсена по плечу и отправился на свое рабочее место.

Сара Сайдани сидела на его кресле рядом с Анеттой, взгляд обеих был сосредоточен на экране ноутбука. В полной тишине они синхронно переводили взгляд по картинке. Стоя в дверях, Йеппе присмотрелся к Сайдани. Было бы неверно назвать ее красивой. По крайней мере, в классическом смысле. Ее нос был слишком горбатым, а кудряшки чересчур всклокоченными. Да она и не делала ничего, чтобы выглядеть привлекательно; одевалась в удобную мешковатую одежду, не красилась, не носила украшений. И тем не менее Йеппе всегда знал, если она находилась где-то поблизости. Как будто она посылала некий сигнал, который он не мог игнорировать. Сама же Сара никогда не показывала, что испытывает в его отношении нечто подобное. Возможно, в его глазах именно это придавало ей особый интерес. И еще тот факт, что она была невероятно талантливым сотрудником.

— Привет, Кернер, я и не заметила, что ты уже здесь. — Сайдани взглянула на него своими карими глазами. Облачность слегка

рассеялась.

Откинув голову назад, Анетта прищурилась сквозь очки, балансирующие на кончике ее носа.

— Сара рассказывает мне, что ей удалось обнаружить в социальных медиа, чтобы мы составили список персон для личного допроса. Я потом ознакомлю тебя с результатами. Если ты потрудишься закрыть за собой дверь...

— Но это мой кабинет!

— Ты не мог бы пока посидеть на месте Сары?

Йеппе хотел было возразить, но передумал. Он просто не сумел. Взяв из шкафа с архивами свой ноутбук, он вышел в темный коридор и направился к кабинету Сайдани. Вот поэтому вы всегда и выходите победителями, мымры несчастные! Потому что мы не снисходим до обсуждения какой-то ерунды. *Куда поставить новый комод? Во сколько забирать детей из школы? Займемся сексом в миссионерской позе или по-собачьи? Да это совершенно неважно, дорогая, сделаем, как ты хочешь!*

Йеппе включил свет в кабинете Сайдани и, с легким вздохом усевшись за стол, открыл ноутбук. Не успел он войти во внутреннюю систему обработки данных, как дверь распахнулась и в кабинет с грохотом ввалился миниатюрный рабочий, держа под мышкой тяжелый ящик с инструментами. Не удосужившись даже поздороваться, он опустил на колени перед радиатором и принялся дубасить по нему, грубо и настойчиво. Письменный стол завибрировал. Итак, раннее зимнее утро, новое расследование и господин рабочий прямым из ада.

Досчитав до десяти, Йеппе приступил к осуществлению профессиональной деятельности.

* * *

Звук ударившей по асфальту выхлопной трубы невозможно было ни с чем спутать. Проклятие! Значит, ему все-таки не удалось нормально закрепить ее. Это не так легко сделать, когда в твоей автомастерской нет ни ямы, ни подъемника. Сегодня он точно не успеет вернуть машину клиентке. Не забыл ли он записать ее номер

телефона, чтобы ей зря не приезжать? Надо проверить по возвращении.

Миккель Хустед заорал так, что задрожало лобовое стекло, и несколько раз ударил кулаком по приборной панели, после чего снизил скорость и повернул обратно к Нёрребро. Приходилось вынужденно завершать тест-драйв. Кондиционер тоже барахлил — как бы он ни крутил колесико регулятора, в салон дул горячий, словно из сауны, воздух.

Пошарив в нагрудном кармане фланелевой рубашки, он вытащил пачку желтого «Кингса»^[18] и даже успел прикурить, прежде чем вспомнил, что находится в чужой машине. Он опустил стекло и поспешно затянулся еще пару раз, прежде чем недокуренная сигарета полетела на Сёндре Фасанвай. Просто сегодня был не его день. Точнее, и сегодня тоже.

Абсолютно машинально он свернул на Смаллегэде и направился к ратуше Фредериксберга. Таким образом он делал крюк. Надо было продолжать движение по Фасанвай до самой станции Нёрребро, однако руки, лежащие на руле, судя по всему, не собирались его слушаться. Выхлопная труба царапала обледеневший асфальт, люди провожали недоуменными взглядами эту консервную банку с обливающимся потом водителем внутри. Окна запотели, так что ему вновь пришлось опускать стекло, впустив в салон морозный воздух и скептические взгляды. Он уже давно нормально не мылся — зимой в мастерской сложно было организовать что-то более серьезное, чем споласкивание тела наспех. А всего лишь два года назад немыслимо было не принять душ как минимум один, а лучше пару раз в день — утром перед занятиями и после спортивной тренировки.

Перед мастерской обивщика мебели он снизил скорость и покосился на окна квартиры на втором этаже небольшого розового дома. Ее дома. Он часто так поступал, а иногда ему везло больше обычного и он успевал заметить за стеклом ее силуэт. Точнее, так: возможно, ее, возможно, кого-то из ее родителей, за столь короткий миг нельзя было разглядеть. Неважно, кто именно это был, но от одного только вида стоявшей за окном фигуры на него буквально обрушивалось ощущение счастья, чтобы в следующую секунду смениться чувством полной безнадежности. Как молниеносная

посткокаиновая лихорадка. За одну секунду он успевал испытать блаженство и желание покончить с собой.

Он проезжал мимо витрины мебельной мастерской, она вышла из переулочка, ведущего в сад Фредериксберг. Рюкзак висел на одном плече, из-под вязаной шапки струились волосы, на ногах красовались сапожки с меховой оторочкой.

Девушки в зимней одежде всегда являлись его слабостью; улыбающиеся из-под шапки глаза поражали его прямо в сердце. Она почти не изменилась, разве что немного округлилась и, естественно, повзрослела, стала более зрелой. Она шла, приклеившись взглядом к тротуару, жизнь научила ее не поднимать глаза и не задирать подбородок. Это нравилось ему тоже. Она свернула во двор, а консервная банка двинулась дальше по Смаллегэде к дому Мёстинга. Он взглянул на нее лишь на мгновение. И все-таки взглянул. Любовь его к ней была столь же безмерна, сколь и злость на нее.

* * *

В животе у Йеппе урчало. Пропущенный завтрак полностью разрушал его способность сконцентрироваться, точнее, то, что осталось у него от этой способности. Он покинул кабинет Сайдани с разыгравшимся там шумным концертом и отправился в небольшую кухню отдела убийств. Он налил себе кофе, отыскал в холодильнике упаковку нарезанного ржаного хлеба и пачку масла и намазал бутерброд. Когда Йеппе вернулся, мастера уже не было. Оставалось надеяться, что он умер от перенапряжения.

Йеппе плюхнулся в рабочее кресло с тарелкой и чашкой в руках и попытался найти свободное место на столе. В результате он пристроил кофе и бутерброд на стопку каких-то явно ненужных бумаг. И как она только может работать в таком бардаке!

Пережевывая холодный хлеб, он подумал, что проблема в расследовании убийства подобного типа заключается в большом временном интервале между встречей убийцы с жертвой и наступлением смертельного исхода. Место обнаружения тела и место преступления тут не совпадают. Картина получается мутная и смазанная. Как можно было разыскивать свидетелей, если

единственным очевидным событием был тот факт, что жертва выпила некий напиток? На вечеринке. В окружении более трехсот гостей. В сообществе, где все друг друга знают и являются коллегами, где только что целовались при встрече, а потом всю ругаются.

Йеппе листал предварительные опросы свидетелей, с которыми на данный момент успела пообщаться Сайдани. Никто из них не заметил, что Альфа Бартольди плохо себя чувствовал, никто не видел его после того, как он покинул вечеринку, никто ничего не знал. Отпив кофе, Йеппе обнаружил, что он по ошибке налил себе какао. Вкус был неожиданный, но не сказать, что неприятный, и он продолжил пить. Им придется подойти к этому расследованию иначе, чем к остальным. Сосредоточиться не на свидетельских показаниях, но на мотиве преступления, посмотреть на ситуацию глазами убийцы.

Хотел бы преступник, выбравший столь продолжительный, мучительный, садистский способ умертвить жертву, наблюдать эту медленную смерть? Можно ли предположить, что он следил за Альфой после того, как тот покинул вечеринку?

Телефон зазвонил ровно в тот момент, когда Йеппе впился зубами в последний кусок бутерброда.

— Кернер.

— Доброе утро, это Ньюбо. Я не помешал?.. — Судя по интонации, в действительности патологоанатом не особенно беспокоился о том, что он мог кому-то помешать.

— Нет-нет, я завтракал, но как раз только что закончил. Какие у тебя новости?

— Мы по-прежнему ожидаем токсикологического заключения по итогам вскрытия тела Альфы Бартольди, однако у меня имеются некоторые предварительные данные, позволяющие с большой долей вероятности предположить характер принятого им вещества.

— Я бы очень хотел услышать твое профессиональное предположение. — Йеппе вытащил из сумки записную книжку. Позже, когда начнется выслеживание подозреваемого, этот блокнот превратится в журнал фиксации важнейших фактов. Вообще-то Йеппе не испытывал восторга от того, что по ходу работы ему приходилось делиться сведениями с другими, однако со временем привык к неизбежности такого положения дел. Не научившись быть участником команды, невозможно стать следователем.

— Ладно. Как тебе известно, в ротовой полости, пищеводе и желудке жертвы обнаружены химические повреждения, причиненные неким разъедающим веществом. Помнишь трагический случай, имевший место несколько лет назад в техникуме?

— Ну?

— Тогда несколько подростков, обучавшихся на каменщиков, заставляли друг друга пить газировку с известковым раствором. А известь эта чрезвычайно едкая. Один из парней умер.

— Ничего себе.

— Вот именно. Как раз мы проводили тогда вскрытие. И теперешнее дело во многом напомнило мне о том случае, так как повреждения горла и пищевода сейчас, как и в тот раз, гораздо сильнее, нежели желудка. Этот факт может указывать на то, что поглощенная жидкость была щелочью и желудочная кислота в некоторой степени нейтрализовала ее. Ты следишь за мыслью?

— Да-да.

Почему же медики априори считают жутко бестолковыми всех, кто не относится к их числу? По крайней мере, так считал Ньюбо.

— Одним из наиболее сильных щелочных растворов, который широко применяется и легко доступен, является средство для прочистки стоков. В нем содержатся такие большие концентрации гидроксида калия и особенно натрия, что даже сравнительно небольшая доза способна вызвать сильнейшие ожоги.

— Какова критическая доза?

— Хм, миллилитров двести. Возможно, меньше. Все индивидуально, может зависеть от содержимого желудка, например.

— Но разве вкус не покажется странным?

— В отличие от прочих агрессивных чистящих средств, хлоросодержащих, например, средства для прочистки труб достаточно нейтральны в отношении запаха и вкуса. Если смешать его с сильно пахнущей и имеющей внятный вкус жидкостью, получится раствор, который большинство людей выпьют, ничего не заподозрив.

— Если, например, смешать с каким-нибудь алкоголем?

— Ну да. Или с какао на молоке. Или с каким-нибудь фруктовым напитком. Только не со свежим соком. Иначе кислота нейтрализует гидроксид натрия, по крайней мере в некоторой степени.

— А разве человек сразу же не почувствует боль? Прямо как только проглотит?

— Совсем не обязательно. А уж тем более не в том случае, если он уже находится в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Амфетамин, например, заглушает боль. Мы можем предположить, что жертва употребила нечто подобное? Естественно, токсикологическое заключение ответит нам на этот вопрос, когда...

— Запросто можно допустить такое.

— Скорее всего, жертва поначалу ощутила дискомфорт, что-то типа изжоги, если хочешь. Проблема заключается в том, что вместо того, чтобы обратиться за помощью, этот человек, судя по всему, ушел с вечеринки. — Голос Ньюбо вдруг зазвучал издали, как будто он продолжал говорить, одновременно занимаясь своими делами на другом конце кабинета.

— У нас нет ни одного свидетельства, что он почувствовал себя плохо и попросил о помощи, прежде чем уйти. Но в какой-то момент между 23:00 и 01:00 он ушел, ни с кем не попрощавшись. Никто не заметил этого, никакого гардеробщика там не было, так что мы даже не знаем, во сколько точно это произошло.

— В конце концов поглощенная жидкость убила его. Худшее, что можно сделать в такой ситуации, это вызвать рвоту, так как, выходя обратно тем же путем, ядовитое вещество нанесет еще больше повреждений. Вот, а потом он еще и рухнул в снег и сильно переохладился.

— Так все-таки он умер от того, что выпил средство для прочистки стоков?

— Таково мое заключение, да.

— Кто вообще решится убить человека с помощью чистящего средства? Какой-то не стопроцентный метод.

— Ты ошибаешься. Если выбрать правильное средство, оно может быть чрезвычайно эффективно для подобных целей. К тому же его можно приобрести в любом супермаркете меньше чем за двадцать крон. Я даже не побоюсь сказать, что правильно подобранное чистящее средство — идеальное орудие убийства.

— То есть перед нами предумышленное убийство? Выходит, так?..

— Притом чрезвычайно гнусное, если хочешь знать мое мнение.

Глава 7

— О, принцесса Интернет, сделай то, что тебе лучше всего удастся! С кого начнем допросы? — Анетта подвинула к себе компьютер Сары Сайдани и прищурилась. Очки у нее были все в жирных пятнах, но она не собиралась их протирать.

Сара открыла на экране фотографию, на которой Альфа Бартольди подставил язык под бутылку с шампанским, развеселив тем самым окружающих.

— В первую очередь надо связаться с присутствующими на этом снимке. Они также часто фигурируют в Инстаграме и, похоже, большую часть вечера крутились рядом с Альфой. Сёрен Вести, — она ткнула в мужчину с убранными под черную бейсболку волосами, — Лулу Суй, Рольф Токлум, Кара Скривер и Йоханнес Ледмарк.

— Который так и не объявился.

Они молча переглянулись. Скоро им придется объявить его в розыск. Когда кто-то исчезает в связи с делом об убийстве, совершенно непозволительно надолго оставлять этот факт без внимания.

— Как там зовут остальных? — Анетта пощупала волосы на макушке в поисках очков, прежде чем обнаружила их на кончике собственного носа.

— Рольф Токлум, дизайнер. Сёрен Вести.

— А девушки? Одна из них певичка, ее я как раз знаю. Кара Скривер. А как зовут вторую? Какая-то там хулубулу...

Сара Сайдани строго посмотрела на коллегу.

— Вторую зовут Лулу Суй, ясновидящая целительница.

Анетта ответила Сайдани скептическим взглядом. Лулу Суй. Что за несуразные имена у людей, работающих в этой отрасли?

— И что нам о ней известно?

— Секунду, сейчас найду ее. Лулу... С-У-Й. — Сара набирала имя на клавиатуре, произнося буквы вслух.

— Ху-лу-бу-лу. — Анетта фыркнула и ткнула Сару локтем в бок. Та оставила этот жест без комментариев.

— Ага, вот она. Та самая девушка, что распространяет благодетную карму перед открытием очередного ночного клуба. В

общем, прорицательница и целительница на службе у джетсеттеров^[19].

— Никогда о ней не слышала. Вот эта вот миниатюрная брюнетка? Да ей не дашь больше пятнадцати лет! — Анетта приникла к экрану. Вполне возможно, она все-таки скоро сподобится протереть очки.

— Видимо, благостная карма помогает ей сохранить молодость.

— Ха!

— Весьма активно пользуется Инстаграмом, почти ежедневно размещает фотографии в сопровождении подробных пояснений. — Сара напечатала что-то на клавиатуре. — Вот послушай, что она написала в среду днем, причем по-английски: «Если вам кажется, что ваша жизнь зашла в тупик, и вы не знаете, что предпринять, уверенно прыгайте навстречу будущему, отдайтесь на милость неизвестности...»

— Что за бред! И почему она пишет по-английски?

— Наверняка у нее полно иностранных клиентов.

— Эта индустрия начинает действовать мне на нервы. Как вообще кто-то может постоянно крутиться в этой отрасли?

— У нас-то в полиции ведь все замечательно, правда?

Анетта покачала головой:

— Мы, по крайней мере, иногда выходим подышать свежим воздухом, этим людям тоже не помешало бы... что ты еще нашла?

Сара Сайдани, которая давным-давно не имела возможности подышать свежим воздухом, жестко ударив по клавиатуре, вывела на экран новую фотографию. Альфа стоял на переднем плане вполоборота к фотографу и пил из бокала прозрачную розоватую жидкость с кубиками льда. Возможно, это и был тот самый роковой бокал.

— Я переслала увеличенное изображение криминалистам, только не уверена, что это будет полезно. — Сара ненадолго увеличила масштаб, затем вернулась к нормальному режиму просмотра. — Когда будет время, я еще займусь проверкой персонала, обслуживающего мероприятие. Они наняты в бюро «Beautiful people».

— А кто там на заднем плане? Все размыто. — Она сняла очки и не очень тщательно протерла стекла рукавом.

На втором плане на танцполе стояла Лулу Суй в обнимку с рослым мужчиной. Его лоб покоился у нее на плече, руки безвольно

повисли. Казалось, что в вертикальном положении он держится исключительно благодаря Лулу Суй. Мужчиной этим оказался Йоханнес Ледмарк.

Анетта почувствовала, как кожа съеживается на шее, ощутила прохладный ветерок, заставивший ее голову непроизвольно дернуться.

— Она тоже в списке на допрос, гадалка эта? Есть ее телефон и адрес?

— Тоже. — Сара продолжала печатать. — Я послала тебе мейл с контактами Йоханнеса Ледмарка, Сёрена Вести и Лулу Суй. Хм, Эстерсёвай, 2150 Рыболовецкая гавань — такое впечатление, что она живет в поселении хиппи в Нордхавнен.

— Объясни мне, что, черт возьми, это за люди такие? Я лично куплю хот-дог первому представителю индустрии моды, который проживает в Ванлесе и назвал своих детей как-нибудь по-простому — Томас и Рикке, например!

— А как там ваших псин кличут? — Сара задала вопрос, не отрывая взгляда от экрана. — Кажется, Хенир и Тор, а третью?

— Не надо этих масляных усмешек, принцесса. Тут скандинавская мифология, это другое дело. К тому же мы-то живем на Грэве Стран. В частном доме. Без всякого снобизма, слышишь!

Отхлебнув чаю из чашки, Сара Сайдани улыбнулась и вновь обратилась к компьютеру.

* * *

Стекла в небольшом фахверковом домике, служившем пристанищем для смотрителя обсерватории на Эстервольд, как всегда, запотели из-за плохо циркулирующего воздушного потока от тепловентилятора. Дом был в плохом состоянии; вследствие отсутствия какой бы то ни было теплоизоляции его невозможно было прогреть в наступившие холода, но Торбен Хансен был неприятным человеком с весьма скромными потребностями. Не снимая куртки, он поставил кипятиться воду и достал пластиковый контейнер со стаканчиками лапши быстрого приготовления, это был его любимый обед в зимние месяцы. Пока вода закипала, он обошел дом и подобрал грязную посуду и одежду, которую дочь бросала на

пол по дороге в ванную и из ванной. Маленькие островки безопасности. Он не возражал против них.

Сигрид еще спала, и он старался делать все как можно тише, чтобы не разбудить ее, свою давно выросшую маленькую девочку. Куда уходит время? Жизнь — всего лишь поток воздуха, который легко подхватывает человека и уносит куда-то вдаль. Одно дуновение, и вот человек уже снова одинок. Он начал потихоньку свыкаться со своим положением, возможно, даже ценить его. Одному жить проще, во всяком случае проще, чем в семье.

Не то чтобы у него был выбор.

Торбен залил лапшу кипятком, добавил прилагающиеся специи и масло и принялся размешивать, медленно и осторожно. Он тяжело опустился на стул рядом с небольшим кухонным столиком и вытянул вперед ноги, чтобы не чувствовать боли в коленях. Вот и Альфу Бартольди сдуло. Вынесло за пределы жизни. Он успел прочитать сегодняшние газеты, внимательно пересмотрев каждую статью, каждый некролог и ощутил какой-то дискомфорт в теле, волнение, которое не посещало его вот уже лет пять.

Подув на суп, Торбен аккуратно отпил из стаканчика. Заставил себя отбросить неприятные мысли и приступил к текущим делам. Перво-наперво ему предстояло подготовить обсерваторию к мероприятию, запланированному на вечер вторника, в лунное затмение. Спокойствие будет вновь нарушено очередным проявлением скотства, он терпеть не мог этих вечеринок. На верхней открытой площадке будет прочитан доклад профессиональным астрономом и экспертом по процессам, происходящим в атмосфере в момент, когда Земля своей тенью закрывает Луну от Солнца. Затем — экскурсия по обсерватории, и — для избранных счастливчиков — наблюдение лунного затмения из купола обсерватории. В приглашении были анонсированы *«пузырьки шампанского и кровавая луна»*, дешевое просекко и декламация *«Тоски по Луне»* от актера Йоханнеса Ледмарка. Что может быть хуже?

Торбен был совершенно безразличен к тому, что находится между небом и землей. Ему хватало того, что творится у него под носом, где уж тут глядеть на небеса. Тем не менее частенько, когда устраивались лекции по астрометрии, космологии или оптической астрономии, он делал вид, что ремонтирует что-то в лекционной аудитории. Большая

часть информации тут же вылетала у него из головы, но все же кое-что оставалось для бесед с младшей дочерью.

— Привет, пап.

Торбен поднял голову и посмотрел на нее. До чего же она похожа на свою мать! Ее светлая кожа была почти прозрачной, от чего создавалось впечатление, что ты смотришь сквозь нее и даже можешь наблюдать, как кровь течет по венам.

— Здравствуй, дорогая. Как здорово, что ты тут! Я думал, ты останешься ночевать у Луизы.

— Нет. Хлеб есть?

— Я еще не ходил в магазин. Я не знал, что ты вернешься домой.

Девушка открыла холодильник и застыла перед ним. Толстые ноги и руки торчали из застиранной футболки и шорт-боксеров, в которых она спала. Торбен почувствовал, как в сердце кольнуло — слишком мало участвовал он в ее жизни, как и в жизни ее сестры.

— Давай сбегая в булочную? Это отнимет не больше десяти минут.

— Не надо. — Она закрыла холодильник. — Я побегу. Только душ приму.

— Какие у тебя планы? Может, потом вместе чем-нибудь займемся?..

Хлопанье двери в ванную заглушило ее ответ. Если он, конечно, был. Он сидел, глядя на стоявший перед ним суп, и ждал. Затем доел лапшу, застегнул куртку и вышел на мороз.

* * *

Телефон прозвонил пять раз, прежде чем Родриго ответил. Йеппе уже почти сдался, когда наконец в трубке прозвучал сиплый голос:

— Привет, Йеппе. Он вернулся.

— Что?! — Йеппе застыл, испытывая одновременно облегчение и недоверие. — А почему ты мне не позвонил? Я пытался связаться с тобой уже даже не знаю сколько раз...

— Он пришел всего десять минут назад, Йеппе, ага?

— Мы будем у вас через пятнадцать минут.

Йеппе положил трубку и пошел за Анеттой. Йоханнес дома, он не лежит мертвый где-нибудь в сугробе!

Анетта, по-прежнему сидевшая рядом с Сайдани, подняла взгляд — Йеппе сразу увидел — она уже поняла, что произошло.

— Объявился?

Йеппе кивнул:

— Дома. Живой и невредимый.

— Тогда поехали.

Анетта встала, сняла со спинки кресла куртку и решительно покинула кабинет. Йеппе кивнул Сайдани и вышел следом. Сара ответила ему сдержанной улыбкой, которую он не смог интерпретировать. Он только надеялся, что ее улыбка не была не сочувствующей.

Поездка прошла под звуки поп-музыки и рекламы. Анетта сосредоточилась на дороге, а Йеппе не видел необходимости посвящать коллегу в хаос мыслей, роящихся у него в голове и вторивших мельканию фасадов за окном.

Родриго открыл дверь, прежде чем они позвонили в звонок. Йеппе поприветствовал его кивком и уже не в первый раз заметил про себя, что Родриго невероятно красив. Даже сейчас, выйдя им навстречу с покрасневшими глазами, он был похож на одного из мужчин-моделей, которые непременно выныривают из воды в рекламе какого-нибудь парфюма.

В гостиной за длинным столом сидел Йоханнес, неестественно бледный, и выглядел так, словно все вокруг причиняло ему боль. Анетта поздоровалась и встала у стены, скрестив руки. Этаким Сэм Спейд^[20] в разгар трудового дня.

Йеппе выдвинул стул, сел, опершись локтями на колени, и попытался поймать взгляд Йоханнеса.

— Ты в порядке?

— Йеппе, что ты здесь делаешь? — Йоханнес ответил, не поднимая глаз.

— Я интересуюсь в первую очередь как друг.

— А зачем тогда ты ее взял с собой? — Йоханнес чуть заметно кивнул в сторону Анетты. Невозможно было не заметить в его интонации оттенка враждебности.

Родриго нервно пересек комнату и подвинул к Йоханнесу стакан с водой и парацетамол, к которому тот даже не притронулся. Родриго встал за спиной Йоханнеса, положив ладони на его плечи.

— Я прекрасно понимаю, что ты расстроен в связи с... ну, потому что Альфа...

— Понимаешь?! Да что ты вообще можешь понимать? — Едва приоткрытые глаза Йоханнеса блеснули глубоким презрением. — Что ты можешь знать о моем теперешнем состоянии?

Как будто они не были знакомы. Как будто не дружили больше двадцати лет.

— Йоханнес, произошло убийство. Ты замечен в обществе жертвы незадолго до совершения преступления, и ты вдруг исчезаешь. Естественно, нам необходимо поговорить с тобой.

— Меня в чем-то подозревают? — Он говорил резко и отрывисто, словно ронял слова. — В таком случае не мог бы ты сообщить мне о моих правах?

Йеппе покосился на Анетту. Она наблюдала за происходящим с нейтральным выражением лица, тем самым давая ему понять, насколько неотвратно было ее намерение остаться.

— Ты можешь просто рассказать нам, где ты был, и мы оставим тебя в покое и предоставим возможность отоспаться.

— Я не обязан вам ничего объяснять, Йеппе.

— Запой, — вмешался Родриго. — Он всего-навсего ушел в запой. Пойдет? Такое иногда случается.

— Запой? Но почему ты не позвонил? Почему сам не отвечал на телефонные звонки?

— В телефоне села батарейка.

«Батар-рэйка». Родриго произносил слова с остервенением, Йоханнес уставился на собственную коленку и молчал.

— Что произошло между вами с Альфой на этой вечеринке? — Голос Анетты прорезал тишину.

— Какое вам до этого дела, Анетта? — Йоханнес выплюнул эту фразу. В комнате вновь повисла тишина. Напряженная тишина, как будто солдаты внимательно прислушиваются, чтобы определить местоположение противника. Нарушила ее снова Анетта:

— Кто такой Сёрен Вести? А Лулу Суй? Откуда вы знакомы с ними и с Альфой?

Прежде чем ответить, Йоханнес адресовал своей коленке улыбку.

— Неужели вы пришли сюда в качестве моих друзей? Слушайте внимательно, я ни черта не собираюсь рассказывать вам обоим. — Он резко вскочил. — Мне нужно отдохнуть. Благодарю за визит.

Йоханнес покинул гостиную в тягостном безмолвии. Родриго в отчаянии сел и спрятал лицо в ладони. Йеппе дал понять Анетте, что им лучше уйти.

— Родриго, пусть он хорошенько выспится. Я перезвоню позже.

Участливо похлопав Родриго по плечу, Йеппе направился к выходу.

* * *

Оказавшись на тротуаре перед домом, двое следователей продолжали молчать, подставляя щеки под укусы мороза. Снег кружился над улицами и тонким белым слоем усыпал носы ботинок и полы курток.

— Если он не желает говорить с нами добровольно, придется задержать его.

— Анетта, подожди! — Йеппе откашлялся и обрел самоконтроль. — Дай ему шанс. Он совсем не спал и пребывает в состоянии шока. Дай ему немного времени. Идем, глотнем свежего воздуха.

Йеппе устремился вперед. Анетта принялась так рьяно жестикулировать, что ей позавидовал бы любой шофер итальянского такси. А затем последовала за напарником.

Направляясь вдоль Сёнер Бульвар, они проходили футбольные поляны, детские площадки и забегаловки, которые изо всех сил старались отмежеваться от винных погребков, хотя и зарабатывали на том, что подавали молодой современной публике итальянский кофе и пошированные^[21] яйца. Вестебро стал не тем Вестебро, который знал Йеппе, причем уже давно. Когда развелись родители, отец одно время жил в крохотной двухкомнатной квартирке на Вальдемарсгэде. Навесной душ там был установлен прямо в туалете, а свою одежду отец стирал в кухонной раковине, от чего вся квартира приобретала затхлый запах. Ужин, выложенный в пластиковый контейнер, они

носили разогревать в микроволновке в столовую на Истедгэде. Йеппе чуть ли не с ностальгией вспомнил о гладкой, почти стеклянной на вид картошке. Почему даже то, что мы ненавидим в какой-то конкретный момент, становится дорого нам в качестве воспоминания по прошествии определенного количества времени? Как же называлось это заведение? «Микротерия»? «Васко» что-то там? Теперь тут был магазин одежды. И спросить теперь было не у кого. *Чему быть, того не миновать.*

У моста Дюббельсбро они остановились, устремив взгляды на железнодорожное полотно и насосную станцию, размалеванную граффити. Снег толстым слоем покрывал сероватый бункер с бледно-желтыми пятнами. Рабочее место — днем для сотрудников железной дороги, ночью для африканок.

— Кто у нас следующий по списку? — Йеппе сплюнул на рельсы. — Попробуем побеседовать с Лулу Суй?

— Да, давай... — Анетта задумчиво кивнула. — Какой симпатичный парень...

Судя по всему, она находилась под впечатлением от красоты Родриго.

— Не поспоришь.

— Вполне понятно, что Йоханнес его любит. У них свободные отношения?

Йеппе раздраженно посмотрел на коллегу.

— Почему ты так решила? Потому что они геи?

— Уф, Йеппе, заткнись! Если мы все будем такими деликатными, то никогда ничего не добьемся. Педики трахаются направо и налево, негры прекрасно играют в баскетбол, так уж повелось.

— У тебя есть какие-то основания так говорить или ты просто сотрясаешь воздух? — Йеппе негодовал.

Анетта ткнула в него пальцем в перчатке.

— Не мог ли Йоханнес изменить ему с Альфой?

— Лишь по той причине, что они приятели и оба гомосексуалисты? Мало кто впишется в твоё жесткое определение нормальности. — Йеппе не удержался от улыбки. — Мы потихоньку превращаемся в шведов, которые никак не могут оставить в покое Пеппи Длинныйчулок^[22] — ведь чувства чернокожих ущемляются тем фактом, что отец этой девочки был негритянским королем.

— Очень легко стоять на такой позиции, если ты белая гетеросексуалка. Давай оставим наш разговор на эту тему. Ибо мы никогда не придем к согласию.

Когда-нибудь Йеппе научится не впутываться в подобные дискуссии со своей напарницей.

— Ты знаешь, где она живет? Лулу Суй, в смысле?

— Разве у круга есть хоть одна сторона? — Анетта поводила ключом от машины вокруг пальца. Они отправились обратно на стоянку.

Через сто метров Анетта остановилась у магазинчика.

— Куплю себе шоколадный батончик, а то, похоже, обед мы сегодня пропускаем. Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

Йеппе сдался.

— Я понятия не имею, изменял ли Йоханнес. Насколько мне известно, они с Родриго живут моногамно, но никогда не поймешь, как устроены людские отношения.

Анетта вкрадчиво посмотрела на него, он лишь пожал плечами.

— Они производят впечатление вполне довольных друг другом людей. Ну, как ты и Свен, например. То есть счастливых. Но я не знаю, как обстоит дело в действительности...

Анетта на мгновение улыбнулась, как смущенный подросток. Затем кивнула и взялась за ручку магазинной двери.

— Тебе не купить «голову негра»?^[23]

Глава 8

Рыболовецкий район в гавани Нордхавн зиял ветхой заплаткой из крашеного дерева и ржавого железа между пустынной промышленной территорией и проливом Эресун. Этот анахронизм, казалось, выжил исключительно благодаря своему невероятному упорству. Даже чайки кричали более пронзительно здесь, где их крики ничто не заглушало.

Йеппе с Анеттой остановились у небольшого рыбацкого сарая с более поздними пристройками и искусно вырезанной деревянной табличкой на фасаде, гласившей: «Хардис Плейс». Полусопревший полосатый навес колыхался от ветра в унисон с кованым флюгером и пивными банками, выдуваемыми из мусорного бака. Ветер был прямо-таки арктический.

Йеппе натянул капюшон и, жмурясь, посмотрел на молочно-белое небо.

— Думаешь, снега еще подвалит?

— Как бы то ни было, но я больше не собираюсь чистить дорогу в этом году. Не надо было покупать угловой участок. Вот тупицы!

— В каком номере дома она живет?

— Номер дома не указан. Только ее фамилия и улица — Эстерсёвай. Попробую позвонить.

Анетта стянула варежки и взяла телефон.

Йеппе отошел от машины и заглянул в ближайший переулок. Слинггерстиен. С лишней «р».

— Не берет. Придется у кого-то спрашивать.

— У кого? Тут ни души.

Анетта огляделась.

— Тогда будем стучать во все двери подряд, пока на кого-нибудь не наткнемся.

Через снег она направилась к ближайшему деревянному дому, поднялась по короткой лестнице к двери с табличкой и постучалась. «Карантин. Верховая езда запрещена». Никакого эффекта. Йеппе наблюдал, как его коллега пробралась к следующему дому, а затем к еще одному. Впрочем, дома — это громко сказано. Это были крошечные деревянные лачуги, сооруженные на основе грузовых

контейнеров и располагавшиеся бок о бок с лодками, которые были накрыты брезентом и поставлены на зиму на деревянные стапели. Скворечники, скульптуры из всякого хлама и скамейки, разрисованные инициалами, — все это свидетельствовало о том, что кто-то все-таки бывал здесь и даже любил это место, однако в снежное и ветреное время года территория казалась необитаемой, как туристический курорт в мертвый сезон.

Анетта остановилась отдышаться. В последнее время она была настолько не в форме, что пора было отнестись к этому серьезно. При возможности надо будет задать ей головомойку на эту тему.

Йеппе подошел к воде и окинул взглядом гавань. Пахло дизелем и жиром, которым смазывают зимой сапоги. Вдоль причала выстроились старые рыбацкие катера, на многих из них были воздвигнуты конструкции, свидетельствующие скорее о предназначении плавсредства в качестве жилья, нежели в качестве участника парусных соревнований. Тонкий столбик дыма тянулся из металлической трубы, выглядывавшей из-за рулевой рубки, и устремлялся ввысь над белоснежной лодкой с голубыми поручнями вдоль палубы. В иллюминаторах горел свет. Йеппе позвал Анетту и направился к лодке.

— Насколько я могу судить, лодка носит название «Луна». Краска надписи немного облупилась.

— Ах ты черт возьми. «Луна»! — Наконец-то выбравшись из сугроба, Анетта заревела, как волынка. — Она живет на лодке. Ну конечно же! Сложно придумать более подходящее для хипстеров жилище!

Йеппе, который в тот же самый момент подумал, как здорово, должно быть, жить на лодке, ступил на узенькую старую доску, с которой шагнул на палубу и постучал в дверь рубки. При этом не удержался и посмотрел сквозь лобовое стекло внутрь, в результате чего невольно встретился взглядом с серыми водянистыми глазами, которые смотрели на него снизу. Йеппе отпрянул, потупился и громко сказал:

— Простите, что помешали. Мы из полиции Копенгагена. Разрешите нам задать вам несколько вопросов.

Дверь рубки отворилась, перед ними предстала миниатюрная молодая женщина в облегающем спортивном костюме, с черными как

уголь волосами, собранными в конский хвост.

— Я как раз готовилась к медитации. Вы не могли бы немного подождать?

Голос ее был теплым и мягким, словно прирученный придыханием, с которым девушка произносила каждое слово.

— Ох, нет, не могли бы. Вы Лулу Суй, верно?

— Ну да.

— Можно нам войти? Снаружи довольно холодно.

Лулу Суй на мгновение застыла с закрытыми глазами. Затем сделала глубокий вдох, улыбнулась и грациозным движением руки пригласила неожиданных гостей внутрь.

Йеппе спустился на палубу и, прежде чем войти внутрь, подал руку коллеге без всякого намека с ее стороны. Он просто почувствовал, что она нуждается в помощи.

В темной каюте, находящейся под палубой, оказался очень низкий потолок, но, судя по всему, на этих двадцати пяти метрах помещалось все необходимое молодой девушке для жизни: кровать, вешалка, ломившаяся от одежды, мини-кухня, зеркало в полный рост и портативная печка. Два метра из шести свободных были заняты ковриком для йоги, на который по-турецки уселась Лулу Суй, с улыбкой рассматривая гостей. Йеппе и Анетте не оставалось ничего кроме как устроиться на кровати, поджав под себя ноги.

— Добро пожаловать на «Луну». Разрешите угостить вас горячим чаем?

— Нет-нет, спасибо! — За последние сутки Йеппе был сыт чаем по горло. — Вы проживаете здесь постоянно?

— Конечно, нет, ведь это невозможно! — Она улыбнулась краем рта. — Но я веду свое происхождение из рода моряков и рыбаков, и мы не можем жить вдали от моря.

— Вот как, прекрасно.

— «Луна» принадлежала моему деду. Он занимался в Фрихавне рыбной ловлей с применением специальной сети. Был одним из последних, кто промышлял таким способом. Теперь он уже умер.

— Нам очень жаль, что...

— Я каждый день с ним разговариваю. Он стал моим ангелом-хранителем.

Йеппе решил, что сейчас самый подходящий момент для смены темы.

— Мы приехали сюда в связи с гибелью Альфы Бартольди. Вы можете подтвердить свое присутствие на вечеринке «Le Stan» в среду вечером?

Она наклонилась в сторону и поставила кружку на пол.

— Да, все верно.

— Расскажите нам об этой вечеринке. Когда вы пришли и ушли? С кем общались? Ну и так далее.

Девушка медленно кивнула и на целую минуту закрыла глаза. В лодке стало очень тихо. Йеппе с Анеттой обменялись взглядами. Создавалось такое впечатление, что Анетта испытывает желудочный дискомфорт. Или стремительно теряет терпение. Лулу Суй не спеша поменяла позу и начала говорить:

— Я пришла в музей вместе с Сёреном Вести.

— Сёрен Вести — это бизнесмен?

— Это один из моих приятелей. Но кроме него там была масса людей, которых я знаю, я общалась со всеми.

— Этаким междусобойчик в пределах отрасли?

— В границах городка. — На лице ее мелькнула характерная для коренного жителя Копенгагена улыбка, пробудившая в Йеппе жгучее желание переселиться в Старый город, став его полноценной частью.

— Вы заметили что-либо необычное? Что-то может, по вашему мнению, иметь отношение к нашему расследованию?

Девушка подвигала губами из стороны в сторону.

— Это была классная вечеринка. Прекрасная атмосфера, нам было очень весело...

— Ну да, мы видели фотографии в социальных медиа.

Она резко вскинула голову, но тут же настолько мило улыбнулась, что Йеппе даже усомнился — действительно ли в ее взгляде промелькнуло беспокойство?

— По крайней мере, до тех пор, пока... — Она отвернулась и принялась тереть толстые носки, так что коврик оказался усыпан ключьями шерсти.

— До тех пор, пока — что?

Девушка откашлялась и отпила глоток чая.

— Пока они не начали ругаться.

— Кто начал ругаться? — Голос Йеппе прозвучал более резко, чем он рассчитывал.

Лулу спокойно посмотрела на него.

— Альфа и Йоханнес. Конфликт был недолгим, но довольно жестким.

— Вы знаете, в чем причина ссоры? — Холод постепенно сковывал грудь Йеппе.

— Да-а, знаю. — Придя в замешательство, она стала произносить слова слишком растянуто.

— Расскажите!

— Я не уверена, что имею право.

— Это важно. Мы расследуем убийство.

Лулу Суй серьезно кивнула.

— Меня не отпускает мысль, что на его месте могла оказаться я.

— Поясните.

— Мы были на одной вечеринке, пили одни и те же напитки. — Она затрясла головой, демонстрируя, насколько чудовищной представлялась ей ситуация.

Йеппе вернулся к прежней теме:

— Так в чем заключалась суть стычки?

— Секунду.

Лулу Суй выпучила глаза, собираясь с силами, сделала глубокий вдох носом, затем шумно выдохнула и кивнула сама себе.

Йеппе и Анетта переглянулись. Она издевается над ними?

— Ладно. Мне позволили рассказать вам.

Слава богу, высшие силы, с которыми она консультировалась, оказались на их стороне.

— Йоханнес и Альфа... встречались в течение некоторого времени. Естественно, тайно. В среду вечером Альфа пригрозил Йоханнесу тем, что расскажет об их связи прессе.

В ушах у Йеппе зашумело.

— Вы знаете, почему?

— Кто же знает? Видимо, он устал быть тайным любовником. — Лулу Суй подняла хрупкие плечи до самых ушей и резко опустила.

— Вы заметили, Альфа с Йоханнесом общались после ссоры?

Йеппе начинал чувствовать себя не в своей тарелке.

— Вас интересует, обнимались ли они и пили спиртное в знак примирения? Думаю, не ошибусь, если скажу, что нет.

— Во сколько произошла эта размолвка? — Йеппе избегал смотреть Анетте в глаза, хотя явственно ощущал ее взгляд, вперившийся ему в щеку.

— Может, в пол-одиннадцатого.

— И что потом? Что произошло после?

— Вечеринка продолжилась. Кажется, Альфа отправился в бар.

— А Йоханнес?

— Йоханнес пребывал в состоянии шока. Он был возмущен! Я утешала его. Мы заказали такси, приехали сюда, отключили телефоны, беседовали и медитировали, пока Йоханнес не подготовился к возвращению домой сегодня утром.

— То есть он провел все это время здесь? — Создавалось такое ощущение, что это обстоятельство поразило Анетту больше всего.

— Да. Йоханнес нуждался во внимании и в убежище подальше от всех. У меня на «Луне» он получил и то, и другое. Я провела очистку его энергетического поля, так что...

— Во сколько вы ушли с вечеринки? — Анетта, опираясь на свое полицейское чутье, продолжала планомерно выведывать информацию.

— Вскоре после ссоры. Мы ушли, ни с кем не попрощавшись.

Пробурчав что-то о каком-то телефонном звонке, Йеппе вышел на палубу; ему было необходимо побыть в одиночестве и обрести ясность мысли. Прислонившись к перилам, он наблюдал, как его дыхание превращается в пар, который устремляется ввысь и растворяется в воздухе. Вокруг лодки и в гавани в целом было настолько тихо и пустынно, словно он находился неподалеку от какой-нибудь полярной станции в Антарктиде.

Йоханнес и Альфа.

Тревога его разрасталась. Что, черт возьми, там произошло? Все это какая-то нелепость. Йеппе сжал кулаки и со всей силы пнул ногой тяжелое швартовочное кольцо. В тот же момент Анетта появилась на лестнице, ведущей из каюты на палубу.

— Что случилось? — Она с изумлением посмотрела на него.

Йеппе покачал головой, пытаясь скрыть пульсирующую боль в большом пальце на ноге. По крайней мере ему удалось ненадолго сместить фокус.

Если прежде мотив, побудивший к убийству, был не известен, то теперь им преподнесли его на блюдечке с золотой каемочкой. Под звуки фанфар и с кокетливым бантиком.

Они попрощались с Лулу Суй и сквозь снег побрели к машине, Йеппе плелся позади Анетты.

Она завела мотор и развернулась на причале. Когда они проезжали мимо «Луны», Йеппе увидел силуэт Лулу Суй в свете лампы, расположенной где-то внизу. Она стояла в рубке, скрестив руки, и наблюдала, как они уезжают.

Лица ее было не разглядеть, но саму фигуру Йеппе видел отчетливо. Девушка казалась напуганной.

* * *

Обратная дорога в Управление прошла в молчании. Йеппе предпринял несколько попыток что-то сказать, но все его фразы неизменно обрывались глубоким вздохом. Анетта припарковалась на улице Отто Мёнстед, заглушила мотор и внимательно посмотрела на Йеппе.

— Должны быть другие свидетели этой перепалки, если она действительно была такой громкой, как утверждает девушка. Пожалуй, я пойду к Сайдани и попробую найти их, если ты не против. Возможно, мне удастся ее перехватить, прежде чем она уйдет домой.

Йеппе устоял в точку, где линия тротуарного бордюра встречалась с нижним краем лобового стекла, образуя почти прямой угол. Он никак не мог оторвать взгляд.

— По-моему, вполне разумно будет начать именно с этого. А я... пойду отнесу на место ключи от машины.

Они вышли из автомобиля и, перейдя улицу, направились к небольшой двери, за которой располагалась лестница, которая вела наверх, к отделу убийств. Йеппе взял у Анетты ключи и пошел в коридор второго этажа, чтобы повесить их в специальной комнате.

— Я сейчас поднимусь, только...

— Выпьем пива в «Оскаре» после работы? — Анетта имела в виду «Оскар Бар», излюбленное место для посиделок по окончании рабочего дня.

Пробормотав нечто невразумительное, Йеппе поспешил уйти. Он нашел ее фамилию на доске с ключами — П. А. Вернер — и повесил ключ между рациями, служебными бейджами и другими ключами. Он устремил невидящий взгляд на находящийся перед ним большой стенд, разделенный на множество фрагментов со всевозможными эмблемами и приспособлениями. Тут все было упорядочено, симметрично и аккуратно, полная противоположность тому, что творилось сейчас у него в мозгах.

Йоханнес, измена, ссора, убийство.

Йеппе неожиданно почувствовал, что ему стало сложно дышать, и расстегнул ворот. Однако горло было стиснуто изнутри, не снаружи. Надо было срочно выйти на свежий воздух. Он побежал вниз по лестнице в круглый двор. На фоне ранних сумерек девственный снег освещался желтоватыми огнями фонарей. Этот двор почему-то всегда являлся самым пустынным местом во всем Управлении. Здесь его никто не потревожит. Йеппе засунул руки в карманы и зашагал по часовой стрелке через колоннаду. Он заставлял себя фокусироваться на каждом движении ног и считал шаги, пока водоворот мыслей не успокоился. К концу первого круга он мог сосредоточиться на каждой мысли по очереди.

Насколько хорошо он знал Йоханнеса в действительности? Да и в целом, насколько хорошо можно знать близких тебе людей?

Конец обучения в школе сценических искусств Фреди-Педерсена. Там-то они и познакомились, тогда оба мечтали стать актерами. Грандиозное шоу — музыка, танцы, зрительный зал переполнен родителями. Отец Йоханнеса так и не появился, несмотря на то, что обещал прийти, и несмотря на то, что Йоханнес уже тогда был звездой. А все его боготворили и хотели быть похожими на него. Когда Йоханнес получил своего первого «Реумерта»^[24], место рядом с Йеппе так и осталось пустым в переполненном Королевском театре. Тем вечером они так усердно отмечали получение награды, что впоследствии Йоханнесу пришлось делать промывание желудка.

Отец Йеппе всегда первым приходил на отчетные выступления и усаживался в первом ряду в криво застегнутой рубашке и с видеокамерой на коленях. Так он и сидел в течение всего мероприятия, гордый, возбужденный, но на сына даже не смотрел. Для Йеппе

навсегда осталось загадкой, зачем он вообще приезжал, раз ему было совсем неинтересно.

Внезапная смерть отца два года назад стала облегчением. В то же время в сердце Йеппе поселилась печаль, которая, по его собственному убеждению, останется с ним на всю жизнь.

Ему и тогда сложно было понять разочарование Йоханнеса. И он не понял его до сих пор. Лично он предпочел бы, чтобы его собственный отец не приходил, но сложно было объяснить это тому, кто мечтает лишь об одном — увидеть отца на собственном выступлении.

Йеппе остановился. Делать нечего, было необходимо вызвать Йоханнеса на допрос, независимо от того, как это отразится на их дружбе. Йеппе взял телефон и набрал номер Йоханнеса.

Времени мешкать не было.

Глава 9

— Список гостей лежит у меня на столе. Красным цветом я выделила тех, кто появляется на снимках вместе с Альфой Бартольди. В первую очередь обзвони их! — Сара Сайдани крепче прижала к уху телефон, так что услышала собственную чересчур назидательную интонацию.

— Ну вот я стою в твоём кабинете и смотрю на твой стол. Тут полная неразбериха. Ни шиша не найдешь.

Сара слышала в трубку, как Анетта возится с бумагами.

— Он лежит на самом верху, прямо посреди стола.

— Да на твоём столе не меньше восьми тысяч всяких бумажек, можно... Во, вот он! Теперь я смогу приступить. Передавай привет Ларсену. — Анетта Вернер положила трубку.

Опустив телефон в карман, Сара поймала на себе вопрошающий взгляд Томаса Ларсена.

— Оказывается, один из гостей на вечеринке в среду, Йоханнес Ледмарк, поругался с Альфой. Вернер обзванивает присутствующих — собирает свидетельские показания.

— Вот как? Интересное развитие событий. Этот гость — случайно не друг Кернера? — Любитель посплетничать, Ларсен красноречиво задергал бровями.

Сара предпочла сменить тему:

— Наверняка уборщица навещает к ней несколько раз в неделю, а? — Она с изумлением осматривала небольшую современную квартиру, в которой обитала Мария Рингмосе. Ларсен попросил Сару составить ему компанию на допросе, и она с нескрываемой радостью воспользовалась возможностью оторваться от рабочего стола. И вот теперь они стояли в гостиной, оформленной в строго выдержанном цветовом решении и начисто прибранной, в то время как Мария Рингмосе на кухне готовила им кофе.

— Почему ты так решила? — Ларсена, казалось, эта тема не особо волновала.

— Просто, по-моему, здесь царит стерильная чистота. Почти как в отеле.

Ларсен с безразличием огляделся.

— Но разве это не нормально? А у тебя дома как?

Дома у Сары по всему полу были разбросаны игрушки, а на двуспальной кровати обычно высились горы недавно выстиранной мятой одежды. Она решила не продолжать диалог.

Мария Рингсмосе вошла в комнату с подносом, на котором стояли три керамические кружки и медный термос. Она была одета по домашнему — в джинсы и футболку, но на лицо был нанесен искусный макияж с эффектом естественной красоты.

— Присаживайтесь. Молоко нужно? — Она поставила поднос на оранжевый стол из оргстекла и стала разливать кофе. Видимо, они застали ее за маникюрной процедурой, из комнаты еще не выветрился запах ацетона. Убрав со стола пузырьки с лаком, она села, кротко улыбнувшись.

— Нам известно, что вы были близкими друзьями с Альфой Бартольди, — приступил к делу Ларсен. Он умел казаться участливым, когда хотел. Сара достала свою записную книжку.

— Я по-прежнему отказываюсь понимать произошедшее. Возможно, какая-то реакция последует по окончании Недели моды. — Ее лицо было гладким и лоснящимся, в глазах стояла печаль.

Ларсен осторожно продолжил:

— Вы имеете представление о своих правах? О том, что вы не обязаны нам что-то говорить?

Казалось, Мария Рингсмосе на мгновение унеслась мыслями куда-то далеко, но затем она моргнула и кивнула.

— Да, я знаю. Просто все это кажется сейчас каким-то нереальным. — Она перевела взгляд на стол.

— Мы понимаем. Это вполне объяснимо... — Ларсен подался вперед, поставив локти на колени, они с хозяйкой квартиры обменялись доверительными взглядами. Если бы не обстоятельства, Сара восприняла бы его поведение как флирт. — Как вы знаете, у нас имеется несколько вопросов в связи с расследованием. Вы готовы на них ответить?

Мария кивнула:

— Через час я собираюсь поехать на шоу в отель «Нимб», мне еще надо успеть переодеться, но в принципе я готова, да. — Она отпила кофе и выпрямилась.

— В первую очередь мне интересно знать вот что. До нас дошла информация, что на вечеринке «Le Stan» произошла ссора. Между Альфой и Йоханнесом Ледмарком. Вы в курсе?

— Впервые услышала об этом сегодня. Кто-то упомянул об этом в офисе. В тот вечер я ничего такого не заметила.

— Вам известно, в чем причина этой ссоры?

Она встревоженно опустила взгляд на только что покрашенные ногти.

— Альфа был влюблен в Йоханнеса. Йоханнес не отвечал ему взаимностью, однако наслаждался его вниманием. Видимо, их конфликт как-то был связан с этим обстоятельством. — Она покашляла в кулачок и несколько раз моргнула.

— Как долго вы были знакомы с Альфой?

— С того момента, как я переехала в Копенгаген десять лет назад. Я начинала в качестве ассистента в журнале, где он отвечал за раздел моды. Мы работали в редакции круглые сутки, в выходные устраивали вечеринки. Постепенно мы с ним подружились. — Она улыбнулась. — Но потом мы перестали так часто видеться.

— А где он работал сейчас? Чем зарабатывал? — Ларсен между делом покосился на свои наручные часы.

— Много чем. — Мария Рингсмосе тоже бросила взгляд на часы, но, кажется, она не слишком торопилась. — Он вел постоянную колонку в журнале, а к осени собирался, по-моему, подготовить телепередачу.

— А как насчет линейки кремов «A-Skin»? Что вы можете рассказать об этом?

Она настороженно посмотрела на Ларсена.

— Что вам известно?

— То, что это было большое вложение средств и что фирма обанкротилась, прежде чем продукция успела выйти на рынок. Альфа пожертвовал добрым именем и репутацией.

— Он пожертвовал гораздо большим. — Интонация Марии Рингсмосе внезапно стала более резкой. — Он вложил в это дело все свои сбережения. Продал коттедж. И все потерял.

— То есть на момент смерти у него было не так уж много денег?

— Ни гроша. — Она покачала головой. — Я его предупреждала. Альфа не был бизнесменом. Он был слишком простодушным для

каких бы то ни было махинаций.

— Вы намекаете, что его кто-то обманул? — Теперь настала очередь Ларсена говорить резко. Сара написала в своем блокноте «A-Skin» и два раза подчеркнула.

Мария Рингсмосе снова опустила взгляд на свои блестящие ногти, прежде чем ответить.

— Я не знаю. Никакого понятия не имею о том, что пошло не так. Но инвестору я абсолютно точно не доверяю.

— Инвестору?

— Альфа основал фирму совместно с одним крупным инвестором, а в итоге их общее дело потерпело крах. Он оплатил большую партию продукции, которая по той или иной причине так и не дошла до Дании и не попала в магазины.

— Вам известно имя инвестора?

— Сёрен Вести. — Она ухмыльнулась. — Любитель шампанского. Парень-праздник. Но не дайте ввести себя в заблуждение — он толковый бизнесмен.

— Слишком толковый, видимо?

— Откуда мне знать? Я знакома с ним исключительно по мероприятиям, организуемым в городе. Только фирменная упаковка и рекламные материалы были подготовлены, заключены договора о продаже партии кремов «Матасу» и «Магазану». Альфа не желал разговаривать на эту тему.

— То есть и он тоже потерял кучу денег? Этот Вести?

Пожав плечами, Мария Рингсмосе вновь покосилась на часы.

— Надо полагать... Послушайте, мне необходимо подготовиться к шоу. — Она улыбнулась, извинившись, и встала.

Они поблагодарили хозяйку за кофе, после чего та проводила их по современному лестничному коридору до лифта, который высадил их на недавно перестроенной набережной Исланд Брюгге.

Томас Ларсен натянул на руки пару дорогих на вид перчаток и удовлетворенно кивнул Саре.

— Любопытно, правда? Я вернусь в Управление и поподробнее изучу личность этого самого Вести. Ты со мной?

Сара покачала головой, хорошенько выругавшись про себя.

— Мне надо забрать детей. Продленка закрывается через четверть часа.

Ларсен снисходительно улыбнулся, словно наличие детей приравнивалось к наличию позорной венерической болезни, о которой не принято говорить вслух.

— Ну ладно. До завтра!

Сара помахала ему на прощание и направилась к велосипеду, сконструированному в Кристиании, который стоял у причала, весь засыпанный снегом. Она отстегнула замок и медленно покатила по улице. Часто ее девочки оставались в детском саду и на школьной продленке последними. Но что же ей было делать? У нее не было мужа, на которого можно было бы рассчитывать, а работа следователя копенгагенской полиции не предполагала ухода домой в три часа дня, особенно если в городе случалось какое-то чрезвычайное происшествие. А чрезвычайные происшествия случались постоянно. Преступники продолжают свою активность, когда все остальные стремятся расслабиться после рабочего дня, и старшим следователем сложно стать, являясь родителем-одиночкой. Саре из раза в раз поручали всякую рутину, требующую сидения за письменным столом: составление списков, раскапывание различной информации, прочесывание социальных медиа. *«Да у тебя ведь получается это лучше, чем у всех остальных!»* Она уже устала слышать эту фразу.

Она оглянулась и вытянула влево руку, чтобы предупредить, что собирается поворачивать. Этим велосипедом из Кристиании всегда было сложно управлять, а уж зимой и вовсе невозможно. Ей надо было сдать его в ремонт, чтобы проверить, не скопилась ли влага в системе управления. Каждый раз это стоило порядка 2000 крон.

Деньги иметь полезно. Реальные деньги. Вот как у Вести. Достаточное количество денег, чтобы ни о чем не беспокоиться. Быть бы, к примеру, каким-нибудь теннисистом, успешным и беззаботным завсегдатаем «Кафе Виктор». Сидеть себе на солнышке, уплетать мидии в разгар рабочего дня и даже слегка томиться от собственного благополучия. Вот типовой житель Копенгагена.

Типовой житель Копенгагена! Сара даже рассмеялась, осознав собственные предрассудки. Ведь она и сама была жительницей Копенгагена, скоро уже три года как. Эльсинор остался в прошлом. Амина и Мэриэм вырастут в настоящих копенгагенцев, будут себе ходить в школу Кристиансхавн, привыкнут всюду ездить на велосипеде и смотреть свысока на людей из пригородов. Только пускай

они знают о том, где выросла сама Сара. Возможно, однажды она повезет их в пригород Туниса, где провела первые восемь лет своей жизни. Они испытают шок, увидев, насколько примитивно и бедно живут там люди.

Сара втащила велосипед на тротуар перед зданием продленки при школе и детском садике Кристиансхавн и помахала дочкам, который уже ждали ее у ограждения.

* * *

— Поиграем в дартс, или ты что-то еще предпочитаешь? — Йеппе критично оглядел прокуренное помещение. Стены убогого бара были обиты вагонкой и самодельными фотоколлажами, на полу лежал зеленый ковер, в целом тут царила атмосфера старинной пивнушки с узким кругом постоянных клиентов.

Кабак «МакКлууд» на Истедгэде едва ли принадлежал к числу заведений, которые они с Йоханнесом имели обыкновение посещать.

— Ведь это тебе понадобилось непременно меня увидеть. Народ приходит сюда выпить, все заняты своими проблемами, здесь нас никто не потревожит. — Во взгляде Йоханнеса мелькали страх и агрессия. Он надел бейсболку и толстовку с капюшоном, причем капюшон натянут поверх бейсболки — он не хотел быть узнанным. Йеппе привык к таким причудам. Но вот мокрый от пота лоб и расширенные зрачки — это было что-то новенькое. Как и напряженные плечи и стиснутые челюсти.

Йеппе остановился у бара рядом с парнем в кожаной ковбойской шляпе, Йоханнес тем временем пошел искать подходящее для них место. Вскоре Йеппе балансируя поднес к угловому столику два стакана разливного пива, переполненных до краев, и с облегчением поставил их на ровную поверхность, почти ничего не пролив.

— Кажется, мы с тобой впервые пьем разливное пиво. — Йеппе и сам слышал, насколько неуклюжей оказалась его попытка разрядить напряженную атмосферу.

— Ну да, гомики ведь не любят пиво, да?

— Да я и сам, в общем-то, не любитель... Расслабься!

Затем они просто молча пили пиво.

— Йоханнес, что происходит? Тебе придется ввести меня в курс дела, ибо я ни черта не понимаю. — Йоханнес с подозрением посмотрел на него, словно они находились по разные стороны баррикад. Йеппе почувствовал, как его собственная неуверенность стремительно переходит в злость. — И не надо на меня так смотреть! В данный момент тебе следовало бы радоваться знакомству с полицейским, который вот так запросто соглашается побеседовать с тобой в пивнущке. В противном случае ты бы уже давно сидел в комнате для допросов в Главном управлении полиции.

Йоханнес отвернулся, ничего не ответив, и посмотрел на свое отражение в зеркале на стене. Йеппе увидел, как он втягивает ноздрями воздух, чтобы нос казался узким. Так он всегда делал на снимках. Самовлюблен до кончиков ногтей. Даже сейчас.

— Что произошло тем вечером?

Йоханнес оторвал взгляд от отражения и посмотрел на Йеппе.

— А что такого там произошло? Мы с Альфой встретились у Нёррепорт около девяти часов и отправились на вечеринку. Фотографировались, выпивали, веселились.

— Хорошо. Почему вы поссорились? Ты и Альфа?

Йоханнес послал ему совершенно детский взгляд, выражавший: «А ты сам как считаешь?»

— Да ты наверняка сам знаешь, раз спрашиваешь с такой интонацией.

Йеппе нехотя кивнул.

Йоханнес глядел исподлобья, скрывая лицо под козырьком бейсболки, бледный и мокрый от пота.

— Мне ведь не надо лишний раз просить тебя не лезть в эти дела, а?

— Что там произошло? Он тебе угрожал?

— Давай сменим тему? Моя личная жизнь никого не касается! — Йоханнес выпучил глаза, еле сдерживая приступ ярости.

Йеппе с шумом выдохнул.

— А ты, видимо, все еще не понимаешь, насколько опасно это все выглядит?

— Полиция считает, то есть вы считаете, что я замешан в смерти Альфы?

— Это так?

— Нет. Несмотря на то, что буквально вчера я посылал его ко всем чертям. Вообще-то, я и сегодня не изменил своего отношения. — Йоханнес повысил голос и поспешил оглядеться по сторонам, пытаясь понять, не привлек ли он чье-либо внимание.

Йеппе пытался поймать его взгляд.

— Нам необходимо допросить тебя официально. Ты же сам понимаешь, да? Ты должен добровольно согласиться на допрос! — Йоханнес молча отпил пиво. — Как ты думаешь, у кого был повод навредить Альфе?

— Я не знаю. Я вообще понятия не имел о том, что с ним сделали, до того, как вернулся утром к Родриго — он-то мне и рассказал. А в следующую секунду к нам ворвались вы.

— Разве ты ничего не слышал об этом, пока был у Лулу Суй?

— Я поехал к ней не для того, чтобы почитать газеты, Йеппе. Послушай, Альфа был абсолютно беспринципным человеком. Он мог быть веселым и обаятельным, но в первую очередь он был жутким эгоистом.

— А значит, вполне вероятно, что кто-то захотел его покалечить?

Йоханнес ответил очередным красноречивым взглядом.

Йеппе отпил из бокала и решился на следующий шаг:

— Я даже представить себе не мог, что у вас с Родриго такой... формат отношений.

— Под словом «такой» ты имеешь в виду формат отношений, когда мы открыто признаемся друг другу в своих изменах вместо того, чтобы лгать, как Тереза?

— Благодарю за «приятное» напоминание!

Йоханнес потер глаза тыльной стороной ладони.

— Прости, Йеппе. Я сейчас чересчур уязвим. Вообще-то да, мы с Родриго позволяем друг другу секс на стороне, при соблюдении ряда условий. В отношении Альфы я действительно немного вышел за рамки нашей с Родриго договоренности.

— Поэтому ты и скрылся?

— Ты об угрызениях совести? Возможно.

— Но не только это?

— Хм-м... скажи, когда вы с Терезой были женаты, неужели у тебя никогда не возникало потребности перепихнуться на стороне? Ну,

просто чтобы на мгновение почувствовать себя... не знаю... свободным, что ли.

— Свободным от чего?

— Просто свободным. Независимым. Ни перед кем не отчитываться. Вернуться в молодость, черт возьми! Отвлечься от взрослости и постоянного груза ответственности.

— Мне бы хотелось ответить на твой вопрос утвердительно, но...

— А вот у меня есть такая потребность! Забудь, неважно.

— И к кому ты обращаешься?

— Да не имеет значения, к кому. Главное — что я никому ничего про это не говорю и имею возможность отключить телефон. К друзьям, знакомым, любовникам, просто иду в центр города. Хватит на меня так смотреть! — Йеппе пытался переосмыслить то, что только что сказал Йоханнес. Даже у самых близких нам людей есть свои тайны от нас. — Он заразил меня гепатитом, урод.

Йеппе схватился за голову:

— А Родриго?

Йоханнес замешкался.

— Тоже заразился.

— Что это значит? Я имею в виду, насколько это плохо?

Йоханнес потер лоб, на котором наметилась одна-единственная морщина.

— Курс лечения от гепатита С называют мини-химиотерапией.

— Йоханнес, мне...

— Я, точнее, мы еще должны сдать тест на ВИЧ в понедельник. — Он снова потер глаза и сделал большой глоток.

Йеппе не знал, что сказать. Он внезапно оказался по другую сторону зеркала, где все утрачивало смысл. Вопрос сорвался с его губ, прежде чем он успел подумать:

— Ты вчера был в моем доме?

— Что? Черт возьми, ты о чем? — Глаза Йоханнеса вновь сделались маленькими от выраженного в них презрения. Он бросил взгляд на часы. — Я должен убегать. Мне надо встретиться с одним человеком.

— С кем? — Йеппе сразу же пожалел об этом вопросе.

Йоханнес поднялся и кивнул сам себе. Затем похлопал Йеппе по плечу.

— До встречи! — Он надвинул козырек бейсболки на лоб и ушел не оглянувшись.

Йеппе сидел и пил пиво до тех пор, пока не обрел уверенность в том, что его ноги не подкосятся, когда он встанет.

* * *

Вообще-то, это было совсем не сложно сделать, если знать, как. Пол-литра средства для прочистки труб в бутылке из-под питьевой воды, которая, небрежно брошенная в сумочку, похожа на смертельное оружие не больше, чем пилочка для ногтей или коробочка с болеутоляющим. Если не считать того, что эта бутылка действительно представляет собой смертельное оружие. В умелых руках невинная бутылка заключает в себе смерть. Мучительную и неотвратимую.

Гости начали заполнять бар в отеле «Нимб», настало время приветственных напитков и поцелуев в щеку. Дизайнер Рольф Токлум в смокинге собственного изобретения встречал приглашенных. Он привлекал к себе внимание, раздаривал поцелуи, подмигивал и тепло улыбался. Основная часть такого мероприятия, как показ мод, происходит до начала самого показа.

И в отношении сегодняшнего мероприятия это было справедливо, как никогда. Шоу, происходящее непосредственно перед шоу, запомнится гостям надолго.

Сияние украшений и блеск губ, взрывы смеха и шумные ликующие крики. Просторное помещение с высоким потолком быстро наполнялось прекрасными людьми с дорогими сумками. Каждый из гостей украдкой пытался выяснить, куда его посадят и кто уже пришел. И вот внезапно появилась она. В брючном костюме красного шелка, в шляпе настолько комичной, что ультрамодность этого аксессуара не подвергалась никакому сомнению. Улыбающаяся, приветливая, неотразимая. Но не заблуждайтесь. Кристель Тофт несла в себе деструктивное начало, оно заявляло о себе везде, где бы она ни появилась. Эта женщина излучала радость, но радость ее строилась на фундаменте чужой боли.

Ее сопровождали две женщины, которым ни короткие платья, в которые они были одеты, ни излучаемые ими флиртующие взгляды

были давно не по возрасту. Они истерично хохотали, пребывая в легкой стадии опьянения. Она отпила из бокала. Они показывали друг другу фотографии крохотных пухлых младенцев и по очереди закидывали головы в приступе громкого неестественного смеха. Рольф Токлум подошел к ним и принялся смеяться вместе с ними, как будто его интересовала болтовня о младенчиках. Она сделала очередной глоток и огляделась в поисках места, куда можно было поставить пустой бокал. Ведь все должно быть предусмотрено. Она обошла помещение, чтобы убить время, меряя его не секундами, а шагами. Один шаг, пять, десять, тридцать пять. Вдруг раздался крик.

Кристель Тофт опустилась на колени прямо перед Рольфом Токлумом. Бокал упал на пол, разлетевшись на осколки, а пудреница и помада из сумочки покатались по полу и исчезли из виду где-то под каблуками-«шпильками» и дизайнерскими кедами.

— Что случилось? Что с ней случилось?

Возгласы не унимались и оборвались лишь с резким криком боли, от которого замер весь бар. Но лишь на мгновение. Паралич тут же сменился хаосом. Все носились вокруг как бешеные, старались перекричать друг друга, приносили воду и пытались всячески помочь.

Она стояла на коленях, прижав руки к губам, словно в молитве. Но удар был нанесен. Щелочная жидкость прошла сквозь пищевод, далее поразив желудочную полость, и просочилась в кровоток, чтобы подорвать существование изнутри, точно так же, как сама эта женщина подрывала существование окружающих людей.

Кристель Тофт тяжело приземлилась боком на пол. Из рта текла кровь, светлый деревянный паркет впитывал ее, как губка. Гости пропустили вперед доктора с портфелем. Распространившееся было по помещению бормотание смолкло, как только фельдшеры переложили ее на носилки и понесли к выходу.

Двум конец. Но с двумя другими еще предстояло расправиться.

* * *

«Привет, красотка. Извини, что долго не писал тебе. Я еще на работе. Вечером к тебе не успею. Давай перенесем встречу на завтра? Целую!»

Йеппе обратил взгляд внутрь себя. В течение дня Ханна не раз писала ему, а теперь он кормил ее наглой ложью. Но, по крайней мере, он не способен просто исчезнуть, и все. Он включил свет в прихожей. Прежде чем снять верхнюю одежду, он обошел дом и проверил, все ли двери закрыты. Не то чтобы ему хотелось провести этот вечер дома, но здесь хотя бы не обитало ни безумных кошек, ни обладающих завышенными ожиданиями двадцатичетырехлетних любительниц полемики. Вечер складывался весьма удачно. Агент по недвижимости оставил ему записку о том, что визит потенциальных покупателей прошел хорошо. Йеппе открыл окно в сад и вдохнул прохладный вечерний воздух. Ясное небо было усыпано звездами, Большая Медведица находилась прямо над его головой, а над соседской крышей висела белая растущая луна, которая готовилась к полному затмению во вторник.

Йеппе сидел на подоконнике и размышлял о том, что Йоханнес сказал о внезапном исчезновении и ощущении свободы от всех обязательств. Он жаждал одиночества, становился беспринципным в своем стремлении быть исключительно самим собой, без отношения к кому-то. Беспринципным до какой степени? Йеппе не понимал мыслей Йоханнеса. Долгое время после развода Йеппе чуть ли не болел от страха одиночества. Теперь все было иначе. В некотором смысле сейчас он чувствовал себя гораздо менее одиноким, чем в браке.

На кухонном столе завибрировал телефон. В голове пронеслась мысль, что сейчас он не выдержит разговора с Ханной, но ему тут же стало стыдно.

Звонила Анетта.

— Да, Анетта, что случилось?

— Только что на показе мод в «Нимбе» произошло, похоже, покушение на убийство.

— Кто на этот раз?

— Кристель Тофт. Певица. Везут в реанимацию. Мне ничего не известно о ее состоянии.

— Ты сказала, в «Нимбе»? Я надеюсь, все присутствующие задержаны?

— Встретимся там?

— Буду через пятнадцать минут!

Глава 10

— Кто она?

Йеппе положил блокнот на барную стойку, стараясь не оставить следов от пальцев на зеркальной поверхности. Что за страсть к совершенно непрактичным блестящим предметам обихода испытывают представители мира моды? Ну, по крайней мере, хоть дактилоскопистам с ними легко работается. Первый эксперт-криминалист из НЦК уже снимал отпечатки пальцев с помощью прозрачных пластиковых листов, клейкой ленты и талька. Йеппе подавил неприятный холодок, пробежавший по спине. Такое ощущение сопровождало его теперь всякий раз, когда он видел дактилоскописта за работой. События минувшего лета оставили глубокий след в его сознании.

Анетта расстегнула куртку и положила ее на пластиковый бар вместе с айпадом, в котором имела обыкновение делать пометки.

— Пострадавшая, как уже упоминалось, певица Кристель Тофт, тридцать четыре года, замужем за музыкальным продюсером Йоакимом Люкке. У пары есть сын почти шести месяцев от роду. Помимо записи пластинок пострадавшая принимает участие в различных шоу и телепрограммах. Ведет пресловутый блог, их сейчас заводят все кому не лень. Живет в Вестebro.

— Как оценивается ее состояние в данный момент?

— Как критическое. У нее сильно обожжен пищевод и гортань. Возможно, ее спасло то, что она не успела стошнить. Но пока неизвестно.

— То есть тот же метод, что и в случае с Альфой Бартольди?

— Похоже на то.

Йеппе оглядел помещение бара с высоким потолком. Подавленные гости мероприятия разделились на группы в ожидании допроса, которому подвергали всех присутствующих, прежде чем позволить им покинуть «Нимб». На их лицах отпечаталось такое же выражение, как у туриста, которого обманули, пообещав, что в стоимость поездки будут включены обеды. Полицейские были рассеяны по всему залу — они негромко беседовали с шокированными

свидетелями в остроносых ботинках. То и дело кто-нибудь из присутствующих поднимался с места и принимался вести взволнованный диалог по телефону, после чего, удрученный, усаживался обратно.

— Мы согласны с тем, что преступник в обоих случаях один и тот же? — Йеппе обратился к Анетте.

— Несомненно. — Она ответила без колебаний.

— Значит, это не Йоханнес.

Анетта отвела взгляд от экрана и непонимающие посмотрела на него.

— Во-первых, его тут нет. К тому же пару часов назад я встречался с ним в «МакКлууде».

— Где ты был? — Казалось, взгляд, которым она пробуравила его, проник вплоть до самых лопаток, до области, где обычно возникает мышечная боль при повышенных нагрузках на спину.

— Ты квасил в кабаке вместе с подозреваемым по делу, которое ты сам и расследуешь?

— Он больше не подозреваемый, я же уже сказал. Заткнись, Анетта, мы с ним дружим с подросткового возраста. А ты думаешь, как мне следовало поступить?

Анетта печатала что-то на айпаде и предпочла оставить вопрос без ответа. Йеппе никак не мог вернуться в прежнюю колею.

— Какой извращенный способ убийства, будь оно неладно. — Йеппе снял куртку и огляделся в поисках места, куда ее можно было бы положить.

— И жестокий. — Она злилась. Но хоть в чем-то их мнения совпадали.

— Если исходить из личного мотива, что могло объединять двух жертв?

— Хм-м... Альфа был консультантом по вопросам моды, Кристель ведет блог, где размещает оплачиваемые спонсорами посты. Оба выступают на радио и телевидении. Оба живут в Копенгагене.

— Завтра остановимся на ней поподробнее.

— Я попрошу Сайдани помочь. Я достану список присутствовавших на сегодняшнем показе, она сравнит его со списком гостей мероприятия, имевшего место в среду. Возможно, новая жертва

была и на вечеринке «Le Stan». Быть может, именно здесь стоит искать связь.

— Может быть. А что с персоналом? Те, кто обслуживал шоу, сотрудники общепита, официанты и так далее?

— С этой просьбой тоже обращусь к Сайдани.

Анетта снова сосредоточилась на айпаде. Йеппе, не глядя, положил куртку на барную стойку и направился в толпу.

В одном из мягких кресел сидел Рольф Токлум, окруженный целой группой сочувствующих. Один из них обнимал дизайнера за плечи и подливал ему вина в бокал, стоявший на журнальном столике. По бейсболке и волосам средней длины Йеппе опознал в нем Сёрена Вести. Он был в курсе, что Ларсен и Сайдани пытались связаться с ним несколько раз, но Вести не отвечал на их звонки и не перезванивал. А теперь он, как ни в чем не бывало, сидел в этом злополучном баре.

— Добрый вечер. Следователь полиции Йеппе Кернер. Разрешите присесть?

Вести кивнул, женщина, сидевшая на соседнем кресле, встала, освободив место. Йеппе понял, что это была Лулу Суй, лишь когда она удалилась. На ней были синие кожаные штаны, губы покрашены ярко-красной помадой, на голове красовался золотой тюрбан. Это была совсем не та невзрачная девушка, с которой он беседовал днем на лодке, но настоящая роковая женщина, гарцующая на высоченных «шпильках».

— Я так понимаю, инцидент произошел, когда прибыли гости, до начала показа.

— Вы хотели сказать, вместо показа!

— Попытка убийства всегда предпринимается некстати. Вы действительно стояли рядом с Кристель Тофт, когда ей стало плохо?

— Попытка убийства?! — Ошарашенный, Рольф Токлум глубоко задышал. — Мы спокойно стояли и разговаривали про ее сынишку, как вдруг она опустилась на колени и издала какой-то замогильный звук. Это было жутко.

Команда сочувствующих дизайнеру приятелей дружно подтвердила его слова невнятными носовыми звуками.

— Вы видели, что именно она пила? Возможно, заметили, кто подал ей бокал?

— Вероятно, кто-то из них. Но я не обратил внимания, что это было... — Он указал в направлении горстки молодых официантов, обступивших барную стойку. Анетта приготовилась записать их фамилии. — Гости суетливо забегали, внезапно все вокруг превратилось в хаос. Не менее пятидесяти человек, должно быть, одновременно позвонили в «Скорую».

— Откуда вы знаете Кристель Тофт?

— По нашим отраслевым мероприятиям. Она часто бывает на моих шоу, вносит в них элемент «звездности». Замечательная девушка. Никаких проблем с ней не бывает.

— Проблем?

— Ну да. Она милая и разумная. Не то что некоторые — думают, что их тут шапками закидают, причем... только потому, что они знамениты. — Друзья Рольфа Токлума одобрительно закивали. — Она в порядке?

— По крайней мере, сейчас она точно находится в хороших руках.

Йеппе повернулся к своему соседу:

— А вы, верно, Сёрен Вести? Я бы хотел перекинуться с вами парой слов без свидетелей.

Вести лаконично улыбнулся.

— Что ж, давайте.

Они встали, и Йеппе повел собеседника в пустынный коридор, где звук шагов тонул в толстом ковре ярких цветов.

— Я просто хочу сообщить вам, что вы можете быть объявлены подозреваемым...

— С какой стати?!

— Пока что вы не являетесь подозреваемым, однако должны знать, что это не исключено в ближайшем будущем, а потому вы не обязаны ничего говорить.

Вести мрачно поглядел на Йеппе. Затем поднял подбородок в утвердительном и одновременно снисходительном кивке.

— Вы заметили, в какой именно момент Кристель Тофт стало плохо?

— Нет, я только-только подошел, даже не успел ее поприветствовать. — Отвечая на вопросы, он отворачивался в сторону. Похоже было на дурную привычку.

— Это правда, что в среду вы присутствовали на вечеринке в Геологическом музее?

— Да.

— Вы общались с Альфой Бартольди в тот вечер?

— Нет. — Создавалось ощущение, что диалог начинает утомлять собеседника.

— Нет? Вы ни разу не подошли к нему за весь вечер? — Йеппе тщетно старался поймать его взгляд.

— Мой ответ будет отрицательным, сколько бы раз вы ни спросили. Я вообще его не видел.

— В среду вы пришли на мероприятие в сопровождении Лулу Суй? — Вести на мгновение приподнял уголок рта в подобии улыбки, в которой выразилось многое. — Сегодня также вы прибыли на показ вместе с Лулу Суй?

— Да, в числе прочих. Просто с местами произошла какая-то неразбериха, несмотря на то, что я договорился...

— Какие отношения связывают вас с ней?

— Отношения? Это кого-то волнует? — Йеппе наконец поймал его взгляд и ничего не ответил. Старая уловка, она работала всегда. — Она моя подруга. И мой экстрасенс.

Как будто наличие у человека персонального экстрасенса являлось одной из самых естественных вещей в мире.

— Причина вашего присутствия здесь?

— Я немного помогаю Рольфу Токлуму в ведении бизнеса. Как большинство творческих людей, он мало что смыслит в предпринимательстве. Я завязываю контакты с нужными людьми, помогаю выйти на правильные рынки, ну, и вношу свою лепту. — Он засунул руки в карманы и самодовольно усмехнулся.

— То есть вы инвестор?

Он рассмеялся.

— В данном случае речь идет скорее о спонсорстве, нежели об инвестициях как таковых.

— А какой вам от этого прок?

— У меня имеются контакты с богатыми бизнесменами, им нужны подходящие проекты для успешного брендинга. Я как раз выискиваю такие проекты. Искусство, мода, благотворительность, гастрономия.

— Это правда, что... — Йеппе обратился к своему блокноту, в который записал информацию, полученную от Томаса Ларсена, — ... что вы инвестировали в серию средств по уходу за кожей, созданную Альфой Бартольди, «A-Skin»? Довольно значительная сумма была потеряна, когда фирма обанкротилась, верно?

Похоже, Вести перестала забавлять их беседа.

— Если вы хотите поговорить о бизнесе, я предпочитаю пригласить своего адвоката.

— Пока это всего лишь общий предварительный опрос свидетелей, который... — Йеппе старался сгладить суровую реальность. Но это не работало.

Вести скрестил руки на груди.

— В отсутствие адвоката я не произнесу ни слова.

Йеппе заметил, что скорее всего они вызовут Вести на официальный допрос в выходные, так что ему придется платить своему адвокату по двойному тарифу. Затем сдержанно попрощался и направился к Анетте.

— Ты допросила Лулу Суй? — Йеппе говорил тихо, вплотную прикинув к ее уху, чтобы стоящие рядом люди ничего не услышали.

— Я понятия не имела о том, что она тоже здесь была!

Анетта показала на официантов, стоявших перед ними.

— Эти молодые люди разносили гостям напитки. Вообще-то они работают не в «Нимбе», но агентство пригласило их обслужить мероприятие. — Она щелкнула пальцами, чтобы привлечь внимание официантов. — Эй, кто из вас подал бокал Кристель Тофт перед тем, как она оказалась на полу?

Молодые люди отводили глаза и мешкали с ответом. Никто не признавался.

— Кто стоял в баре?

Загорелый юноша с длинными светлыми волосами, ниспадающими на белый накрахмаленный воротник, поднял вверх палец.

— Я подготавливал напитки вместе с Фионой. — Он махнул в сторону красивой женщины с выведенными у глаз длинными стрелками и густой темной косой. — Она только по-английски разговаривает.

Анетта откашлялась и старательно произнесла по-английски:

— Вы знаешь, что дать пострадавший человек для напитка? — От ее английского было мало толку. Она говорила примерно так же, как Ивонна из «Банды Ольсена»^[25], пытаюсь заказать напитки во время туристической поездки.

— У всех было одно и то же. — Барменша Фиона говорила, неестественно выпятив «утиные губки». — Коктейль с водкой и «лемон айс-ти», «пич айс-ти» на выбор.

— Типичные аисты на выбор?.. — переспросила Анетта, с отсутствующим видом записывая что-то в айпад.

— Холодный чай с персиковым или лимонным вкусом. — Парень из-за барной стойки пришел на помощь. — Все пили водку с холодным чаем. Ну вы понимаете, спонсорское соглашение. Производитель пытается вывести на рынок новый модный напиток. Без сахара.

— Ну ладно. И никто не помнит, кто обслуживал Кристель Тофт?

Официанты стушевались и принялись перешептываться, как школьницы на уроке физкультуры. Наконец худенькая девушка неуверенно вытянула вверх руку.

— Возможно, я, но не уверена. — Она сказала это так робко, что Йеппе скорее по губам прочитал, нежели услышал ответ. — Но напитки были уже налиты в бокалы, когда мы брали подносы. Мы просто предлагали их гостям. — Голос у девушки почти совсем пропал.

Анетта продолжала демонстрировать свои познания в английском:

— Никто видеть что-то необычное? Вообще что-то?

Она вопросительно посмотрела на пару барменов — те с сожалением пожали плечами и отвернулись.

Наступила тишина. Йеппе уныло оглядел бар, кишевший приглашенными, обслуживающим персоналом и топ-моделями. Шанс, что где-то в этой толпе бродит преступник, был велик. Прямо у них под носом. Если бы только шестое чувство, которое вроде у него имелось, обладало свойствами рентгена!

Йеппе просканировал толпу взглядом, открыл чистый лист в блокноте и направился к очередной группе гостей.

Глава 11

Суббота, 30 января

С субботним утром в квартире на Пемблинге Доссеринг были связаны особые ритуалы. Несмотря на то, что Эстер и Грегерс являлись пенсионерами, выходные имели для них особый статус. Не так уж просто бывает избавиться от некоторых привычек. Грегерс вставал с утра пораньше и с тросточкой отправлялся в булочную на Блогордсгэде за свежим хлебом, Эстер тем временем не спеша принимала ванну, а затем они вместе завтракали в гостиной у Эстер. Они не так уж много говорили, больше читали газеты, болтали о погоде да порицали бесстыжих уличных предпринимателей из Нёрребро.

Ближе к девяти часам Грегерс начинал суетиться и максимум через две минуты поднимался из-за стола и ковылял в свою комнату. Вскоре до Эстер доносились звуки радиопрограммы «Мэдс и Монополия». Для Грегерса это была кульминация уик-энда. Разношерстная компания авторитетных знаменитостей, плюс всегда непредсказуемые дилеммы, предлагаемые им на обсуждение, — развлечение такого рода прекрасно соответствовало требованиям Грегерса. Как и требованиям полутора миллионов слушателей, стоит заметить — не один он испытывал восторг по поводу этой передачи, хотя, как правило, он предпочитал держать свое восхищение при себе. К чему демонстрировать свой энтузиазм?

Эстер, как правило, продолжала читать газеты, незаметно приканчивая целый кофейник, да то и дело поглядывала в окно на Озера. По выходным она все-таки выкраивала полчаса на чтение «Политикен» и «Уикендависен», хотя почему-то считала это занятие пустой тратой времени. Она клала ноги на соседний стул и погружалась в мир газетных статей и хроники. Однако сегодня покой ее оказался недолгим. В десять минут десятого в гостиную вернулся разочарованный Грегерс, тяжело опустился на стул и принялся лихорадочно листать раздел культуры в «Политикен».

— Грегерс, что, сигнал пропал?

Старик покачал головой.

— Повтор дали. Я уже слушал этот выпуск.

— Вот оно что! Жаль. Как же могло случиться, что они не дали сегодня прямой эфир?

— Все из-за убийств. — Грегерс держал газету в вытянутой руке, пробегая взглядом последнюю страницу «Субботней жизни».

— Из-за каких убийств?

— Судя по всему, вчера вечером произошла новая попытка убийства. На этот раз жертва — Кристель Тофт.

Он сложил газету и положил на стол.

— И поэтому отменили сегодняшнюю передачу?

— Это нормально. Любой предлог сгодится, только бы устроить себе лишней выходной. — Грегерс отшвырнул газету и с огорчением посмотрел на Эстер. Как будто в случившемся была и ее доля вины.

— Но какое отношение имеют убийства к передаче «Мэдс и Монополия»?

— Ну, они ведь оба участвовали в той программе, ага? И вот теперь новый выпуск отменили. Из солидарности. Вроде как таким образом Кристель в больницу посылаются позитивные мысли и пожелания.

Эстер не слушала передачу «Мэдс и Монополия». Она предпочитала пластинки. А если и слушала радио, то это были «Краткие новости» на «Радио 24,7».

— То есть Альфа участвовал в этой передаче вместе с Кристель?

— Дорогая моя Эстер, состав «Мэдс и Монополия» постоянно меняется, но там обязательно должны присутствовать трое известных людей. — Грегерс даже не пытался скрыть раздражение ее невежеством. — Вместе с ведущим, Мэдсом Стеффенсеном — его-то ты знаешь? — ну вот, вместе они дают советы простым людям, которые мучаются сомнениями. Бывают там пустяковые и забавные проблемы, а бывают глобальные и серьезные. Альфу Бартольди и Кристель Тофт приглашали на программу довольно часто.

— Так-так, звучит забавно.

— Ха, не знаю, не знаю. Все-таки много кто из знаменитостей оказывается там в качестве эксперта-консультанта. Актеры, певцы, да, но также бизнесмены и политики. Даже министр образования и науки. Так что не думай, что тут какая-нибудь попса!

— В таком случае вполне логично, что сегодня решили отменить программу. Иначе получилось бы как-то невежливо...

— Ну пустили бы тогда что-нибудь другое вместо идиотского повтора.

Эстер на мгновение задумалась.

— Они оба участвуют в выпуске, который сегодня повторяют?

— Ну да, я же уже это говорил, дорогая Эстер. Скажи, ты что, совсем меня не слушаешь?

Эстер встала и подошла к магнитофону.

— Какая радиостанция?

— Они перебрались на «Р4». И слава богу! А то на прежней радиостанции давали в эфир совершенно невыносимую музыку.

Эстер нашла нужную частоту, и характерный голос Мэдса Стеффенсена наполнил комнату. Он читал письмо от слушателя, соседа которого сутки напролет очень громко занимались сексом, и который хотел, чтобы гости программы высказали свою точку зрения и предложили варианты решения его проблемы. Гости отвечали довольно дерзко; возможно, надо было просто привыкнуть к формату передачи.

— Ты не помнишь, они участвовали вместе еще в каких-нибудь выпусках, кроме этого?

— Конечно. Мэдс Стеффенсен подбирает гостей таким образом, чтобы они составляли разнородные группы и дополняли друг друга. В течение некоторого времени он не меняет состав групп. Многие из участников, как я уже говорил, приходят к нему уже много лет подряд.

Эстер взяла смартфон и открыла раздел «Подкасты». Этому обучил ее учитель пения Кристоффер. Она листала список программ. Имена Альфы Бартольди и Кристель Тофт мелькали довольно часто.

— Ну ладно, — сказал Грегерс, поднимаясь с места, — я все-таки не хочу опять слушать тот же выпуск. Пойду к себе, займусь чем-нибудь еще.

— Хорошо, Грегерс. Зови, если вдруг захочешь прогуляться.

Эстер выключила радио и вышла из-за стола. Убрала хлеб и масло, загрузила тарелки и чашки в посудомоечную машину и вытерла крошки со стола. Могло ли это быть простой случайностью? Она заглянула в холодильник, раздумывая, что купить к воскресному обеду,

на который она пригласила Грегера. Можно приготовить тушеную говяжью грудинку под соусом из хрена. Грегер будет доволен.

Еще немного постояв, изучая содержимое полупустого холодильника, она решительно закрыла дверцу, вернулась в гостиную, взяла смартфон, бумагу и ручку. Подключила к телефону наушники и начала слушать недавние выпуски.

* * *

Клиника интенсивной терапии № 4131 при Королевской больнице находилась на четвертом этаже в небольшом здании, оно стояло в тени двух огромных корпусов. Старшая медсестра Малена Вильямс поприветствовала Йеппе и Анетту крепким рукопожатием. Над верхней губой у нее имелись аккуратные, почти незаметные усики, которые переключали внимание на себя, когда она говорила. Йеппе все-таки заставил себя взглянуть ей в глаза, после чего проследовал за «эффектной» женщиной. Анетта семенила сзади.

Чуть дальше по коридору у одной из палат собралась небольшая группа людей: женщина в медицинском халате, молодой мужчина в кепке и рубашке с узором из крупных цветов и пожилая дама с младенцем на руках. С обеих сторон от собравшихся стояло по полицейскому, в которых Йеппе узнал сотрудников «Стейшн Сити». Медсестра предложила всем утренний кофе в крошечных пластиковых чашках; ее предложение приняли только полицейские.

— Главный врач Неллеманн рассказывает семье о дальнейшем лечении. Вам можно зайти к Кристель Тофт, только ненадолго. Ей установили зонд в пищевод, чтобы попытаться воспрепятствовать рубцовой ткани полностью перекрыть его. К сожалению, на данный момент это единственное, что мы можем сделать. Щелочные ожоги самые сильные, они постоянно продолжают появляться, и мы ничего не можем предпринять. Сейчас она спит, нам пришлось дать ей успокоительное. Обнаружены очаги некроза и множественные перфорации. Мы постоянно наблюдаем за желудочными повреждениями.

Йеппе попытался понимающе кивнуть, но она опередила его и объяснила:

— У нее серьезно поражены гортань и желудок. Есть риск, что в пищевод образуется сквозное отверстие, тогда воспаление перейдет в грудную полость, и...

Серьезно взглянув им в глаза, она продолжала говорить с наставляющей интонацией:

— Степень эрозии во рту и горле не позволяет ей глотать и говорить, так что даже когда она проснется, вы не сможете с ней побеседовать. До тех пор, пока ее состояние значительно не улучшится. Риск инфекционного заражения повышен, в связи с чем вам необходимо вымыть руки и надеть халаты поверх одежды. Постарайтесь побыстрее и не подходите к койке ближе, чем на один метр!

Йеппе и Анетте выдали по желтому одноразовому халату с прилагавшимися хирургическими шапочками. Старшая медсестра проводила их в палату, где на койке у окна лежала женщина тридцати с небольшим лет. Ее темные распущенные волосы были рассыпаны по подушке, вокруг закрытых глаз были заметны остатки вечернего макияжа. Кожа ее приобрела желтовато-серый оттенок, совершенно не характерный для кожи живого человека. Цвет напоминал предгрозовое небо.

Лишь когда они встали в метре от кровати, Йеппе обратил внимание на зонд, введенный в нос, и блеск металла между зубами. Челюсти Кристель Тофт были разведены специальной пластиной, которая не давала зубам сомкнуться. Внутри у Йеппе все перевернулось, когда он заглянул в открытый рот пострадавшей. Язык топорщился белесыми лохмотьями, на внутренней поверхности щек темнели пятна вытравленного мяса, зубы приобрели странный прозрачно-серый оттенок. Они молча стояли и смотрели на спящую женщину. Певицу, жену, мать. На женщину, которая ничем не отличалась от многих других женщин, кроме того, что кто-то пожелал ей смерти.

В коридоре стоял ее муж, Йоаким Люкке, рядом с тещей, держа на руках сына-младенца. Он был похож на гладкощечкого школьника, оказавшегося в ситуации, требующей «взрослого» подхода. Гораздо органичнее было бы представить, что он сейчас передаст ребенка взрослым, а сам беззаботно умчится на скейтборде куда-нибудь подальше отсюда.

— Добрый день, Йоаким. Я следователь полиции Йеппе Кернер. Из Главного управления Копенгагена. Это моя коллега, следователь полиции Анетта Вернер. Можно задать вам несколько коротких вопросов без свидетелей?

Йоаким Люкке осторожно протянул сына бабушке и проследовал за Йеппе в глубину коридора, где их никто не мог потревожить.

— Нам очень жаль, что это произошло с вашей супругой. — Короткая пауза, еле заметный кивок.

— Случившееся с ней вчера мы связываем со смертью Альфы Бартольди два дня назад. Поэтому мы расследуем это дело как попытку убийства. Правильно ли мы понимаем, что вчера вечером она приехала в «Нимб» на показ мод в качестве гостя?

Йоаким медленно снял кепку — возможно, считал неуместным беседовать на столь серьезные темы в головном уборе — и кивнул с отсутствующим видом.

— Она отправилась туда вместе с двумя подругами — Маленой Ангеловой и Карой... уф, Скривер. Они обе певицы. Я сейчас немного... не в себе.

— Это понятно. Мы постараемся покороче. Вы тоже там были?

— Нет, я музыкальный продюсер. Красные дорожки меня не интересуют. Всего за час до произошедшего она зашла домой побыть немного с Вернером и переодеться. Я все никак не могу поверить. — Он растерянно теребил кепку.

— Могла ли она позволить себе алкоголь на мероприятии в «Нимбе»?

— Да, это вполне возможно. — Отвечая, он не переставал удрученно покачивать головой. — Она совсем недавно отказалась от грудного вскармливания, чтобы иметь возможность выпить во время Недели моды. Вообще-то она уже из дома вышла немного под хмельком. — Йоаким Люкке виновато улыбнулся. — Ведь она очень долго не употребляла спиртное, так что ей было достаточно совсем чуть-чуть.

— А что именно она могла выпить?

— Понятия не имею, что-то с водкой, возможно... — Йоаким Люкке пребывал в нерешительности. Йеппе пытался оценить его умонастроение. Неестественная гнусавость и блуждающий взгляд

создавали впечатление, что человек действительно находится в состоянии глубокого шока.

— Как вам, вероятно, уже говорили врачи, она, судя по всему, выпила какое-то едкое чистящее вещество, подмешанное в напиток. Судебные химики еще не закончили анализ содержимого ее желудка, но на данный момент мы исходим именно из такого предположения. Есть ли у вас какие-то предположения о том, у кого мог иметься повод ее отравить?

Йоаким Люкке с недоумением посмотрел на Йеппе и яростно затряс головой.

— Нет! Совсем никаких.

— Хорошо. Замечательно. — Йеппе перешел к более нейтральным вопросам. — Она присутствовала на вечеринке «Le Stan» в среду вечером?

— Она тусовалась на Рефсхалеёэн и рано вернулась домой. До полуночи.

— В ее круге общения кто-то мог быть обижен на нее? Обижен настолько, чтобы решиться причинить ей боль? Бывший возлюбленный, например?

Йоаким скрестил руки на груди, словно для обороны.

— Что с нами будет? Если она потеряет голос... Мы ведь живем благодаря ему. А Вернер? А что, если она умрет?

Анетта крепко обняла его за плечи в успокаивающем жесте.

— Врачи в наше время чрезвычайно талантливы. Она находится в хороших руках.

Йоаким Люкке кивнул, совсем не убежденный.

— Мне вовсе не хочется оказывать давление, но — вы можете предположить, что кто-то хочет навредить ей? — Анетта умела говорить мягким и теплым голосом, когда хотела.

Йоаким Люкке покачал головой и вытер глаза скупыми нервными движениями. Тяжко выдохнул.

— Кристель — самый милый, добрый и совестливый человек, которого я когда-либо встречал. Мысль о том, что кто-то хотел причинить ей зло, абсурдна.

— Фанат? У нее были проблемы с навязчивыми поклонниками?

Это предположение едва не заставило парня рассмеяться — он издал грустный звук, который, однако, оборвался в одно мгновение.

— Препжний возлюбленный? У нее наверняка были парни до тебя. При всем уважении. — Анетта сказала это и впрямь с неподдельным уважением.

— Ничего серьезного не было. Она некоторое время встречалась с одним парнем, но без каких-либо обязательств. Они не жили вместе. У них до сих пор сохранились прекрасные отношения. — В его голосе не было ни намека на враждебность. Особенно если учесть, что его жена лежала за стенкой с обожженными внутренними органами.

— Вы знаете его имя?

— Сёрен Вести.

Йеппе с Анеттой переглянулись. Этот человек был повсюду.

Телефон Йеппе завибрировал, он взглянул на экран. Эстер ди Лауренти. Он отошел в сторону и принял вызов.

— Кернер слушает.

— Привет, Йеппе. Это Эстер. Ди Лауренти.

— Я и не знаю никакой другой Эстер.

— Знаешь, я сразу перейду к делу. Возможно, все это ерунда, но я обнаружила кое-что, объединяющее обеих жертв. — Санитар, проходивший мимо, несколько раз ткнул себе в горло указательным пальцем, тем самым сообщая Йеппе, что здесь нельзя разговаривать по телефону. Остроумно.

Йеппе направился к выходу.

— Эстер, о чем вообще речь? Вам нужна помощь?

— Я говорю об убийстве Альфы Бартольди и покушении на Кристель Тофт. Я нашла связь между ними. Хочешь узнать, какую?

Краем глаза Йеппе заметил, что Анетта машет ему рукой. Он поднял два пальца, чтобы показать, что сейчас подойдет, однако она замотала головой и помахала опять. Чересчур эмоционально. Йеппе направился обратно к Анетте и Йоакиму Люкке.

— Извините, Эстер, я сейчас немного занят. Давайте я перезвоню?

— Хорошо. Или заходи, если есть время.

Йеппе сдержанно принял приглашение и положил трубку.

Анетта обратилась к нему, когда он был еще на расстоянии пары метров.

— Кернер, послушай. А ты знаешь, к кому зашла Кристель Тофт по дороге в «Нимб»? После того, как дома переделалась?

Йеппе с раздражением пожал плечами. Игра в угадайку редко доставляет удовольствие кому-то, кроме задающего вопросы.

Анетта бесцеремонно ткнула указательный палец в грудь Йоакиму.

— Повтори-ка ему!

Йоаким Люкке пребывал в нерешительности.

— Ну, в общем, как я уже сказал, она одолжила пиджак после вечеринки. В мороз она никогда не одевается по погоде.

— И у кого же она его позаимствовала? К кому она договорилась заехать и отдать пиджак по дороге в отель «Нимб»? В пяти минутах ходьбы от отеля?

Йеппе заметил пульсирующую вену у Анетты на шее.

— К Йоханнесу Ледмарку! Во вторник вечером в Ратуше она одолжила у него пиджак. У него было пальто, так что он мог обойтись и без пиджака.

Пол закачался у Йеппе под ногами. Голос Анетты металлом звучал у него в ушах, пока он пытался сформулировать вопрос и никак не мог подобрать нужные слова.

* * *

— Я же просил омлет на яичных белках, а не яичницу-болтунью! Ах ты черт побери, никогда тут не могут ничего сделать по-человечески!

Сёрен Вести грохнул куполообразную серебряную крышку обратно на тарелку, запахнул махровый халат и с раздражением сел на обтянутый шелком стул. Он не собирался сейчас звонить в рум-сервис, придется ему съесть эти проклятые яйца и оставить жалобу при выписке из отеля. Кстати, надо не забыть оплатить номер-полулюкс картой «Американ Экспресс», а не обычной датской кредиткой.

Вид на заснеженную Конгенс Нюторв немного смягчил его гнев. Чего не скажешь о его спутнице, расположившейся на полу для утренней йоги. Сёрен Вести украдкой посмотрел на нее, пытаясь вспомнить ее имя. Ида, Эмма — что-то заканчивающееся на «а»... э, нет, не помнит.

Накануне вечером он неожиданно снял номер в «Англеттер». Вести не захотел тащиться в Тарбэк, когда полиция наконец-то разрешила им покинуть «Нимб», а Ида-Эмма так чудесно взбодрила его на мини-вечеринке «для двоих». Он прикупил грамм кокаина и магнум шампанского «Круг», чтобы провести зажигательную ночь. К сожалению, Ида-Эмма оказалась серьезно настроенной девушкой, чуть ли не недотрогой. Совсем не его тип.

Он макнул масляный круассан в кофе и нагло уставился на нее. Приятное тело, упругое, юное. Совершенно невинное личико. В данный момент оно выражало глубокую сосредоточенность, а тело было вывихнуто в совершенно несексуальной позе.

— Ты что делаешь? Завтрак прибыл!

— Растягиваюсь, — ответила девушка, словно это имело какое-то значение, и перекатилась на живот.

Вести оставил попытки поднять ее с пола и открыл утреннюю газету «Берлингер». В первую очередь, само собой, новости бизнеса, хотя субботние материалы посвящались в основном экономике частного сектора. Он с удовлетворением пролистал газету, вытер джем с подбородка и углубился в чтение статьи об уровне некомпетентности в соответствии с принципом Питера^[26].

Некомпетентность одного — выгода для другого. Он улыбнулся про себя.

Альфа так никогда и не выяснил, что случилось на самом деле. А теперь слишком поздно. Вести старался проявить солидарность, даже прямо признавал, что ему стыдно за допущенное банкротство, ведь он чувствовал свою ответственность за произошедшее. «Ну что я за бедоносец! Хотя что тут поделаешь, склад просто-напросто сгорел». Вести понимал, что существуют победители и проигравшие, так какой смысл смягчаться, когда проигравшие плачут? Когда-то он и сам потерпел фиаско. Оставалось лишь одно: подняться и вернуться на поле боя.

Вести отбросил халат в сторону и опустил взгляд на собственное тело. Крепкое прекрасно функционирующее тело победителя, неизменно сопровождавшее его комфортное существование. Внутри разливалось блаженство. Больше не о чем было беспокоиться. Теперь главное лицо фирмы не имеет возможности протестовать, когда Вести переложит всю вину на него. А Вести так и поступит. Возникнет много

вопросов, в этом он не сомневался. Он даже удивлялся, что вопросы пока еще не посыпались.

Эта мысль грозила испортить его безоблачное настроение.

Он отложил газету и посмотрел на молодую женщину, которая теперь выполняла растяжку спины, задрав ноги выше головы.

— Субботнее утро, мы находимся в дорогом отеле, завтрак на столе. Уместно ли сейчас заниматься гимнастикой? Может, лучше кофе выпьешь?

Розовощекая девушка опустила ноги и села на пол.

— Ты же не любишь разговаривать, мистер Кроссфит-три-раза-в-неделю! Ты мне сам вчера об этом сказал.

Вести улыбнулся. О своих тренировках он бы с удовольствием поговорил. А еще ему очень нравились ее розовые щечки.

— Физические упражнения — это прекрасно, но всему свое время, дорогуша. Иди сюда, возьми булочку или йогурт, или чем ты там завтракаешь...

Она осталась сидеть на полу, глядя на него большими круглыми глазами.

— Ты ведь тоже был знаком с Альфой. Ты слышал, толкуют, будто...

Вот о чем Сёрен Вести совсем не хотел сейчас говорить, так это об Альфе Бартольди, а уж тем более говорить о нем с человеком, который его знал. Выражение лица Вести стало суровым.

— То, что произошло, поистине ужасно. Но лучшее, что мы можем сделать, это поддержать полицейских в их работе. Садись скорее за стол и дай мне спокойно почитать газету, золото мое.

Вести открыл новую страницу и поднял ее повыше, так что она отделила его от девушки, блокируя их возможное общение. Посреди страницы красовалась большая фотография Альфы. Некролог.

Ида-Эмма стукнула рукой по газете.

— Что же все-таки случилось с «A-Skin»? Как это она могла обанкротиться? — Девушка, вставшая перед ним, выглядела весьма непримиримо.

— О чем ты говоришь? — Он сам услышал изумление в своем голосе.

Скрестив руки на груди, она серьезно смотрела на него. Мысли Вести ускорились, как спринтер, накаченный допингом. Что именно

было ей известно? Он проявлял большую осторожность, ни с кем ничего не обсуждал, замел все следы.

— Послушай, э-э... — Он рискнул: — Ида, я не понимаю...

— Мария! Меня зовут Мария! Уже забыл? — Ее губы растянулись в презрительном изумлении.

Вести опустил глаза. И его взгляд упал на титульную страницу — «УБИЙЦА ИЗ МИРА МОДЫ НА СВОБОДЕ!», затем вновь вернулся к девушке. Кожа на руках пошла крошечными противными мурашками. Он должен во что бы то ни стало выставить эту женщину вон.

Глава 12

— Теперь ты видишь?

Йеппе, сидевший в каминном кресле «с ушами», подался вперед и посмотрел на двух мопсов Эстер ди Лауренти, которые дрыхли на исфаханском ковре. Время шло к одиннадцати. Анетта высадила его у Пеблинге Доссеринг, а сама отправилась в Управление, где намеревалась продолжить пристальное изучение личности Йоханнеса. Он никак не мог присутствовать при этом. Напротив, он бы с удовольствием отыскал волшебное слово, которое навсегда вычеркнуло бы имя Йоханнеса из текущего расследования. Теперь же остановить Анетту было все равно что пытаться удержать скорый поезд куском бечевки.

Вообще-то Йеппе не стремился здесь оказаться, но в данный момент просто не представлял себе, чем еще можно заняться. Пересиливая себя, он поддержал беседу.

— Итак, обе жертвы принимали участие в одной программе, там и познакомились друг с другом. Мне кажется, что пересекались они и при других обстоятельствах, связанных с их профессиональной деятельностью. У нас по-прежнему отсутствует мотив.

— А мотив можно найти в содержании передачи, в этом и заключается моя догадка. По крайней мере, это предположение стоит проверить наряду с остальными.

Эстер стояла у небольшого письменного стола, заваленного книгами и бумагами. Ее лицо, испещренное сетью тонких морщинок, активно участвовало в акцентировании каждого произносимого слова.

Йеппе отпил кофе — теплый и крепкий напиток неожиданно пробудил в нем желание устроить себе «лыжные каникулы». Уехать куда-нибудь далеко-далеко.

— Объясните мне, пожалуйста, еще раз, что вы имеете в виду.

— Хорошо. Ты знаешь радиопрограмму «Мэдс и Монополия»? Каждую субботу ведущий и три приглашенные знаменитости обсуждают большие и маленькие дилеммы, встающие перед простыми людьми.

— Мы раньше слушали ее. Терезе нравилось. — Йеппе как сейчас представил себе субботний день, домашнюю уборку, проходившую под звуки радио, обсуждение планов на будущее. Одиночество вдвоем.

— Судя по всему, она нравится многим. Ну, слушай дальше. Подавляющее большинство дилемм абсурдные и глупые, типа — «На одни и те же выходные меня пригласили на золотую свадьбу и отдохнуть на курорте — что мне делать?». Но некоторые довольно-таки содержательные. В каждой программе есть как минимум по одной серьезной дилемме. Пока что я прослушала не так много выпусков, к тому же иногда позволяла себе прокрутить вперед, но общий каркас, видимо, таков.

— Серьезная дилемма...

— Не стоит так скептически реагировать, Йеппе, случалось ведь раньше, что я была права.

— Случалось, это точно. — Он не удержался от улыбки.

— А что, если один из слушателей оказался недоволен советом экспертов и теперь мстит им?

— Месть за дурной совет, услышанный в радиопередаче?

— Да-да, я все понимаю. Мне и самой пока что не вполне ясна идея. Я говорю лишь о том, что обсуждаются серьезные темы. Мотив может скрываться в каком-то из конфликтов, затронутых «Монополией». Неуравновешенный слушатель или родственник, решивший отомстить. — Эстер положила смартфон на стол и принялась что-то искать в нем. — Послушай, например, такую дилемму. Выпуск от ноября прошлого года. — Она включила запись, немного промотала ее вперед и предоставила слово Мэдсу Стеффенсену.

Итак, давайте послушаем. Я получил письмо от слушателя, условно назовем его Пребен.

«Дорогие Мэдс и Монополия,

Мне двадцать один год, я гомосексуалист. Я всегда был уверен в этом и не испытывал никаких неудобств в связи со своей ориентацией. Дилемма заключается в следующем. Моему отцу уже давно поставили диагноз рак, а недавно нам сказали, что ему осталось жить совсем мало. Я никогда не рассказывал отцу о том, что я гей. Он даже не подозревает. Сейчас он умирает. Должен ли я сказать ему или нет? Мы с отцом всегда были лучшими друзьями, он чудесный человек, и я ни

за что на свете не хотел бы причинить ему боль. Однако он формировался в ту эпоху, когда гомосексуализм считался неестественным и ненормальным. Я думаю, он сильно расстроится, когда узнает, что я гей. Моя мать все знает и относится к этому нормально.

Отец при смерти, и я не знаю, стоит ли говорить ему о моей сексуальной ориентации. Если бы однажды мне представилась возможность все ему рассказать, я бы непременно так и поступил, но теперь все осложняется его болезнью. Я в больших сомнениях.

Я больше склоняюсь к тому, чтобы ничего не говорить, так как он сейчас очень уязвим, я не хочу бросать бомбу на его смертное ложе. В то же время мне нелегко думать о том, что я проживу остаток жизни с сознанием утаивания от отца моей настоящей идентичности.

Итак: мне лучше молчать и всячески поддерживать отца в его последние дни или рассказать ему о своем гомосексуализме, рискуя, что он проведет остаток жизни в печали? Я не знаю, что выбрать.

Искренне ваш,

Пребен».

— Пребен?

— Этим именем они называют всех слушателей, которые желают сохранить анонимность, — пояснила Эстер. — Я тоже сначала удивилась. — Она отложила телефон и посмотрела на Йеппе. — Можно не слушать последующее обсуждение. Я только вкратце скажу, что эксперты посоветовали Пребену признаться отцу в том, что он гей.

— И только? — Йеппе почувствовал подступающую головную боль в области между глазами.

— Нет, не только. Сначала они высказались о том, какую важную часть нашей идентичности составляет сексуальность. Обсудили, действительно ли стоит расстраивать старого больного человека. Но в итоге пришли к выводу, что родительский долг заключается в поддержании собственных детей во всем, кроме преступлений.

— Наверное, они правы. — Йеппе закрыл глаза. Небольшая пауза, и он снова будет в порядке.

— Несомненно! — Эстер сцепила руки, как восхищенный родитель девочки, участвующей в шествии в честь святой Люсии. — Но вовсе не обязательно, что так считают все.

— А они потом не отслеживают, как разрешается эта дилемма в реальности? Я, кажется, несколько раз слышал продолжение подобных историй. — Поднявшись с кресла, Йеппе смахнул с брюк собачью шерсть. Его терпение подходило к концу.

— Они отслеживают развитие ситуации лишь в некоторых случаях. Эта конкретная дилемма осталась без продолжения. Что там дальше было, кто его знает?

Йеппе пытался осознать, есть ли в предположении Эстер рациональное зерно, но отвлекся на стаю чаек, прорезавших яркое небо над озером Пемблинге. Его лучший друг все глубже и глубже погружался в зыбучий песок.

— Послушай. Если у вас уже имеется подозреваемый и ясен мотив, скажи мне, и я заткнусь. Я прекрасно понимаю, моя догадка звучит дико, но если вам больше не за что зацепиться...

На данный момент им как раз было за что зацепиться. Вдобавок к тому, что Йоханнес заразился гепатитом, ему теперь угрожает публичное ниспровержение. А еще он виделся с обеими жертвами незадолго до совершения преступлений. Переполненный жаждой мести слушатель являлся не лучшей альтернативой на место подозреваемого. Но все-таки это лучше, чем ничего.

* * *

Будь прокляты беспечные идиоты!

Новенький «Мерседес-Бенц» Е-класса настолько провонял духами, что Миккелю Хустеду пришлось на несколько минут опустить все четыре стекла, только после этого он смог нормально дышать. Он высадил ультрасовременных блогерш у зала на Амагере. Они прибыли на званый обед, который, очевидно, пройдет в непосредственной близости от бродяг из Сундхольмен^[27]. Трое подруг, которых он возил с восьми утра, в изготовленных из кожи редких животных туфлях на «шпильках», остановились и принялись фотографировать алкашей, представлявших собой экзотическое зрелище в их прекрасном мире без изъянов.

Он ослабил галстук, на ношении которого настаивало агентство по найму, когда водители обслуживали ВИПов, съехавшихся на

Неделю моды, и посмотрел на часы на приборной панели. Двенадцать часов. В запасе оставалось два часа на то, чтобы вернуть машину в гараж; он управится раньше. Он отключил навигатор и направился к Херлеву. Этот маршрут был настолько хорошо ему знаком, что он мог запросто преодолеть его с закрытыми глазами. Двигаясь по городу в сторону эстакады Биспеэнгбуэн, он подсчитал, сколько дней наработал за последние двое суток, и прикинул, сколько ему за это причитается. Труд шофера был тяжелым, зато хорошо оплачиваемым. Он был бы не прочь возить людей чаще, чем несколько раз в год, как получалось в последнее время.

Он опустил козырек от солнца и, остановившись на светофоре рядом с Центром Грёндаля, бросил взгляд в зеркало. Курилка Роберт, приятель, который рекомендовал агентству его нанять, посоветовал лучше следить за собой, если он хочет работать больше. Сегодня он сделал все, что было в его силах: побрился, вымыл голову в бане «Сьелландсгэдебэдэт», однако глаза все равно были красными, разоблачая ежедневное злоупотребление джойнтами.

Просто сейчас у него был переходный период. Он обязательно возьмется за свой внешний вид, как только худшее останется позади.

Он припарковался в промышленном районе за больницей Херлева перед блочным домом с красочными плакатами над входом и трехметровым медведем из папье-маше в качестве швейцара. Снял галстук и взъерошил аккуратно прилизанные волосы. Пот начал собираться над верхней губой, как всегда. Как только он войдет, волнение уляжется. Он вытащил из машины бутылку воды, лежавшую в дверце, достал из «бардачка» руководство пользователя, взял куртку, как попало свернув ее и засунув этот бесформенный комок под мышку. Сделав глубокий вдох, вылез из машины.

Девушка-подросток за прилавком едва удостоила его взглядом, когда он попросил билеты для себя и дочери. Миккель посмотрел на игровой зал за спиной девушки и крикнул:

— Аста. Аста! Ну вот, уже убежала. Они все такие нетерпеливые, ну ты сама знаешь.

Девушка распечатала билеты, взяла деньги и попросила снять обувь. Ее совершенно не интересовали ни молодой папаша, ни его мнимая дочь. Он заплатил, любезно улыбнулся и поставил ботинки в шкафчик, после чего прошел в зал, все еще держа под мышкой

руководство и свернутую куртку. Родители никогда не бывают с пустыми руками.

Игровой зал представлял собой просторное помещение со стенами из желтого кирпича, украшенными фотообоями с изображением хвойного леса. Пол был застелен красным линолеумом, на котором расположились надувные батуты, горки и сухой бассейн. По субботам здесь всегда было полно народу, но это даже к лучшему. Проще было раствориться в толпе разутых родителей, жующих картошку фри. Ему удалось найти место у одного из столиков, накрытых зелеными клетчатыми клеенками. Он устроился там, дружелюбно кивнув другим родителям, и с головой окунулся в чтение руководства.

Так он выдержал десять минут. Важно было сразу прикинуться чьим-то скучающим отцом. Тогда к тебе никто не будет приставать. Удостоверившись, что на него никто не смотрит, он положил руководство на колени и лениво откинулся на спинку стула. Вокруг столов носились дети всех возрастов: от совсем маленьких мальчиков в подгузниках до школьниц с косами и пухлыми руками, облаченных в платья из джерси. Молочные зубы, ямочки на щеках, челки, топот и тугие животы. Он сцепил руки на куртке, лежащей на коленях, и с улыбкой наблюдал за детьми.

* * *

Головная боль усилилась, пока Йеппе созывал свою команду на дневной брифинг в Управлении. Все казались утомленными и до того подавленными, что сразу становилось понятно: дело выскальзывало у них из рук, как кусок мыла. Йеппе вкратце сообщил о состоянии Кристель Тофт, представил обстоятельства совершения покушения перед показом мод в «Нимбе», а также рассказал о том, что некогда она состояла в любовных отношениях с Сёреном Вести. Йеппе подчеркнул: в дальнейшей работе они должны исходить из того, что покушение на Кристель Тофт и убийство Альфы Бартольди совершил один и тот же человек. Поразмыслив над тем, стоит ли упоминать о наблюдении Эстер ди Лауренти, он все-таки поделился сведениями об участии обеих жертв в «Мэдс и Монополии». Эта информация вызвала

среди собравшихся примерно такую же реакцию, с какой он сам ее принял, то есть не пробудила ни малейшего интереса.

Томас Ларсен вызвался провести официальный допрос Вести об инвестициях в «A-Skin» и его отношении к обеим жертвам. По его собственным словам, он-то умеет найти подход к деловым людям.

Сара Сайдани была немногословна. В первую очередь она хотела получить обещанную помощь, чтобы побыстрее завершить поиск информации и телефонные допросы гостей вечеринки. Она по-прежнему работала над этими заданиями в одиночку. Сегодня суббота, и совсем скоро ей надо было отправляться домой, чтобы отпустить мать, сидевшую с ее дочками. Йеппе пообещал помочь, как только сможет. Он кратко наметил маршрут, проделанный Йоханнесом с момента ухода с вечеринки в среду до вчерашней встречи в «МакКлууде», упомянув его исчезновение и ссору с Альфой Бартольди, а также тот факт, что Кристель Тофт заходила к Йоханнесу незадолго до трагедии, разыгравшейся в «Нимбе». Затем он передал слово Анетте и покинул помещение.

Это было невыносимо. Руководитель следственной группы не может являться лучшим другом подозреваемого. Этот факт автоматически дискредитирует его. Но он будет продолжать работу до тех пор, пока его кто-либо не остановит, и неважно, какие при этом окажутся последствия для профессиональной карьеры. В туалете он два раза тщательно вымыл руки, высушил их и машинально полез за таблетницей с морфином, прежде чем вспомнил, что завязал. Купив в столовой кофе, Йеппе прошел мимо зала для совещаний, где его коллеги продолжали обсуждение, сел за рабочий стол и ощутил волнение. И бессилие. Допив кофе и помучившись еще пять минут, он смял пластиковый стаканчик и взял телефон.

Ему ничего не оставалось, как только последовать примеру своей напарницы и взяться за работу.

— Вы позвонили на «Дэнмаркс Радио».

— Добрый день. Я хотел бы поговорить с кем-нибудь из редакции программы «Мэдс и Монополия».

— Секунду.

В телефоне снова слышались гудки ожидания. Йеппе уже почти отчаялся, как вдруг из трубки прозвучал хорошо поставленный женский голос:

— Алло.

— Добрый день. Вас беспокоит следователь полиции Копенгагена Кернер. Я попал в редакцию «Мэдс и Монополия»?

— Да.

— С кем имею честь разговаривать?

— Маргит. Редактор программы.

— Вы можете уделить мне минутку?

— Вообще-то я уже собиралась уходить домой. Пары минут хватит? — Ее манера общения была прагматичной, но не враждебной.

— Посмотрим, хватит или нет. Речь идет об Альфе Бартольди. Я думаю, вы слышали о...

— Слышала, конечно. — Казалось, она встревожена или даже не на шутку взволнована случившимся.

— Вчера, о чем вы, возможно, тоже знаете, произошло то, что мы признаем покушением на Кристель Тофт.

— Как раз сегодня она должна была прийти на передачу первый раз после рождения ребенка. Так что я в курсе.

— Хорошо. Наше внимание привлек тот факт, что Альфа Бартольди и Кристель Тофт нередко участвовали в «Монополии» вместе. Пока непонятно, имеет ли это какое-то значение, но в ходе расследования мы обязаны изучить все аспекты.

Йеппе вытащил из ящика блокнот и, щелкнув ручкой, приготовился записывать.

— Естественно.

— Вы когда-нибудь получали письма от обращающихся к вам с просьбой о помощи слушателей, которые были недовольны прозвучавшим в «Монополии» советом?

Она устало засмеялась.

— Каждую неделю нашу передачу слушает полтора миллиона человек, мы затрагиваем темы, которые вызывают бурную эмоциональную реакцию. А потому — да, к нам приходит много писем с выражением недовольства.

— В какой степени вы следите за дальнейшим развитием обсуждаемых ситуаций?

— Еженедельно мы возвращаемся к одному из сюжетов, затронутых в предыдущем выпуске. Кроме того, иногда мы устраиваем

дополнительное обсуждение, если дилемма особенно сложная и интересная.

— Но в основном нет?

— У нас просто нет на это времени. Все, наверное, думают, что у нас большая редакция, но на самом деле здесь работаем только мы с Мэдсом. Секундочку! — Она прикрыла трубку рукой и крикнула кому-то: — Да, я еще здесь!

— Если нам понадобится подробнее разобраться в некоторых уже прозвучавших дилеммах, вы сможете помочь мне установить личности людей, обратившихся к вам с проблемой, чтобы мы попытались их найти? — Йеппе поймал себя на том, что он выводит в блокноте какие-то каракули.

— Но мы обещаем им сохранить анонимность.

— Речь идет о расследовании убийства.

— Мне необходимо посоветоваться с нашим юридическим отделом. Я не могу брать на себя ответственность в решении этого вопроса. Какая именно дилемма вас интересует?

Йеппе открыл страницу блокнота с датой и номером выпуска передачи.

— Как-то к вам обратился молодой человек с вопросом, должен ли он сообщить умирающему отцу о своем гомосексуализме?

— Я хорошо помню этот выпуск, он произвел впечатление на всех нас. — Ее голос несколько смягчился. — Вообще-то мы подготовили продолжение, но не пустили его в эфир.

— Почему?

— Хм-м... оно оставляет какой-то... неприятный осадок.

— Поясните.

Она мешкала с ответом.

— Мне необходимо получить зеленый свет от юриста, прежде чем рассказывать.

— Ваше право. Но насколько я могу судить, ситуация разрешилась не лучшим образом?

— Да. Очень жаль, конечно, но так уж получилось. Мы ведь не можем контролировать, как именно применяют люди совет наших экспертов или как будет развиваться конфликт.

— Ведь люди звонят именно потому, что они сомневаются...

— «Монополия» не концентрируется на освещении проблемы. Основное для нас — это дискуссия. Эксперты обсуждают конфликт, но не определяют последствия.

— А где сейчас этот парень?

— Я не знаю.

— Насколько быстро вы можете выяснить, имеете ли вы право сообщить нам его контакты?

— Вопрос заключается в том, смогу ли я сегодня отловить кого-нибудь из юридического отдела.

— Вопрос заключается в том, придется ли мне ускорить процесс с помощью суда. Правда, в таком случае всякие формальности отнимут у вас некоторую часть выходных...

В трубке повисла тишина — судя по всему, женщина размышляла, чем пожертвовать: соблюдением регламента или своим свободным временем. Затем послышался стук пальцев по клавиатуре.

— Электронное письмо с его адресом будет у вас через две минуты.

Глава 13

Ледяная каша скребла корпус лодки с монотонным шумом, заглушающим крики чаек. Лулу Суй слушала звуки окружающей природы, на выдохе выпуская изо рта клочки пара. Она отыскала свитер и натянула его. Жить на воде становилось холодно и тесно, надо было подумать о переезде на новое место. По многим причинам.

Все пошло наперекосяк, она уже поняла это. Только — как остановить волну, созданную из многолетней ненависти, которая неуклонно нарастала и пробуждала из пучины жутких монстров?

В ушах у Лулу Суй загудело. Так начиналось всегда. Подрагивание кончиков пальцев на правой руке и гул в ушах. Сердце забилось быстрее, дыхательный процесс переместился, казалось, из легких куда-то под ключицу, на спине выступил пот.

Устранен по меньшей мере один.

Она закрыла глаза и замерла. Странное ощущение на мгновение заполнило все тело и ушло. Она не спешила.

Лулу Суй присела на корточки и погладила небольшой алтарь, установленный на лодке. Это успокаивало ее. Он был украшен свечами, рядом стояли миска с кукурузной мукой и медный талисман, который когда-то в Кристиании дал ей бокор^[28]. В теле пульсировала энергия приближающегося лунного затмения — в алхимии затмение символизирует свадьбу Луны и Солнца, метаморфозу материи, смерть и возрождение.

Через пару минут она встала. Пришло время действия, а не исцеления. Ей предстояло проявить ловкость и оперативность.

Лулу Суй взяла в руки календарь в кожаном переплете, чтобы проверить баланс доходов-расходов. Надо было подсчитать имеющиеся в ее распоряжении финансы. Она на мгновение задумалась, стоит ли поторопить Рольфа Токлума с выплатой гонорара, но решила пока подождать. Он имел полное право усомниться в том, что она действительно очистила от дурной энергии помещение в «Нимбе». Но долги остались и у других. За очищение энергетике и за другие, неофициальные услуги. Лулу Суй проверила содержимое красной лакированной сумочки, спрятанной в надежное место на

лодке, где хранились все ее ценности, в том числе и наличные деньги, сложенные в аккуратные пачки, перехваченные резинками. Денег было много. Но достаточно ли?

Она снова посмотрела в календарь. Затем взглянула на список клиентов. Она знала много секретов. И если ей нужно раздобыть побольше денег за оставшиеся несколько дней, придется распрощаться с деликатностью.

* * *

Снег густо валил с копенгагенского неба, на улицах был гололед, так что Йеппе с Анеттой предпочли городскую электричку, чтобы доехать с Центрального вокзала до Нёрребро через Рюпаркен. На станции Нёрребро они вышли на переполненный перрон, где, извиняясь направо и налево, им пришлось проталкиваться сквозь толпу, чтобы добраться до лестницы, ведущей на улицу. Судя по всему, на станции встречалась какая-то группа молодых мамаш или им повезло наткнуться на детсадовскую экскурсию, потому что все вокруг было уставлено детскими колясками, которые блокировали входы и выходы из вагонов. Бирюзовый купол мечети имама Али возвышался над крышами домов ярким пирожным на фоне безотрадно серой городской вселенной.

— А ты обедал? — небрежно спросила Анетта.

Йеппе не только сам успел пообедать в Управлении, но и видел, как меньше двух часов назад Анетта с удовольствием поглотила три тарелки, наполненные едой. И все-таки он решил ее пожалеть.

— Надеюсь, ты не в «Харрис Плейс» собралась?

— Я только бургер куплю. — Она оживилась и шустро направилась вдоль по Нордре Фасанвай к палатке, олицетворявшей собой чуть ли не самый знаменитый в Копенгагене ларек на колесах. А Йеппе тем временем предался размышлениям о том, с чего это вдруг Анетта решилась на «нелепую трату налоговых поступлений от граждан», по ее собственным словам.

Возможно, из солидарности с ним. Эта мысль была в равной степени согревающей и маловероятной. Наверняка она просто соблазнилась при виде ларька с фастфудом.

Он вежливо отказался от сосиски и дал Анетте возможность купить «сосиску с кетчупом и стакан какавы». Одна из причин того, что люди покупают еду с фургонов, заключается в том, что можно наплевать на высокие манеры, и при этом никто не выразит изумления. Йеппе пил «Косио»^[29], наблюдая за тем, как Анетта с поразительным аппетитом уплетала здоровенную колбаску. Насколько он мог вспомнить, в «Косио» должен более интенсивно ощущаться вкус шоколада и гораздо в меньшей степени вкус молока с медом, а не наоборот.

— Ты предупредил его о нашем визите? — Анетта напоминала своим видом хомяка, запихнувшего за щеку сразу четверть колбаски.

В другой раз Йеппе попросил бы ее не говорить с набитым ртом, но сейчас промолчал. Он сверился с адресом в письме, которое неохотно выслала ему Маргит Баунехой с «Дэнмаркс Радио».

— Да, он нас ждет.

Рыгнув, Анетта немилосердно потеряла пальцы влажной антисептической салфеткой, которую ей протянул Йеппе, а затем они отправились по Фредерикссунсвай мимо трехэтажных домиков из желтого и красного кирпича с разбитыми окнами и пустыми балконами. Они свернули на Моэвай и прошли под тканевыми навесами мимо выкрашенного красным цветом фасада бара «Мозкроэн».

В доме под номером девять они обнаружили то имя, которое искали — Густав Жебро Йенсен, — третий этаж, направо, и позвонили.

После щелчка дверь открылась, они поднялись на третий этаж, где в дверях одной из квартир уже стоял Густав.

— Добрый день, проходите.

— Здравствуйте. Следователь полиции Йеппе Кернер. — Йеппе оглянулся через плечо в поисках Анетты. — Благодарю вас за то, что согласились принять нас так оперативно.

— Все в порядке. Я тут учусь понемногу, так что даже рад, что вы меня отвлекли. Можно попросить вас разуться?

Йеппе на пороге развязал шнурки, пока Анетта запыхавшись преодолевала последний лестничный пролет.

— Возможно, колбаскам тебе стоит предпочесть утреннюю пробежку? Всего лишь полезный совет.

— У-у-ф... полезные советы — это, по-моему, лучшее, что есть на свете. После вросших лобковых волосков и геморроя, само собой разумеется, — с трудом отдышавшись, рассмеялась Анетта. — А, кстати, добрый день. Я следователь полиции Анетта Вернер. — Она протянула руку стоящему в дверях молодому человеку, после чего все проследовали внутрь крохотной квартирки. В 1970-е годы она смотрелась вполне современно, теперь же казалась мрачной, потолки были слишком низкими. Густав оказался крепко сбитым юношей небольшого роста, в очках, с окладистой бородой и обильной растительностью на теле, судя по волосам, торчавшим во все стороны из ворота свитера.

— А на кого вы учитесь?

— На физиотерапевта. Первый год. Анатомия — довольно сложный предмет. В данный момент я как раз ею занимаюсь.

Анетта вошла в гостиную следом за мужчинами, после чего повисла неловкая пауза, пока Йеппе не показал на стул с вопросительным выражением на лице.

— Ах, конечно, присаживайтесь. К сожалению, я не пью кофе, так что мне вам нечего предложить.

— Все в порядке. — Йеппе сел на белый складной стул. — Мы пришли к вам в связи с криминальным расследованием. Для начала я хотел бы сообщить вам о ваших правах. Это стандартные вещи.

— Ладно. — Он простодушно смотрел на Йеппе, скрестив руки над животом.

— Вы должны знать, что пока этого не случилось, но вам может быть предъявлено обвинение, а потому вы не обязаны ничего нам говорить. Это понятно?

Парень нервным жестом дотронулся до рта и кивнул. Затем сел за стол и дал знак Йеппе продолжать.

— Как уже было сказано в телефонной беседе, мы пришли в связи с письмом, отправленным вами в программу «Мэдс и Монополия» чуть больше года назад. — Между бровями Густава появилась вертикальная морщинка. — Вы тогда спрашивали, надо ли рассказывать умирающему отцу о своей нестандартной сексуальной ориентации. «Монополия» посоветовала вам быть честным. Могу я попросить вас рассказать, как вы поступили в результате?

— Я... — Парню, судя по всему, по-прежнему было тяжело говорить об этом. — Я сказал ему.

— И какова была его реакция?

— Он ударил меня. — Густав смахнул со стола в ладонь несколько крошек и уставился на них, а затем неожиданно стряхнул с руки резким, агрессивным движением. — Он был так удручен моим сообщением. В результате последние недели его жизни мы совсем не виделись. За день до его смерти мать умоляла его позволить мне войти в палату, чтобы попрощаться, но он так и не захотел...

— Да уж, тяжело... — Подзуживание со стороны Йеппе было лишним, парень независимо от этого испытывал потребность облегчить душу.

— Мы с мамой теперь тоже не очень общаемся. Обычно она всегда поддерживала меня, но болезнь и смерть отца выбили ее из колеи.

— Мне очень жаль об этом слышать.

— Спасибо. И все-таки не то чтобы отец ненавидел геев или что-то в этом роде. Он просто никого из них не знал. А еще я думаю, что в последние дни он находился под действием сильных медицинских препаратов. Он был... сам не свой. — Подбородок Густава задрожал от подступающих рыданий.

— То есть можно утверждать, что решение, которое вы приняли, имело для вашей жизни серьезные последствия? — Йеппе и сам понимал, что задавал вопрос чересчур в лоб, но проигнорировал взгляд коллеги, пронзающий насквозь.

Густав склонил голову и расплакался. Его плечи, обтянутые шерстяным свитером, подпрыгивали от каждого громкого всхлипа, он вытирал глаза кончиками пальцев. Анетта обнаружила на кухонном столе рулон туалетной бумаги и принесла его в гостиную.

Густав сморкался в бумагу, благодарно улыбаясь Анетте.

— Где вы были в среду вечером? — Йеппе старался говорить с успокаивающей интонацией.

— В среду? — Если он и удивился этому вопросу, то прекрасно замаскировал свое удивление. — Разрешите посмотреть по календарю. — Он взял телефон, еще раз всхлипнул и несколько раз провел указательным пальцем по дисплею. — Ах да, я был на работе.

— Где? — Йеппе достал блокнот.

— Книжное кафе «Полудан» на Фиольсгэде, знаете такое? Я работал в вечернюю смену вместе с двумя другими парнями.

— А во сколько вы освободились?

— Заведение закрывается в 22:00, но мне надо было прибраться, так что освободился примерно к 23:00. А почему вы спрашиваете?

Получается, он никак не мог оказаться на вечеринке в Ботаническом саду. К тому же Густав Жебро Йенсен был мало похож на человека, которого с распростертыми объятиями встречают на мероприятиях индустрии моды.

— Ну, это всего-навсего обычный вопрос в связи с... Ох, сложно объяснить. Напишите, пожалуйста, контакты вашего начальника, чтобы мы могли с ним связаться. — Йеппе протянул юноше блокнот.

Густав писал медленно и неряшливо — его поколение почти вовсе отвыкло писать от руки. Йеппе забрал блокнот и поднялся, Густав проводил их до двери.

— Мне все-таки придется внести одну поправку. — Йеппе отвлекся от завязывания шнурков и с недоумением посмотрел на юношу. — Ну, относительно ваших слов о роли «Монополии» в моем конфликте. Возможно, мой поступок действительно имел нехорошие последствия, однако для меня важнее всего то, что я заявил о своей истинной сущности и отстоял ее. Если бы я так и не сказал ему правду, то жалел бы об этом всю оставшуюся жизнь.

В тесной прихожей повисла тишина. Йеппе ощутил в горле некое подобие комка, однако он так и не понял, связано это со стоявшим перед ним молодым человеком или с Йоханнесом, которого все отчетливее и отчетливее выхватывал из окружающей темноты яркий луч света.

Вопрос Анетты резко выдернул его из неприятных размышлений:

— Вы знакомы с Альфой Бартольди? Из мира моды?

Густав Жебро Йенсен изумился этому вопросу не меньше, чем Йеппе. К чему это она?

— Который недавно погиб? Не совсем. Хотя... Можно, наверное, и так сказать. Я не уверен.

— Как это понимать?

От строгости, прозвучавшей в голосе Анетты, парень совсем растерялся.

— Ну, просто... я имею в виду, что время от времени я посещаю такие вечеринки, где...

— Вечеринки?

Произнеся это слово, он полностью завладел их вниманием.

— Ну, то есть иногда я хожу на волейбол для геев, мы там тоже устраиваем праздники. Возможно, он когда-нибудь приходил туда.

— Но вы не уверены?

— Мы веселимся в темноте. То есть в полной темноте. — Он покраснел, как школьник. — Туда всегда приходит много народу. На одном из таких мероприятий я слышал его имя. Альфа Бартольди. Но никогда не встречался с ним в общепринятом смысле.

Йеппе взглянул на Анетту. Ее глаза злорадно блестели.

— А, вы вот про какие вечеринки говорите! Ну смотрите. Копенгаген — город небольшой. Если вы вдруг вспомните, что все-таки пересекались с ним, перезвоните по этому номеру. Спасибо за то, что уделили нам время! — С этими словами Анетта протянула ему визитку.

Густав Жебро Йенсен взял карточку, не поднимая головы.

Они спустились к выходу и направились к станции Нёрребро. На улице было полно людей: бородатые мужчины в длинных одеждах, родители с детьми, обвешанные сумками с продуктами, студенты на дорогих велосипедах. Разношерстная публика.

— Вообще-то по нему даже не скажешь, что он гей, правда? — Анетта смотрела на группу молодых рабочих в строительных комбинезонах.

— А ты, наверное, думала, что он встретит нас в боа из перьев и с табличкой на груди «я гей», да?

— Ох, прости, я совсем забыла, что нахожусь в обществе досточтенного Покровителя Гомосексуалистов.

Йеппе не сумел подавить презрительный смешок.

— Досточтенного. Или досточтимого.

— Благодарю покорно.

— Прибереги свою идиосинкразию для Свена. Ему наверняка нравится такая манера общения.

— Какой же ты сегодня учтивый!

Анетта остановилась перед лестницей, ведущей на платформу, чтобы застегнуть пуховик.

Йеппе резко повернулся и посмотрел Анетте в глаза.

— Просто как-то... тяжело мне в последнее время. Йоханнес и это расследование...

Похлопав его по плечу, Анетта стала спускаться. Значит, приняла его извинение.

Йеппе проследовал за ней на полупустую платформу и, наклонившись, посмотрел в сторону ожидаемого поезда. Снег все еще падал, приходилось щуриться, чтобы снежинки не попадали в глаза. Анетта первая нарушила молчание:

— Ну, возможно, это вообще не лучшая теория.

— Возможно. Либо мы выбрали не ту дилемму.

— Хм, тоже может быть. Позвоню в книжное кафе, проверю алиби парня, чтобы все было по правилам. Честно говоря, с трудом представляю себе, чтобы Густав или любой другой слушатель программы решил за что-то там отомстить по прошествии целого года. Хотя поразителен тот факт, что он трахался с пострадавшим в кромешной тьме.

— Если вообще трахался.

Анетта с улыбкой покачала головой.

— Да уж, если вообще трахался. — Улыбка быстро исчезла с ее губ, она откашлялась. — Йеппе, рано или поздно нам придется обсудить роль твоего друга Йоханнеса во всей этой истории. Он отказывается разговаривать с нами, не отвечает на телефонные звонки. Нам ведь не помешает обозначить и твою роль в произошедшем.

Йеппе проверил правильность оформления билета, купленного через мобильное приложение, и смахнул со щеки снежинки.

— Ну да, никуда не денешься.

* * *

Больше всего смущал Сёрена Вести отнюдь не тот факт, что в субботу днем его будет сопровождать на допросе в Управлении полиции какой-то стажер сообщества «Адвокаты Лундстен и Хольк», так как его личный адвокат отправился в отпуск кататься на лыжах. И вовсе не то досадное обстоятельство, что он в очередной раз пропустит субботний теннис и обед с друзьями. Их компания редко

собиралась в полном составе. Все являлись занятыми людьми. Нет, ему не давало покоя раздражение в связи с тем, что он допустил такое развитие ситуации. Он всегда был чрезвычайно осмотрителен. За долгие годы своего «креативного предпринимательства» он еще ни разу не подвергался полицейскому допросу. Он воспринимал случившееся как поражение в сплошной серии побед, пятно в своей безупречной профессиональной биографии. Надо поскорее покончить с этим.

И Сёрену Вести совсем не помогло то, что следователь Томас Ларсен, проводивший допрос, являлся обладателем точно таких же наручных часов, как у него самого, и относился к окружающим с абсолютно таким же высокомерием.

В комнате для допросов было холодно и воняло плесенью, следователь принес кофе в пластиковых чашках. Вести почистил рукой позорный казенный стул и сел. Адвокат-стажер с грохотом сел рядом и принялся копаться в набитом бумагами кейсе, ободранном до неприличия.

Вести вопросительно посмотрел на следователя и откинулся на спинку, положив руки на колени. Нечего скрывать — соответственно, нечего и нервничать.

— Я обращаю ваше внимание на то, что данный допрос записывается. Процедуру допроса проводит следователь полиции Томас Ларсен. Имя свидетеля — Сёрен Вести. Допрос проводится в присутствии юрисконсульта, адвоката-стажера Стеффена Якобсена. Допрос начинается в субботу тридцатого января, в тринадцать часов двадцать четыре минуты, и проводится в Управлении полиции Копенгагена, в комнате для допросов № 4. Пожалуйста, подтвердите, что допрашиваемый знаком со своими юридическими правами, так как мы не можем исключить, что в дальнейшем он может быть объявлен обвиняемым.

— Подтверждаю. — Этот стажер говорил фальцетом, ко всему прочему. — Я также позволю себе напомнить о том, что мой клиент не обязан отвечать на вопросы следователя.

— Естественно, мы исходим из того, что ваш клиент заинтересован оказать нам помощь в расследовании убийства его делового партнера. Для начала я попрошу вашего клиента рассказать о том, где он находился в среду вечером после девятнадцати часов. —

Взгляд голубых глаз Томаса Ларсена выражал исключительную самоуверенность. Лицо его не имело ни единой морщинки. Вести было знакомо удовлетворение, которое излучал следователь, и это заставило его нервничать.

— Я ужинал в «Конг Хансе» со своей знакомой Лулу Суй и с парой ее подружек, имена которых, признаюсь, вылетели у меня из головы. Катя, кажется, и... нет, не помню. Около двадцати одного часа водитель отвез нас в музей на вечеринку «Le Stan».

— А потом? — Приподнятая бровь, легкая улыбка.

— Потом мы тусовались. — Вести тоже ответил улыбкой.

— Мы?

— Да, то есть все те, кто присутствовал на вечеринке. Мы пили, курили, танцевали. Я никого не убивал, кажется, никто никого не убивал. Совершенно нормальная вечеринка, вполне неплохая. — Вести положил обе ладони на стол, тем самым показывая, что вопрос исчерпан.

— А вы тусовались с пострадавшим? С Альфой Бартольди. — Все та же снисходительная полуулыбка.

— Насколько я помню, нет.

Томас Ларсен открыл папку и выложил из нее на стол фотографию с Вести и Альфой. Что за идиотская манера фотографировать все, что под руку попадет!

— Хм, не помню этого эпизода. Видимо, был пьян.

— Вообще никаких воспоминаний, связанных с этой частью вечеринки? — Ларсен принялся раздражающе медленно опускать рукава рубашки; судя по всему, он тоже испытывал дискомфорт от холода в помещении.

Вести с сожалением развел руками.

— Я спрашиваю, — продолжал Ларсен, — так как меня поражает, что вас с Альфой связывали такие добрые отношения. По-моему, вы с ним отлично повеселились вместе.

Вести отхлебнул из чашки светло-коричневой жижи и прочистил горло.

— И?

— А ведь совсем недавно вы с Альфой Бартольди потеряли большую сумму в совместном бизнес-проекте. Насколько мне известно, проект был признан банкротом. Вас это не поссорило?

Вести дышал в обычном темпе, стараясь унять пульс. Они не могут знать больше, чем он думает.

— Бизнес есть бизнес. Мне жаль вас разочаровывать, но я не ссорюсь со своими коллегами и партнерами.

— Речь всего лишь о деньгах, так? — Взгляд Ларсена стал ехидным. — Подумаешь, какие пустяки для настоящих друзей — двенадцать миллионов!

Стажер откашлялся.

— Я советую своему клиенту не отвечать на этот вопрос, ибо он затрагивает его бизнес и финансовое положение.

Ну вот, наконец-то и адвокат-любитель ринулся в бой. Деньги, которые Вести потратил на то, чтобы притащить его с собой, можно было бы с таким же успехом высыпать в сточную канаву.

— Вы слышали моего юрисконсульта. Вы еще о чем-то хотели спросить, прежде чем мы вас покинем? — Вести еле-еле сдерживался, чтобы не посмотреть на свои наручные часы. Ну уж нет, он ни за что не признается, что они со следователем являются приверженцами одной и той же часовой марки.

— Теперь о Кристель Тофт. Вы находились в отеле «Нимб» в тот момент, когда ей стало дурно.

Вести с сожалением затряс головой.

— Мне по-прежнему нелегко в это поверить. Ей лучше?

Возникла небольшая пауза, во время которой Ларсен, казалось, тщательно изучал реакции Вести.

— Мы пока не знаем. Она находится в больнице. Вы заметили в «Нимбе» что-то необычное, что могло бы представлять интерес для следствия? Касательно самой Кристель, например? Что-то странное? Подозрительное?

— К сожалению, нет.

— Вы ведь были с ней любовниками...

— Простите, это вопрос? — Вести прекрасно понимал, что ему не стоит провоцировать следователя, что это бесполезно и глупо, однако высокомерие этого молодого полицейского выводило его из себя.

— Когда вы встречались? И как долго?

— Мы с Кристель встречались года три-четыре назад. Не уверен, что можно назвать наши отношения полноценным, но да, мы крутили

шуры-муры не менее полугода. Милая девушка, притягательная. Нам с ней было весело и приятно вместе.

— Кто из вас стал инициатором разрыва? — Томас Ларсен встал и оперся на стол.

Вести распознал в этом действии желание продемонстрировать превосходство и сделал вид, что ничего не заметил.

— Это было общее решение. Без какой бы то ни было драмы. Мы оба желали от жизни разного. Она хотела жить вместе и завести детей. Такова уж женская суть. Молодые любовницы — всегда лишние хлопоты. Но оно того стоит.

Томас Ларсен выпрямился и адресовал Вести странный взгляд, который тот не смог расшифровать. В нем выражались солидарность и отвращение одновременно.

Вести улыбнулся следователю. Он в очередной раз вышел победителем.

Глава 14

— Эстер, я так и не понял, неужели ты записывала все выпуски?

Эстер задумалась, насколько нужно забивать голову восьмидесятитрехлетнего старичка разъяснением сущности подкаста. Он прекрасно проживет и без этого.

— Да, Грегерс, именно так.

— Так что же ты с самого начала не сказала? Я считал, что тебе не нравится передача «Мэдс и Монополия».

— Нравится-нравится. Посмотри: в преамбуле к каждому выпуску можно прочитать состав участников. И нам, естественно, стоит начать с отбора программ, в которых одновременно участвовали Альфа Бартольди и Кристель Тофт. К счастью, их начали приглашать всего шесть лет назад, так что нам не придется копать слишком глубоко.

— Я вообще ничего не вижу. Почему надо обязательно написать таким мелким шрифтом? К тому же текст постоянно движется.

— Грегерс, не переживай. Я сама пробежусь по кратким описаниям передач и выберу нужные нам выпуски. А потом мы с тобой их прослушаем и выделим дилеммы, в которых поставлены на карту действительно серьезные вещи.

— А как понять, поставлено вообще что-то на карту или нет? Люди убивают друг друга по самым ничтожным поводам.

— Ну нет, Грегерс, ничего подобного. Люди убивают друг друга, так как они не согласны в каких-то основополагающих вопросах или разгневаны по значительному поводу, а вовсе не потому, например, что соседи слишком громко стонут во время секса.

— Благодарю, я понял.

— Тут вовсе не обязательно должна быть серьезная тема как таковая, в ней должен быть заложен драматичный потенциал, если ты понимаешь, о чем я.

— Я прекрасно знаю, что такое потенциал.

Эстер медленно досчитала до десяти.

— Прекрасно, давай приступим. Ты приготовил ужин? Я могу поставить тушиться петуха в вине.

— Скажи, твой дружок из полиции и правда попросил нас за него поработать? Неужели волна сокращений затронула их настолько, что у них теперь не хватает времени даже на расследование убийств?

— Скажи, а у тебя есть какие-то более интересные занятия на данный момент? — Эстер встала и размяла ноги. Затекающие бедра не позволяли ей подолгу находиться в сидячем положении. — Думаю, вряд ли. Смотри, первый выпуск, в котором они участвовали вместе, вышел шесть лет назад. Последний — тот, что мы слушали вчера...

— Где парень не смел признаться умирающему отцу.

— Да. Этот прозвучал в эфире чуть больше года назад. Иными словами, нам необходимо прослушать соответствующие выпуски за пять лет. Я предлагаю начать с более новых программ и постепенно двигаться назад, исходя из того, что мотив и убийство должен разделять минимальный временной интервал.

Грегерс почесывал ухо и, казалось, вовсе не слушал Эстер.

— Грегерс, ты здесь?

— Да-да, я же слушаю.

— Предпоследняя программа с их участием вышла полтора года назад, но я ее уже послушала — ничего интересного. По крайней мере, ничего такого, из-за чего можно было бы пойти на убийство, мне так кажется. Так что эту пропустим. Еще более ранний выпуск прозвучал два года назад. В качестве третьего эксперта выступил Дэн какой-то там, телеведущий, которого я лично не знаю... Ты готов?

Грегерс кивнул, и Эстер включила подкаст. Северо-ютландский выговор Мэдса Стеффенсена тут же обволок гостиную уютной периной. Пока он здоровался и представлял экспертов текущей недели, Эстер удалилась на кухню, вытащила из морозилки двойную порцию петуха в вине и поставила оттаивать. Она стала раз в неделю готовить на ужин сразу побольше еды и замораживать ее, это уже вошло в привычку. Она бросила взгляд на бутылку шираза, стоявшую на полке, но не притронулась к ней, а вместо этого налила в кувшин воды и насыпала в мисочку орешков кешью.

— Пока ничего важного?

— Не, обсуждают девчонку — она дружит с парнем, который постоянно бегаёт на марафонах. Ей кажется это скучным.

— Давай промотаем. — Эстер поставила орехи и взяла телефон.

— Самая стоящая дилемма, как правило, идет третьей по счету. — Грегерс уже запустил руку в миску с орехами.

— Так, предположим, вот здесь...

Вот письмо от слушательницы по имени Луиза. Послушайте.

«Дорогой Мэдс и уважаемые эксперты.

Мой сын ходит в ясли, одна из его воспитательниц имеет любовные связи с отцами нескольких своих подопечных. Я знаю этого педагога уже много лет, она замужем, имеет двоих детей, но, похоже, является любительницей секса, причем с разными партнерами. Со МНОЖЕСТВОМ разных партнеров. Судя по всему, она непритязательна в выборе мужчин и абсолютно не чувствует вины перед собственным мужем. В ее пользу можно заметить, что она тщательно скрывает свои беспорядочные связи, что вовсе не просто, когда живешь в датской провинции.

Люди поступают так, как сами считают правильным. И я бы не вмешивалась, если бы как минимум с пятью из своих сексуальных партнеров она не познакомилась на рабочем месте; все они являются женатыми мужчинами и водят своих детей в ясли, куда ходит и мой сын. Воспитательница рассылает папашам смс и таким образом выискивает жертв. Мне кажется это чрезвычайно жестоким. Ведь все знают, что период, когда ребенок маленький, сам по себе обостряет существующие между родителями проблемы и является испытанием для супружеских отношений.

Я состою в родительском комитете вместе с женами некоторых из этих мужчин, и я чувствую дискомфорт всякий раз, когда вижу эту женщину. Но стоит ли мне вмешаться? Могу ли я взять на себя ответственность и что-то предпринять, раз уж мне все известно? Я боюсь, что это лишь приведет к конфликту и накалит обстановку, если я поговорю с ней об этом. Надо ли мне доводить информацию до сведения директора или других матерей? Наделена ли я моральным обязательством так поступить? Или мне не стоит вмешиваться?

Всего наилучшего,

Луиза».

— Ну что, есть тут что-нибудь? — Эстер остановила запись и посмотрела на Грегерса.

— Ну, во времена моей молодости было немыслимо — АБСОЛЮТНО немыслимо, чтобы женщина таким образом

приглашала мужчин на секс. Если, конечно, она не была проституткой. — Греггерс высыпал остатки орехов на стол.

— Прекрасный новый мир, Греггерс! Попей воды!

— Да-да.

— Возможно, здесь и впрямь есть на что обратить внимание. Развал семьи и потеря работы.

Они продолжали слушать молча, только Эстер шуршала ручкой по бумаге, занося в блокнот какие-то записи, а суставы Греггерса изредка издавали хруст. Как только Мэдс Стеффенсен подвел итоги обсуждения данной дилеммы, Эстер вновь остановила подкаст.

— Итак, Альфа и Кристель пришли здесь к единому мнению. Они осознали важность дилеммы и поняли точку зрения Луизы, но в то же время решили, что Луиза не должна вмешиваться. Воспитательница не совершала никакого преступления. То, что она делает, абсолютно неразумно, но это никого не должно касаться. Луиза должна молчать и не заглядывать в чужие спальни.

— Я бы заковал такого педагога в колодки и выставил на Ратушной площади, чтобы люди ходили и плевали ей в лицо.

— Эх, жаль, что тебя не зовут поучаствовать в «Монополии»! — Эстер адресовала соседу саркастическую улыбку, на которую он не обратил внимания.

— Я так каждую субботу думаю.

— Телеведущий в большей степени переживал за детей, находящихся на попечении воспитательницы, и предложил Луизе написать ей анонимное письмо: «Держитесь подальше от отцов!».

— Так кто же, по твоему мнению, подсунил яд в напитки Альфы и Кристель? Воспитательница? Отвергнутый отец? Кто-то из слушателей?

— Я пока понятия не имею — вот это-то нам и предстоит выяснить!

— Ну и что теперь, мы должны заняться детективной работой, вооружившись нашими роляторами?

— Замолчи, Греггерс. Пока что я проверю кое-что в Интернете и позвоню в пару мест. А потом поглядим, что нам это даст. В первую очередь необходимо выяснить, что случилось впоследствии. Ты пока можешь слушать дальше!

Греггерс с трудом поднялся и поковылял на свою половину квартиры.

— Я, пожалуй, начну с того, что вздремну немного. Разбуди меня к ужину. — В дверях он обернулся: — Скажи, дорогая моя Эстер, а тебе не кажется, что тебе пора приступать к написанию очередного детектива?

* * *

Площадь Кристиансхавнс Торв представляла собой один большой каток с кучей сугробов, припаркованных велосипедов и радующихся чудесному выходному дню людей, находящихся на разной стадии опьянения. До вечера было еще далеко, но раннее наступление темноты предоставляло людям право на досрочное распитие спиртных напитков. Йеппе предложил продолжить работу со списками приглашенных дома у Сары Сайдани и теперь шел пешком из Управления через Книппельсбро, в то время как она поехала на велосипеде, чтобы пораньше приехать к детям. Короткая прогулка по скользким тротуарам вконец вывела его из себя. Мерзкая зимняя погода, конца которой не предвиделось, отвратительное расследование с какими-то фантомами на каждом шагу, плюс — идиотская дружба с Йоханнесом, который открывался с новой стороны, о коей Йеппе вовсе не желал знать.

Он зашел в кондитерскую «Лаукэехусет» и, стоя в очереди, отправил смс Эстер, сообщив о том, что дилемма о юном гомосексуалисте и умирающем отце вывела их на ложный след. Алиби здесь железное. Теперь все с начала. А также он написал слащавое сообщение Ханне о том, что он с удовольствием встретится с ней чуть позже. Он действительно собирается с ней увидеться, убеждал Йеппе сам себя, в полглаза следя за номерами, выскакивающими на табло. О, моя милая юная возлюбленная, какой же я все-таки счастливый человек!

Просмотр новостей в Интернете быстро вернул его с небес на землю. На него обрушился целый поток фотографий Альфы Бартольди и Кристель Тофт из соцсетей. Снимки в купальных костюмах, улыбки и поцелуи на фотографиях мелькали в сопровождении абсолютно

вымышленных спекуляций и драматичных заголовков. Иногда бывает неприятно чувствовать свою принадлежность к человеческому сообществу.

Йеппе пытался прогнать дурное настроение, стоя перед дверью квартиры Сайдани на Бурмейстерсгэде.

— Привет. Все хорошо? Я принес крендель к чаю. — Протянув Саре жирный бумажный пакет, он вдруг вспомнил, что она всегда ест исключительно здоровую пищу, и пожалел о покупке. Но Сара с благодарностью взяла пакет, разрешила крендель и поставила блюдо на стол. Две ее дочери отвлеклись от диснеевского мультфильма, который смотрели в соседней комнате, и с жадностью набросились на сдобу.

— Оп, каждому по кусочку! На тарелку. И вообще, сначала подойдите и поздоровайтесь с моим начальником.

Девочки положили свои куски кренделя на тарелки и за руку поздоровались с Йеппе. Прекрасная дрессура, с улыбкой подумал он, кивая посерьезневшим малюткам.

— Идем, сядем здесь. Девочки, мы закроем дверь, чтобы спокойно поработать. И помните — ни единой крошки на ковре!

Сайдани прикрыла французские двери в маленькую гостиную, специально обустроенную для семьи с детьми. На обеденном столе лежали листы А4 с именами и фотографиями. Она расчистила место для кренделя и села напротив Йеппе.

— Это список приглашенных на вечеринку «Le Stan» в среду вечером. Список неполный, так как формат мероприятия позволял взять с собой по одному сопровождающему, кто-то из приглашенных не смог прийти, ну и так далее. Рядом — список приглашенных на вчерашнее шоу Рольфа Токлума в «Нимбе». Пока что я сосредоточилась на лицах, присутствовавших на обоих мероприятиях. Во сколько они пришли и ушли. С кем. Подтверждают ли ссору между двумя гостями. Общались ли с Альфой и Кристель. И заметили ли что-нибудь странное по ходу вечера.

— Ну и есть какие-нибудь результаты? — Йеппе пробежал глазами верхний лист в стопке, лежавшей перед ним.

— Пока что ничего нового.

— А кстати, Вести побывал сегодня у Ларсена с визитом. — Йеппе ткнул пальцем в фотографию Сёрена Вести. — Правда, к сожалению, это не особо пролило свет на обстоятельства

преступлений. Он пришел с адвокатом и отвечал лишь на те вопросы, на которые нельзя было не ответить, а таких набралось маловато. Он чрезвычайно сдержан, когда дело касается его финансовых дел.

— Такому человеку так и положено... — Сайдани откусила кусок кренделя и вытащила из стопки несколько бумаг. — Я еще добыла относительно полный список персонала, обслуживавшего вечеринку в среду. Это отняло кое-какое время. — Она протянула листы Йеппе.

— Вау, а их немало.

— Согласна. Причем это только те, кто обслуживал гостей. Для техников сцены, моделей и так далее я сделала другой список. Но я решила начать с тех, кто имел доступ к напиткам, то есть с тех, кто имел отношение к кухне.

— А может, лучше в первую очередь сосредоточиться на гостях? — Йеппе взглянул на обе стопки бумаг и положил ладонь на одну из них. — Которые были знакомы с Альфой и общались с ним в течение вечера?

— Ты прав; мы сконцентрируем наше внимание на гостях, которые присутствовали на обоих мероприятиях и общались с Альфой и Кристель. Это прежде всего Сёрен Вести, Лулу Суй и... — Сайдани скользнула по нему взглядом. — ...и Йоханнес. Думаю, Рольфа Токлума можно исключить. В «Нимбе» он все время был на виду и никому не подавал напитков, в том числе и Кристель, с которой успел немного поговорить, прежде чем она упала на пол. То же самое касается и Кары Скривер, которая сегодня утром уехала в Будапешт на пять дней на съемки рекламного фильма.

Сайдани встала и собрала в стопку тарелки из-под кренделя, а затем поставила их на полку между книгами и вазой.

— А ты вообще представлял себе, что средство для прочистки труб настолько опасно при проглатывании? Я вот, например, никогда не задумывалась об этом.

— Хм, в принципе, чистящие средства все опасны при употреблении внутрь.

— Да. Но средство от засоров опаснее других, так как оно сильнощелочное. Вчера я консультировалась с одним учителем химии. Оно чрезвычайно едкое и не имеет выраженного вкуса. Преступник либо случайно наткнулся на самую правильную бутылку в шкафу со

средствами... — она улыбнулась во весь рот, — ...либо же прекрасно знал, чего хочет. Человек, неплохо подкованный в химии.

— Как бы то ни было, он почуял вкус крови на губах и решил продолжить свое начинание, увидев в «Нимбе» Кристель Тофт.

— Судя по всему, да... Ты знаешь, мне придется отвлечься на приготовление ужина для девочек. Ты поешь с нами?

Возвращаясь к этому моменту в своих воспоминаниях, Йеппе не мог сам себе объяснить, почему он тогда просто-напросто вежливо не отказался. Он пригласил Ханну в «Кейтс Джойнт» на Блогордсгэде и должен был встретиться с ней в восемь. Столик уже был зарезервирован.

— Спасибо, с удовольствием. Я могу чем-нибудь помочь?

— Продолжай поиски контактной информации по списку гостей, а я пойду на кухню. Приготовлю что-нибудь попроще.

— Хорошая идея.

— Может быть, пока выпьешь вина?

— А эта идея нравится мне еще больше.

Йеппе с улыбкой склонился над списком гостей и задумался над тем, как ему теперь выкручиваться перед Ханной. Ему хотелось остаться. Уходить совсем не хотелось. С этого всегда начинается, напомнил он сам себе. Вроде бы самое невинное спонтанное решение, простая прихоть, разрушающая этику и ломающая предыдущие договоренности. Но ведь он не соврал — они действительно работали и работа затянулась. Чистая, кристальная правда. В широком смысле.

Йеппе продолжил с того места, на котором остановилась Сайдани, набирал имена гостей в поисковике и на Фейсбуке, распечатывал адреса и телефоны. Он взглянул на часы; было уже поздновато для обзвона и допроса. Придется отложить до утра. Ему необходимо потребовать у КП обещанный ею дополнительный персонал. Сайдани гремела кастрюлями на кухне. Возможно, ему стоит привыкнуть называть ее просто Сарой?

По квартире распространялся запах жареного лука и специй. Йеппе сделал глоток белого вина и ощутил, к своему удивлению, как по телу разливается блаженство. Впервые за долгое время он не испытывал желания переходить к следующему пункту повестки дня. Он отбросил все лишние мысли в попытке осмыслить новое ощущение и просто наслаждался им. Дочки Сары посмотрели фильм и

вернулись в гостиную, чтобы продолжить игру, в которую они, по всей видимости, играли до этого. Он без всякого энтузиазма принялся искать что-то в Гугле под споры и капризы девочек, которые его совершенно не раздражали.

Сара пришла с кухни со стопкой тарелок, которые Йеппе расставил на столе, предварительно переложив все бумаги на подоконник. Затем Сара принесла две миски — одну с чем-то напоминающим омлет с помидорами, но она назвала блюдо «маклюбе», вторую — с салатом. Затем поставила на стол кувшин с водой и вино. Все сели и приступили к ужину. Как настоящая семья, подумал Йеппе, презирая себя за то, что эта мысль доставляла ему радость. Младшая девочка — кажется, Мэриэм? — начала воротить нос от приготовленной еды, предпочитая получить на ужин гамбургер, затем они стали обсуждать, чем занимались днем с бабушкой, и смеялись, когда Амина исполнила свою версию песни «Головная боль Иисуса», которую присмотрела в рождественском календаре. У Йеппе в зубах застряло семечко кориандра, и ему пришлось ковырять пальцами в деснах, что рассмешило младшую дочку Сары, причем он не смог не поддержать ее веселье.

— Спасибо за ужин.

Все встали из-за стола, создавшаяся ситуация почему-то вдруг смутила Йеппе. Сара быстро и по-деловому загрузила посуду в посудомоечную машину и принялась вытирать стол тряпкой.

— Мне надо уложить девочек.

— Да, конечно... а мне пора домой. — Он снял с вешалки куртку.

— Если хочешь, можешь немного подождать...

Йеппе застыл и посмотрел на Сару. Ее карие глаза излучали свет. Неужели он никогда прежде не замечал ее необыкновенной красоты? В джинсах и светлой рубашке, с кудрями, собранными в привычный небрежный пучок; мама двух детей, которая собиралась запустить посудомоечную машину, прежде чем отправиться чистить дочкам зубы, она предстала перед Йеппе красавицей, каких он еще не встречал. Она была прекраснее заката на западе Австралии и гораздо красивее обладательницы юной бархатистой кожи в веснушках. Обворожительнее самой свободы.

Он повесил куртку обратно и улыбнулся Саре.

Глава 15

Воскресенье, 31 января

«I'm like a kid on the beach, when you hurl a new sun over me. Your love is an entheogen, I can run wild in...»^[30]

Голоса участников проекта «Hymns from Nineveh»^[31], воспевающие радость, деликатно вытащили его из объятий сна. Солнечный луч падал на кровать через окно, не занавешенное шторами, и напоминал мягкого котенка или даже ласкового малыша. Его окружали свет, тепло и легкость. Видимо, так ощущается момент смерти, подумал Йеппе за секунду до пробуждения.

«Something that was inevitably lost, could be found...»^[32]

Женщина пела на кухне, пропитанной ароматом кофе и тостов. Йеппе прикрыл глаза, чтобы удержать это чувство, продлить момент навечно.

— Мам?

Черт!

Йеппе натянул одеяло на голову и замер. Малышка Мэриэм вскарабкалась на постель и стянула одеяло, и теперь он смотрел прямо в ее большие карие глаза.

— Ма-ам! Дядя с работы лежит в твоей постели!

Йеппе попытался прохрипеть «Доброе утро».

— Ты тоже будешь пшеничные хлопья на завтрак? — Она спрыгнула с постели, прежде чем Йеппе успел ответить. Он поспешно натянул трусы и сгреб остальную одежду, которая кучей валялась рядом с кроватью.

Черт, черт, черт!

Они договорились, что он уйдет посреди ночи, а он крепко заснул, и Сара его не разбудила. Йеппе застегнул штаны и провел рукой по волосам. Он слышал, как Сара с девочками накрывают стол на кухне к завтраку, и пытался понять, успеет ли он добежать до входной двери, прежде чем Сара его увидит. Больше всего на свете ему хотелось исчезнуть, самоустраниться из неловкой ситуации, не оставив следов. Забыть о том, что он поддался соблазну и изменил своей девушке. О

том, чтобы взглянуть сейчас Саре в глаза, невозможно было и помыслить. Она наверняка уже успела принять душ, а он предстанет перед ней с дурным запахом изо рта, с липкими пальцами, во вчерашней одежде, со смутными представлениями о будущем.

Йеппе сделал глубокий вдох, решительной походкой подошел к двери, открыл ее и направился напрямиком в гостиную за своей сумкой, затем в коридор к входной двери и, уже держась рукой за дверную ручку, крикнул:

— Ну, пойду домой! Классно, мы много успели сделать. И спасибо за ужин...

Сара остановилась в дверях кухни с плетеной хлебницей и недоуменно смотрела на него. Верхняя губа у нее чуть загнулась вверх, мягкая и обтрепанная от поцелуев.

— Ну, прекрасного вам дня! — добавил Йеппе и чересчур резко захлопнул за собой дверь, не дождавшись ответа. Спускаясь по лестнице, он сцепил руки, чтобы не стукнуть себя по лбу от разочарования. Почему он уходил вот так? А как все выглядит в глазах ее детей? Он добрался до площади Кристиансхавнс Торв, прежде чем понял, что накануне так и не предупредил Ханну об отмене свидания.

Проклятие!

Йеппе взял телефон. Из «Кейтс Джойнт» ему пришло накануне три гневных сообщения, причем степень выражения ярости неуклонно нарастала. Ханна совсем не обрадовалась тому, что ее «кинули». Неужели он ничего не мог придумать? Наконец-то он получил неисчерпаемые, но в то же время ненапряженные отношения с молодой, красивой, интересной женщиной, а сам оказался даже не в состоянии их сохранить!

Итак, воскресным утром он стоял на морозе перед статуей гренландского охотника и не знал, куда ему пойти.

Чашечка кофе не помешала бы. Очередь в кондитерскую «Лаукэехусет» оказалась такой длинной, что он предпочел «Севен-Элевен» на противоположном углу улицы — кофе там был плохой, зато горячий, плюс — быстрое обслуживание. В данный момент он был не против того, чтобы обжечь себе язык. Напиток оказался настолько невкусным и горячим, что Йеппе удалось растянуть его потребление аж до самого Книппельсбро.

Он встал на мосту рядом с одной из зеленых башенок и устремил взгляд в направлении Оперы, театра и затаившегося пешеходного моста, на строительство которого почему-то потребовалось много лет.

Что-то всегда шло не так. Но только не вчера. Йеппе даже пришлось напрячься, чтобы вспомнить, когда у него в последний раз до вчерашнего вечера возникало ощущение правильности происходящего. Она пришла из детской комнаты и улыбнулась ему лучистыми глазами, затем стянула толстовку, обнажив гладкую светло-коричневую кожу, по-женски мягкую и нежную.

Ее взгляд призывал к поцелую. Сначала к нерешительному, словно прощупывающему почву. Затем — к открытому, влажному, вожделенному, длительному. Кожа к коже, ее мягкие груди касаются его живота, оказываются в его руках, он ласкает их губами и языком. Аромат теплой кожи и жасмина. Она трепещет, тихонько постанывает, не в силах сдержаться, а он жадно впитывает в себя издаваемые ею звуки и ощущает кожей прикосновения ее языка — проворные, скользящие движения, затем замедляющиеся, но неизменно сладострастные. От воспоминаний у Йеппе защекотало в районе диафрагмы.

Ее упругие длинные ноги — кто бы мог подумать, что под свободными слаксами она скрывает такую красоту? Йеппе словно наяву представил себе, как трогает ее лодыжки, и уронил стаканчик с остатками кофе на тротуар Книппельсбро. Смущенно поднял его. Перегнулся через перила и уставился на воду с кусочками льда. Он сделал несколько глубоких вдохов, после чего пульс пришел в норму и дыхание восстановилось. Йеппе прикрыл глаза и ощутил покой.

Его словно слегка погладили по запястью. Ни с того ни с сего металлический браслет наручных часов треснул, часы соскользнули с руки и полетели вниз, скрывшись в темной воде.

Йеппе на мгновение оцепенел, от удивления не в силах осознать, что произошло.

Совершенно новенький и жутко дорогой кусочек пережитого приключения, еще не вполне осмысленный, привезенный с собой домой в качестве воспоминания и статусного символа. И он лишился этой вещицы за долю секунды. Стоит ли расценивать это как форму наказания от лица Вселенной? Он прислонился лбом к ледяным перилам и выругался, испытывая в равной степени гнев и сожаление.

Потом он выпрямился и, кипя от возмущения, стыдливо направился в сторону Управления.

* * *

Эстер проснулась в восемь часов, невероятно рано для воскресного утра, и сразу, накинув на ночную рубашку халат, засела за письменный стол с чашкой растворимого кофе.

На странице Фейсбука «Мэдс и Монополия» в свое время было написано о сексуально озабоченной воспитательнице, и пост этот собрал более восьмисот возбужденных комментариев. Большинство были солидарны с Греггерсом: маньячку следовало забросать камнями или отправить на Марс. Эстер отметила у себя, чьему авторству принадлежали самые возмущенные комментарии.

Список оказался бесконечным, в прямом смысле слова необъятным. Даже удивительно, что промискуитет способен и в XXI веке так сильно кого-то распалить. Беспомощно глядя перед собой на множество имен, Эстер поняла, что ей надо было подойти к классификации дилемм несколько иначе. Сузить поле деятельности.

Если кто-то оказался способен совершить убийство из-за возникшей дилеммы, это скорее всего либо сам главный герой, либо кто-то, тесно с ним связанный. Можно исходить из того, что человек, как правило, идет на убийство, если сам столкнулся с какой-то проблемой.

То есть перво-наперво следует найти главное действующее лицо в дилемме о яслях — это женщина по имени Луиза — и связаться с ней. Точно так же действовал Йеппе в ситуации с юношей и его умирающим отцом.

Эстер открыла страницу программы на Фейсбуке и нашла обсуждение двухлетней давности. Однако на этот раз она пошла от обратного: вычленила тех, кто лайкал комментарии в поддержку воспитательницы. Одно-единственное имя повторялось под каждым таким комментарием из раза в раз. Это была Йоханна Лунд.

Найти ее телефонный номер не составило особого труда. Эстер позвонила и представилась журналисткой, которая собирается

запечатлеть многолетний успех программы «Мэдс и Монополия» в серии статей, а возможно, даже в книге.

Эта Йоханна Лунд явно и была той самой Луизой и выразила готовность к сотрудничеству. Эстер улыбнулась в трубку. Одним из прекраснейших удовольствий от старения является то, что отчасти снимаются прежние запреты.

К сожалению, довольно быстро выяснилось, что данная дилемма разрешилась мирным образом. Вскоре после выхода передачи воспитательница уволилась из яслей и исчезла из жизни Йоханны Лунд. Связано ли это было с программой, слушательница не знала, но испытывала радость и облегчение от того, что проблема решилась сама собой, без дополнительных усилий.

Эстер задала еще парочку несущественных дополнительных вопросов, щедро поблагодарила собеседницу и положила трубку.

Откинувшись на спинку стула из красного дерева, она всерьез задумалась, не бросить ли ей это занятие. Ведь кроме нее самой оно больше никого не заинтересовало.

Лай мопсов прервал ход ее мыслей. Было уже почти полдесятого, а собаки еще не выходили на улицу. Эстер поспешила натянуть свитер и овчину и взяла на поводки Доксу и Эпистему. Внимательно глядя по сторонам, чтобы не попасть под колеса велосипедистов, она перешла дорогу и оказалась у озера. Велосипедисты-смертники, так называет их Греггерс. И он во многом прав. Не раз случалось, что она еле удерживалась на ногах на скользкой дорожке, в последний момент выдергивая собак из-под колес какого-нибудь сумасшедшего велосипедиста, со свистом пронесившегося мимо. И все же было что-то приятное в этой сопричастности скорости и кипению жизни. Рыдающий соседский ребенок, пешеходы, никогда не соблюдающие правило правой стороны на тротуаре, низкорослые люди с зонтиками и те, кто никогда не вытаскивает кошелек, пока не подойдет к кассе. В ежедневных мелких раздражителях заключалась энергия жизни, которую так любила Эстер. Хочешь мира и покоя — отправляйся жить за город. Или ложись и помирай.

Эстер подошла к самому краю берега и поприветствовала засуетившихся лебедей, которые выпрашивали, точнее, требовали хлеба, пока собаки рыскали по берегу за ее спиной, вынюхивая по углам интересные запахи. Она прослушала около сорока дилемм,

темы, затрагиваемые слушателями, крутились у нее в голове и не давали сосредоточиться.

А связь между недавними преступлениями и дилеммами из «Мэдс и Монополии» все-таки была. Йеппе Кернер не воспринял ее предположение всерьез, да Эстер и не могла подтвердить свою правоту ничем, кроме инстинктивного чутья. Поскольку она не является полицейским, то может думать все что ей заблагорассудится и распоряжаться своим временем по собственному желанию. Была там еще одна дилемма, вроде бы простая и безобидная, но почему-то никак не выходившая у нее из головы. Дилемма из серии «А что, если?». И тут Эстер поостереглась бы давать тот или иной совет. Возможно, тут лежит разгадка обоих преступлений?

Эстер за поводки притянула собак поближе и поспешила подняться в квартиру, чтобы отыскать нужный выпуск программы.

«Уважаемые слушатели. Сегодня в «Монополии» принимают участие: Кристель Тофт, Аня Поульсен и Альфа Бартольди. Итак, начнем.»

С нами связались две медсестры, Анна и Жозефина. В сентябре они отправились в двухмесячный круиз по Карибскому бассейну и Центральной Америке. Они предвкушали, как будут путешествовать между пустынными островами, нырять в открытое море и ночевать на песчаных пляжах под полной луной — в общем, их ждала настоящая сказка. К сожалению, спустя всего несколько дней на их судне сломался двигатель, корабль причалил к берегу, и девушкам пришлось продолжать свое путешествие по суше. Спустя месяц они познакомились с американским моряком по имени Стив, солидным джентльменом, который плавал по всему миру на своем восхитительном паруснике. Девушки подружились со Стивом и замечательно проводили с ним время — устраивали морские прогулки и занимались дайвингом.

Сейчас у нас на связи Жозефина из Панамы:

— Жозефина, привет. Как ваши дела?

— Привет, Мэдс. Спасибо, прекрасно. Мы находимся на пути в аэропорт, возвращаемся в Данию.

— Ага, а в чем заключается проблема?

— В общем, Стив спросил, не согласимся ли мы вместе с ним переплыть Тихий океан, из Панамы в Португалию. Это займет

несколько месяцев. Мы, кажется, все-таки реализуем наши мечты и осуществим чудесное морское путешествие.

— А что вы предлагаете нам обсудить?

— Дело в том, что, вернувшись домой гораздо позже предполагаемого срока, мы тем самым сожжем кое-какие мосты. На самом деле мы обе рискуем потерять работу. Ну и, к тому же со Стивом...

— Милый, обаятельный Стив — да, никогда не узнаешь наперед, какие цели он преследует.

— Вот именно!

— То есть вы предлагаете нам решить, что вам делать дальше: погрузиться на борт самолета или остаться и продолжить приключение. Я правильно понял?

— Да, спасибо!

— Анна и Жозефина, не отключайтесь, мы постараемся вам помочь!»

Эстер прослушала обсуждение во второй раз. Эксперты в один голос заявили, что девушкам следует воспользоваться шансом и продолжить приключения. *«Вы полны сил. Даже если Стив рассчитывает на какие-то романтические отношения, вы сумеете разобраться с ситуацией. Отправляйтесь в плавание! Всегда можно найти новую работу, а столь уникальный опыт нечасто получишь. Вам выпала редкая возможность. Никогда не следует отказываться от хорошего приключения».*

Никто из нас не хочет поддаваться скучному голосу разума, подумала Эстер. Естественно, эксперты советуют им продолжить путешествие, я бы и сама дала такой совет, если бы меня спросили перед аудиторией в полтора миллиона человек. Но посоветовала бы я такое собственной дочери?

В начале следующего выпуска программы Мэдс Стеффенсен рассказал, что девушки в итоге согласились на авантюру и что он попросил их прислать на передачу имейл, как только они вернутся в Данию. Пусть слушатели узнают об их приключениях.

Эстер принялась искать продолжение истории на странице программы в Фейсбуке. Нашла нужную дату и стала прокручивать посты и комментарии к ним. Две молодые медсестры отправились в

двухмесячное плавание с едва знакомым человеком. Неужели только ей кажется рискованным подобное предприятие?

Эстер прокручивала содержимое страницы на месяц, на два назад, но никакого продолжения истории так и не обнаружила. Ей ничего не было известно про девушек, кроме имен, профессии и примерной даты начала их морского путешествия.

«Мэдс и Монополия, медсестры, путешествие». Она ввела эти слова в строку поиска и получила десять страниц соответствий. *«Помните дилемму из «Мэдс и Монополии» о морском путешествии, вставишь перед медсестрами?»* — ссылка перенаправила ее на статью полуторалетней давности на сайте bt.dk.

«Помните двух молодых медсестер, которые позвонили в «Мэдс и Монополию» с вопросом, стоит ли им отправляться в авантюрное путешествие под парусом? Лучшие бы они тогда не согласились...»

Эстер вооружилась ручкой и бумагой. В статье не упоминалось никаких имен и подробностей, но четко давалось понять, что путешествие сложилось неудачно и подруги высадились на берегу Кабо-Верде и улетели в Данию раньше срока. Сами подруги отказались комментировать произошедшее, вся скудная информация, на основе которой строилась статья, поступила к журналисту из анонимного источника, близкого к девушкам. Возможно, случилось что-то плохое? Настолько скверное, что возник повод для мести. Легкомысленный совет, повлекший за собой какую-то катастрофу? Безусловно, стоило разобраться в ситуации. Только Эстер не могла разбираться в одиночку.

Она взяла телефон и набрала номер Йеппе Кернера.

* * *

В квартире на Скюдебэнегэде было удивительно тихо. Обычно воскресное утро кипело здесь всякого рода деятельностью, о которой семьям с маленькими детьми остается лишь вспоминать: не спеша принять ванну, испечь что-нибудь вкусное, заняться сексом и почитать газеты в спокойной обстановке — вот некоторые примеры воскресной повестки дня; затем Родриго с Йоханнесом отправлялись на какую-

нибудь выставку, в кино или на обед с друзьями. Прекрасный образ жизни — комфортный, но не однообразный.

Но этим утром Йоханнес решил вообще не вставать, а Родриго сидел за обеденным столом с болезненным комом в горле. Он никогда не жаловался на отсутствие аппетита, но теперь не мог заставить себя выпить даже чашку свежесваренного кофе. Весь вечер и ночь прошли во взаимных упреках; Родриго устал и чувствовал себя апельсином без кожуры.

За последние двое суток ложь и предательство Йоханнеса обратили их совместную жизнь в срам и зловоние. Родриго никогда не сможет оправиться после такого. Кроме того, он опасался за свое здоровье, ибо в порыве страсти Йоханнес никогда не пользовался презервативом.

Родриго вылил остывший кофе в раковину, наблюдая, как коричневая жидкость исчезает в отверстии слива. Включил воду и, подождав, пока она станет ледяной, подставил ладони и намочил лицо. Ему хотелось сломать какую-нибудь вещь, которую потом нельзя починить.

О чем еще врал ему Йоханнес?

Родриго сел за компьютер, открыл интернет-банкинг и проверил общий счет — ничего подозрительного, вытащил из кармана куртки кошелек Йоханнеса и карточку с кодами, вошел в систему под его именем. Ведь они доверяют друг другу.

Помимо общих текущего и сберегательного счетов у Йоханнеса имелись зарплатный счет и два расчетных счета, в которые Родриго никогда не вмешивался, хотя на всех счетах хранились их общие сбережения, на которые жили оба. И вот теперь он решил их проверить. Его всегда удивляло, как артист может быть настолько преуспевающим. Йоханнесу Ледмарку готовы были платить баснословные деньги лишь за факт его присутствия.

Ежемесячно с расчетных счетов переводилась зарплата самому Йоханнесу, гонорар агенту и налоговые вычеты. Доход варьировался, расход оставался неизменным. Однако три месяца назад сто тысяч крон были переведены на неизвестный номер счета, а всего месяц назад еще столько же на тот же номер. Назначение перевода не фигурировало, как и имя получателя.

Родриго нажал на иконку «Чат 24/7» и попросил открыть имя владельца счета, а затем подписался: «Заранее спасибо, Йоханнес Ледмарк». В течение двух минут пришел ответ. Вот что значит быть привилегированным клиентом. Родриго с потными от волнения ладонями открыл окно чата. Он уже знал ответ.

За последние три месяца Йоханнес перевел двести тысяч крон Альфе Бартольди.

Родриго вошел в спальню и взглянул на спящего друга. Лишь бы не потерять самообладание, нет, только не сейчас. Вернулся в коридор, чтобы положить на место карточку с кодами. Вытащил кошелек из кармана куртки и удивился: в кармане лежало что-то еще. В потайном кармане, который закрывался на молнию.

Родриго расстегнул молнию и достал предмет. Телефон. Ну естественно, у Йоханнеса было два телефона — так проще лгать и изменять партнеру. Он ощутил подкатывающую к горлу тошноту, нажав на круглую кнопку меню и активировав дисплей. Заставкой служило изображение обнаженного матроса Готье. Больше пятидесяти пропущенных вызовов и начало последнего полученного сообщения. Ошибки быть не могло.

«Привет, Альфа, мы переходим к...»

Больше ничего. Ведь Родриго не знал кода для разблокировки телефона. Но и этого было достаточно. Он держал в руках телефон Альфы. Но почему он лежит в кармане у Йоханнеса?

Глава 16

Йеппе положил трубку и попытался собраться с мыслями. Он никак не мог понять, как воспринимать теорию Эстер ди Лауренти. Его собственная интуиция в виде ненавистного дискомфорта в области желудка подсказывала, что тут вполне могло присутствовать разумное зерно, но, возможно, все дело заключалось просто-напросто в подсознательном стремлении оправдать Йоханнеса. Йеппе только что звонил Маргит Баунехой из редакции канала «P4» с просьбой найти контакты медсестер. И пусть Эстер делает с ними что хочет.

В небольшой комнате для отдыха, находящейся в распоряжении сотрудников из отдела убийств, все стулья были подняты на столы. Йеппе сидел один в пустом помещении и ел сэндвич, купленный в булочной на Гаммель Странд. Расследование убийства не прекращалось и в воскресенье; теоретически все сотрудники находились при исполнении. Но Ларсен работал на выезде, Сара трудилась дома — на данный момент, к счастью. А Анетта сразу после обеда умчалась в город, даже не предложив составить ей компанию.

«All by myself, don't wanna live all by myself...»^[33] — крутилось у него в лимбической системе мозга, не переставая раздражать, вовлекая в текст песни какие-то смешные фразы, которых в оригинале и в помине не было. Йеппе прекрасно понимал, что таким образом проявляется стресс, но осознание этого факта было не способно заглушить звуки музыки. Его недавняя попытка сдерживать беспокойство путем принятия сильного обезболивающего лишь усилила симптомы тревожности. Вообще-то он не принял ни одной таблетки с того момента, как приземлился в Перте. Ну все, вот и заканчивается мое везение, подумал Йеппе.

Мы никогда не будем счастливы, обещаю мне! Воспоминание о старом соглашении с Йоханнесом заставило его грустно улыбнуться. Вернер Аспенстрём был прав: кто пожелает веселиться, если придется остановиться?

Он вытащил телефон и написал сообщение Ханне. Метод, к которому прибегают трусишки.

«ПРОСТИ, моя красавица! Мне очень жаль, что вчера так получилось. Расследование набирает обороты, отнимает у меня все время. Сложно очень, я тебе позже объясню. Чмок. Й.»

Ханна ответила сразу, выказав удивительное понимание. Запросто предположила, что работа над столь непростым делом способна на время и вовсе отключить соображение. Ее сочувствие оказалось в тысячу раз хуже того припадка ярости, который он нарисовал в своем воображении.

Йеппе смял бумагу, в которую был завернут бутерброд, и еле удержался, чтобы не швырнуть комок через всю комнату в мусорную корзину. Шестое чувство подсказывало ему, что он не попадет, а в данный момент он совсем не хотел чувствовать себя еще большим неудачником, чем являлся на самом деле.

Он дважды помыл руки и вернулся к проверке знакомых Альфы, с которыми тот общался на вечеринке.

Томас Ларсен занимался выяснением информации о Вести, Йеппе решил подробнее изучить личность Лулу Суй. Она присутствовала на обоих местах преступления и постепенно начала мелькать по ходу расследования.

Лулу Суй, урожденная Луиза Сёборг Хансен, 22 года, выросла в южной части Ютландии. Училась в гимназии Вордингборга, бросила учебу на дизайнера, прослушала множество спиритуалистических курсов, ездила в Индию.

Йеппе смотрел на фотографии, на которых были запечатлены объятия, закаты, экзотические блюда на банановых листьях, застенчивые улыбки. Интернет щедро делился самыми интимными моментами из жизни девушки, для Всемирной сети не существует ничего тайного и святого.

Каковы отношения между ней и Йоханнесом? Йоханнес — высокоинтеллектуальный прагматик и ярко выраженный атеист. Вопрос заключается в том, что заставило его искать убежища у ясновидицы почти на двадцать лет младше его?

Сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда Йеппе увидел имя Сары на дисплее телефона. Острота ощущений быстро снизилась, когда он прочитал ее сообщение: *«Кристель Тофт только что умерла от септического шока».*

Йеппе отложил телефон, всем телом почувствовав новую, более мощную волну отчаяния. Теперь они расследовали два убийства.

В отличие от Альфы Бартольди у Кристель Тофт осталась семья: грудной младенец, которому предстоит расти без матери, и супруг, внезапно превратившийся во вдовца. На карту должны быть поставлены очень сильные переживания, если преступник пошел на столь зверское убийство молодой матери. Тут явно затронуты глубокие чувства. Убийство, преследующее меркантильные цели, никогда не бывает настолько рискованным и в то же время настолько садистским. Это исключено.

Кто мог испытывать столь сильные чувства?

* * *

— Анетта, спасибо, что согласилась встретиться так срочно.

Родриго чмокнул Анетту в правую щеку, она отметила про себя галантность молодого человека.

— Да не вопрос, я все равно выходила на обед. — Она не сообщила Йеппе, с кем собирается встретиться, но в разговоре с Родриго об этом можно было и промолчать. Вероятно, имелись веские причины, по которым Родриго позвонил именно ей, а не Йеппе.

Анетта осторожно присела на изношенный диван, чересчур низкий и стоявший слишком далеко от столика. Родриго осторожно устроился, скрестив ноги, на столь же невообразимом кресле напротив. Понимала бы она что-нибудь во всех этих кафешках на Вестебро! И чем прославились эти парни, Банг и Йессен?^[34]

Родриго взял себе только кофе, а Анетта сказала, что уже пообедала, хотя это была неправда. На этот раз она действительно не хотела есть.

Он вытащил из прозрачного пакета телефон и выложил на середину стола. Нажал на кнопку, не вынимая аппарат из пакета, на дисплее тут же высветились пропущенные вызовы и непросмотренные сообщения.

— Я трогал этот телефон, когда только обнаружил его и немного подзарядил. Больше никаких действий не предпринимал.

— Это то, что я думаю? — Родриго кивнул. — Где ты его нашёл? — Анетта знала ответ, прежде чем он открыл рот. Йоханнес!

Она так и знала все это время. Вот только почему Родриго решил поделиться своей находкой именно с ней?

— Это не месть, — сказал он, словно прочитав ее мысли. — Я никогда не мстил, когда мне причиняли боль. — Он толкнул вазочку в центр стола. — Но здесь... речь идет о преступлении. И теперь я уже не уверен, что Йоханнес не причастен к смерти Альфы. — Казалось, что рот у Родриго набит стеклянными осколками. Анетта никак не могла понять, расстраивается он или злится.

Она вытащила телефон из пакета и придвинула к себе. Прикосновений к кнопкам хотя бы костяшками пальцев было не избежать — простите, дактилоскописты. Она не удержалась от попытки разблокировать аппарат.

1-2-3-4

Телефон Альфы Бартольди разблокировался с характерным щелчком и теперь лежал между ними совершенно доступный. Анетта подмигнула Родриго; все-таки люди ужасно предсказуемы.

Они немного помолчали, глядя на светящийся дисплей.

— Что тебе известно? Точнее: ты задумывался о том, хочешь ли ты что-то узнать? Возможно, не очень удачная идея — привлекать тебя к участию в расследовании...

— Я уже знаю достаточно много для того, чтобы не хотеть узнать еще больше. — Родриго колебался. — Кроме того, я мог бы предоставить вам кое-какие сведения, если вдруг понадобится. — Он поднял подбородок, готовый приступить к беседе.

Анетта вытащила из кожаного чехла айпад и создала заметку, в которую перенесла из телефона все входящие и исходящие вызовы и сообщения за последние сутки жизни Альфы. Вроде бы ничего интересного пока не обнаружилось. В основном это была переписка вокруг событий индустрии моды и занятий по кроссфиту, диалоги с клиентами, встречи с которыми подтверждались или отменялись, множество смайликов. Нашлось также одно сообщение от Сёрена Вести, который приглашал Альфу на обед в «Бистро Богема» на предстоящей неделе.

— Загляни в электронную почту, там есть вся информация.

— Ты имеешь в виду переписку с Йоханнесом? Ты читал ее?

Анетта нажала на значок почты, нашла в списке адресатов Йоханнеса Ледмарка и приступила к просмотру доказательств измены. Потратив на это минут пять, она выключила телефон, положила его обратно в пакет и засунула к себе в сумку. Затем хлопнула Родриго по руке.

— Кажется, у Йоханнеса были веские основания забрать у Альфы телефон. Там содержатся достаточно компрометирующие материалы. Вопрос в том, когда он это сделал.

Родриго пожал плечами, не отрывая взгляда от стола.

— Я... — Он замолчал, подыскивая слова. — Есть еще кое-что. Йоханнес перевел большую сумму денег на счет Альфы. Двести тысяч за последние четыре месяца.

— Он по-прежнему отказывается с нами разговаривать. Нам придется принуждать его к сотрудничеству. — Анетта отодвинула какао, вкус вдруг показался ей странным.

— Я соберу вещи и поживу несколько дней у подруги. Я перестал чувствовать нашу квартиру своим домом. Слишком уж много...

— Дерьма? Ну да, слишком много дерьма. — Анетта понимающе кивнула.

— Слишком много неопределенности. Я так и не понимаю, как мне относиться к Йоханнесу. Он... — Родриго выдержал паузу, отпил воды из стакана и сердитым жестом провел ладонями по щекам. — Завтра мы сдаем тест на ВИЧ, помоги мне Боже. И это я, который всегда был так осторожен!

— Родриго, все будет в порядке! У тебя нет недугов серьезнее, чем те, что может вылечить хороший кусок жареной свинины. — На словах Анетта была гораздо убедительнее, чем в душе. Вообще-то она понимала, что успокоить Родриго было ничуть не проще, чем ее саму.

* * *

В этом году в Ботаническом саду обитало слишком много пернатых. Морозная зима вынудила их отправиться в город на поиски пропитания, деревья едва ли не трещали от трелей крапивников. Торбен Хансен подвесил несколько шариков с птичьим кормом на хвойные ветки неподалеку от деревянного мостика, смахнул снег с

досок и поставил плоску с теплой водой для птиц. Вообще-то это не входило в его рабочие обязанности, но он очень любил пение птиц.

— Чтоб им всем пусто было!

Он с трудом наклонился. Даже спустя четыре дня после фэшн-вечеринки он продолжал находить в снегу бутылки, сигаретные окурки и даже использованные презервативы. Если руководство хотело, чтобы сад и музей презентабельно выглядели к послезавтрашнему мероприятию «Пузырьки шампанского под кровавой луной», возможно, надо было отказать этим дикарям в проведении здесь своей оргии под названием «Le Stan».

Торбен сплюнул на землю. Он прекрасно понимал причину своей озлобленности. Раздражительным делал его страх, но от осознания этого ничего не менялось.

Он выпрямился до хруста в плечах. Больше ничего не оставалось, только продолжать в том же духе. Развешивать кормушки для птиц и прибираться. Но сегодня работа продвигалась хуже, чем обычно. Он устал от не свойственных ему мыслей, суставы болели, рана на руке то и дело заставляла его снимать перчатку, от чего он стал замерзать.

Торбен посмотрел на рану. Скорее это была ссадина, а не рана в буквальном смысле слова. Довольно неглубокая, но она все равно причиняла жуткую боль. Надо проявлять большую осторожность и впредь надевать перчатки всегда.

Он споткнулся о какой-то предмет, засыпанный снегом и оказавшийся всего лишь веткой, и побрел дальше с мусорным мешком в руке. Приятно было чем-то заниматься. Вообще-то воскресенья редко выдавались удачными для него. Трудно проводить свободное время, бесцельно шатаясь наедине со своими мыслями; гораздо проще, когда на него наваливались какие-то дела.

Торбен снова споткнулся о какое-то черное пятно. На этот раз это была не ветка, а припорошенная снегом пустая бутылка. Вовсе не место ей посреди сада, где в любой момент ее может обнаружить случайный прохожий. Он откопал бутылку из-под снега и бросил в мусорный мешок.

Торбен быстрым, насколько позволяло колено, шагом направился обратно к обсерватории, в то время как мозг со скоростью молнии уже перебирал возможные варианты. У подножия башни он остановился. Трубопровод от главного здания бывшего Института химии и

минералогии проходил под тропинкой к заросшей котельной, располагавшейся под башней обсерватории. Торбен свернул в узкий, похожий на бункер, проход между бетонными стенами и подошел к железной двери, ведущей в бойлерную. Даже зимой здесь воняло мочой. Видимо, это место облюбовали лисы — кто еще станет пробираться сюда за тем, чтобы справить нужду?

Он возился со связкой ключей. Лампа над дверью вышла из строя — хорошо, если просто лампочку надо поменять, — но он все равно сумел отворить дверь и очутился в сухом жаре бойлерной.

Перед ним лежал подземный двухэтажный мир котлов, труб, лестниц и поршней. К счастью, внутри было освещение, и Торбену открылся вид на многочисленные пыльные белые трубы, расположенные на разной высоте. Когда-то давно здания оранжереи и Ботанического сада обогревали угольной топкой, осуществлявшейся в котельной, теперь тепло приходило отсюда.

Металлическая лестница спускалась в подземную систему коридоров, Торбену пришлось пригнуться, проходя под трубами и низким потолком. Он запыхался, причем не только от перенапряжения. Рядом с небольшой раковиной стоял ящик с чистящими средствами и распространял испарения хлора и аммиака, от которых щипало глаза. На потолке перегорела очередная лампа, дальний конец коридора погрузился во мрак.

В атмосферном газовом котле, как всегда, горел огонь. Торбен приоткрыл крышку кожуха и бросил мешок с мусором в пламя. Дым от плавящегося пластика наполнил воздух, но Торбен продолжал смотреть внутрь котла, пока не удостоверился, что бутылка полностью сгорела.

* * *

— Неужели вообще никто не горюет об Альфе Бартольди? Кристель Тофт оставила семью и орды друзей, которые кладут цветы перед «Нимбом» и публично оплакивают ее смерть. Но что касается Альфы — разве не трагично, что человек вот так вот внезапно погибает, а у него, оказывается, нет ни единой родственной души? — Йеппе оторвался от компьютера и взглянул на румяную Анетту,

которая только что вернулась в Управление и расстегивала куртку. По случаю воскресенья она решила облачиться в абсолютно неуместную, на взгляд Йеппе, толстовку с кислотно-розовой надписью на груди: «My husband has an awesome wife»^[35].

— Ну, мама, например, переживает. И эта его подруга. — Анетта повесила куртку на крючок за дверью и приложила палец к горлу, чтобы нащупать пульс.

— Да, но больше никто. Учитывая обстоятельства, тебе еще не захотелось обзавестись как минимум пятью ребятишками?

— О нет! — презрительно воскликнула Анетта. — Предполагаю, когда я умру, мне будет все равно, оплакивает меня кто-то или нет. А уж если человек всегда был полным придурком, никто и подавно не станет тосковать, когда он преставится, неважно, есть у него родственники или нету.

— Может, в твоих рассуждениях и есть доля правды. — Усмехнувшись, Йеппе покачал головой.

Анетте было не до смеха.

— Йеппе, у меня плохая новость. — Она села и мрачно посмотрела на коллегу. — У Йоханнеса телефон Альфы Бартольди. Точнее, он у него был. Сейчас аппарат направляется в НЦК на экспертизу.

Сердце у Йеппе сжалось.

— Как это?

— Родриго нашел телефон у Йоханнеса в кармане куртки и передал мне.

— Но... — Йеппе впал в ступор. Много было неизвестно, но факт оставался фактом, с какой стороны ни подойти. Теперь Йоханнес становился главным подозреваемым по делу об убийстве Альфы Бартольди. А может, он стал им еще раньше. — Не понимаю, зачем Йоханнесу понадобился телефон Альфы.

— Потому что в телефоне полно компрометирующих фотографий, открывающих во всем великолепии историю измены и рисующих Йоханнеса в образе настоящего подонка. — Анетта приложила пальцы к запястью.

— Но как у него оказался этот телефон?

— Пусть он сам объяснит. Нам необходимо вызвать его на допрос. — Анетта на секунду задержала дыхание. — А если он снова

откажется, придется его арестовать. — Она ждала реакции на свои слова.

Йеппе ограничился кивком; конечно, Йоханнес должен быть допрошен, добровольно или принудительно. Лучше бы добровольно.

Анетта продолжала тревожным голосом:

— Ты сам понимаешь, какое объяснение напрашивается само собой: он забрал телефон из кармана мертвого Альфы. — Она все пыталась нащупать пульс на запястье. — Альфа заразил его гепатитом и выманил у него крупную сумму...

— Скажи, что ты делаешь? Ты боишься, что прямо сейчас умрешь? Зачем ты следишь за пульсом?

Анетта поспешно убрала пальцы с запястья.

— Я умру прямо сейчас от желания съесть что-нибудь вкусненькое. У тебя не найдется никаких сладостей?

— В ящиках пусто. — Йеппе безуспешно попытался выдавить из себя улыбку. — Поверь мне, я знаю Йоханнеса большую часть своей жизни. Он никого не убивал, неважно, имелся у него мотив и возможность это сделать или нет. А зачем ему убивать Кристель Тофт?

— Я пока не знаю. Но, честно говоря, это уже детали. Он запросто мог напоить ее чем-то, подмешав в напиток средство для прочистки стоков, непосредственно перед мероприятием в «Нимбе».

— Но все-таки — зачем? Что он имел против Кристель Тофт?

— Возможно, она что-то знала. Пусть он лучше сам расскажет.

— Я позвоню ему прямо сейчас. — Йеппе взял телефон и набрал номер Йоханнеса. Гудки. — О'кей, я напишу ему сообщение.

«Ты должен прийти на допрос! Иначе я ничем не смогу тебе помочь. Й.»

Йеппе отложил телефон. От него не укрылся недоуменный взгляд Анетты. Между ними повисла напряженная тишина. Он ударил кулаком по столу, неожиданно поддавшись порыву ярости. Получилось очень больно.

— Да, Йеппесен, все и впрямь представляется каким-то слишком мрачным!

Йеппе ненавидел, когда Анетта называла его «Йеппесеном», это заставляло его почувствовать себя статистом из посредственных фильмов семидесятых годов про полицейских. Кроме того, ему совсем не по нраву была ситуация, в которой он оказался: что бы он ни

предпринял, его того и гляди устранят с должности, так как его лучший друг является главным подозреваемым по делу об убийстве.

Анетта встала.

— Пойду-ка я подзаправлюсь моккой. Может, это хоть немного уймет мою тягу к сладкому. Принести тебе чашечку?

Она стояла на пороге и смотрела на Йеппе в ожидании ответа.

— Нет, подожди! Ну, то есть спасибо, нет, но послушай: ты согласна, что в истории с кремом что-то нечисто? Я про «А-Skin». А что, если Сёрен Вести обманул Альфу Бартольди?

Анетта пожала плечами.

— Но это не дает Вести повода убивать Альфу. Давай лучше поговорим с Ларсеном — он же допрашивал Вести. Тебе в кофе молока налить или ты тоже стал веганом?

— Да хватит уже про кофе! Я схожу к нему.

Йеппе бросился в коридор, почувствовав внезапный прилив энергии. Черт возьми, он не допустит, чтобы коллеги арестовали Йоханнеса, не проверив всех возможных подозреваемых.

Он постучался в кабинет следователя полиции Ларсена и вошел, не дожидаясь ответа.

Ему не стоило этого делать. Томас Ларсен находился на своем рабочем месте, но на коленях у него восседала молодая женщина в чрезвычайно узких брюках и целовала Ларсена нежно и страстно.

Йеппе откашлялся понапрасну — пара уже и так завершала глубокий поцелуй. Правда, очень медленно. Очевидно, они считали, что это их право — облизываться в Управлении полиции в разгар рабочего дня.

* * *

— Кернер, познакомься с моей девушкой, Метте. Она решила навестить меня, раз уж мне приходится трудиться даже в единственный выходной день на неделе.

А, девушка-инвесторша!

Метте протянула Йеппе руку, не спеша слезать с коленей Ларсена. Йеппе взял ее руку и ощутил неожиданно крепкую хватку, вдобавок девица еще и хлопнула его по предплечью. Настоящая торговка. Хотя,

возможно, именно сегодня он и был заинтересован выступить в роли покупателя.

— Простите за то, что помешал. Ларсен, мне необходимо узнать кое-что о человеке, которого ты вчера допрашивал.

— Ты имеешь в виду Вести? Так Метте тут как раз кстати — она его знает и в курсе некоторых его деловых практик. Слезай, милая, продолжим чуть позже.

Девушка-инвесторша ловко пересела с коленей Ларсена на стол, нежно глядя на своего возлюбленного. Это была юная, с прекрасными, возможно, искусственными формами, и с несоразмерным слоем макияжа на лице, делающим ее похожей на трансгендера.

— Прекрасно. И что вы хотите узнать? — Она подняла черную как смоль, слегка подрагивающую бровь и вызывающе посмотрела на него. Создавалось ощущение, что у нее на лбу встретились два слизняка.

Йеппе чуть помедлил с ответом. Насколько удачной была идея вовлечь в дело девушку Ларсена? Она выглядела не особо компетентной. Однако в настоящий момент он не мог позволить себе привередничать.

— Можно ли предположить, что Сёрен Вести обманул Альфу Бартольди?

— Зачем Вести понадобилось его обманывать? — Девушка сблизилась кончики пальцев.

— Я не совсем понимаю. Просто Вести, похоже, совсем не пострадал от потери денег. Потеряв несколько миллионов в результате банкротства, он разве не разозлился бы?

— Вообще-то мне ничего не известно о данном конкретном случае, ибо я не настолько хорошо знакома с этим человеком, но чисто теоретически — конечно, разозлился бы. Существует масса способов, которыми он мог облапошить Альфу. — Она прикрыла глаза.

— Например? — Йеппе сел за стол.

— Он мог выдумать банкротство. Ну да, просто-напросто придумать весь этот склад с продукцией и пожар, а сам с самого начала взял и положил деньги к себе в карман.

Допустим. Очевидно, совсем уж некомпетентной она все-таки не была.

— А разве это возможно?

— Стопроцентно! Это не так уж и сложно. — Юная инвесторша спрыгнула со стола и принялась ходить взад-вперед по небольшому кабинету, просвещая следователей.

— Для этого Вести требовалось придумать нечто реальное, фактически воссоздать физическую структуру. Речь идет о производстве крема, так?

— Да. Фабрика находилась в Таиланде. — Йеппе следовал за девушкой взглядом. Краем глаза он замечал горделивую улыбку Ларсена.

— К тому же вон как далеко! Кто выберет какой-то там Таиланд для размещения производства крема? — Она презрительно рассмеялась. — Ну конечно, надо еще заниматься разработкой сайта и логотипа, дизайном упаковки, придумать саму продукцию и так далее. И, наконец, запустить производство. Если оно расположено так далеко, партнер — в данном случае Альфа Бартольди — вряд ли поедет туда, но Вести все равно пришлось бы показывать ему фотографии и видеоролики, снятые в условиях, похожих на настоящую фабрику.

— И это все? — Йеппе почувствовал, как потенциальный мотив наполняет осязаемой тяжестью его тело.

Одной стороной накрашенного лиловой помадой рта она изобразила ухмылку.

— Да-с. Достаточно лишь сжечь фиктивную фабрику дотла, а с ней сгорит и вся фиктивная продукция. Тут на помощь придет несколько снимков любого пепелища. Вот вам и все банкротство. Деньги, вложенные Альфой в производство, по-видимому, тоже потеряны, а на самом деле Вести положил их в свой карман.

— И так как сам он якобы потерял еще больше, никто не предъявляет ему никаких требований... Иными словами, обманывать людей на большие суммы совсем не сложно?

— Неправда. Сложности возникают, когда люди понимают, что их обманули. Тогда приходится тем или иным способом затыкать им рты. Такой исход также необходимо учитывать при планировании предприятия.

Вопрос заключался в том, так ли поступил Сёрен Вести? Неужели он просто взял и заткнул рот Альфе Бартольди?

Глава 17

От мужчины, сидевшего рядом, сильно пахло дешевым парфюмом, Эстер отодвинулась от него подальше, прильнув к стеклу. Улица Амагерброгэде, мелькающая в грязном стекле автобуса 5А, становилась все тусклее и тусклее, пока не превратилась в совершенно серую площадь Сундбювестер. Эта площадь наряду с Вигерслев Алле возглавляла список уголков Копенгагена, которые, по мнению Эстер, следовало бы сравнивать с землей и отстроить заново. В лучших традициях копенгагенского высокомерия. Она нажала на кнопку, вышла на остановке и в очередной раз прокляла гололед, вот уже шестую неделю угрожавший жизням горожан.

Между ларьком и залом игровых автоматов она отыскала подъезд жилого дома и позвонила в квартиру Жозефины К. Андерсен, находившуюся на пятом этаже. Лифт отсутствовал — ну и прекрасно, в собственном доме она натренировалась подниматься пешком. У серой двери стояла молодая широкоплечая блондинка с мускулистыми ногами, обтянутыми розовыми легинсами. Она воплощала собой идеал датской яхтсменки: крепкая и ухоженная, она мужественно шла по жизни, справляясь с любыми невзгодами.

— Привет! Добро пожаловать на Амагер! Надеюсь, несложно было меня найти?

Ее голос соответствовал внешности: громкий и бодрый. Она пригласила Эстер в квартиру, безыскусно обставленную икеевской мебелью. Все поверхности сверкали белизной, кроме стены, увешанной фотографиями из всевозможных поездок. На большинстве снимков легко было узнать саму Жозефину; каждый раз в компании с новыми спутниками она стояла на фоне очередной мировой достопримечательности, природной или рукотворной.

Хозяйка квартиры предложила Эстер что-нибудь выпить, но та вежливо отказалась, после чего села за белый обеденный стол с буковыми ножками.

— Спасибо за то, что позволили мне прийти и отнять часть вашего времени.

— Не за что, просто мне показалась интересной ваша идея написать серию статей. К тому же на этой неделе у меня вечерние смены, так что ваш визит мне не помешал.

— Вы по-прежнему работаете медсестрой?

Девушка кивнула.

— В Герлеве. Работаю там всего лишь полгода. Я уезжала надолго, но найти работу по приезде домой оказалось не так уж и сложно.

— Вот, как раз о ваших путешествиях я и хотела бы вас расспросить подробнее. В частности, о поездке, которую вы предприняли совместно с вашей подругой Анной после звонка в «Мэдс и Монополия». Кажется, это произошло чуть больше двух лет назад, верно?

Выражение лица Жозефины изменилось — это был довольно незамысловатый переход от непосредственности к настороженности.

— Вообще-то я не раз собиралась связаться с вами, чтобы рассказать вам о продолжении...

— Здесь мне необходимо уточнить, что я приехала не с Радио Дании. Я внештатный журналист и не являюсь представителем программы «Мэдс и Монополия».

— Возможно, это не так уж и важно. Мне просто кажется, что слушатели должны узнать всю историю целиком.

Эстер вытащила из сумки блокнот.

— Почему вы не рассказываете мне о том, что произошло во время вашего плавания?

Молодая медсестра потерела свой конский хвостик, после чего решительно приступила к повествованию:

— Мне все еще неприятно думать и говорить об этом. И все же я хочу придать нашей истории огласку. Возможно, мой рассказ послужит предупреждением некоторым юным особам и уберезет их от столь отчаянного поступка, на который решились мы.

— Значит, продолжение оказалось неудачным?

— Вполне можно так сказать. Стив — человек, которому принадлежала лодка и который позвал нас с собой в плавание, — оказался сумасшедшим, по крайней мере, абсолютно неуравновешенным. Он был таким милым во время наших морских прогулок. В принципе, некоторое время он и продолжал быть таким,

но очень недолго. Если мы делали что-то не так, все что угодно, что казалось ему неправильным, он приходил в бешенство и мог лишить нас ужина или сна. Мы ведь никогда прежде не были матросами, так что нам просто невозможно было действовать безошибочно.

— Он проявлял агрессию? — Эстер написала на новой странице блокнота: «агрессия».

— В физическом смысле нет. Но его нестабильность проявлялась в такой большой степени, что начинала граничить с психологической пыткой. Он мог разбудить нас посреди ночи и наорать. Как-то ночью был шторм. Анна, видимо, неправильно привязала какой-то канат, ну или не так, как он хотел. И он заставил ее всю ночь стоять за штурвалом в одном купальнике. Это было ужасно.

— Да уж, звучит гротескно! И как же вы сбежали от него?

— Когда наша лодка пристала к берегам Кабо-Верде, мы нашли убежище в консульстве Дании в Санта-Мари. Нам пришлось оставить на лодке большую часть имущества. Когда сотрудники консульства наконец-то связались с полицией и полицейские отправились в гавань, чтобы найти этого человека, его уже и след простыл. С тех пор мы ничего о нем не слышали. А консульство выслало нас в Данию.

— Какое неприятное приключение. Наверное, вы еще долго не могли оправиться после такого? — Эстер встретилась взглядом с открытым взглядом медсестры.

— Это точно. Анна до сих пор никак не может прийти в себя. Нам оказали психологическую помощь, но Анна до сих пор на больничном по причине глубокого стресса. У меня у самой бывают дни, когда мысли о перенесенных испытаниях все затмевают.

— Травматичная получилась поездка, можно сказать. А совет, полученный от экспертов «Монополии», имел решающее значение при принятии вами решения?

— Нет. Я бы так не сказала.

— И все же сложно было, наверное, не затаить злобу на программу, ведь ее эксперты единогласно посоветовали вам отправиться в плавание? — Эстер поймала себя на том, что все ее мышцы напряглись в ожидании ответа.

Медсестра задумалась, прежде чем ответить.

— Не уверена, что словосочетание «затаенная злоба» здесь уместно, но я думаю, экспертам нелишним будет узнать, что в итоге

получилось. Возможно, в следующий раз они будут более осмотрительны со своими советами.

— Потому что их советы имеют далеко идущие последствия...

— Точно. Быть может, они не особо задумываются об этом. —

Она моргнула и выглянула в окно.

— Я вполне понимаю ваш гнев, направленный на этих людей.

Девушка, кажется, растерялась.

— Естественно, меня расстраивает произошедший инцидент, но это не имеет никакого отношения к «Монополии». Мы самостоятельно приняли решение отправиться в плавание, прекрасно понимая, что рискуем. Я просто хотела бы, чтобы они узнали, что произошло потом. Вот и все.

— А Анна? Она не держит зла?

Медсестра ответила не сразу.

— Не знаю, испытывает ли она злость в таком смысле. Она часто впадает в депрессию. Анна живет в Тострупе, мы не так часто видимся... Но я не могу представить себе, чтобы она перекладывала всю ответственность за случившееся на «Мэдс и Монополию».

Зато Эстер легко могла представить себе такое. Она поблагодарила девушку и отправилась в обратный путь к площади мелкими пингвиньими шажками, но вполне ретиво. Добравшись до автобусной остановки, она написала сообщение Йеппе:

«Возможно, есть зацепка! У тебя найдется время съездить в Тоструп?»

* * *

Всю дорогу до Тострупа Йеппе ежеминутно спрашивал сам себя — «Что ты делаешь?» И всякий раз натыкался на один-единственный вариант ответа: я просто-напросто хочу сбежать! Йоханнес наконец-то согласился на допрос и двинулся теперь в направлении комнаты для допросов номер шесть, где его поджидали Ларсен и Анетта. Само собой разумеется, Йеппе никак не мог присутствовать при этом действе, а потому ему следовало убраться подальше от Управления. Лучше уж отправиться по ложному следу в Тоструп. Йеппе попросил коллегу из Отдела по борьбе с особо важными экономическими и

международными преступлениями просмотреть архивы на предмет махинаций Сёрена Вести, и пока коллега не вернулась, ему было нечем заняться.

Замедленная, растянутая версия песни «You're the One That I Want»^[36] прокручивалась параллельно с информацией о пробках на дорогах. Стоит заметить, музыка исходила откуда-то из-под зальсин Йеппе, а отнюдь не из радиоприемника.

Анна Расмуссен жила на въезде в Тоструп в бунгало, огороженном ржавой металлической решеткой. Плитки, которыми была вымощена дорожка, ведущая к двери, качались под ногами Йеппе. Жилье явно не являлось смыслом существования для Анны Расмуссен. Он позвонил в дверь и прождал довольно долго, прежде чем понял, что звонок, вероятно, не работает. Когда Йеппе постучал, дверь отворилась едва ли не в тот же миг. Но снять цепочку хозяйка не спешила.

— Можно посмотреть на ваше удостоверение личности?

За двадцать лет работы в полиции этот вопрос задавали ему считаное число раз. И уж по крайней мере удостоверение личности никогда не спрашивали, если он заранее договаривался о своем визите. Йеппе вытащил зеленую идентификационную карту в кожаном футляре, принадлежность полиции Копенгагена.

Девушка выглянула из-за двери, чтобы изучить документ, и Йеппе получил возможность ее рассмотреть. Она была, что называется, корпулентной особой. Повседневная одежда. Волосы разноцветные — серо-сине-розовые, собранные на затылке в конский хвост. Дверь открылась, на этот раз без всякой цепочки. Анна Расмуссен протянула Йеппе руку и вяло ответила на рукопожатие.

— Проходите. Устроимся в гостиной.

Йеппе проследовал за Анной в комнату с низким потолком — казалось, помещение обставляла женщина солидного возраста: ковер от стены до стены, стеклянный столик и диван из кожзаменителя цвета детской неожиданности. На стене висела фотография, сделанная во время какой-то студенческой поездки — на снимке Анна Расмуссен была гораздо более юная и худая, нежели теперь, взгляд у нее горел. Сложно было поверить в то, что перед ним стоит сейчас та же самая женщина, что смотрит с фотографии.

— Хотите колы?

На этот раз Йеппе не отказался, ему не помешало бы слегка взбодриться. Анна принесла стаканы из матового стекла, наполненные кока-колой без сахара. Она пальцами держала стаканы за верхний край, и Йеппе еле сдержался, чтобы не вытереть отпечатки пальцев на стекле, прежде чем сделать глоток.

— Это ваш собственный дом?

— Бабушкин. Но я живу здесь временно. — Девушка говорила чересчур монотонно и как-то странно произносила звук «р».

Йеппе поднес стакан к губам, так что пузырьки зашипели ему нос, но затем отставил.

— Я должен поставить вас в известность о том, что вы не обязаны высказываться. Хорошо?

Она кивнула.

— Как уже было сказано, я пришел к вам, чтобы расспросить вас о прошлогоднем путешествии, которое вы осуществили вместе со своей подругой.

— С Жозефиной.

— Точно. В октябре прошлого года вы переплыли Атлантику в компании... Стива?

Она вновь кивнула.

— Как я понял из рассказа Жозефины, это была не слишком удачная авантюра?

Неожиданно Анна Расмуссен беззвучно рассмеялась, и Йеппе не сразу понял, что ее мимика была произвольной, на самом деле она вовсе не собиралась веселиться.

— Вы нашли его?

— Нет-нет. Насколько мне известно, на данный момент Стив не объявлен в розыск. Должен признаться, мой интерес к обстоятельствам вашего путешествия скорее косвенный.

— Понятно. — Улыбка на ее лице появилась вновь и исчезла так же внезапно.

— Опишите мне ваше плавание. Что в нем было плохого? — Йеппе подался вперед, постаравшись принять позу, располагающую к доверительной беседе.

— Просто нам пришлось слишком туго. Мы такого совсем не ожидали. — Анна вытерла каплю кока-колы с подбородка и засунула обе руки себе под лямки.

— Что вы имеете в виду? — Она пожала плечами и закусила губу. Йеппе ждал ответа, но ответа не было. — Он как-то неправильно вел себя? Стив.

— Да. По крайней мере, на мой взгляд. Часто.

— Вам оказалось сложно пережить сложившуюся ситуацию?

— Я до сих пор на больничном. Если бы это было ПТСР^[37], страховка все покрыла бы.

— А что вы теперь думаете о совете, который дали вам эксперты «Мэдс и Монополии», единогласно высказавшись за путешествие?

Заставляя Анну Расмуссен копаться в собственном прошлом, Йеппе никак не мог избавиться от ощущения собственной подлости. Девушка явно не получила помощи, достаточной для того, чтобы снова встать на ноги.

— Хм, даже не знаю... Наверное, мы бы согласились поплыть с ним, независимо от их совета? — Она произнесла эту фразу с вопросительной интонацией. Словно сомневаясь, что ответ был таким, какой Йеппе хотелось услышать.

— То есть вам не кажется, что ситуация... в которой вы теперь очутились, связана с советом, полученным в программе?

— Ну, они ведь не виноваты в том, что Стив таков, каков есть. — Анна принялась напевать какой-то мотив, но резко замолчала, наткнувшись на проницательный взгляд Йеппе.

— Где вы были в среду вечером?

Анна отпила кока-колу из стакана, прежде чем ответить.

— В Ворк Баккер. Я только вчера вернулась после недельного пребывания в лагере — я волонтер Добровольной детской ассоциации. Можете позвонить им и спросить. Или посмотрите на Фейсбуке — туда выложили фотографии с нашего мероприятия.

— Скауты? — Йеппе испытал огромное облегчение, узнав, что она вовлечена в социальную жизнь. Так что он даже не успел осознать, что Анна никак не может быть замешана в криминальном деле, и расстроиться. Честно говоря, он не рассчитывал на подобный исход.

Она осторожно улыбнулась.

— Было холодно! Тем больше поводов разжечь костер.

— Как вы думаете, есть ли в вашем окружении человек, в котором совет «Монополии» мог пробудить злость и желание призвать экспертов к ответу? Ваши родители, друзья?

Она посмотрела на Йеппе так, что он почувствовал неловкость за свой вопрос. На какую-то миллисекунду отяжелевший взгляд сообщил ему, насколько утопично предположение о том, что кто-то из ее окружения станет за нее заступаться.

Йеппе попрощался с девушкой и с раздражением окончательно решил больше не тратить время на фантастические теории Эстер ди Лауренти. У него было полно других дел, кроме как выступать в роли духовника для людей, решивших доверить право жизненно важного выбора экспертам «Мэдс и Монополии». Надо было сосредоточить все внимание на Вести, вернуться на протоптанную тропинку.

Йеппе сел в машину, посмотрел на циферблат на панели приборов и ощутил укол сожаления в связи с утонувшими часами. Было пять часов, и он уже устал. Вконец измотан и исчерпан на предмет свежих идей. Он нацелил навигатор на Вальбю и с тяжелым сердцем отправился домой.

Глава 18

Анетта вылила остатки из третьей чашки кофе из автомата. Она ощущала дискомфорт. Она вроде не замерзла и не устала, обычно дискомфорт у нее был связан с этими двумя факторами; это был какой-то иной тип дискомфорта, она даже затруднялась выразить его словами. Всегда свеженькая, как огурчик, ровно с того момента, как открывала с утра глаза, теперь она ощущала себя изможденной большую часть дня. Такое состояние напомнило ей о том, как однажды они со Свеном три дня подряд счищали обои из опилок со стен в доме 14 по улице Хольмеос. Тогда у нее кружилась голова и она чувствовала себя совершенно измочаленной, вынужденная стоять в облаке клеевой пыли и взирать на нескончаемые полосы обоев. Надо бы сократить потребление кофе.

Анетта пожалела, что вытащила свой новый тонометр из машины и переложила в нижний ящик комода под летнюю одежду. В данный момент она хотела бы знать, в каких цифрах выражается ее дурное самочувствие.

— Он пришел. Один! Без всякого адвоката. Я направил его в шестой кабинет. — Ларсен стоял в дверях и бодро улыбался. — Пойду приготовлюсь к предстоящему действию.

Допрос Йоханнеса Ледмарка не будет приятным. Она была немного знакома с ним и не собиралась устраивать ему перекрестный допрос. Однако тот факт, что он подозревался в преднамеренном убийстве, брал верх над всяким сочувствием. Анетта встала и направилась к комнате номер шесть со стопкой материалов, необходимых для допроса.

Йоханнес Ледмарк выглядел плохо. Он осунулся, от прежнего очарования не осталось и следа. Ларсен авторитарным тоном приступил к изложению сути обвинения, когда Анетта обошла стол и села рядом с ним. Йоханнес следил за ней, не спуская глаз.

— Здравствуйте, Йоханнес. Как вы?

— Лучше не бывало, — сказал он, не дрогнув. — Ровно с того момента, когда я получил «Серебряного медведя».

Анетта предпочла проявить снисходительность в отношении его сарказма. Негоже бить лежачего, даже если он плюет тебе в лицо.

— Йоханнес, для начала позвольте мне попросить вас рассказать, что вы делали в пятницу во второй половине дня. Позавчера, в пятницу двадцать девятого января. Где вы были, когда и с кем?

— Вы имеете в виду после вашего с Йеппе визита? — Он настороженно посмотрел на Анетту. — Я несколько часов подряд проспал. Затем беседовал со своим партнером, принял ванну, немного перекусил. Позже я встретился с Йеппе в «МакКлууде». В пять вечера.

— Будьте добры, подтвердите, что речь идет именно о руководителе следственной группы Йеппе Кернере. — Пульс стучал у Анетты на шее так громко, что она слышала его удары в паузах между словами.

— Да, я встречался с Йеппе Кернером. — Йоханнес посмотрел на нее с недоверием, словно она пыталась подсунуть ему подержанную машину вместо новой. — Но это была частная встреча.

Анетта заметила, что Ларсен беспокойно заерзал на стуле, и послала ему предостерегающий взгляд. Сейчас они не должны ничего обсуждать. И вообще, Ларсену лучше ни во что не вмешиваться.

— Как долго вы там пробыли?

— Максимум час. Я вернулся домой к шести. Можно мне стакан воды? — Йоханнес закашлялся.

Ларсен налил воды из кувшина и поставил пластмассовую чашку на стол.

Отпив, Йоханнес поморщился. Вода в Управлении полиции имела привкус железных труб, по которым бежала к крану.

— А дальше? К вам домой кто-нибудь заходил?

Йоханнес, казалось, удивился вопросу, но лишь на мгновение.

— Да, как вам, вероятно, уже известно, ко мне забежала Кристель Тофт, принесла мне пиджак, который позаимствовала во вторник вечером. Около восемнадцати часов, как мы и договаривались. Я предпочел, чтобы вещица от Феррагамо все-таки вернулась ко мне.

Ларсен что-то одобрительно пробурчал себе под нос, щеголь щеголя всегда поймет.

Анетта улыбнулась. Ох уж эти мужчины!

— Как долго она у вас пробыла?

— Буквально две минуты. Отдала пиджак, поинтересовалась, в порядке ли я, бросила какую-то слезливо-сопливую фразу насчет Альфы и ушла. Мы постояли в дверях, она даже не стала заходить, сразу отправилась на модный показ.

Анетта кивнула.

— Она ничего не успела выпить у вас? Стакан воды...

— Нет. Я же сказал — она только отдала пиджак и убежала. Возможно, она и не прочь была посидеть немного, но у меня не было настроения для общения.

— Родриго был дома? Он может подтвердить ваши слова?

— Нет. — Он обреченно вздохнул. — Родриго ушел, когда я вернулся из «МакКлуудса». Сказал, что надолго. Когда приходила Кристель, его не было дома.

Анетта сменила курс.

— Расскажите немного об Альфе. Какие отношения вас с ним связывали?

Йоханнес Ледмарк покраснел. У него не просто слегка зардели щеки от смущения, нет-нет, все лицо залило нездоровым темно-пунцовым цветом, который быстро распространился по шее и голове. Глубокий стыд — это словосочетание показалось Анетте наиболее уместным для обозначения его реакции.

— Мы с Альфой были любовниками, причем на протяжении довольно длительного периода. И вам прекрасно это известно, так что не вижу никаких причин скрывать это или вдаваться в дальнейшие подробности. Это было просто развлечением, между нами не было глубоких чувств. Буду признателен, если вы не станете распространяться на этот счет. Делиться информацией с прессой, например.

— В среду вечером вы пришли на вечеринку вместе? — Анетта решила, что умнее всего будет продолжить допрос. — А свидетели утверждают, что около 22:30 вы поругались. В чем заключалась суть вашей ссоры?

— Свидетели! — Упиваясь этим словом, Йоханнес печально улыбнулся. — Вообще-то мне не хочется посвящать вас в предмет ссоры. Это слишком личное. И Альфы больше нет, так что я... нельзя ли назвать это просто ссорой между друзьями? Ну или между врагами. Это не имеет никакого отношения к его смерти.

В помещении повисла тишина. Скрип автобусных тормозов доносился с улицы сквозь разошедшиеся оконные рамы. Ларсен открыл картонную папку, покосился на Анетту и начал зачитывать вслух.

«Черт возьми, Йоханнес, я всего лишь прошу займы. Ты ведь знаешь, я верну деньги. Они НУЖНЫ мне позарез прямо сейчас! Не вынуждай меня открыть всю правду о нас с тобой. Я не хочу так низко пасть. Но я сделаю это, если будет надо. Всего лишь сто тысяч крон. Ты получишь их обратно. А.»

Ларсен закрыл папку.

— Это распечатка переписки между вами и Альфой Бартольди. От двадцать третьего января сего года. Узнаете?

— Что вы хотите чтобы я вам ответил? — Зрачки Йоханнеса уменьшились и заблестели. — Что я убил Альфу, потому что он шантажировал меня? Да, он действительно оказывал на меня давление. Но только я никогда не тронул и волоса на его голове, хотя мне очень хотелось врезать ему как следует. Понятно вам? — Он наклонился к следователям и повторил медленно и четко: — Врезать — ему — как — следует.

Йоханнес Ледмарк вновь откинулся на спинку стула и потер подбородок. Затем уронил голову на грудь с таким же звуком, как собака ловит собственный хвост. Когда он вновь поднял взгляд, самообладание вернулось к нему.

— Но я этого не сделал. Напротив. И вы, несомненно, знаете о том, что я дал ему то, что он требовал.

— Каким образом мобильный телефон Альфы Бартольди очутился в кармане вашей куртки? — Ларсен отодвинул папку и сцепил руки на столе перед собой.

— Понятия не имею. Тот вечер для меня был как в тумане. Мы были пьяны, и... после перепалки я отправился вместе с Лулу к ней на лодку и провел там какое-то время. Ну да, об этом вы ведь тоже знаете. Не знаю, зачем мне мог понадобиться его телефон.

— Чтобы убедиться, что он не сможет позвонить и попросить о помощи?..

Последняя фраза повисла в воздухе. Взгляд Йоханнеса Ледмарка вновь стал беспокойным.

— Я не знаю, что мне сказать, кроме того, что я не брал у него телефон. Можете поспрашивать у кого-нибудь еще. Как насчет

Родриго? Это ведь он нашел его, как нельзя кстати. — Последние слова он буквально выплюнул изо рта. Йоханнес не давал покоя своим рукам, потел и, казалось, пытался найти какое-то отверстие, чтобы забраться туда и больше не вылезать. Анетта спокойно наблюдала за ним. Он утверждает, что Родриго пытается дискредитировать его? Неужели всего лишь за пару дней реально разрушить этот чудесный брак?

— Вы на вечеринке в среду подсунули Альфе напиток с добавленным средством для прочистки стоков? После вашей ссоры? — Анетта удивилась, услышав свой собственный голос, столь твердо и убедительно он звучал. Кровь внутри ее организма перекачивалась сейчас со скоростью нескольких сотен километров в час, и странно, что по ее голосу этого нельзя было заподозрить.

— Нет.

— Вы дали Кристель Тофт жидкий очиститель стоков в пятницу вечером, когда она заходила к вам?

— Нет. Сколько раз я должен повторить это слово? Нет, нет, НЕТ, я никого не убивал!

Йоханнес сложил руки на груди.

— Вы не знаете, могли ли произойти какие-то... неприятности в связи с сотрудничеством Альфы Бартольди и Сёрена Вести? — Анетта сверилась со своими записями. — «A-Skin»?

— Мне больше нечего сказать.

— Вы не в курсе, возможно, тут правомерно говорить о той или иной форме мошенничества? — Анетта понятия не имела, куда приведут ее дальнейшие расспросы, но неожиданное сопротивление всегда свидетельствует о том, что необходимо продолжать натиск.

Йоханнес перестал отвечать.

— Вы не хотите говорить с нами об «A-Skin»?

Йоханнес уставился в пустоту, вытянувшийся в узкую линию рот выражал презрение.

— Вы вообще не хотите больше с нами разговаривать?

В комнате для допросов под номером шесть повисло молчание. Анетта ощутила приступ удушья. Непонятно, то ли от атмосферы, воцарившейся в аудитории, то ли от ускорившегося пульса. Она встала.

— Свидетель отказывается продолжать допрос. Ларсен, давай округляться? Йоханнес, мы с вами еще свяжемся. Пожалуйста, пока не выезжайте за пределы города. И отвечайте на наши телефонные звонки.

Она вышла из комнаты, прежде чем кто-либо успел что-то сказать, закрыла за собой дверь и прошла по коридору всего несколько метров. Затем остановилась и облокотилась на стену. Проклятое сердце, что же оно так колотится? Она нервно нащупала крючки застежки на бюстгальтере под блузкой и расстегнула их. Как будто сняла смирительную рубашку, пульс тут же снизился. Затем Анетта не спеша направилась по гулкому коридору в их с Йеппе кабинет. Зашла, прикрыла за собой дверь и со вздохом облегчения села на рабочее место.

Шантаж, заражение хроническим заболеванием, открытый конфликт. Анетта не припомнила, чтобы когда-либо прежде в ее практике встречался один-единственный подозреваемый с таким букетом мотивов для совершения убийства. Ей придется убедить Йеппе предъявить обвинение Йоханнесу. Возможно, неоспоримое доказательство вины и отсутствовало, но косвенные улики игнорировать было больше невозможно.

Стул скрипел в унисон с радиатором, впустую боровшимся за право нормально функционировать. Ноги у Анетты заоченели, щеки, напротив, неприятно горели. Смутное ощущение причастности Йоханнеса Ледмарка к делу начало выкристаллизовываться во внятное подозрение. Да, он был популярен и зарабатывал, вероятно, неплохо, однако не так уж много есть в Дании актеров, за исключением Мэдса Миккельсена, которых можно было бы назвать по-настоящему обеспеченными. Чем Йоханнес зарабатывал себе на жизнь? Возможно, он тоже замешан в афере Вести?

Анетта попыталась подняться, но вынуждена была схватиться за край стола, чтобы привести окружающий мир в устойчивое состояние. Биение сердца отзывалось в ушах, ее словно укачало. Ее родители умерли в один год от сердечно-сосудистых заболеваний: мать от тромба в мозге, отец от сердечной недостаточности. Оба недуга были коварны и нелепы. Сразу после похорон Анетта поклялась, что бросится с моста, если окажется, что она унаследовала семейные проблемы со здоровьем.

Она отбросила дурные мысли и встала. Что она скажет Свену, если все окажется серьезно? Анетта попыталась представить себе, как начинает разговор на эту тему, когда он стоит у плиты и возится с кастрюлями, но быстро прогнала от себя эту картину. Вместо этого она нашла врученный Свенем список покупок для воскресного похода в магазин: свиная шейка, темное пиво, сливки, картофель, пшеничный хлеб и что-нибудь сладкое к кофе. При мысли о густом соусе и свинине Анетте вновь стало дурно.

Она взяла себя в руки, спустилась к машине и поехала в сторону Гreve Мидтбю Сентер. Если поторопиться, можно еще успеть отправить Йеппе протокол допроса и выгулять собак, пока Свен готовит ужин.

* * *

Коллега из Отдела по борьбе с экономическими преступлениями позвонила Йеппе, когда он съезжал с автомагистрали Фолехавн. Он нажал на кнопку приема, и мрачный хриплый голос устремился в салон машины по каналу громкой связи.

— Привет, Кернер, ты, наверное, ужинаешь?

— Я в машине, все в порядке. Ты что-то нашла?

— Ты один?

Йеппе выпрямился. Она что-то нашла.

— Да, один. То, что ты собираешься мне рассказать, не услышит никто кроме меня.

— Прекрасно. В настоящий момент ведется расследование, и пока что мы не имеем права разглашать подробности. Ну, ты в курсе.

— Не переживай! Что ты нашла? — Йеппе включил левый поворотник для поворота на Вигерслев Алле. Он старался сдерживать свое нетерпение.

— Ты интересовался проектом «А-Skin». ООО основано Альфой Бартольди и Сёреном Вести первого августа прошлого года, зарегистрировано в категории Средства для ухода за кожей. Объявлено банкротом семнадцатого ноября с большим убытком для обоих инвесторов.

— Точно.

— Если не считать того, что на самом деле все произошло совсем не так. Банкротство оказалось фиктивным, продукции, судя по всему, не существовало и в помине, да и пожара никакого не было.

— Как мы и предполагали! Сёрен Вести присвоил себе долю Альфы Бартольди.

Йеппе свернул в узкий переулок и прищурился, чтобы не проглядеть «лежачий полицейский», скрывающийся под слоем слякоти.

— Не совсем. Точнее, не только. Сёрен Вести действительно смошенничал, но на самом деле в ходе данной махинации инвестировано и потеряно было гораздо больше, чем пятьсот тысяч крон, вложенные Альфой Бартольди. Сумма исчисляется десятками миллионов.

— Теперь я и сам потерял.

Она хрипло рассмеялась.

— Потерянные деньги были вложены не ими, точнее, не Сёреном Вести.

— А кем же?

— Вести фактически представлял интересы крупного пассивного инвестора, который, видимо, пожелал сохранить анонимность. Он-то как раз и потерпел самые большие убытки в результате выдуманного банкротства.

— Разве такое возможно? — Йеппе въехал на свой участок и заглушил мотор.

— Вопрос лишь в том, чтобы найти человека, у которого много денег и который искренне верит в успешность проекта...

Йеппе перебил собеседницу:

— Но как получить от инвестора реальные деньги? Наверняка ему надо предоставить счета и прочие финансовые документы, прежде чем он решит раскошелиться?

— Только не в том случае, когда по той или иной причине инвестор не желает засветиться со своими деньгами. Тогда заключается джентльменское соглашение. Сделка держится в тайне, никакой письменной документации не предоставляется.

— А, уклонение от налогов?

— Именно! А ты быстро учишься, Кернер.

— Кто этот инвестор, потерявший свои деньги?

Снова пошел снег, белые хлопья постепенно засыпали лобовое стекло, изолируя салон машины от окружающего мира.

— Мы пока не знаем. Деньги хранятся в фондах, невозможно проследить их источник.

— Получается, Сёрен Вести обманул Альфу Бартольди и какого-то крупного инвестора?

— Да, он ведет опасную игру. Что-то еще тебя интересует? А то я уже пойду, дома ждет семья и старые-добрые ростбифы.

— Хорошая идея. Я передам информацию следователю Ларсену из моей команды, но не скажу, от кого получил сведения. Спасибо!

Йеппе нажал на отбой.

Он остался в машине, в темноте. Как в берлоге — уютно и в то же время как-то не по себе от пребывания в тесном замкнутом пространстве.

Мошенничество на высоком уровне — вот из-за чего погибли Альфа и Кристель? Если так, то какова конкретная причина? Вообще-то, у Альфы имелся гораздо более серьезный мотив убить Сёрена, чем наоборот, и при чем тут Кристель?

Мозг отчаянно пытался обработать новые сведения и связать их с уже имевшимися, но цельная картина никак не выстраивалась. Было много несоответствий.

Брошенный на запястье взгляд напомнил ему о часах со сломанным браслетом, покоящихся теперь в мрачной пучине канала. Но независимо от времени он решил бросить попытки искупить свою вину перед Ханной в связи с неудавшимся свиданием. Сейчас он даже не смог бы взглянуть ей в глаза. Злость на самого себя осела в желудке сырым комком теста, щедро приправленным муками совести, что отнюдь не уменьшало дискомфорта. Всякий раз при воспоминании о нежных прикосновениях обнаженной кожи и полуприкрытых устах Сары он ощущал пульсацию в нижней части живота.

«Don't dip your pen in company ink»^[38], как говорит Йоханнес. Сам Йоханнес не спешил следовать этому лозунгу, но оттого и знал не понаслышке, насколько полезен данный совет.

Йеппе захлопнул за собой дверцу машины и прошел через сад к входу в подвал. Посветил мобильным телефоном: никаких следов на снегу не было. Он спустился вниз на четыре ступеньки и взялся за ледяную ручку. Дверь открылась. Он посветил на дверную раму и

замок, на этот раз изучив их более внимательно, и обнаружил, что именно мешало двери закрыться. Щеколду заело, вот дверь и не запиралась.

Всего-то навсего, а он уже нафантазировал себе настоящую кражу со взломом.

Йеппе решил совершить пробежку, прежде чем приняться за ужин. Ничто не избавляет от излишней рефлексии и похоти так хорошо, как физическая нагрузка. В доме было прохладно, Йеппе не стал снимать куртку, копаясь в сушилке в поисках спортивного костюма. Тоска одинокого существования заключается, например, в том, что вещи всегда находятся там, где ты их оставил. Никто не раскладывает постиранное белье и не ездит в магазин за продуктами. Стоит только тебе расслабиться, бардак разрастается до невероятных размеров и застывает в таком состоянии на время твоего отсутствия.

В самой глубине ящика с носками лежали отцовские наручные часы «Омега». Циферблат пожелтел, кожаный ремешок слишком изнашивался и выглядел совсем не представительно. Йеппе почему-то казалось, что эти часы должны быть крупнее. Он попытался завести механизм, но какая-то шестеренка, видимо, заела. Часовщик наверняка починит. Он осторожно прикоснулся к корпусу. Это все равно что взять за руку отца. Внезапно Йеппе охватила нежность.

Он положил часы на кухонный стол, чтобы не забыть захватить их завтра утром, и быстро нашел контакты часовщика. Затем отправил Ханне краткое, но теплое сообщение с предупреждением, что сегодня они снова не встретятся. Проверил имейл и ознакомился с присланным Анеттой отчетом о допросе Йоханнеса. Йоханнес пошел на диалог, по крайней мере до определенного момента. Слава богу.

Ноги невероятно тяжело преодолевали слой снега. Скрип-скрип, хрусть-хрусть, бормотал он, по слогу на каждый шаг, больше для того, чтобы в голове снова не включился внутренний музыкальный автомат. Йеппе сосредоточился на физической работе тела, на пульсирующих мышцах, на интенсивном дыхании, на колотящемся сердце.

Его отец был совершенно не спортивным. Он не умел ни плавать, ни ездить на велосипеде, ни даже управлять автомобилем. В детстве он всему этому не научился и, по всей видимости, не чувствовал необходимости учиться, когда вырос. Подобный странный образ жизни накладывал огромные ограничения, однако сам отец никогда не

считал это проблемой. Он жил богатой и насыщенной жизнью, пешком бродя по любимому Копенгагену или дремля в кресле с книгой на коленях.

Не вставая с дивана, он объездил весь мир и побывал в Китае, Италии, Шотландии. Да-да, он переносился в разные уголки планеты посредством слов и изображений. Это вдохновляло его так же, как если бы он собрал чемодан и отправился туда на самолете. А возможно, даже больше. Насыщенная внутренняя жизнь заставляла ум расцветать от многообразия новых впечатлений, независимо от скудных возможностей тела. В конце концов тело сдалось, в какой-то момент сердце остановилось.

Йеппе ускорился. В легких появилось ощущение жжения, ноги подкашивались. Сердце колотилось в груди, большое и теплое, но чрезвычайно хрупкое.

Глава 19

Понедельник, 1 февраля

Обычно «Чекпойнт Копенгаген»^[39] работал всего несколько вечеров в неделю. Но если тебя зовут Йоханнес Ледмарк, персональный агент без проблем организует тебе анонимный прием ранним утром понедельника.

Было начало девятого, когда Йоханнес и Родриго, держась на расстоянии метра друг от друга, направлялись по улице Вестергэде к невзрачной двери. Родриго шел впереди, подняв воротник пальто. Если Йоханнес решит заговорить с ним, за последствия он не отвечал!

Он позвонил в звонок и поднялся по лестнице, обитой линолеумом, к приемной с неудобными стульями, стены ее были выкрашены белой краской и увешаны информационными плакатами. Родриго отпустил дверь ровно в тот момент, когда Йоханнес подошел ко входу, и дверь ударила его по голове.

К ним тут же вышел мужчина в очках в стальной оправе и в футболке с логотипом «Чекпойнт» и, поздоровавшись, попросил каждого заполнить по анкете. Родриго проставил галочки, где нужно, и обвел «да» или «нет» в конце соответствующих строк. Закончив заполнение анкеты, он отложил ручку и уставился в пустоту, не реагируя на подобострастные взгляды Йоханнеса. Они сидели бок о бок в ожидании возвращения сотрудника.

У них накопилось друг для друга такое огромное количество слов, что целесообразнее всего было просто помолчать.

— Кто первый? — Мужчина весело взмахнул руками и улыбнулся посетителям.

Йоханнес резко встал и проследовал за сотрудником в соседний кабинет. Дверь за ними закрылась. Прибегнув к привычному для себя языку тела, Йоханнес показал, что берет ответственность на себя. «Я иду вперед, я встречу с врагом лицом к лицу», — с горечью подумал Родриго и уставился на сцепленные руки, лежавшие на коленях.

Спустя восемь минут дверь открылась, Йоханнес вышел и сел рядом. Походка вновь приобрела легкость, плечи расслабились.

— Тест негативный. У меня нет ВИЧ. — Йоханнес резко выдохнул струю воздуха, сдержанно выразив свое облегчение.

Родриго молча поднялся и вошел в кабинет, прикрыв за собой дверь.

— Добрый день, Родриго, присаживайтесь.

«Водвигоу». Датчане всегда произносили его имя так, словно рот у них был набит горячей картошкой. Неужели нельзя даже имя выговорить по-человечески?

Родриго сел на край зеленого пластмассового стула и протянул руку.

— Готовы?

— Да.

— Я лишь на секунду уколую ваш палец.

Сама процедура забора крови прошла очень быстро. Укол в средний палец, из которого выдавили пару капель крови в специальную емкость. Затем наступал самый сложный момент: сидеть и ждать результата. Взгляд Родриго остановился на брошюре, лежавшей в центре стола: «Презервативы — у нас есть и на вашу долю».

Через несколько минут мужчина, бравший анализ, откашлялся.

— Ну вот и готово. Реакция негативная.

Родриго сдержанно кивнул, не отрывая взгляда от брошюры.

— Значит, вы не заражены. Поздравляю!

Родриго встал и протянул мужчине руку.

— Спасибо. Большое спасибо за помощь.

Затем открыл дверь в приемную, где его все еще ожидал Йоханнес, снял с вешалки пальто и вышел, не сказав ни слова своему партнеру. Родриго слышал, что Йоханнес идет за ним, но не хотел его общества в данный момент. А возможно, что и никогда.

Когда Родриго открывал дверь подъезда, Йоханнес обратился к нему:

— Родриго, нам необходимо поговорить. Сейчас мы находимся в сложной ситуации, но надежда все равно остается. По крайней мере, мы не больны.

Родриго обернулся и посмотрел ему в глаза. В глаза своему красивому, бледному, лживому супругу.

— Нет, мы больны. Ты уже забыл про гепатит? Сложно придумать себе болезнь серьезнее. Можно приравнять ее к раку на четвертой стадии.

Родриго открыл дверь на улицу с такой решимостью, какой не испытывал уже многие годы, и пошел прочь. Краем глаза он видел, как Йоханнеса остановили и усадили в полицейскую машину. Родриго, не оглядываясь, шел вперед.

* * *

Во всем Копенгагене отыскалось лишь одно место, где ремонтировали старые часы «Омега». Согласно Гуглу эта часовая мастерская находилась на Гаммель Конгевай и работала аж с девяти утра. Йеппе как раз удобно заехать туда по дороге в Управление, хотя придется немного опоздать на работу.

Вовлеченный в утреннюю пробку транспорт медленно, но настойчиво продвигался по снегу, и Йеппе активно сопротивлялся желанию устремиться дальше вместе с общим потоком. У мебельного магазина «Антон Дам» Йеппе заприметил чудом не занятое парковочное место, к которому и причалил, почти не испытывая стресса в связи с нетерпеливыми водителями, которым он так долго загораживал путь. Он перешел дорогу и проверил номера домов, после чего направился в сторону Озер.

Лишь добравшись до ресторана «Махараджа», находящегося по соседству с часовой мастерской, он понял, где именно очутился. Часовая мастерская располагалась в доме номер 86. Отец Йеппе последние пятнадцать лет своей жизни проживал по адресу — Гаммель Конгевай, 86. Йеппе остановился посреди тротуара и инстинктивно нащупал в кармане часы. Какой-то бизнесмен с чемоданом на колесиках наткнулся на его плечо. Йеппе отошел в сторону и вновь остановился. Наверное, сейчас ему необходимо было понять нечто важное? Что время не безгранично, а жизнь коротка?

Спасибо, конечно, но Йеппе уже понял это, когда отец в нежном возрасте 69 лет неожиданно упал с кресла вследствие остановки сердца.

Знаки, знаки, знаки — он сходил от них с ума. Насколько проще было бы жить, если не видеть их повсюду!

Йеппе завидовал активной деятельности и сумасшедшей энергии Анетты. Какое, должно быть, облегчение — идти по жизни без особых колебаний и сомнений! А вот Йеппе постоянно сомневался. Всегда ставил знак вопроса, все проверял и перепроверял. Тереза часто называла его «комком чувств». В то же время вполне возможно, что высокая степень чувствительности помогла ему стать хорошим следователем. То, что окружающий мир давал ему подсказки, а он слушал не только умом, но и интуицией.

Йеппе зашел в мастерскую и сдал часы отца в ремонт. Мастер предупредила, что починка может занять несколько дней, так как какую-то деталь придется заказывать аж в самой Италии. Голос этой женщины был тягучим и мягким, подчеркивал спокойную атмосферу мастерской. А может ли время остановиться в часовой мастерской? Йеппе вдруг осознал, что на самом деле он не жалеет о потере дорогих часов для дайвинга. Ибо смысл заключается во всем, даже в утрате.

Звонок телефона внезапно проколол пузырь философствований. Конечно, это была Анетта. Вот у кого понятие о подходящем моменте времени стабильно искаженное, этого у нее не отнимешь. Йеппе взял квитанцию, одарив часовщицу благодарной улыбкой, и приложил к уху телефон.

— Ну что там у тебя? Я еду.

— Почему ты сегодня так поздно? Пропустил утреннее собрание.

Она казалась расстроенной.

— Что случилось?

— Йоханнеса задержали.

Йеппе замер, взявшись рукой за дверцу машины.

— Что это значит? Ведь вчера он пришел на допрос добровольно!

— Он подозревается в убийстве Альфы Бартольди и Кристель Тофт и будет представлен судье чуть позже. Мне жаль, Йеппе.

— Кто принял такое решение?

— КП. Предварительно пообщавшись со мной.

— А почему со мной никто не посоветовался? Я руководитель следствия. Какого лешего вы там творите? — Йеппе стукнул ладонью по крыше машины. Это оказалось гораздо больнее, чем он рассчитывал. — Я еду. Где он?

— Он находится под арестом. Предварительный допрос назначен на сегодня.

— Но... ночью всплыли какие-то новые сведения, о которых я не в курсе?

— Он не желает отвечать на многие вопросы, Йеппе. Общая оценка ситуации такова: сочетание мотива и возможности совершения преступления, отягощенное последующим исчезновением подозреваемого, является достаточным обоснованием для его задержания.

Анетта говорила осторожно, стараясь смягчить сообщение о новости. Но ее забота только усугубляла состояние Йеппе.

— Мотива? Какого мотива?

— Шантаж со стороны Альфы, его угрозы сообщить об их отношениях прессе. Возможно, еще и экономический мотив. Ну да, мотив убийства Кристель Тофт пока отсутствует, но... Послушай, Йеппе, может, лучше поговорим об этом, когда ты приедешь?

Йеппе прервал разговор, нажал на кнопку отбоя, швырнул телефон на заднее сиденье и завел мотор.

* * *

Пребывание в камере оживлялось разве что желтоватым оттенком террасевого пола. Белые невыразительные стены, темно-серые металлические двери, узкая кушетка, табуретка и складной стол, приделанные к стене. Нейтральная и унылая обстановка способствовала успокоению и в то же время провоцировала на признание вины. Чистые ровные поверхности пробуждали у арестанта желание наполнить свое пребывание здесь хоть каким-то содержанием. Разбавить одиночество, веющее от прохладных стен.

Йоханнес сел на кушетку, спрятав лицо в ладони. Он не слышал, как вошел Йеппе, по крайней мере, головы не поднял. Йеппе немного постоял, глядя на него в утреннем свете, проникающем в камеру из высокого зарешеченного окна. Это окно проливалось светом на все потайное и постыдное, но в то же время соединяло тесную каморку со свободой, с которой распрощался арестант. Подумать только, как резко может разрушиться жизнь человека! Личность создавалась на

протяжении сорока лет — карьера, друзья, дом, и вот все разом рухнуло за считанные дни.

Йеппе нерешительно приблизился к Йоханнесу и положил руки ему на плечи. Он почувствовал, как покачнулся Йоханнес, когда он хотел отпустить руки. Йеппе стоял, продолжая держать Йоханнеса и давая ему понять, что поддерживает его. Пододвинул табуретку, чтобы сесть рядом. Йоханнес не мог взглянуть ему в глаза.

— Йоханнес, это всего лишь я. И я тебя не осуждаю, понимаешь?

— Мне кажется, я умру от того, что на меня навалилось. Я больше не могу...

— Не умрешь, по крайней мере, от этого точно. Тебе так кажется, но это все пройдет. Стисни зубы и не пытайся охватить умом больше, чем текущий момент, хорошо?

— Хорошо.

— Ну вот и прекрасно. — Йеппе немного отодвинулся назад и достал блокнот. — Сейчас я задам тебе несколько вопросов. Неофициально, но как человек, расследующий это дело. Позже тебя поведут на предварительный допрос. Когда придет твой адвокат. Готов?

Йоханнес кивнул, сделал глотательное движение и выпрямился. Йеппе мельком посмотрел на него.

— Я спрошу об этом только один раз, и ты ответишь мне честно. Иначе я ничего не смогу для тебя сделать. Я помогу тебе в любом случае, но мне необходимо знать, с чем мы имеем дело. Поклянись могилами наших отцов.

Йоханнес с ухмылкой поднял правую руку.

— Клянусь говорить правду.

— Ты убил Альфу Бартольди и Кристель Тофт?

— Нет! Конечно, нет! За свою жизнь я никогда не причинял никому физической боли.

— Хорошо. С этим понятно, — подытожил Йеппе, не меняя нейтрального выражения лица. — Ты снова начал принимать наркотики?

Йоханнес потупил взгляд, как пристыженный подросток, игнорирующий вопрос, на который ему неловко отвечать. Через мгновение он нехотя кивнул, не обращая внимания на то, что Йеппе закатил глаза.

— Йоханнес, черт возьми... — Йеппе глубоко вздохнул. В сегодняшней повестке дня имелись гораздо более серьезные пункты. — Зачем ты забрал у него телефон? И когда?

— Я ничего не забирал.

— Тогда как он оказался у тебя в кармане?

— Не знаю. Зачем мне было его брать? — Йоханнес начинал распалаться и сдерживался из последних сил.

— Чтобы предотвратить распространение всяких компрометирующих фотографий?..

— Йеппе, это какой-то бред! На современных устройствах все файлы синхронизированы через Интернет. Эти изображения находятся не только в телефоне у Альфы, но и на его виртуальном облаке. И какой же смысл забирать у него телефон? — Он раздраженно покачал головой.

— Но как он оказался в твоём кармане?

— Я не знаю, я же сказал! — Йоханнес заорал. Встал и обошел маленькую комнату, а потом, немного успокоившись, снова сел. — Извини.

Йеппе серьезно посмотрел на него.

— Ты ведь понимаешь, что мои коллеги не собираются подстилать тебе соломинку? Так что ни к чему взрываться, от этого только хуже.

Йоханнес виновато кивнул.

— Теперь о другом: ты каким-то образом вовлечен в проект Альфы со средствами ухода за кожей?

— «A-Skin»? Нет. Я никогда не вмешивался в это дело.

— Ты никогда не инвестировал туда и не помогал Альфе в посредничестве с инвестором? — У Йеппе во рту так пересохло, что губы приклеивались к зубам.

— Ты с ума сошел? Я бы ни за что не посмел. У меня есть финансовый консультант, который инвестирует мои деньги, я ничего не смыслю в бизнесе. И ты это прекрасно знаешь! Я даже не заглядываю в отчеты, которые он мне присылает, и насколько мне известно, он вкладывает деньги только в солидные компании типа «Вестас» или «Мэрск». А не в бонвианов с безрассудными идеями.

— У тебя совсем нет предположений, кто мог убить Альфу и Кристель?

Йоханнес покачал головой.

Йеппе почувствовал, как надежда постепенно покидает его, просачивается наружу, как воздух из проколотого мяча. Каким образом он может помочь Йоханнесу, если все возможные варианты ведут в никуда? Он закрыл черный блокнот и положил его в карман.

— А откуда ты знаешь Кристель Тофт? Я никогда не слышал, чтобы ты о ней упоминал.

— Кристель? Я знаком с ней уже несколько лет. Она вместе со мной играла в одном дурацком мюзикле в театре «Бельвю». Вообще-то я не очень хорошо ее знаю. Но она была милая. Печально...

— Да уж, печально.

Йеппе направился к двери, два раза стукнул по раме и слегка улыбнулся одними губами.

— Впервые я встретился с ней на программе «Мэдс и Монополия».

Йеппе застыл.

— О чем ты? Ты тоже принимал участие в «Мэдс и Монополии»?

— Ох да, я выступал в качестве приглашенного гостя единственный раз, давным-давно. Лет пять назад, наверное. Это было весело. Я даже расстроился, что Мэдс Стеффенсен больше меня не пригласил.

Йеппе почувствовал приток крови к мозгу. Вернулся к Йоханнесу и поднял его за руку с кушетки.

— Я вызволю тебя отсюда! Все будет хорошо, обещаю!

Йеппе так и оставил Йоханнеса стоять, а сам пулей пронесся мимо охранника, открывшего ему дверь, и устремился по коридору к выходу. Надо немедленно связаться с Эстер ди Лауренти. Холодные стены изолятора временного содержания отзывались эхом на каждый его шаг.

Глава 20

Эстер ди Лауренти долго пришлось барабанить в дверь Грегерса, прежде чем тот отреагировал на стук.

— Что за чертовщина! Неужели пожар? Заходи же!

Эстер открыла дверь. Грегерс сидел на стуле, радио работало на полную мощность. Стинг пел о том, что надо отпустить того, кого любишь. Хорошая композиция, не оскорбляет ничьих чувств, припомнила Эстер содержание. Как раз то что нужно для канала «Р4». И как раз то что нужно для Грегерса.

— Грегерс, нам придется поработать.

Прежде чем Грегерс заворчал, Эстер заметила проблеск энтузиазма в его глазах.

— Поработать, говоришь? За работу, насколько мне известно, полагается платить.

— Ну ладно тебе. Звонил Йеппе Кернер. Полиция нуждается в нашей помощи!

— Ну хорошо, хорошо. Только ради тебя. — Он с трудом поднялся и протянул руку, чтобы выключить радио. — Рассказывай, что надо делать.

Эстер проследовала к себе в гостиную, где заранее приготовила свежесваренный кофе, компьютер и блокноты. Грегерс, не переставая брюзжать, приковылял следом и сел за стол.

— Не понимаю, как ты можешь на этом сидеть! Не стулья, а недоразумения какие-то! Никогда не сидел ни на чем более неудобном!

— Сейчас налью тебе кофе, Грегерс.

— Нет, спасибо, я только что... А, еще пирог, ну давай тогда, полчашки.

Эстер разлила кофе по чашкам и подала Грегерсу тарелку с куском сладкого пирога. После того, как он откусил первый кусочек, Эстер приступила к объяснению стоявшей перед ними задачи:

— До этого момента полицейские скептически относились к моей... к нашей теории о связи убитых с программой «Мэдс и Монополия». Однако теперь выяснилось, что Йоханнес Ледмарк принимал участие в одном из выпусков вместе с обеими жертвами.

Йеппе Кернер едет к нам; он попросил найти этот самый выпуск и начать прослушивание.

Греггерс жевал пирог, нахмурившись.

— Я ни слова не понял из того, что ты только что сказала. От меня ты что хочешь?

— Греггерс, мы должны прослушать еще одну-единственную передачу. Пятилетней давности. Я ее уже нашла, а ты должен помочь мне разобраться, какие из озвученных дилемм представляют собой действительно серьезные проблемы.

— Вот так бы сразу и сказала. Включай запись, приступим. А выпечка еще есть?

Эстер запустила подкаст и отрезала еще пирога. Мэдс Стеффенсен тем временем кратко озвучил развитие дилеммы предыдущего выпуска, с шутками и прибаутками представил трех гостей и приступил к зачитыванию писем от слушателей.

После первой дилеммы Эстер нажала на паузу, чтобы обсудить, есть ли тут повод для серьезного конфликта. В середине обсуждения второй дилеммы в дверь позвонил Йеппе и присоединился к ним. Он поприветствовал Греггерса, который лишь сдержанно кивнул. Затем Йеппе придвинул к себе чашку с кофе и выложил на стол свой блокнот.

Спустя два часа перед ними лежал такой список:

1. *Оскар страдает дислексией и не уверен, стоит ли упоминать об этом на собеседованиях при устройстве на работу.*

2. *Тина и Бо сомневаются, стоит ли заводить второго ребенка, их первенцу всего один год.*

3. 16-летняя Лаура забеременела от своего парня, которому был поставлен диагноз бесплодие, теперь она не знает, рожать ей ребенка или нет.

4. Коллега Сони удалил ее из друзей на Фейсбуке.

5. Теа обнаружила, что ее соседка и близкая подруга берет с нее за комнату завышенную арендную плату.

6. Тина замужем за Пребеном, они воспитывают двоих детей, но она влюбилась в своего коллегу. Уступить ли ей своим чувствам или остаться с мужем?

7. Парень Лизы отрастил бороду. Она считает это отталкивающим.

8. Пребен проходит преподавательскую практику в одном из начальных классов и принимает душ вместе со своими учениками. Он учитель физкультуры. Но коллеги считают, что таким образом он навлекает на себя подозрения в сексуальных домогательствах по отношению к детям.

9. 19-летняя дочь Йеспера и Пернилле недавно заявила домой с искусственно увеличенными губами. Они не знают, как реагировать.

— Прекрасно, — подытожил Йеппе. — Давайте по порядку разберем дилеммы. Думаю, мы можем спокойно исключить первые две. Никому не придет в голову кого-то убивать из-за дислексии или из-за сомнений, заводить ли второго ребенка. Значит, первая дилемма, в которой может содержаться серьезный конфликт, это дилемма номер три. Согласны?

Эстер кивнула, а Грегерс отковырял от пирога кусочек глазури и положил его в рот. Эстер нашла начало обсуждения третьей дилеммы.

— Давайте послушаем еще раз и решим, что делать дальше.

— Давайте. Включай!

Сегодня в «Монополии» принимают участие: эксперт из мира моды Альфа Бартольди, невица Кристель Тофт и, впервые, артист Йоханнес Ледмарк.

Итак, слушайте. Я получил письмо от слушательницы по имени Лаура.

«Дорогие Мэдс и Монополия,

Я нахожусь в ситуации, из которой совсем, совсем не знаю, как выйти. Я забеременела. Мы с моим парнем встречаемся в течение года, нам очень хорошо вместе. Я люблю его и хочу прожить с ним всю оставшуюся жизнь и родить от него детей.

Проблема заключается в том, что мне всего шестнадцать лет. Я учусь в первом классе гимназии^[40], мой парень немного старше, ему двадцать два года. Несмотря на разницу в возрасте, мы прекрасно подходим друг другу. На недавнем медицинском обследовании выяснилось, что он скорее всего не сможет зачать детей естественным способом. Вероятность — меньше пяти процентов. От такой новости он пришел в отчаяние.

И все-таки это случилось: я забеременела.

Вообще-то я рассчитывала сначала закончить гимназию, а потом поступить учиться на дизайнера — ребенок как-то не входил в мои краткосрочные планы. Однако врач говорит, что произошло настоящее чудо и что это почти наверняка его единственный шанс иметь ребенка, зачатого естественным способом.

Мой любимый прекрасно понимает мои сомнения, ведь я еще слишком молода, и поддержит меня, даже если я решусь на аборт. И все же его самая большая мечта в жизни — иметь ребенка.

Так что же мне выбрать: сделать аборт, хотя это будет означать, что в будущем нам придется усыновлять ребенка или прибегать к помощи донора спермы? Или родить ребенка и в столь юном возрасте создать семью?

Я боюсь разрушить наши отношения, если сделаю неправильный выбор.

Что мне делать? Надеюсь, вы что-нибудь мне посоветуете.

Лаура».

— Эксперты сошлись во мнении, что ей лучше сделать аборт. — Грегерс открыл рот первый раз с того момента, как пришел Йеппе. — Я считаю, крайне безответственно давать такой совет кому бы то ни было.

— Но разве не столь же безответственно было советовать ей сохранить ребенка?

Грегерс вновь скептически посмотрел на Йеппе.

— Во времена моей молодости совершенно нормальным считалось рожать детей в молодом возрасте. У нее взрослый парень, который не отказывается ни от нее, ни от ребенка — так в чем проблема?

В диалог вмешалась Эстер:

— Возможно, для двух бездетных гомосексуалистов и естественно склонять девушку к аборту, но вот то, что женщина репродуктивного возраста...

— На тот момент у Кристель Тофт еще не было своего ребенка, — перебил ее Йеппе.

— ...поддерживает в данном вопросе этих мужчин, меня удивляет. Они не сомневаются в том, что ей надо сделать аборт. Если оплодотворение произошло один раз, произойдет и потом, когда

обстоятельства будут более подходящие. Сложно тут что-либо советовать. Взрывоопасная тема.

— Хорошо. Я согласен с вами. — Йеппе обвел в кружок третий номер. — Я свяжусь с редакцией программы, выясню, известно ли что-то о развитии данной ситуации, и достану контакты Лауры. Что там дальше?

Эстер бросила взгляд на список.

— Мне сложно представить, что два следующих пункта могут скрывать в себе потенциальный мотив убийства. Фейсбук и завышенная арендная плата.

— Я запросто могу представить себе убийство скупого арендодателя, — сухо пробубнил Греггерс.

— А кто будет стирать твоё бельё? — Эстер как ни в чём не бывало продолжила поиски подходящих дилемм. — А вот шестой номер будет посерьёзнее. Измена всегда пробуждает сильные чувства. Сейчас найду начало обсуждения.

«Ну что, навострили ушки? Нас ждёт кое-что посложнее. Мы получили письмо от «Тины», она пишет:

Дорогие Мэдс и Монополия!

Мне тридцать восемь лет, я замужем за чудесным человеком — назовем его Пребен. Мы вместе с подросткового возраста. У нас двое замечательных детей, мы владеем неплохим отелем. В общем и целом, нам хорошо вместе, к тому же нас связывают деловые отношения, и мы уважаем друг друга.

НО — два месяца назад я совсем потеряла голову. Это случилось на летнем корпоративе. Один из наших сотрудников сказал мне о том, что влюблен в меня, причём уже давно. Внезапно я поняла, что тоже испытываю к нему симпатию. Меня никогда — НИКОГДА — не интересовал никто, кроме Пребена, но теперь всё изменилось. Я иду на работу, а сердце выпрыгивает из груди. Я с нетерпением жду встречи с ним и не могу думать ни о чём ином. Мы начали тайно встречаться, так начался наш роман. Но такое ощущение, что за обычным романом скрывается нечто большее. Коллега без памяти влюблен в меня, хочет со мной жить и говорит, что я должна выбрать: он или муж.

Я в растерянности: с одной стороны, я очень люблю свою семью и не выношу мысли о том, что могу разрушить её. С другой стороны, я так сильно влюблена, что не знаю, смогу ли жить без своего

возлюбленного. Он заставил меня вновь ощутить полноту жизни, почувствовать себя красивой, юной и пробудил во мне интерес к жизни. Смогу ли я подавить в себе это чувство? И надо ли его подавлять?

Такова дилемма, вставшая передо мной. Я очень рассчитываю, что вы сможете мне сделать верный выбор.

С уважением,
Тина».

— Они вновь на удивление единодушны...

— Так часто бывает, — перебил Греггерс комментарий Йеппе.

— ...причем советуют ей бросить мужа и детей. — Йеппе серьезно посмотрел на стариков. — Как-то это противоестественно.

— Они также признают эту дилемму сложной и затрудняются давать какой-либо четкий совет. Говорят, что она сама должна почувствовать, как поступить, — заметила Эстер.

— Но они интерпретируют ситуацию так, словно она глубоко несчастна, будучи привязанной к исчерпавшему себя браку. — Йеппе отпил кофе, в рот попала кофейная гуща.

— Кажется, Альфа говорит о том, что «колесо еще крутится, но хомяк уже мертв»?

— А Йоханнес добавляет, что ей надо слушать свое сердце, что жизнь коротка, а счастье — редкая птица. Кристель вторит ему цитатой — «Никогда не отказывайся от того, без мысли о чем ты не можешь прожить и дня». Но тогда еще она сама не была замужем. — Эстер обвела в блокноте выражение «редкая птица». — Но в то же время все они признают, что разваливать семью очень горько. Что жалко, конечно, детей, но она должна руководствоваться любовью и следовать за своим чувством. Уф, как непросто!

Греггерс похлопал ее по руке, снисходительно улыбнувшись. Эстер решила не напоминать ему о его собственных взрослых детях, с которыми он давным-давно не общался.

— Наверняка дилемма Тины вызвала бы более чуткую реакцию, если бы в качестве эксперта в том выпуске выступал хотя бы один родитель. Конечно, легко советовать другим руководствоваться своим чувством и пускаться в авантюру, когда сам и понятия не имеешь, к чему может привести развод. — Эстер взяла Доксу на колени и почесала ей складки на загривке.

— Что с тремя оставшимися дилеммами?

— Из-за бороды или увеличенных губ пока вроде никто не умирал. — Эстер адресовала Грегерсу предупреждающий взгляд, прежде чем он успел съязвить. — По крайней мере, я надеюсь. А вот школьный учитель в душе с учениками — тут вполне могут быть задействованы сильные эмоции. Вероятно, самое страшное обвинение, которое может быть ему предъявлено, это педофилия?

— Согласен.

Итак, слушайте внимательно. Мне чрезвычайно интересно, какова будет ваша реакция на следующее обращение. Оно короткое, но любопытное...

Пребен нам позвонил. Он готовится стать учителем и в данный момент проходит практику в одной из копенгагенских школ, ведет датский и английский языки и физкультуру у учеников с третьего по седьмой класс. После уроков физкультуры он идет в душ вместе со своими учениками. Сам Пребен считает, что это вполне естественно — ребята должны избавиться от дискомфорта, вызванного демонстрацией обнаженного тела. Однако некоторые более опытные коллеги молодого учителя задались вопросом, все ли тут в порядке. Они опасаются, что Пребена — а вместе с ним и всю школу — обвинят в проявлениях педофилии. Пребен полагает, что подобная реакция истерична, и спрашивает у «Монополии», стоит ли ему настаивать на своей точке зрения или уступить давлению и принимать душ отдельно от учеников, в другое время.

А что вы на это скажете?

— Я считаю, это вообще полный беспредел! К чему бедным детям тарашиться на голого мужика? — Грегерс фыркнул и принялся за третий кусок пирога.

— И здесь эксперты «Монополии» согласны с тобой, все трое. Безоговорочно. Они считают, что Пребен не должен больше ходить в душ вместе со своими учениками. — Йеппе пожал плечами — сам он никак не мог склониться к тому или иному мнению.

— Ах так! Не должен, значит? Понятное дело, что не должен, скотина этакая! — У Грегерса даже щеки покраснелись. — Когда я был ребенком, учителя могли отвесить подзатыльник, если мы дерзили, но мы никогда не видели их голыми!

— А мне кажется, Пребен прав в том, что дети должны научиться нормально воспринимать человеческое тело.

— Конечно, дорогая моя Эстер, но ты ведь росла в семидесятые. Ага, познай свое тело, и так далее. — Греггерс кипел от негодования. — И к чему все это может привести?

Йеппе поднялся.

— Для последующей работы мы единогласно отобрали три важные дилеммы. Я отправляюсь на «Дэнмаркс Радио» и попробую выяснить кое-какие подробности. Звоните, если вы что-нибудь вспомните или у вас появятся новые идеи в этой связи.

Эстер проводила его до дверей.

— Йеппе, скажи мне — то, чем мы сейчас занимаемся, имеет хоть какой-то смысл?

— Пока нет. — Он ухмыльнулся. — Но это лучший путь из тех, что сейчас имеются в нашем распоряжении.

* * *

Из комнаты ожидания перед кабинетом «Медики у Ратуши» открывался замечательный вид на железнодорожное полотно и расположенный на противоположной стороне рельсов центр сайентологии Л. Рона Хаббарда, готовый ко второму приходу Спасителя. Анетта пыталась прикинуть, придется ли ей и впрямь ожидать своей очереди так долго, что она успеет застать момент, когда сам Хаббард вернется и усядется за свой письменный стол. Большая часть обеденного перерыва уже прошла, и она не имела возможности дальше оттягивать возвращение на работу, ей и так предстояло мчаться со всех ног вдоль решетки Тиволи в Управление полиции, в стенах которого Йоханнес Ледмарк ожидал предварительного допроса.

Она продолжала лихорадочно листать еженедельник «Воскресенье» четырехлетней давности, который обнаружила в стопке других изданий и в котором начиталась множества советов о том, например, как изготовить картофельные штампы, как перевозить мокрые зонтики или как удивить хозяйку дома оригинальным подарком. Анетта чувствовала сейчас подобие того же сдержанного любопытства, что при встрече с иными формами эксцентричности, как

порнография с элементами связывания или брошюра для членов общества коллекционеров бумажных салфеток. Ну да, бывают и такие люди. Но ожидая своей очереди в таком месте, с выпрыгивающим из груди сердцем и трясущимися пальцами, ощущаешь, что все люди братья. Кратчайший путь, соединяющий двух любых людей, это страх смерти.

В жизни сорокатрехлетней Анетты этот страх занимал не такое уж большое место, и, стоит признаться, в данный момент ее беспокоил совсем не он. Только когда сердце начинало бешено колотиться, сложно было удержаться и не нащупать пальцем вену на запястье, проверяя частоту ударов, сложно было не думать о кровеносном сосуде, который сужается, забивается и лопается в конце концов. Что станет со Свенем и их псынами, если она вдруг умрет?

Звуковое сопровождение в зале ожидания состояло из сменяющих друг друга музыкальных композиций восьмидесятых годов и кратких новостей. Диктору удавалось зачитывать новости с такой торжественностью, словно в эту самую секунду страна переживала важный исторический момент.

«В Управлении полиции подтверждают, что по делу об убийстве Альфы Бартольди предъявлено обвинение человеку, имя которого пока не разглашается; в данный момент он ожидает процедуры предварительного допроса в изоляторе временного содержания в Главном Управлении полиции Копенгагена. Альфа Бартольди умер поздним вечером в среду после вечеринки в центре Копенгагена, предположительно в результате употребления отравленного напитка...»

Йоханнес продолжал отрицать свою вину и утверждать, что не причастен ни к убийству, ни к краже телефона. Анетта не возлагала особых надежд на предварительный допрос и мысленно настраивалась на то, что Йоханнеса придется освободить в тот же день. Обвинение не будет отклонено, но поскольку обвиняемый не желает способствовать расследованию дела, полиции придется добиваться свидетельских показаний или искать новые доказательства его вины.

«...следователи разрабатывают версию о том, что его убийство связано с убийством певицы Кристель Тофт, которая была отравлена на модном показе в пятницу вечером, однако пока не располагают никакими доказательствами, что речь идет об одном и том же преступнике. Наши сотрудники попытались связаться с руководителем следственной группы, однако он занят расследованием дела и не может предоставить нам подробный комментарий. Мы продолжаем следить...»

— Анетта Вернер?

Молодой врач в халате обвел взглядом зал ожидания. Он сдвинул очки на лоб. Голубые глаза, мускулистые руки в закатанных рукавах. Исключительно приятный мужчина, решила Анетта, вставая и протягивая доктору руку. Он пригласил ее в кабинет, выходящий окнами во внутренний дворик, и усадил на белый пластиковый стул. Сиденье слегка прогнулось под ее весом.

— Итак, чем я могу вам помочь?

Да много чем, подумала про себя Анетта, одарив его самой дерзкой улыбкой, на какую только была способна. Ее несколько смущала перспектива вывалить свои проблемы со здоровьем перед человеком, олицетворявшим собой здоровье и силу. Ведь можно было обсудить столько других тем!

— Ну, мне кажется, последнее время мое сердце бьется слишком сильно. Я имею в виду не только данный момент...

Он выдвинул ящик и посмотрел ей в глаза не моргая:

— Давайте померяем давление. Поднимите рукав.

Анетта закатала рукав и вытянула руку вперед. Врач надел на нее манжет и нажал на кнопку тонометра. Пока прибор работал, он вытащил из ящика рулетку. Пропищал звуковой сигнал, доктор взглянул на дисплей.

— Сто семьдесят шесть на сто двадцать три. У вас гипертония, давление значительно повышено. Вы пребываете в стрессе в данный момент?

Анетта покачала головой.

— Не больше, чем обычно.

— Пальцы немеют? Головокружение наблюдается? Одышка?

— Ну-у, периодически...

— Вы проверялись на диабет?

— Сахарный диабет? Нет. Кажется, он бывает только у пожилых?

— Диабет второго типа — заболевание, связанное с образом жизни. Это один из самых частых недугов среди датского населения, причем у обоих полов. Вы курите?

— Ох, иногда не могу отказать себе в таком удовольствии.

— Употребляете алкоголь?

— Не больше, чем остальные. Просто жить как-то веселее, если время от времени травить себя какой-нибудь гадостью, разве нет?

Врач опустил очки на свои прекрасные голубые глаза и строго посмотрел на пациентку.

— Я бы посоветовал отнестись к этим симптомам серьезно. Тахикардия зачастую является признаком фибрилляции предсердий, которая в свою очередь может вызвать образование тромба в мозге. Так что ничего веселого тут нет. А тем более если наследственность у вас отягощена сердечными заболеваниями. А? — Он вопрошающе поднял брови.

Анетта потупилась.

Врач встал и жестом показал ей сделать то же самое. Прежде чем она успела сообразить, что к чему, он обмотал рулетку вокруг ее талии и привычным движением измерил охват.

— Сто восемь сантиметров. Такие цифры могут свидетельствовать о том, что в вашем организме слишком много жира. Сегодня вы сдадите кое-какие анализы крови, проверим уровень холестерина и так далее. Позвоните мне завтра, когда результаты анализов будут готовы, и тогда мы спланируем дальнейшие действия. Кроме того, я дам вам брошюры о коррекции режима питания и образа жизни и попрошу вас внимательно ознакомиться с содержащейся в них информацией. Я также пропишу вам блокаторы кальциевых каналов, дабы контролировать кровяное давление.

Врач проводил Анетту в зал ожидания и проверил, чтобы секретарша снабдила ее нужными брошюрами. Все пациенты притихли, когда он внятно и строго наставлял ее напоследок:

— Никакого кофе, сигарет и жирной пищи. Длительные прогулки и отдых.

Анетта поспешно сбежала по лестнице, крепко держа брошюры в руке, и, негодуя, устремилась обратно в Управление. Не таким уж и

приятным оказался этот медик.

Глава 21

— У меня назначена встреча с Маргит Баунехой с радиостанции «Р4». — Йеппе наклонился к стеклянной перегородке, чтобы привлечь внимание секретарши. Она нажала на кнопку, и ее механический голос зазвучал из динамика где-то над головой Йеппе.

— Встаньте, пожалуйста, на место, обозначенное на полу крестиком, иначе я вас не услышу.

Посмотрев на пол, Йеппе заметил белый крестик в полуметре позади себя и с готовностью отступил, оказавшись посреди холла и напоминая участника телешоу «Х-Фактор».

— Так лучше?

— Гораздо.

— У меня встреча с Маргит Баунехой с радиостанции «Р4».

— Вы уже зарегистрировались? — Дама указала в направлении экранов слева от стойки. Йеппе потерял терпение и достал из кармана удостоверение.

— Я из полиции Копенгагена и очень тороплюсь.

Секретарша посмотрела на него поверх очков. Затем сняла телефонную трубку и после короткого разговора вновь нажала на кнопку.

— Сейчас она спустится за вами. Пройдите через первый турникет, я выдам вам пропуск. Постарайтесь не приближаться к раздвижным дверям.

Миновав турникет, Йеппе получил от секретарши наклейку с логотипом «Дэнмаркс Радио» с настойчивой просьбой приклеить ее куда-нибудь на видное место на своей одежде на все время, пока он находится в здании. Будь прокляты эти дурацкие карикатуры на пророка Мухаммеда и связанные с ними последствия, успел подумать Йеппе, прежде чем невысокая кудрявая брюнетка в очках в черепаховой оправе улыбаясь вышла ему навстречу:

— Добрый день. Я Маргит. Добро пожаловать. Нам надо подняться наверх. — Лаконичным деловым жестом она пожала ему руку и бодро направилась к эскалатору, от чего длинный шерстяной кардиган волнообразно заколыхался вокруг ее миниатюрной фигуры.

Маргит прижимала к себе ноутбук, охапку картонных папок и пластиковый контейнер с весьма здоровой на вид пищей, который вот-вот норовил выскользнуть у нее из рук, когда она оборачивалась через плечо, чтобы что-то сказать. Йеппе пришлось поднажать, чтобы не отстать. Он встал на ступеньку эскалатора и настроился на голос спутницы.

— Надеюсь, вы не будете против, если мы устроимся во внутреннем холле. В редакции сейчас жуткая суматоха, к тому же мне пора пообедать. Там у нас есть кафе, так что вы тоже можете себе что-нибудь заказать, а?

Йеппе махнул рукой, отклонив эту идею. Вообще-то он еще не обедал, но даже и помыслить не мог о том, чтобы проводить допрос свидетеля, выковыривая из зубов застрявшие куски сэндвича.

— Можете просто выпить кофе или минеральной воды. Но там по крайней мере можно найти уголок, где нас не потревожат.

Эскалатор доставил их в длинный стеклянный коридор с высоким потолком, связывающий основное здание с концертным залом на уровне второго этажа. Маргит поприветствовала двух коллег, проходивших мимо, и целенаправленно устремила к красным креслам, стоявшим у стеклянной стены. Затем села, положила папки на небольшой журнальный столик и приступила к поглощению обеда прямо из пластикового контейнера. Лишь когда Йеппе устроился в кресле напротив, она подняла взгляд от еды и смущенно улыбнулась.

— Я сегодня на ногах с раннего утра, уже успела проголодаться.

— Ничего-ничего. Вы всегда так заняты?

— Всегда! — Она продолжала жевать с громким хрустом. — Мы все работаем одновременно над несколькими программами, при этом в кооперации со многими отделами, так что покой нам только снится. К многозадачности надо просто привыкнуть. — Она открыла ноутбук левой рукой и принялась что-то печатать, одновременно пытаясь донести до рта целую вилку бобовых ростков. — Я отыскала нужный выпуск и три дилеммы, о которых вы просили, плюс — известное нам развитие двух из них. Не так уж это просто, учитывая, что программа вышла довольно давно. Пять лет — это целая вечность в медиаиндустрии! — Она засмеялась, дав понять, что не относится серьезно к своим словам. — Сейчас вот только залогинюсь... сеть

здесь плохо ловит. В заведении, работающем в сфере коммуникации, можно было бы ожидать более приличного уровня сигнала вай-фай.

Она продолжила печатать, оставив полупустой контейнер и положив вилку на стол.

— Тут имеется некоторый пробел. Давайте посмотрим. Начнем с шестнадцатилетней Лауры, которая забеременела от своего парня и сомневалась, рожать ребенка или нет.

— И что она решила в итоге?

— Сделала аборт. — Маргит Баунехой отпила воды, соорудив смешную, почти клоунскую гримасу, видимую сквозь толстое стекло стакана.

— А что происходило потом, вы в курсе?

— Нет. Мы связались с ней лишь один раз, спустя три недели после выхода программы, и Лаура сказала нам, что выбрала аборт, больше нам ничего не известно. О чем тут еще рассказывать? Если бы она решила сохранить ребенка, вероятно, можно было бы поведать миру милое продолжение истории, но...

— Но об абортах рассказывать неприятно, да?

— Ну, мы ведь не специализируемся на производстве документальных передач в стиле социального реализма! «Мэдс и Монополия» — развлекательная программа, мы перерабатываем материал и проводим отбор сюжетов.

— Лаура — настоящее имя девушки?

— Да. Лаура Оманн. Тогда она жила вместе с родителями, так что это их адрес и номер телефона. Я сейчас перешлю вам контакты. Я предупредила их, что вы с ними свяжетесь.

Маргит Баунехой снова принялась печатать, ругаясь на интернет-соединение и теребя свои кудри, затем спохватилась об очках, которые сдвинула на лоб и благополучно об этом позабыла.

Телефон Йеппе загудел, он проверил почту. Смаллегэде, 41, Фредериксберг. Очень удобно. Он сможет отправиться туда, как только завершит беседу здесь.

— А что насчет второй дилеммы? Мать семейства, зачахнувшая в браке и влюбившаяся в коллегу?

— Она ушла, черт возьми. Это я точно помню. Мы в отделе даже поспорили. Большинство сотрудников думали, что она останется с мужем и детьми. Все-таки у них был общий отель и все такое, так что

она решилась на колоссальные перемены. Развод — это всегда ответственный шаг, но наличие детей и совместного бизнеса еще больше усложняют ситуацию. До какой степени несчастным надо себя чувствовать, чтобы решиться разбить собственную семью?

— Получается, что коллега, с которым у нее закрутился роман, работал у них с мужем? То есть ее супруг был знаком с этим человеком?

— Ну да, вышло нехорошо. Но в подобной ситуации редко бывает иначе. — Она покосилась на салат, но оставила его стоять на столе и сосредоточилась на экране ноутбука. — Вот, смотрите, мы связались с ней через два месяца после выхода программы. Она уже съехала от мужа. Кристина Сёборг Хансен, точно, именно так ее и звали. Такое гандбольное имя. Хм-м, она сказала, было непросто, но в то же время она чувствовала облегчение и радовалась тому, что осмелилась начать новую жизнь. Лишь бросив мужа, она поняла, насколько несчастной она была в течение долгих лет. Продолжение этой истории прозвучало в качестве введения к одной из наших программ перед летними каникулами... да, лет пять назад.

— Прекрасная история, — заметил Йеппе, с горечью вспомнив о бывшей супруге. — А что случилось потом?

— Я не знаю. Как правило, после выхода программы мы не поддерживаем связь с людьми, чьи дилеммы прозвучали в эфире. В некоторых случаях единожды связываемся, чтобы узнать о развитии ситуации. Если перед ними возникают новые дилеммы, они всегда могут обратиться к нам повторно. Сейчас перешлю вам ее имя и адрес. Как я уже сказала, Кристина Сёборг Хансен — ее настоящее имя. К сожалению, у меня есть только адрес их общего с бывшим мужем дома, так как она жила там, когда позвонила нам в первый раз. — С виноватой улыбкой она подцепила из пластиковой коробки очередной росток.

— Я думаю, мы сами ее найдем. На таких задачах мы собаку съели.

Собеседница взглянула на Йеппе так, словно оценивала степень сарказма в его словах. Йеппе ответил ей любезной улыбкой.

— А что с последней дилеммой? Как насчет голого школьного учителя?

Она щелкнула пальцами обеих рук, словно он заставил ее вспомнить о том, что она безуспешно пыталась воскресить в памяти весь день.

— Молодой физкультурник, точно. По этой дилемме сложнее отыскать информацию. Мы не следили за развитием ситуации и не делали по этому поводу записей на нашей странице на Фейсбуке. Так что мне пока ничего не удалось найти.

— А вы можете хотя бы назвать мне его имя?

Женщина оскалилась, выражая сожаление.

— Пока нет. Видимо, придется искать его данные где-то в архиве, но на данный момент мне это не удалось. Разве что еще раз попробовать? — Задавая этот вопрос, она явно ожидала от Йеппе отрицательного ответа.

— Да, пожалуйста. Желательно сегодня.

— Сегодня? — Она сухо рассмеялась. — Мне еще предстоит составить план «Мелоди Гран-При». Вы поговорите с директором редакции развлекательных программ и объясните ему, почему я не сдам ему план вовремя?

— Да. Чем быстрее, тем лучше. Благодарю! — Йеппе предпринял попытку выдавить из себя обезоруживающую улыбку. — Есть у вас еще какие-то дополнения к вышесказанному? Какие угодно сведения, которые могут оказаться полезными в расследовании?

— Могу разве что еще раз напомнить, что люди делают выбор сами. Мы подчеркиваем до, во время и после программы, что эксперты «Монополии» всего-навсего выражают свое личное мнение, а слушатели должны принимать решения самостоятельно.

— Я уже понял. Что-то еще? Если нет, я хотел бы поблагодарить вас за беседу и попрощаться. — Йеппе встал.

— Должна заметить, что я по-прежнему не понимаю, каким образом наша программа может помочь расследованию. Честно говоря, это звучит как-то надуманно.

Она ответила на рукопожатие Йеппе, не поднимаясь с красного кресла. Когда он ступил на эскалатор, Маргит уже склонилась над столиком, приклеившись взглядом к экрану ноутбука, и доедала обед.

Йеппе набрал номер Лауры Омани. Проходя мимо секретарши, он дружелюбно кивнул ей, на что она никак не отреагировала.

Лаура Оманн, двадцать один год, по-прежнему проживает с родителями (что довольно странно), родители готовы принять Йеппе у себя уже через полчаса. Очевидно, они содержат какую-то лавочку на первом этаже собственного дома, так что могут без потерь выделить время для беседы в разгар рабочего дня. Йеппе надо было позвать с собой кого-то из коллег, чтобы не оказаться с потенциальным подозреваемым один на один.

Прямо из машины он позвонил в отдел убийств. Ответила Сара. Кто бы сомневался. Его сердце подпрыгнуло при звуке ее голоса. Они еще не пересекались с тех пор, как накануне утром он сбежал от нее. Он надеялся каким-то образом избежать неловкости во время первой беседы с ней после случившегося.

— А... привет, это ты? Как дела?

— Здравствуй, Кернер. Нормально. — Ее голос был нейтральным и чересчур отстраненным. Очень профессионально. Ну, оно и к лучшему.

— Я подумал... Я просто хотел сказать, что...

— Мы немного заняты сейчас. Йоханнес Ледмарк по-прежнему находится в Управлении, я пытаюсь найти сотрудника, который мог бы отправиться на вскрытие тела Кристель Тофт... — Какое хладнокровие. Она злится. Ну еще бы.

— Ладно. Я еду на Смаллегэде, сорок один, на допрос свидетеля, нуждаюсь в подкреплении. Возможно, ты могла бы...

— Я отправлю Ларсена.

Она положила трубку.

С чувством сдавленности в груди Йеппе влился в поток уличного движения на Амагерфэлледвай и направился к Лангебро. Естественно, в первом диалоге после той самой ночи невозможно было избежать неловкости. Оставалось лишь стиснуть зубы и вести себя как ни в чем не бывало до тех пор, пока в один прекрасный день все не встанет на свои места.

Йеппе очутился посреди характерной для Фредериксберга архитектурной разносортницы из старинных вилл, многоквартирных домов и блочных построек. Родители Лауры Оманн ожидали его в доме номер 41, который оказался розовым таунхаусом. Внизу

располагалась мастерская по перетяжке мебели, квартира находилась на втором этаже, сверху придавленная недавно возведенной мансардой.

Штукатурка осыпалась со стен хлопьями, а оконные рамы были совершенно ветхими, местами даже прогнившими насквозь. Судя по всему, речь тут шла о спекулянте недвижимостью, который своего не упустит, как выразился бы отец Йеппе.

Йеппе припарковался на прилегающей улице Вирджиниявай перед живописным рестораном с зеленым двориком, где наверняка уютно посидеть летом. Поднимая ручник, он заметил Томаса Ларсена, который уже ожидал его перед домом 41.

Йеппе вышел из машины и направился навстречу Ларсену.

— Привет, Кернер. Нам вон в ту дверь, на втором этаже. — Ларсен прошел в небольшой внутренний дворик и позвонил в колокольчик, висевший рядом с белой дверью. Йеппе проследовал за ним.

Расмус и Сюзанна Оманн встретили их в прихожей цвета свежей говядины, стоя бок о бок, словно уже давно стояли в этой позе и ожидали прихода гостей. У обоих были одинаковые квадратные очки, одинаково всклокоченные русые волосы, оба облачены в похожие непрезентабельные джинсы — универсальная форма одежды для тех, кто не особо жалуется общество. Внешний вид этой пары точно отражал ее сущность: супруги, которые живут вместе настолько давно, что образовали симбиоз и не способны были существовать отдельно друг от друга.

Йеппе и Ларсена проводили в удивительно современную гостиную с диваном от Берге Могенсена, акациевым паркетом и видом на крыши автобусов, курсирующих по Смаллегэде. Хозяева вынесли гостям некрепкий кофе в металлическом кофейнике Стелтон, и пока Йеппе не начал разговор, звук наполняемых чашек был единственным аудиораздражителем, конкурирующим с шумом уличного движения, доносящимся из окон. На первый взгляд семейство Оманн не производило впечатление словоохотливых людей.

— Спасибо, что согласились принять нас так быстро. Как я уже сказал, мы расследуем убийство и имеем основания полагать, что преступление может быть связано с обращением вашей дочери в программу «Мэдс и Монополия» около пяти лет назад. Это всего лишь

предположение, однако мы должны проверить все варианты. — Йеппе ожидал какой-либо реакции, но ее не последовало. Супруги выжидающе смотрели на него. — Лаура по-прежнему живет с вами?

Расмус Омани громко откашлялся.

— Да, с нами. Но сейчас она на учебе. В Академии дизайна. На Нёррегэде.

— Мы можем начать с вас, а потом посмотрим, понадобится ли беседовать с самой Лаурой или нет. — Йеппе открыл блокнот, стараясь игнорировать неожиданно представший перед его внутренним взором светло-коричневый живот Сары. — Будьте добры, расскажите нам, как развивались события после выхода программы в эфир. Какое решение приняла Лаура? И как оно повлияло на ее отношения с возлюбленным?

Супруги продолжали молча сидеть. Красные пятна, распространяющиеся по шее Сюанны, свидетельствовали о беспокойстве, которое скрывалось за нейтральным выражением ее лица. Расмус Омани не глядя взял ее за руку и начал свой рассказ:

— Мне все еще непросто говорить об этом, хотя с тех пор прошло уже много времени. Это было сложное время для нашей семьи. Многие мечты и надежды были разрушены за эти годы. Для всех нас. Беременность сама по себе грянула как гром среди ясного неба. Молодые люди просто были уверены, что она не забеременеет от него, так что это событие стало полной неожиданностью. Он был так счастлив.

Сюанна Омани закивала в подтверждение слов своего мужа, она была взволнована. Муж сжал ей руку и продолжил рассказ:

— Конечно, мы не обрадовались открывшейся перед нашей дочерью-подростком перспективе стать мамой. С другой стороны, они были так счастливы вместе! А мы и мечтать не могли о лучшем зяте. Иметь собственного ребенка было его главной мечтой.

Мужчина отпил кофе и принялся долго и громко кашлять. Жена взглянула на него так, словно он прилюдно выпустил газы, и Йеппе почувствовал, что подобные моменты раздражения нередки в их супружеской жизни, просто на этот раз негативные эмоции были подавлены благодаря гостям, при иных обстоятельствах раздражение непременно вырвалось бы наружу. И хотя Расмус Омани не удостоил супругу взглядом, от него явно не укрылось ее недовольство. Все же он решил оставить ее реакцию без внимания.

Долгий брак — бездонное озеро презрения, подумал Йеппе и искренне порадовался своему статусу разведенного человека.

— Но Лаура все-таки выбрала аборт, так получилось. — Расмус Оманн несколько раз моргнул. — Ее парень был сломлен. Возможно, для него это был единственный шанс стать биологическим отцом.

— Поначалу они оба склонялись к тому, чтобы оставить ребенка. — Голос Сюзанны Оманн оказался неожиданно пронзительным. — Естественно, мы сказали, что независимо от их решения мы в любом случае поддержим их и поможем чем сможем. Но потом Лаура изменила свое мнение и приняла решение самостоятельно. И больше не хотела ничего обсуждать. — Мать девушки резко глотнула кофе и опустила взгляд на клетчатую шерстяную ткань дивана.

— Как парень воспринял ее решение? — подал голос Ларсен.

— Не очень хорошо. — Слово вновь взял Расмус Оманн. — Конечно, он принял выбор Лауры, но очень, очень расстроился. Вылетел из института, потерял комнату в общежитии. И когда спустя несколько месяцев у Лауры возник... да, это было что-то типа постабортного синдрома, их отношения совсем развалились. Они расстались, очень жаль. Лаура была слишком юной для того, чтобы справиться с такой сильной травмой, психолог так и сказал. У нее развилась хроническая депрессия, и ей пришлось бросить учебу в гимназии.

— Жестоко, — закинул удочку Йеппе.

— Просто ужасно, иначе и не скажешь. Видеть, как твоя собственная дочь, которая всегда была радостной и активной девочкой, способной ученицей, общительной, с множеством планов на будущее, неделями валяется на диване, на антидепрессантах, одинокая и полная ненависти к себе самой. В какой-то момент мы даже подумали, что не удержим ее от... — Расмус Оманн снова откашлялся. — Но, к счастью, все обошлось. Сейчас Лаура пошла на учебу в Академию дизайна. На «Моду и текстиль».

— А что с возлюбленным? — Йеппе заглянул в блокнот. — С Миккелем?

Супруги переглянулись, после чего муж ответил:

— Мы с ним больше не общались. Он пребывал в глубоком горе довольно долго. Кажется, сейчас он работает водителем такси или что-

то в этом роде. Он всегда хорошо разбирался в автомобилях.

Расмус сделал глоток кофе и обратил взгляд на жену в поисках подтверждения своих слов. Та нерешительно кивнула.

— Расмус даже снова начал курить. — Сюзанна Омани говорила, потупившись и разглаживая рукой обивку дивана. — Вообще-то он не курил с тех пор, как я забеременела Лаурой. А когда мы вернулись домой после ее аборта, он сразу пошел в ларек и купил пачку «Принса».

— Я уже бросил. Это просто был переходный период. — Расмус улыбнулся жене, которая протянула руку и погладила его по плечу, быстро, но нежно.

— Где вы были вечером в среду на прошлой неделе?

— Двадцать седьмого января? — Расмус Омани подошел к бюро, стоявшему в углу гостиной, и взял оттуда календарь на спирали. Затем, вернувшись на диван и устроившись рядом с супругой, начал листать его. — Сейчас посмотрю. Среда, вечер. Мы были дома.

— Весь вечер? — Йеппе отпил немного кофе из чашки, о чем тут же пожалел.

— Да. — Никаких колебаний.

— А в пятницу во второй половине дня и вечером?

Расмус Омани перевернул страничку календаря.

— Мы тоже были дома. По пятницам мы закрываем мастерскую в 18:30. Потом мы поужинали и смотрели телевизор.

— Лаура была дома?

— Да. — Отец семейства закрыл и отложил календарь.

— В оба вечера?

— Она не так часто куда-то выходит. Время от времени подрабатывает официанткой, но на минувшей неделе не работала.

— Хорошо. Пожалуйста, предупредите ее о том, что мы хотели бы с ней побеседовать. И дайте нам ее номер телефона.

Отец встал и снова направился к бюро, где с громким скрипом нацарапал номер дочери на клочке бумажки. Йеппе с Ларсеном взяли записку, поблагодарили за кофе и вышли на улицу. Пройдя по Вирджиниявай подальше, они остановились на заснеженном тротуаре.

— Что ты думаешь? — обратился Йеппе к Ларсену.

— Думаю, что не похожи они на тех, кто проникает на вечеринку и подливает в бокалы с напитками средство для чистки стоков. Но,

конечно, никогда не знаешь наверняка. — С этими словами Ларсен вытащил из кармана гигиеническую помаду и принялся мазать губы.

Йеппе в смущении отвернулся.

— Ты в курсе, что там с предварительным допросом Йоханнеса?

Ларсен покачал головой, потеряв губы друг о друга.

— Они еще не начали. Допрос назначен на 16:00.

— Ясно. — Йеппе пребывал в нерешительности. — Мне кажется, нам стоит отыскать бывшего парня Лауры Оманн. У него имеется существенный мотив, он действительно многое потерял и, возможно, так и не оправился после произошедшего.

— Согласен! — Ларсен кивнул, сверкая губами.

— Прекрасно. Займешься им?

— А ты не против, если мы поручим это задание Сайдани? Я напал на след инвестора.

— Инвестора? — Йеппе проштудировал свою внутреннюю картотеку и остановился на карте под названием «Сёрен Вести».

— Именно! Я связался с председателем правления соответствующего фонда. Естественно, он отказывается подтвердить или опровергнуть возможное участие фонда в инвестировании денег в серию средств по уходу за кожей. Так же, как отказывается и назвать имя реального инвестора. Но Метте, моя девушка, подсказала мне, как можно на него надавить. — Ларсен взглянул на Йеппе, довольно улыбаясь.

— Прекрасная работа. Тогда продолжай идти по этому следу. А об отношениях Вести и Кристель Тофт удалось узнать что-то новое?

Ларсен замотал головой.

— Пока что ее сестра и подруги подтверждают, что их отношения не подразумевали никаких обязательств и разрыв был безболезненным.

— О'кей, ее муж говорит то же самое. Ну, давай двинемся дальше. Ты поручишь Сайдани бывшего парня Лауры?

Ларсен отдал честь и самоуверенно зашагал сквозь снег к своему автомобилю. Йеппе стоял и смотрел ему вслед, а мысли бессвязно копошились у него в голове. Анонимный инвестор. Молодая девушка и аборт. Задержание Йоханнеса. Замужняя женщина, влюбившаяся в другого. Изъявленная ротовая полость Альфы Бартольди. Нежные уста Сары. Гигиеническая помада?!

Йеппе пытался прислушаться к себе, но не уловил никаких сигналов, кроме холода и безысходности. Он сунул руку в карман и нащупал обтекаемую поверхность каштана, который поднял около Озер еще осенью. Отец говорил ему, что если всю зиму проходить с каштаном в кармане, ни разу не заболеешь. Йеппе держал его в руке, ощущая пальцами исходящее от него тепло. Он закрыл глаза и задрал голову, подставив лицо под падающие снежные хлопья.

Глава 22

Струя воды ударила в сито соковыжималки, и зеленоватая фруктово-овощная субстанция исчезла в сливе раковины, как тяжелое утро после чрезвычайно веселого вечера. По небольшой кухонке Отдела убийств распространился аромат грейпфрута и брокколи. Сара Сайдани высыпала в стакан кубики льда и налила сок, изготовление которого превратилось в регулярный ритуал, имевший место между обедом и концом рабочего дня. Кофе ее мало интересовал, и при всей своей бесконфликтности она старалась вести более здоровый образ жизни, чем большинство коллег.

Кстати, парочка из них — два парня из полиции Восточной Ютландии, приехавшие для помощи в борьбе с преступными группировками, — пришли на кухню за кофе и теперь со скрытым интересом смотрели как на сок, так и на фигуру Сары. Физически они представляли собой классических полицейских: ростом по 190 сантиметров, с бицепсами, напоминающими стволы деревьев, и короткими стрижками. Сара вышла из кухни, удостоив их лишь нейтральным кивком.

Она не могла похвастаться оригинальностью предпочтений в выборе представителей противоположного пола. Ее вкус в данной сфере был настолько стереотипен, что она чуть ли не стыдилась его: если мужчина не был высоким, широкоплечим мордворотом, она автоматически не обращала на него внимания.

Геймерская среда, где она провела всю свою юность, была перенасыщена очкастыми прыщавыми нердами, так что Сара попридержала проявление собственной сексуальности и умерила фантазии в отношении мужчин а-ля Райан Гослинг и потеряла девственность лишь в двадцать один год, когда поступила в школу полиции. Довольно поздний сексуальный дебют, но вполне в духе застенчивой молодой девушки из Туниса.

Она сидела, потягивая сок из стакана и пытаясь обозначить объем задач. Сегодня мысли ее разлетались во все стороны. Ах да, возлюбленный Лауры Оманн — бесплодный, но, как оказалось, не совсем бесплодный парень. Сара ввела его имя в строку поиска и

постаралась отбросить от себя мысль о том, что ей поручают лишь те задания, за которые не желают браться остальные. Так уж повелось, и она ничего не могла с этим поделать. Коллеги работают на выезде, а она сидит за компьютером. Как всегда.

Миккель Хустед, родился в 1990 году в церковном приходе Сион, в соответствии с Национальным регистром населения, проживает у родителей в Брёнхой. Учился на преподавателя, бросил учебу четыре года назад, в данный момент владелец автомастерской на Нёрребро. На персональной странице на Фейсбуке есть фотография в футбольной форме. Высокий и поджарый.

Забавно, подумала Сара, что Йеппе — совсем не ее тип мужчин. Высокий, это да, узкоплечим его тоже не назовешь, но скорее худощавый и с тонкими чертами лица, нежели качок с подбородком биржевого маклера. Ее последний парень, ну, или точнее, мужчина, с которым она периодически занималась сексом, но которого так и не познакомила со своими детьми, был простым рабочим с руками, как чугунные люки. Он был совершенно не способен вести беседу, и довольно скоро его мощные руки перестали представлять для нее всякий интерес.

Возможно, предпочтения с возрастом меняются? Вкус становится чуть сложнее? Оставалось надеяться. Хотя в отношении Йеппе это уже было неактуально. Сара сделала глоток сока, разбавленного тающим льдом, и заставила себя вернуться к работе.

Она тоскливо посмотрела на свой рабочий стол. Накануне из НЦК прислали компьютер Альфы Бартольди, и большую часть утра она потратила на распечатку и чтение его писем. Некоторые из них оказались довольно откровенными, причем это касалось не только переписки с Йоханнесом. Возможно, Альфа Бартольди и жил один, однако вел поразительно активную сексуальную жизнь. За него можно было только порадоваться.

Все имейлы, имеющие отношение к «A-Skin», лежали в отдельной папке. Однако пока что ничего необычного в переписке Альфы с Сёреном Вести не нашлось, все выглядело вполне законно.

Сара вернулась к своему компьютеру и поиску информации о Миккеле Хустеде, и вдруг ее взгляд привлекла желтая записка, ею же самой прикрепленная сбоку к монитору. «*Beautifulpeople.dk*». Агентство, где можно нанять барменов и официантов на мероприятия,

на которых внешность персонала гораздо важнее, чем профессиональный опыт. Туда ей тоже придется позвонить. Она сняла трубку и набрала номер.

— Beautiful People, Сандра, — прозвучал из телефона зрелый женский голос с сильным английским акцентом.

— Добрый день, вас беспокоит следователь полиции Сара Сайдани из Управления полиции Копенгагена. Мы с вами уже разговаривали в четверг в связи с персоналом, предоставленным вами на вечеринку «Le Stan», прошедшую в среду в Геологическом музее.

— Ах да, точно. — Казалось, дама так и не вспомнила об их первой беседе.

— Я звоню вам, чтобы узнать — обслуживающий персонал на показ мод Ральфа Токлума в пятницу тоже вы предоставляли?

— Да, мы, — нерешительно призналась женщина.

— Нам необходимо точно знать, кто в тот вечер работал в «Нимбе».

— Там тоже кого-то убили? Хорошо. — В ее голосе звучало что-то похожее на облегчение, словно она опасалась, что ее заставят показать разрешение на работу или налоговую документацию. — Какой ужас, что происходят такие вещи...

— А где вы набираете свой персонал? — Сара выудила свой блокнот из-под стопки бумаг и принялась искать ручку.

— У нас есть своя картотека. Характерные молодые люди, недостаточно высокие или худые для модельного бизнеса, но довольно-таки... привлекательные.

Дама что-то заподозрила и взвешивала каждое слово.

— Значит, таковы их важнейшие характеристики?

Женщина сделала вид, что не заметила сарказма Сары.

— Ходить с подносом — это же не ракеты конструировать.

— Так можно сказать о чем угодно. — А, вот и ручка, закатилась под обеденную тарелку, которую она не успела отнести на кухню.

— Ну да. Или, скорее, нет.

Сара пару раз ткнула ручкой в блокнот.

— Я хочу попросить вас прислать мне список людей, обслуживающих в пятницу гостей «Нимба».

Последовали пауза и глубокий вздох.

— Я попрошу своего помощника переслать вам список как можно быстрее.

— Спасибо. Нам он нужен прямо сейчас.

— О'кей. — На этот раз ее согласие прозвучало с явными строптивыми нотками. — Мы небольшая фирма, а сейчас самый загруженный...

— Благодарю за помощь.

— Разумеется. — Ничего разумеющегося в ее голосе не было.

Сара отложила телефон и посмотрела на блокнот с ручкой, лежавший перед ней. Для чего он ей понадобился? Она сделала глоток сока. Он стал теплым и совершенно невкусным. Она вышла на кухню и вылила остатки в раковину. Бравые парни уже ушли, иначе ей непременно досталась бы некоторая порция мужского внимания. А вообще-то она уже и так получила этого внимания гораздо больше, чем нужно, если учесть ее полную неспособность сконцентрироваться.

Когда она вернулась в кабинет, во входящих письмах уже лежал мейл от агентства «Beautiful People». Сара распечатала две страницы вложения и положила их на стол в кучу других распечатанных мейлов и списков. Рассеянно просмотрела их, активно отгоняя от себя мысли о темных бровях Йеппе Кернера.

Знакомое имя чуть не выпрыгнуло из белого листа бумаги. Подгруппа «Водители». *«Миккель Хустед — среда, четверг, пятница».*

Вот оно, связующее звено!

Конкретная связь между радиопрограммой и местом преступления.

Немного помедлив, она все-таки набрала номер Йеппе Кернера. Не то чтобы ей хотелось с ним поговорить в данный момент, просто ей надо было согласовать допрос Миккеля Хустеда.

Йеппе на вызов не ответил. Возможно, он избегал ее, так как испытывал угрызения совести в отношении своей молодой возлюбленной. Ох уж эти мужчины!

Тогда она с трясущимися пальцами отыскала номер Миккеля Хустеда и позвонила.

Он взял трубку после первого гудка.

— Тебе повезло! Я уже собирался уходить. Ты уже поднимаешься?

— Это Миккель Хустед? С вами говорит следователь полиции Сара Сайдани из Отдела по борьбе с преступлениями против личности. Вы ждете от кого-то звонка?

В трубке повисло молчание. На мгновение Сара даже подумала, что мужчина разорвал соединение. Но вскоре он заговорил, неуверенно и опасливо:

— Вы говорите, кто вы?

— Следователь полиции Сара Сайдани. — Снова долгая пауза. Где-то в глубине сознания Сары что-то щелкнуло. — Я позвонила в неподходящий момент?

— Хм-м, да нет, все нормально. Он, наверное, все равно не придет. Просто я пытаюсь продать телевизор через «Ден Бло Авис»^[41], но люди до безобразия безответственны. Даже не предупредят о том, что передумали.

— А, ясно. Я звоню в связи с вашей работой водителем в агентстве «Beautiful People». Я правильно поняла, что вы работали во время Недели моды? В среду, четверг и пятницу?

— Но все расчеты производятся по-белому, тут и расследовать нечего.

— Нас не волнуют ваши отношения с работодателем. У меня есть несколько вопросов по поводу вашей бывшей девушки Лауры Оманн. С ней все в порядке. Меня интересует ваше отношение к ней.

Ноль реакции.

— Мы предполагаем, что ситуация, в которой вы с ней оказались пять лет назад, связана с расследованием, которым мы занимаемся в данный момент. Мы уже побеседовали с ее родителями, однако я бы хотела услышать...

— Да оставьте уже нас в покое, черт возьми! — Он негодовал, но суть просьбы явно была понята верно. — Разве вы все уже не достаточно вмешивались в нашу историю?

— Кто «вы»? Простите, я не поняла.

— Исчезните из моей жизни! Ясно?

Он бросил трубку.

Сара сидела и молча смотрела на телефон. Затем набрала рабочий номер Йеппе, сигнал переключился на автоответчик. В отделе убийств по-прежнему не было никого, кроме нее.

Она бросила взгляд на стопки бумаг у себя на столе. Стакан из-под сока оставил липкие круги на бумагах. С неожиданной решимостью она выключила компьютер и взяла из специального шкафа табельный пистолет.

* * *

Дорожные работы в районе Кёйе представляли собой наименьшую трудность при форсировании автомагистрали на выезде из Копенгагена. Конец рабочего дня еще не наступил, и транспорт мог бы двигаться по узким дорогам с нормальной скоростью, если бы не погода. «Is there no sun in this cursed country?»^[42] — устало подумал Йеппе, глядя на серую действительность, мелькающую за автомобильными стеклами. Он мучительно выбирал правильную скорость — достаточно высокую, чтобы соответствовать его внутреннему беспокойству, и в то же время достаточно низкую, чтобы не вылететь на обочину.

Вопреки инструкции Йеппе вновь отправился на задание в одиночестве. Анетта и Ларсен еще не закончили допрос Йоханнеса, а Сара... о том, чтобы провести сейчас несколько часов в машине с Сарой вдвоем, не было и речи. Он включил радио. Послеобеденная поездка в Прэстё для допроса неверной супруги из «Мэдс и Монополии» оказалась бы гораздо приятнее, если бы он был не один.

Кстати, о неверности. Йеппе покосился на мобильный телефон. Ханна не писала и не звонила. Обычно она почти каждый час присылала ему по сообщению. Похоже, он впал в немилость.

У Борсе он съехал с автомагистрали на обычную дорогу, которая извивалась между деревнями с прудиками и белыми церквями, тянулась вдоль заснеженных полей и огибала скопления голых деревьев, образывавших небольшие перелески. Они разбивали линию горизонта на плоском ландшафте; уютно и очень по-датски.

Навигатор вел машину вдоль небольшой гавани с мини-пакгаузами, которые летом наверняка кишели туристами, уплетающими за обе щеки рыбное филе, и гремевшей джазовой музыкой, теперь же они выглядели мрачными и заброшенными.

Он свернул с берега в квартал с желтыми и розовыми домиками постройки позапрошлого века, замечательно не отягощенными фасадами магазинов и рекламными плакатами. Летом здесь наверняка росли гладиолусы, место было прямо для них. Грэннегде перешла в вымощенную булыжником Клостернаккен. Йеппе проехал мимо закрытого полицейского участка, расположенного рядом с чудесной ратушей. Под старомодными фонарями стояли машины, но кроме них не было никакого намека на то, что здесь протекали реальные жизни современных людей.

В конце улицы открывался вид на море и отель «Фредериксминне». Белоснежное здание отеля было внушительным, с несколькими флигелями, башней со шпилем и объездным кругом перед входом. Исполинские каштаны частично загораживали панораму. Территория между отелем и морем, судя по всему, представляла собой прекрасный сад, но под слоем снега в ранних сумерках увидеть его было сложно.

Вот здесь они некогда и жили, счастливая семья. Как выяснилось в итоге, супруга была все же не вполне счастлива. Чуть выше отеля находились: старая водонапорная башня из красного кирпича и столь же старая церковь с красной черепичной крышей. Сверкающая белизна на красном фоне. Пока Йеппе парковал машину, на кладбище зажглись фонари.

Главный вход оказался заперт. Йеппе не обнаружил никакого колокольчика у двери и громко постучал. Подождал. Никакого ответа.

Йеппе решил обойти дом кругом. Отель отделяла от моря стеклянная стена, он заглянул в запылившиеся окна. Кажется, там был обустроен зимний сад — полосатые обои, пыльные стеклянные подвески с выгравированными цветами и написанные маслом картины в тяжелых рамах. Свернутый ковер ручной работы в углу, фигура раба с факелом — возможно, когда-то она служила вместо лампы. Больше никакой мебели, никаких следов недавней жизни. Видимо, семья прожила здесь совсем недолго и не занималась отелем уже много лет.

Йеппе решил пройтись по центральной улице и попытаться найти кого-нибудь, у кого можно осведомиться о текущей ситуации. Он застегнул куртку и отправился обратно на булыжную мостовую. Пальцы на ногах уже начали замерзать.

Тьма окутала землю, так что понять, где протекает жизнь, не составило труда. Окна таунхауса, стоявшего в нескольких сотнях

метров от отеля, сияли золотом. На древних сводчатых воротах висела табличка со словами «Гробовая мастерская Прэстё», написанными крупными черными буквами. Йеппе шагнул под табличку и открыл дверь в прекрасный сад, посреди которого стоял идиллический фахверковый дом, освещенный по периметру садовыми фонарями.

Залаяли две псины, круглощекая зрелая женщина в фартуке открыла верхнюю часть зеленой голландской двери.

— Добрый вечер. Чем могу быть вам полезна? — с улыбкой поинтересовалась она, шикнув на собак, волновавшихся за ее спиной. Вокруг нее витало облако аппетитного аромата сладкой выпечки, от чего в животе у Йеппе заурчало.

— Добрый день. Йеппе Кернер, полиция Копенгагена. Мне необходимо встретиться с семьей Сёборг Хансен, владевшей отелем «Фредериксминне» пять лет назад. Вы знаете, где они сейчас проживают?

Дама поправила очки на переносице и шмыгнула носом.

— На улице холодно, заходите в дом. — Она открыла нижнюю часть двери и скрылась в глубине кухни, довольно светлой, несмотря на низкий потолок. — Я только что достала из духовки карамельный пирог.

Йеппе прошел следом.

Стиль оформления кухни был под стать внешнему виду дома. Деревянный кухонный стол, изразцы, стопки тарелок и колоритная медная вытяжка над плитой. Приняв предложение выпить кофе и съесть кусок пирога, он сел за небольшой синий деревянный столик в углу.

— Здесь раньше была лавка гробовщика?

— Да, она и теперь здесь. — Хозяйка поставила перед ним тарелку с горячим ароматным пирогом и вернулась к плите. Карамель потекла из теста на тарелку, и Йеппе еле удержался, чтобы не подобрать ее пальцем и не отправить в рот.

— Ешьте-ешьте! Сейчас он как раз то что надо. — Она налила ему кофе. — Лавка эта старая, мы даже точно не знаем, насколько, но ей точно не меньше сотни лет. Мы с мужем купили ее девятнадцать лет назад и до сих пор управляемся одни. Крупные конторы по похоронным делам из Вординборга и Факсе с удовольствием выкупили

бы у нас наш бизнес, но мы держимся. — Она поставила перед Йеппе чашку с кофе.

— Вы знаете семью Сёборг Хансен? — Йеппе откусил пирог. Вкус разогретого сахара мгновенно перенес его в далекие времена детства.

Хозяйка снисходительно улыбнулась.

— Мы живем в Прэстё. Здесь все друг друга знают. Все! Тем более мы переехали сюда в том же году, что и они. Они стали владельцами отеля в 1998 году, спустя несколько месяцев после того, как мы купили эту лавочку. Мы устраивали совместные обеды, наш младший сын ходил с их девочками на верховую езду, мы вместе выбирались на морские прогулки и так далее. Мы дружили с ними.

— И вы были в курсе их разлада? То есть вы продолжали с ними общаться в тот период? — Йеппе откусил еще пирога и достал блокнот.

— Да. Особенно я. — Она выдержала небольшую паузу, собираясь с мыслями. — Кристина доверилась мне, когда влюбилась в Ларса, их шеф-повара. Вы ведь слышали эту историю?

— Мне бы очень хотелось услышать также вашу версию. — Йеппе дожевал остатки выпечки и теперь пытался незаметно очистить пальцы от налипшей на них карамели, чтобы приступить к записи важных моментов.

— Ну так вот. Их семья переехала сюда, потому что они мечтали жить за городом и владеть гостиницей. Они замахнулись на «Фредериксминне», были полны воодушевления и имели неплохой стартовый капитал.

Женщина наполнила водой собачьи миски на полу с такой проворностью, какой трудно было ожидать от человека ее возраста.

— Их старшей дочери Луизе было не больше двух-трех лет, когда они купили отель, младшая родилась вскоре. То есть они обустроивали отель, имея двух маленьких детей на руках. Это было нелегко. Господи боже, как они вкалывали! И были так счастливы вместе! Преодолели все трудности. В том числе проблемы с деньгами.

Она разрезала пирог, но оставила куски в форме для выпечки. Затем подула на нож и обтерла его о свой фартук.

— А через шесть лет взяли к себе шеф-поваром Ларса. До этого он работал в хорошем ресторане в Копенгагене и призван был

усовершенствовать гастрономию в отеле. На него была сделана огромная ставка. На его зарплату уходило много денег, к тому же он привел с собой столь же дорогого помощника, но владельцы стремились получить мишленовскую звезду. Довольно скоро всем бросились в глаза перемены, произошедшие в Кристине. Она расцвела. Сбросила вес, сделала новую стрижку, снова стала носить короткие юбки. Каждому было ясно, что они влюблены друг в друга.

Она взяла из раковины тряпку и продолжала говорить, держа ее в руке. Хозяйка не собиралась ничего вытирать, она просто складывала и снова расправляла тряпку и всячески теребила ее в руках.

— За исключением мужа. Кристина словно сбросила на него бомбу, когда наконец сказала ему обо всем. А именно — что она не хочет сохранять их брак. Что они вместе с Ларсом будут дальше владеть отелем, а он — третий лишний.

Йеппе представил себе ситуацию. Одно дело — потерять семью, но потерять к тому же еще и средства к существованию?!

— Вы в курсе, что Кристина обратилась в программу «Мэдс и Монополия», чтобы спросить совета, как поступить?

Дама подняла одну бровь, демонстрируя, насколько глупым был этот вопрос. Естественно, эти подробности не ускользнули от внимания локального сообщества.

— Но мне не кажется, что это имело какое-то значение. Все-таки обычно настолько важные решения не принимаются исходя из совета посторонних.

— И чем все закончилось?

— Положить вам еще пирога?

Йеппе покачал головой и предоставил ей время подобрать нужные для ответа слова.

— Ну, для начала Кристина переехала к Ларсу, в дом на Адельгэде. Они пытались управлять отелем все вместе, втроем. Естественно, из этого ничего не вышло. О, господи боже мой, как трагично все получилось! Ларс был моложе Кристины и, наверное, чересчур ловкий и ушлый. Он не поладил с бывшим мужем Кристины, и это еще мягко сказано.

Женщина отложила тряпку и грузно опустилась за столик рядом с Йеппе.

— Ну, семья распалась, денег ни у кого не осталось. Дела пребывали в плачевном состоянии. Так продолжалось полгода.

— А что с детьми?

— Луиза уже почти съехала из родительского дома к моменту разрыва, но ее младшей сестре было всего тринадцать, и она так и моталась туда-сюда между родителями. До аварии.

— Аварии? — Йеппе написал это слово на пустой строчке и посмотрел на него.

— Ох, это было так глупо. Так нелепо. Они были в гостях, а на обратном пути сбили оленя. Совсем недалеко от города.

Она снова встала и подошла к раковине, чтобы наполнить электрический чайник, а затем отработанными движениями засыпала во френч-пресс новую порцию кофе. Йеппе дал ей возможность немного повозиться с кухонной утварью, прежде чем задал вопрос:

— И они погибли?

— Все трое умерли на месте. Кристина, Ларс и олень. Просто... жуткая трагедия! Еще кофе?

Она налила ему кофе, не дожидаясь ответа.

— Кто был за рулем? — Йеппе уже напился кофе, но все-таки подвинул к себе чашку и подул на горячий напиток.

Женщина несколько раз моргнула.

— Ларс. Он выпил слишком много для того, чтобы вести машину. От этого еще больше... — Она грустно вздохнула. — Я хоронила их обоих. Они лежат на кладбище рядом с отелем. Не вместе, но рядом.

— Какая трагическая история... — Йеппе ощутил эмоциональную скованность, свойственную ему при встрече с чужим горем. Произнесенные вслух слова казались ему чересчур скупыми для ситуации.

— Ужасно! Просто кошмарно для всех участников этих событий, для всего нашего города! Отель удалось продать только сейчас, так что семья потерпела настоящий экономический крах. Уж я не говорю про эмоциональную сторону. Отец совсем опустился за годы, последующие за развалом брака и гибелью Кристины. Начал пить. Девочки оказались предоставлены сами себе. Ситуация, видимо, немного улучшилась после того, как они втроем переехали в Копенгаген. Я старалась не оставлять их в беде, насколько у меня получалось, но в конце концов потеряла с ними контакт.

Йеппе закрыл блокнот. Здесь с полным основанием можно было говорить о семейной трагедии, которая вполне могла пробудить желание мести. Он поблагодарил хозяйку за кофе и надел куртку. Женщина проводила Йеппе до выхода, а у самой двери схватила его за рукав.

— Это было ужасно для всей семьи, но Кристина страдала особенно сильно. Она была так отчаянно влюблена, но в то же время глубоко несчастна в связи с разводом, испытывала чувство вины невероятной силы. Между ними возникли скандалы, надо было исхитриться принять во внимание интересы всех сторон, и за все это она чувствовала свою ответственность. Последний раз, когда мы с ней виделись, я уверила ее, что скоро все наладится, станет гораздо проще и они с Ларсом получат возможность наслаждаться своими чувствами. И тогда она ответила мне фразой, которая все это время звучит у меня в ушах. Наверное, это строка из какой-то песни: *Я свободна*, сказала она, *свободна настолько, что даже не понимаю, падаю я или лечу.*

* * *

Из-за того, что Грегерс вышел из дома, когда уже стемнело, ему пришлось пролежать в снегу у озера не меньше четверти часа, прежде чем случайный прохожий обнаружил его и помог ему подняться. Если бы он упал в любое другое время года, за эти пятнадцать минут тут успело бы пробежать не менее пяти десятков любителей вечернего моциона, однако темень и гололед, очевидно, поумерили в людях спортивный дух. Бедняга Грегерс потерял почву под ногами как раз в тот момент, когда собирался перейти Баггесенсгэде, а оказавшись на земле, он уже не сумел подняться без посторонней помощи. Слава богу, падая, он лишь ушиб себе колено, а бедра, его чрезвычайно хрупкие бедра остались целы и невредимы. И все-таки Грегерс был изнурен. Шоком, болью в колене, тем, что лежал и мерз так долго.

Приветливый бегун, к счастью, вовремя обнаружил его и предпринял необходимые шаги: позвонил «112», прикрыл его своей спортивной курткой и поддерживал в нем боевой настрой вплоть до прибытия «Скорой помощи».

Милая медсестра из Королевской больницы позвонила Эстер ровно в тот момент, когда та уже начала переживать, что Грегерс так долго не возвращается с прогулки.

Теперь Грегерс сидел в каминном кресле Эстер с заключенной в шину коленкой, покоящейся на пуфике и обложенной множеством подушек, как королевская корона в музейной витрине. У него была повреждена передняя крестообразная связка коленного сустава, но, слава богу, не разорвана. Врачи дали предварительный прогноз, что покой, правильная поза с приподнятой ногой и регулярное охлаждение поврежденного места приведут к полному выздоровлению через пару месяцев.

А пока что Грегерс был совершенно беспомощен и требовал носить ему мешки со льдом, кофе, подушки, в том числе одну под поясницу, а прежде всего настаивал на том, чтобы его развлекали.

Эстер попыталась было отделаться от него кроссвордом, чтобы самой в это время заняться прослушиванием подкастов, однако Грегерс то и дело звал ее подсказать, как пишется то или иное слово, или спрашивал названия немецких рек. В конце концов она сдалась и села на стул рядом с ним.

— Как там мешок со льдом? Коленка не слишком переохладилась?

— Коленка отлично, если не считать того, что в ней скопилось не меньше литра моей крови. А кто играл главную роль в «Эйвиэиторе»? Актриса получила «Оскара». Фамилия начинается на Б-Л-А.

— «Эйвиэитор»? Ну-ка дай посмотреть. А, понятно, Кейт Бланшетт. «Авиатор». Про миллиардера, который построил самолет. Неужели не смотрел?

Грегерс бросил на нее разъяренный взгляд, и Эстер поспешила продиктовать фамилию, чтобы он наконец заполнил пустые клеточки корявыми печатными буквами. Написав слово, он устало отложил кроссворд, как будто последняя буква оказалась каплей, переполнившей чашу.

— Знаешь, что самое ужасное в старости? — Он говорил, не поднимая головы.

— Нет, Расскажи-ка!

— Самое ужасное — то, что ты начинаешь ощущать себя стариком. Одно дело — как тебя воспринимают окружающие —

господи боже мой, да если обращать внимание на это, можно повеситься уже к шестидесяти годам. Но когда дряхлеешь физически, сложно не ощущать себя дряхлым.

Эстер, которой шел шестьдесят девятый год, прекрасно понимала, что значит ощущать собственную дряхлость. Она погладила руку Грегера. Ответить на его слова ей было нечего.

Старость — это счет, который предъявляется избранным в качестве оплаты за долгую жизнь. Если кто-то считает, что финал столь же забавен, как все, что ему предшествует, он будет глубоко разочарован. Лучшее, что можно сделать, чтобы не подпустить к себе близко скуку и чувство переизбытка отпущенного тебе времени, это продолжать принимать активное участие в окружающей жизни. Как можно дольше.

Кажется, Джулиан Барнс сказал, что смысл жизни заключается в примирении с ее завершением; жизнь постепенно изнашивает нас и заставляет понять, что в старости все обстоит совсем не так, как мы себе представляли всю жизнь. Немного грустно, но от этого не менее справедливо.

Эстер подняла взгляд и заметила, что Грегера заснул. Прекрасно! Он нуждался в отдыхе, да и она, если честно, тоже. Заботливо прикрыв его пледом, она унесла мешок со льдом на кухню. Вообще-то Грегера была не свойственна рефлексия. Но, возможно, вполне естественно, что даже самые черствые «сухари» начинают задаваться экзистенциальными вопросами, оказавшись на носилках. Достиг ли ты самого важного? Простил все дурное окружающим? Избегал ли всеми силами поводов для последующего раскаяния? Разумеется, нет.

Кто может сказать о себе, что он достаточно любил в жизни? Достаточно действовал? Что вообще жил в полную силу? Большинство из нас уваливают, врут, проявляют нерешительность или прячутся от ошеломляющих возможностей, которые предоставляет нам жизнь. Быть человеком трудно. Как и лошадей, подумала Эстер, с нежностью вспомнив о любимом дуэте комиков «Конница», чья абсурдная вселенная то и дело пробуждала в ней ощущение, иногда совсем ненадолго, что во всем скрыт какой-то искаженный смысл. Нет-нет, лошадей тоже быть непросто.

У нас, людей, у самых счастливых из нас, по крайней мере есть возможность заглушить боль всевозможными средствами,

дарованными нам самим фактом существования. Эстер отрезала кусок свежего ржаного хлеба, намазала толстым слоем масла и посыпала сверху морской солью. В ее возрасте можно уже было не бояться перебить себе аппетит перед ужином. Она отнесла тарелку с хлебом на свой любимый подоконник, села, свесив ноги в комнату, и принялась наблюдать за птичьей драмой, развернувшейся на берегу озера.

Зачастую большего ей и не требовалось. И еще немного духовной пищи.

Эстер слезла с подоконника и подошла к проигрывателю. Придется надеть наушники, чтобы не разбудить Грегера. Она с раздражением обнаружила, что забыла убрать пластинку на место. Все никак не привыкнет.

Эстер осторожно приподняла пластинку и проверила, насколько та успела запылиться. Не так уж плохо. «Паяцы» — ну да, она слушала эту оперу несколько дней назад. Эстер аккуратно убрала пластинку в футляр. Одно из ее любимых произведений. Столь напряженной и основательной может быть только итальянская опера; еще чуть-чуть, и можно было бы назвать ее жестокой. В ней рассказывалось о неверности и запретной любви, как и во всех самых крупномасштабных человеческих драмах. Паяц — клоун, он смешит людей и забавляет всех своей наивностью. Его жена тайно любит другого, но он раскрывает обман и убивает обоих любовников.

Клоуна тоже можно задеть за живое. Клоун тоже может прийти в ярость.

Эстер потными руками поставила пластинку в шкаф. В глубине ее сознания зародилась догадка о том, почему убили Альфу Бартольди и Кристель Тофт.

Глава 23

Изо дня в день повторялось одно и то же. Ближе к концу дня Сёрен Вести начинал фантазировать на тему еды. Но грезил он вовсе не о той еде, которую мог заказать, сев за зарезервированный столик в «Кафе Европа», и получить блюда французской кухни превосходного качества. Нет-нет, его мысли крутились вокруг нездоровой пищи из худших городских забегаловок. Промышленно произведенная картошка фри с ремуладом, бургеры в бумажках с логотипами заведений, буррито и хот-доги с французским соусом. Он знал — так приближается состояние кокаиновой тяги. В периоды частых вечеринок потребность в картофеле фри просто сбивала его с катушек и раздражала даже больше, чем само пристрастие к кокаину, несмотря на то, что привычка эта была очень вредной и жутко дорогой. Просто подобные пищевые фантазии были последними реминисценциями, оставшимися в его сознании от совсем не гламурного детства в Фарум Мидтпункт^[43], от которых Вести изо всех сил старался избавиться.

Едва ли нашлось бы какое-то иное место, которое имело бы столь насыщенную ночную жизнь, как Фарум Мидтпункт.

Вести смотрел на лежащую перед ним площадь Хойбро и пытался успокоить не на шутку разыгравшееся воображение, предлагавшее его мысленному взору сочные куриные наггетсы с соусом барбекю, которые преследовали его в течение уже нескольких дней. Плюс к тому за последнее время он весь как-то обрюзг. Надо хлебнуть какого-нибудь энергетического напитка и еще пару часов поработать.

Он вернулся за компьютер. Недавний поток денежных средств, поступивших от аферы с «A-Skin», следовало направить в верное русло и поскорее вложить в новые проекты, пока инвестор не принялся разбираться в банкротстве и не выяснил, что ни фабрики, ни продукции никогда не существовало. Теряя деньги, инвесторы выражали недовольство. Тем лучше, что ответственным за проект «A-Skin» был назначен Альфа. Творческая, невероятно популярная личность. К большому сожалению, недавно погибший Альфа. Это был во всех смыслах идеальный партнер для той сферы бизнеса, на которой специализировался Вести.

Вести сосредоточился на бюджетной смете на производство и поставке военных беспилотников посреднику из Швейцарии, как вдруг дверь приоткрылась. Его кабинет находился на третьем этаже, над банком, и к нему никогда не входили без предупреждения. На пороге стояла Лулу Суй, склонив голову и сверкая невеселым взглядом.

Она была одета во все белое, на черных волосах выделялась белая меховая шапка, фигура в целом напоминала статистку из голливудского фильма про Анну Каренину.

Вести закрыл ноутбук, отодвинул стул назад и медленно поднялся, не спуская глаз с гостыи. Он хотел подойти к ней, прежде чем она успеет войти. А она восприняла этот импульс как приглашение и поспешила к нему с объятиями, слишком тесными и долгими. От нее исходил легкий аромат ладана. Освобождаясь от объятий, Вести одновременно попытался подтолкнуть ее обратно к двери. У него совершенно не было времени ее принять.

Она отпустила его, кинула шапку и белое пальто на стул от Корбюзье и легко вскочила на рабочий стол, похоронив презентацию от «Кредит Свисс Груп» под своей попкой.

— Налей мне чего-нибудь?

Вести демонстративно взглянул на часы.

— Можем спуститься на площадь и быстренько выпить кофе. У меня сегодня дел по горло.

— Но обычно ты не прочь пропустить стаканчик. Почему-то у меня создается ощущение, что ты не рад меня видеть?

Опять этот настороженный взгляд, возможно, даже угрожающий. Или кокаин и впрямь превращает его в параноика?

— Я просто занят, девочка моя. Давай поиграем как-нибудь в другой раз. — Он взял со стула пальто и протянул ей, но девушка положила ногу на ногу и откинулась назад, опершись на стол локтями.

— Прекрасно. Давай мне мои деньги, и я от тебя отстану.

Деньги? Мозг Вести усиленно заработал. Его посетило внятное предчувствие, что сейчас не стоит ее обижать, но в то же время он понятия не имел, что она имеет в виду.

— Разве я должен тебе?

Девушка приветливо улыбнулась одними губами.

— Сёрен, хватит тебе.

— За колу или за что вообще? Может быть, за снег?

— За молчание. Ты просил меня держать язык за зубами относительно того, каким образом ты уладил проблему. Я сдержала свое обещание. И пришла за гонораром.

Вести обошел письменный стол, чтобы отойти от нее подальше, тяжело опустился на рабочее кресло и сделал вид, что ищет что-то в компьютере. Неужели на прошлой неделе в ресторане «Лама» он проговорился об Альфе? Или на Новый год в Ведбэке? Ведь она там тоже присутствовала. Черт, ничего не помнил. Но ему необходимо было посетовать на то, что он якобы потерял деньги в проекте «A-Skin», так что вполне возможно, он и ляпнул какую-то глупость. Лишь бы не выложил слишком много информации.

Лулу Суй взяла в руку маленькую глиняную фигурку, которую подарил ему однажды сам Хорслет^[44] после особо веселого мероприятия, и небрежно удерживала ее двумя пальцами. Вести боролся с желанием выхватить фигурку у нее из рук.

— Вообще-то, я тоже выросла в идиллическом провинциальном городке, но там, откуда я родом, выполняются обещания и оплачиваются счета. В противном случае можно впасть в немилость.

Никак она ему угрожает? Просто смешно. И все же ситуация заставила его мысли трепетать, как крылья колибри. Безопаснее было согласиться с этим вздором.

— И сколько... сколько же я должен?

Девушка изящно спрыгнула со стола и приблизилась к Вести. Блики от медной люстры упали на ее лицо, так что на мгновение оно блеснуло, придав Лулу Суй сходство с падшим ангелом. Затем блики исчезли, и она снова слилась с окружающей темнотой.

— Двадцать тысяч. Тогда я и дальше буду молчать. Дешево отделаешься.

— Договорились. — Он встал с кресла. — Но здесь в кабинете у меня не найдется такой суммы наличными. Пойдем, спустимся и снимем в банкомате.

— Найдется-найдется... — Она кивнула на сейф, расположенный за накладками в виде выдвижных ящиков в письменном столе. Непонятно, каким образом она узнала об этом сейфе. В нем он хранил крупные суммы наличных на случай непредвиденных расходов. — И теперь я прошу сорок.

— Мы отпустили Йоханнеса. Судья посчитал доказательную базу недостаточной. Но мы не снимаем с него обвинения.

Голос Анетты звучал из динамиков и заполнял салон автомобиля, снабжая Йеппе свежей энергией, необходимой для преодоления последнего отрезка пути от Прэстё до дома.

— Хорошо. Спасибо. В процессе предварительного слушания выяснилось что-нибудь новое?

— Нет.

Анетта не стала уточнять. Она явно утомилась.

— Ладно, буду в Управлении через двадцать минут. Увидимся!

— Хорошо.

Йеппе положил трубку и сосредоточился на дорожном полотне у себя перед глазами. Ему всегда казалось, что было нечто необычное на участке дороги, где шоссе поднималось на мост Съелландсброен. Дорога, посреди равнинной топи виляющая между плавучими домами и рыболовецкими лодками, бензозаправками и рабочими бытовками, вела к блестящему промышленному зданию Сюдхавнен.

Он вспомнил, как в четырнадцать лет во время поездки с целью изучения английского языка путешествовал на автобусе из Бостона в Манхэттен. Последние несколько километров этого маршрута вдоль Ист-Ривер с возникшим за стеклом автобуса хрестоматийным городским силуэтом на фоне неба глубоко врезались ему в память. В тот день он узнал, что можно влюбиться в местность. Точнее, в мечту о местности. Поездка в Нью-Йорк, столь многообещающая, пробуждающая к жизни мощные потоки энергии, оказалась гораздо прекраснее самого города. И мост Съелландсброен всегда ассоциировался у него как раз с тем самым чувством. Мечта о чем-то всегда превосходит саму реальность.

На Васбюгэде, как обычно в час-пик, образовалась пробка. Йеппе посмотрел на море, точнее, на его небольшой кусочек, еле различимый за промышленными помещениями и торговым центром.

Тереза никогда не снисходила до того, чтобы посещать подобные торговые площади. Она всегда отправлялась за покупками пешком или на велосипеде, но точно не на машине, и посещала небольшие специализированные магазинчики. Интересно, изменило ли

материнство ее пристрастия? Йеппе еще не видел ее ребенка. «Их ребенка», поправил он сам себя. Их с Нильсом. Тереза прислала ему сообщение через пару дней после родов. Интересно, ушла бы она от Йеппе, если бы им удалось зачать ребенка?

Супружеская измена связана скорее с недостатком уважения, нежели с некой нереализованной потребностью, вот что постепенно начало до него доходить. В какой-то момент Тереза утратила к нему уважение. Оно улетучилось, а сам Йеппе понял это лишь тогда, когда застал ее дома у Нильса.

Любовь, переставшая быть взаимной, способна разбалансировать даже того, кто крепче других стоит на ногах.

Он сам испытал это состояние. В том числе и связанные с ним мысли о насилии.

Так что вполне естественно было предположить, что муж Кристины Сёборг Хансен был одержим жаждой мести, причем не только в отношении бывшей жены и ее любовника, но и в отношении тех, кто посоветовал ей разбить семью и разрушить его жизнь.

Йеппе припарковал машину на Отто Мёнстедс Гэде и поднялся в отдел убийств. В коридоре он наткнулся на Анетту. Она собиралась уходить.

— Ну что, как там дела в провинции?

— Чудесно! Ты домой?

Вместо ответа она покашляла.

— Йоханнес уже ушел? — Анетта кивнула, и Йеппе постарался не выдать охватившего его чувства облегчения. — В данный момент мы исследуем его финансовое положение. Он тоже мог потерять деньги в результате банкротства проекта Альфы.

— Ясно.

— Нам называют журналисты и просят подтвердить, что Йоханнесу предъявлено обвинение. Пока что им никто об этом прямо не сказал, но...

Но это был лишь вопрос времени. Они оба это понимали.

— Хочешь узнать о Прэстё?

Анетта пребывала в нерешительности.

— Может, оставим лучше этот разговор на завтра? Я, кажется, подхватила грипп.

Грипп? Почти за девять лет совместной работы Анетта, независимо от своего состояния, ни разу не откладывала получение любопытной информации. Йеппе уже хотел проявить беспокойство по поводу ее здоровья, как вдруг раздался телефонный звонок. Звонила Эстер ди Лауренти.

Он поднял вверх указательный палец, чтобы удержать Анетту, и нажал на кнопку приема вызова:

— Добрый день, Эстер.

— Йеппе! Это наверняка дилемма о супружеской неверности. Бывший муж.

Она была настолько возбуждена, что чуть ли не заикалась.

— По крайней мере, у него имеется очевидный мотив, тут споров быть не может. — Ведь Эстер подкрепляла его собственные мысли. — Кстати, я только что вернулся из Прэстё — ездил взглянуть на отель, где жило семейство.

— Я нашла его!

— Но как...

— Фейсбук, Гугл, да какая вообще разница? Он работает в музее. Теперь его зовут Торбен Хансен, Сёборг была фамилия жены, и он отказался от нее после развода.

— О каком музее идет речь? — Йеппе поднял глаза и наткнулся на изумленный взгляд Анетты.

— О том самом музее, черт возьми, о Геологическом! В Ботаническом саду, где устраивали вечеринку. Он работает там сторожем-смотрителем.

За долю секунды мурашки пробежали у Йеппе от щиколоток до самой шеи. Это уже что-то.

— Эстер, а вы чрезвычайно расторопны для пенсионерки! Спасибо вам.

— Не стоит благодарности, лучше расскажите мне, что там у вас сейчас происходит.

— Сейчас-сейчас. Расскажу, что могу.

Анетта посмотрела на него с искрой во взгляде.

— Думаю, Свен с тефтельками немного подождет. — Она стянула перчатки. — Поехали?

— Ты о чем? Ведь ты вообще не веришь в эту теорию!

— Возможно, и не верю, но так, по крайней мере, есть хоть какие-то подвижки. Я сегодня целый день просидела, приклеившись задницей к стулу.

— А я думал, тебе плохо. — Улыбаясь, Йеппе направился к лестнице.

— Может, я просто по тебе скучала, Йеппесен. Ну, поехали. — Она действительно выглядела теперь немного пободрее.

Свет, горящий в обсерватории Эстервольд, выделял ее на фоне погружившегося во тьму Ботанического сада. Все близлежащие постройки, в том числе и небольшой домик, служивший пристанищем Торбену Хансену, казались мрачными и заброшенными. Они постукались.

Никто не ответил.

Анетта дернула за ручку и изумленно посмотрела на Йеппе, когда дверь открылась. Замка на двери не оказалось. Анетта прикрыла дверь, и они направились к основному зданию обсерватории с башней. Здесь дверь тоже оказалась незапертой, они беспрепятственно шли по длинному коридору первого этажа мимо учебных аудиторий с громоздившимися на столах стульями. От линолеума, устилавшего пол, тянулся слабый запах мыла. Было тихо, Йеппе слышал удары собственного сердца.

Они дошли до винтовой металлической лестницы, ведущей к башне, и принялись медленно и бесшумно подниматься против часовой стрелки, правым плечом к стене. Проделав полный круг, они оказались на промежуточной площадке и остановились — чтобы прислушаться и дать возможность Анетте перевести дыхание. Йеппе решил настоять на медицинском обследовании коллеги. Тут явно было что-то посерьезнее гриппа.

Он выглянул в окно и увидел золотой крест церкви Богородицы, сияющий на фоне зимнего вечернего неба. Как предупреждающий знак посреди холода и безнадежности.

Анетта легонько похлопала Йеппе по спине, и они продолжили восхождение.

Потолок становился все ниже и ниже, чем выше они поднимались, и наконец до купола осталось преодолеть всего лишь десять узеньких металлических ступенек и вылезти в открытый люк.

На них лился поток света, они вновь остановились и прислушались.

Все тихо.

Анетта осторожно похлопала себя по грудной клетке, чтобы убедиться, что ее неизменный «Хеклер и Кох» на месте. Она являлась одним из немногих следователей полиции Копенгагена, которые упрямо продолжали носить табельное оружие в наплечной кобуре, несмотря на то, что пистолет мог легко застрять в ней и большинство коллег уже давно перешли на поясные кобуры. Но только не Анетта Вернер.

Магазин пистолета был заправлен тринадцатью пулями, и как скромно утверждала сама Анетта, она смогла бы поразить цель всеми тринадцатью. Правда, она до сих пор ни разу не воспользовалась пистолетом на службе, но если придется это сделать, она, конечно, не промахнется.

По крайней мере, она сама была в этом уверена.

Им предстояло осторожно продвигаться дальше с целью убедиться, что в арсенале Торбена Хансена, раз уж он выступал теперь в качестве подозреваемого, нет более опасного оружия, чем чистящие средства.

Они обменялись кивками, после чего Йеппе сделал несколько осторожных шагов по узенькой лестнице и пригнулся, чтобы раньше времени не обнаружить свое присутствие в помещении под куполом.

Анетта последовала за ним.

Очутившись на середине лестницы, они слышали какие-то негромкие щелчки металлом о металл, доносившиеся сверху.

— Эй, кто здесь?

Они замерли в ожидании. Ответа не последовало.

— Это полиция. Кто здесь?

По-прежнему ни звука.

Сейчас им предстояло решить, можно ли продолжать пробираться дальше без подкрепления. Йеппе прекрасно понимал, насколько они уязвимы, балансируя на крутой хлипкой лесенке, ведущей в помещение, где, возможно, находится убийца. Это было глупо. Они обнаружили свое присутствие, и теперь им стоило вернуться и пересмотреть тактику. Ему надо было каким-то образом бесшумно дать понять Анетте, что они должны возвращаться.

Когда он, затаив дыхание, с выпрыгивающим из груди сердцем, обернулся на свою напарницу, друг за другом последовали два действия.

Раз. Из купола донесся грохот.

Два. Анетта покачнулась и упала с лестницы.

* * *

Автомастерская находилась в глубине небольшого двора на одной из улочек за кругом Нёрребро. Въезд в мастерскую оказался настолько узким, что Сара Сайдани даже пару раз проехала мимо, так как в темноте ей показалось, что машина туда никак не протиснется. Она припарковалась на прилегающей улице и подозрительно огляделась вокруг, прежде чем вылезти наружу и отправиться в глубину двора. В этом районе города ее «Форд» наверняка распознают как полицейское транспортное средство.

Стены с серой штукатуркой по обе стороны прохода напомнили ей «Улицу моего детства», один из первых датских фильмов, который она посмотрела в школе вскоре после прибытия семьи в Эльсинор в 1990 году.

Тогда круглые глаза Софи Гробель и неуютная атмосфера, воссозданная в фильме, вызвали у нее слезы, потому что обстановка во многом напоминала серое бетонное здание, в котором поселилась ее семья. Теперь же эти тоскливые стены, напротив, пробудили в ней гордость за усовершенствование собственного социального положения и предоставленную дочкам возможность расти в кондоминиуме в Кристиансхавне.

В глубине двора примостилось несколько деревянных сараев, покрашенных черной краской. Некоторые были заперты на амбарный замок, двери других были распахнуты настежь, а изнутри доносились голоса и музыка. Миккель Хустед значился на портале «Krak» в качестве владельца «Хустед Авто», однако никакой вывески не было и в помине, а места в «мастерской» хватало лишь на один автомобиль. Бывший возлюбленный Лауры Оманн владел явно не самой успешной конторой.

Сара уже собиралась громко спросить, кто здесь есть, когда из-за двери дальнего и самого крупного сарая выглянул парень в морском свитере. Он был легкоузнаваем по профилю в Фейсбуке и был похож на широкоскулого и плечистого американского спортсмена. Подойдя поближе, Сара обнаружила, что со времен фото, помещенного на странице Фейсбука, он еще окреп и заматерел и сейчас выглядел гораздо старше своих двадцати семи лет.

— Что вы здесь делаете?

Если Миккель Хустед действительно зарабатывал на жизнь привлечением клиентов в свою автомастерскую, ему стоило бы быть повежливее.

— Следователь полиции Сара Сайдани, мы разговаривали с вами ранее...

— Я так и думал, что вы сюда мигом прискачете. Разве я не просил вас оставить меня в покое?

Он направился к ней, сжимая в руках гаечный ключ. От него пахло пивом и машинным маслом, и Сара невольно отступила на шаг назад, но сразу одумалась и остановилась. Если показать ему свой страх, битва будет заранее проиграна.

— Вы понимаете, что речь идет о расследовании убийства? — Ее голос прозвучал тонко, как будто она была маленькой девочкой. Она напрягла пресс и постаралась говорить как можно громче и отчетливее: — Если вы станете препятствовать работе полиции, это может повлечь за собой серьезные последствия.

Ей было необходимо внушить ему уважение. И прием сработал.

Он кинул ключ в ящик из-под пива, вытер руки об тряпку и прошел в сарай. Сара нащупала на поясе пистолет и последовала за парнем.

Изнутри сарай выглядел еще более непотребно, чем задний двор. Стены были увешаны полками, заваленными инструментами, старой запылившейся электроникой, пустыми полиэтиленовыми пакетами, консервными банками и сигаретными окурками. Кушетка в углу свидетельствовала о том, что Миккель Хустед здесь не только работал. Он словно прочитал ее мысли.

— Это временно. В Копенгагене сложно найти жилье, вы сами понимаете. — Он сел на табурет, вытряхнул из пачки сигарету, нащупал на верстаке зажигалку и закурил, втягивая в себя ядовитые

пары. Он ни на секунду не спускал глаз с гостя. — Кто погиб? Я знаю, что точно не Лаура. Так кто же?

Сара поставила ноги на ширину плеч и заткнула большие пальцы за ремень, чтобы куртка обнажила кобуру с пистолетом.

— На данный момент вам не предъявлено никакое обвинение, а потому вы не обязаны ничего говорить. Но вы должны знать, что вам могут предъявить обвинение. Где вы были в среду вечером и в ночь на четверг?

Он почесал глаз.

— Хм, а сегодня какой день?

— Вы действительно не в курсе? Сегодня понедельник. Совершенно обычный понедельник. Никакой не праздник. Просто понедельник.

— Что же, только потому, что я не получаю официальной заработной платы, меня можно считать неудачником, да? Кто сказал, что я не имею права не знать, какой сегодня день? Не имею права отказаться от работы по пропускной системе и от подлизывания задниц всяких там царьков?

Он положил сигарету на край стола. Изобилие черных полос на деревянной доске свидетельствовало о том, что он часто так поступал.

— Всю среду я развозил разукрашенных пустышек по модным показам и вечеринкам. Неделя моды, ура! Время от времени я подрабатываю водителем. Наряду с пособием, имейте в виду. — Он провокационно улыбнулся и обнажил зубы, посеревшие от отсутствия регулярной чистки, а возможно, и от употребления наркотиков.

— А что за вечеринка?

— Из тех, на которые прекрасные дамы являются обрызганные лаком с ног до головы и дефилируют там в проститутских туфлях. — Он рассмеялся, довольный собственным остроумием. — Собирались в музей около Росенборга.

— Кого вы туда отвозили? — Сара посмотрела в блокнот, чтобы не выдать своего возбуждения.

Он почесал лоб.

— Набилась полная машина. Какой-то старый пердун в кепке настаивал на том, чтобы усесться вместе с тремя девушками, хотя я предупредил его, что всем места не хватит.

Видимо, Вести?

— Сколько времени вы там пробыли?

— Мы приехали около 21:00, а в полночь я забрал их с вечеринки. Но уехали только старпер в кепке и одна девушка.

— А чем вы занимались, пока они были на вечеринке?

— Ну, ждал. — Он посмотрел на нее так, словно она спросила какую-то глупость. — Слушал музыку, курил, играл в «Кэнди Краш» на телефоне.

— Вы видели что-нибудь необычное, пока ждали клиентов?

— Помимо гостей, выходявших покурить? Не. Но я вообще-то не следил. На этих модных вечеринках ни черта интересного не происходит. Посещающие их люди слишком заняты тем, чтобы хорошо выглядеть.

Он и не понятия не имел, насколько ошибается. А может, как раз и имел.

Миккель Хустед был рядом с местом преступления и в то же время имел серьезный личный мотив — месть.

Сара сглотнула и попыталась успокоить разыгравшиеся нервы.

— Когда вы встречались с Лаурой до ее беременности, вы учились на преподавателя и жили на Вестебро.

— А теперь я живу здесь. Типа деградация. Но лучше назовем это просто процессом. — Он пародировал слова из уже надоевших ему неприятных бесед с психологом, терапевтом, с родителями.

— Кажется, вам по-прежнему больно говорить об этом?

— Замолчите! Я просто устал копаться в этих проблемах. — Он уставился на нее, не моргая.

— То есть вы не затаили злобу?

— Я больше не хочу об этом говорить. — Он поднялся, оказавшись в дискомфортной близости от Сары, стоявшей на пороге.

Она не отступила и выдержала его взгляд, хотя заманчиво было сделать шаг назад и избежать клубов дыма и опасного соседства. Так они стояли в течение нескольких секунд, затем парень в гневе покачал головой и снова сел. Он сделал очередную затяжку, хотя от сигареты остался лишь окурочек, и посмотрел на свои руки.

Сара продолжила более примирительным тоном:

— Каждый из нас может ощутить стремление отомстить тому, кто причинил нам боль. Это свойственно человеку. Ведь Лаура не в одиночку приняла решение сделать аборт. Возможно, кому-то

показалось, что люди, которым она доверилась, ввели ее в заблуждение...

Наморщив лоб, парень посмотрел на нее и бросил окурок на пол. Его лицо неожиданно расплылось в улыбке, причем не совсем приятной.

— Теперь я понял, почему вы пришли. Я должен был предвидеть. — Он потер щеки и замер, прислонив лоб к сцепленным рукам.

Сара выжидала, размышляя, каким образом его лучше атаковать.

— Имейте в виду, что вскоре мы вызовем вас на допрос в Управление полиции. Пожалуйста, не покидайте город без нашего уведомления...

Он никак не отреагировал на ее тираду.

Сара убрала блокнот и снова с беспокойством принялась ждать его реакции.

Спустя несколько секунд он снова потер щеки. Когда он наконец поднял голову, глаза его были красными и блестящими.

Глава 24

В течение долгого времени Анетта не понимала, где находится. Она лежала на койке, застеленной какой-то грубой тканью, которая немилосердно драла волосы, когда Анетта пыталась повернуть голову. Белый свет от висевшей на потолке лампочки ослеплял ее и вызывал пульсирующую головную боль. Она снова закрыла глаза. Кто-то взял и сильно сжал ее руку.

— Ты здесь? Просыпайся! Эй!

Перед лицом скользнула чья-то тень, и Анетта заставила себя открыть глаза. Над ней, склонившись, стоял Йеппе.

— Анетта, черт возьми. Ты как? Сюда уже едет «Скорая».

— Что случилось? Меня ранили?

Только бы сфокусировать на нем взгляд; ей становилось дурно от того, что Йеппе расплывался у нее перед глазами. Она приподняла голову, а затем, как только ощутила твердую опору, и торс, опершись на локти. Сердце бешено стучало, во рту чувствовался какой-то металлический привкус.

— Ты потеряла сознание и свалилась с лестницы. Так бывает, когда не бережешь себя и не прислушиваешься к собственному организму! Все, хватит строить из себя героя!

Как бы тебе ни было плохо, ты всегда можешь почувствовать себя еще хуже, если найдется добрая душа, которая переложит всю ответственность за возникший недуг на твои же плечи.

— Я думала... Что это был за грохот? — Анетта медленно села. На периферии зрительной области возникла какая-то фигура. Нечеткий силуэт. Этот человек протянул к ней руку со стаканом воды.

— Вот, выпейте, вам сразу станет лучше, — произнес незнакомый голос.

Анетта опустила взгляд на стакан, а затем перевела на Йеппе. Она ощущала жуткую тяжесть в голове и пребывала в замешательстве — стоит ли ей пить?

Йеппе взял стакан из руки Торбена Хансена и убрал его из поля зрения коллеги.

— Спасибо, все нормально. Мы подождем «Скорую». Будьте добры, присядьте за стол, я допрошу вас, как только мою коллегу увезут.

Увезут? Анетта яростно затрясла головой. Ее не надо куда увозить.

— Йеппе!

— Да?

— Подойди сюда! Поближе!

Он вплотную приблизился к ней, так что она получила возможность шептать ему на ухо и «наслаждаться» его дурацким парфюмом, от которого ее желудок выворачивался наизнанку.

— Я в порядке, — соврала она. — Позвони в «Скорую» и отмени вызов, а я после допроса схожу к дежурному врачу.

— Об этом и речи быть не может.

Анетта крепко и непочтительно вцепилась в шею напарнику.

— Кернер, послушай! Я слежу за своим здоровьем, за своим собственным здоровьем, нелишним будет заметить! И раз меня не ранили и не поколотили, позвони, пожалуйста, в «Скорую» и отмени этот проклятый вызов, понял?

Она посмотрела на него таким умоляющим и искренним взглядом, на какой только была способна.

И этого взгляда оказалось достаточно.

Йеппе выпрямился и, помешкав, достал из кармана телефон.

Пока он звонил в «Скорую», Анетта оценила окружающую обстановку. Низкий потолок, осыпающиеся стены, настолько изношенной и убогой мебели ей еще никогда не приходилось видеть. Холодная и мрачная комната в то же время не оставляла сомнений в своей обитаемости, так как все тут было обустроено. В крошечном кухонном уголке притулилась мойка, пол чисто подметен.

Хозяин был под стать самому жилищу. Он сидел в грязном комбинезоне на деревянном стуле с драным плетеным сиденьем и напоминал рыбака с картины Микаэля Анкера: такой же утомленный и изможденный, без каких бы то ни было иллюзий в отношении отмеренных ему лет. Серо-белая щетина ровным слоем покрывала его щеки, которые уже начали обвисать. Возможно, это лицо было когда-то упругим и приятным, но теперь две глубокие морщины пробороzdили

его от крыльев носа до уголков рта и придали ему выражение хронической печали.

Йеппе положил трубку и посмотрел на Анетту.

— Прекрасно. Итак, начнем. Готова?

Она кивнула и собиралась встать, но приступ головокружения вернул ее на кушетку. Замечательно. Помещение было настолько тесным, что она прекрасно видела Торбена Хансена из любой точки комнаты.

— А что это был за звук там, под куполом? — Голос ее звучал неуверенно, и она с раздражением прокашлялась.

— Я проверял люк на крыше. Отверстие в куполе, через которое выдвигают подзорную трубу. — Торбен Хансен говорил медленно, взвешивая каждое слово. Произношение у него было явно копенгагенское, но с некоторым налетом певучести. — Завтра состоится лунное затмение, в связи с чем сюда придет много людей, так что все должно работать. Люк надо будет смазать, он немного скрипит.

Немного?! Да он лязгнул так, словно вся башня взлетела на воздух!

— Где вы были в среду вечером? — Йеппе подхватил беседу. Ну и прекрасно, пускай продолжит допрос, а она тем временем оправится от головокружения.

— Наверное, здесь. Я нахожусь здесь почти каждый вечер. Мы переехали сюда два года назад, и я еще не успел наладить в городе контакты.

— У вас две дочери? Они живут с вами?

— Младшая пока живет здесь, а старшая уже съехала.

— Вы понимаете, почему мы пришли к вам? — Он медленно поднял взгляд и покачал головой. — Обычно люди интересуются, для чего к ним заявлялась полиция...

— С девочками ведь ничего не случилось, правда? — Он впервые занервничал.

— Нет. Мы приехали из-за обращения вашей бывшей супруги на радиопрограмму под названием «Мэдс и Монополия» пять лет назад. Вы помните? Она отправила на программу письмо, в котором спрашивала совета — остаться ей с семьей или пойти на поводу у своего чувства по отношению к...

— К Ларсу. Это был наш шеф-повар. Естественно, я все помню. Такое не забывается. — Торбен Хансен с трудом поднялся со стула, подошел к кухонному столу, встал у окна вполоборота к посетителям и уставился в темноту за стеклом. — Я потерял семью. Отель. Это было тяжело. Очень тяжело. — Он оперся на подоконник, как будто бы у него болели колени, а может, и не только колени.

Анетта подумала, что он похож на человека, для которого боль стала неотъемлемой частью существования, он даже не сомневался в том, что так и должно быть.

— Вы разозлились на «Монополию»? — Йеппе скрестил руки на груди, он всегда принимал эту позу, когда собирался закручивать гайки. Наверное, он сам этого даже не замечал.

Торбен Хансен обернулся и пристально посмотрел на следователей. Он вдруг словно проснулся и даже помолодел от гнева.

— Если я на кого-то и злюсь, так это на Ларса, этого ублюдка. И на Кристину, если уж на то пошло. Они валялись и трахались прямо у меня под носом, в свадебном съюте для молодоженов, в моем собственном отеле! А когда я обо всем узнал, меня же почему-то и выгнали! Меня!

— Но в итоге они понесли наказание за это, можно ведь так сказать. — Анетта почувствовала в себе силы вновь ринуться в бой. По крайней мере, таким образом она хоть на пять минут отвлеклась от бешеного биения сердца.

— Да, — буркнул Торбен и вновь отвернулся к окну. Пар был выпущен. — Но и остальные почему-то тоже. Девочки потеряли мать, мы с ними потеряли средства к существованию. Это было ужасное время для нас троих.

Йеппе повернулся к Анетте, чтобы узнать, есть ли ей что добавить. Но она покачала головой.

— В среду вечером на вечеринке в музее был отравлен насмерть Альфа Бартольди, который находился в числе экспертов программы, которые посоветовали вашей жене покинуть вас. — Йеппе говорил спокойным голосом с нейтральной интонацией. — В пятницу вечером Кристель Тофт была убита точно таким же способом, как Альфа. Она тоже участвовала в том выпуске. Вы понимаете, к чему я клоню?

Уголки рта Торбена Хансена опустились, словно Йеппе произнес нечто совершенно абсурдное.

— Это может быть совпадением. По крайней мере, я не имею к этому ровно никакого отношения. С тех пор я даже ни разу не подумал об этих людях. Мне было чем заняться все это время.

— И все же — чем именно вы занимались вечером в минувшую среду?

Йеппе заметил, что Торбен Хансен вновь возвращается в свое апатичное состояние.

— В среду, в среду... — В ту среду, когда состоялась вечеринка... — Темп его речи вновь переключился на режим улитки. — В среду вечером я был здесь. Тут в одной из аудиторий читалась лекция о солнечных пятнах, я присутствовал на ней. Она началась в 19:00 и длилась примерно до 22:00, включая вопросы слушателей.

— А вы прослушали всю лекцию целиком?

— Насколько я помню, да.

— Лекция о... солнечных пятнах?

Торбен Хансен опустил взгляд на свои руки.

— В аудитории возникла какая-то проблема с вентиляцией, я пытался ее уладить.

— А вы случайно не присутствовали на вечеринке в Геологическом музее? — Он медленно покачал головой. — А кто-нибудь видел вас на лекции?

— Естественно. Справьтесь в Институте Нильса Бора.

— Хорошо, спасибо. — Йеппе поднялся. — Можно нам немножко побродить тут?

Торбен Хансен кивнул, не покидая своего места у окна.

Анетта осторожно встала, по-прежнему ощущая неуверенность в ногах, и прошла к двери, ведущей в помещение, которое Йеппе оставил на потом.

За дверью находилась небольшая комната, максимум три на три метра, которая явно принадлежала молодой девушке. Тут стоял шкаф с подростковой одеждой в основном черного цвета и из джинсы, а также узкая кровать. Стена была обклеена постерами, вырезками из журналов и фотографиями.

Анетта подошла к стене поближе и принялась рассматривать юные серьезные лица, глядевшие на нее со снимков. Как приятно убедиться в том, что в нашем мире еще существуют реальные,

напечатанные фотографии. Хрупкая девочка-подросток с худым личиком и круглыми голубыми глазами присутствовала на большинстве снимков. Видимо, данная комната принадлежала младшей сестре, Сигрид.

У Сигрид были волосы невыразительного цвета, которые чаще всего она собирала в конский хвост, и тонкие черты лица. На одной из фотографий они стояли на лесенке, ведущей на террасу, вместе с Торбеном, какой-то взрослой женщиной и девочкой. Возможно, их сфотографировали в отеле. На этом фото она явно была помладше, чем на остальных, более нескладная. Вероятно, это была одна из последних фотографий семейства. Анетта вытащила снимок из защитного кармашка и отнесла его Торбену.

— Это ваша жена и дети?

Он кивнул, не глядя на фотографию. Йеппе подошел к Анетте и посмотрел на снимок из-за ее плеча. Она почувствовала, что он оцепенел.

— Кто это?

— Их семья. Кристина и девочки. Наверное, незадолго до развода, да? — Анетта обратила взгляд на Торбена для подтверждения своей догадки.

— Нет, вот это кто? Тут! — Йеппе показал на одну из девочек.

Торбен Хансен мельком взглянул на фото и поспешил отвернуться, прежде чем ответить.

— Луиза, моя старшая дочь.

В комнате повисла тишина. Воздух вмиг пропитался какой-то напряженностью, Анетта изо всех сил пыталась понять, в чем дело. Она услышала, как Йеппе сделал глубокий вдох и задержал дыхание.

— Можно мы одолжим эту фотографию? Я обещаю, что верну ее вам. — Йеппе подал Торбену Хансену руку на прощание и вышел, прежде чем хозяин успел ответить.

Анетта и Торбен Хансен остались одни, связанные неловким молчанием. Через мгновение Анетта попрощалась и поспешила за Йеппе. Он бежал к машине; облачка пара, вылетающие из его рта на выдохе, складывались позади него в непрерывную полосу, свидетельствуя о немаленькой скорости передвижения. Она догнала напарника у самой машины.

— Что случилось? — Анетта задыхалась. Она с раздражением оперлась на крышу автомобиля.

— Луиза Сёборг Хансен, какой же я идиот! — Он ударил себя кулаком по лбу.

— Ну, под «идиотом» я, конечно, подпишусь, но почему ты понял это именно сейчас?

— Лулу Суй! Помнишь, ты сама предположила, что ее имя может быть сконструировано на основе реального?

По руке Анетты побежали мурашки.

— Лулу Суй, которая присутствовала в обоих местах преступления, это Луиза, дочка Торбена. Та самая, чья мать бросила семью и погибла. Неужели ты не понимаешь? Это она!

* * *

На этот раз никакого столба дыма из трубы на рыбацкой лодке «Луна» не было, рассыпчатый снег толстым девственным слоем лежал на палубе. Йеппе постучал в дверь и обошел капитанскую рубку, после чего стало понятно, что Лулу Суй дома не было, причем уже давно. Йеппе толкнул дверь в камбуз. Заперто. Он отступил на шаг назад и осмотрел стену. Над входом по центру была прикреплена старая сирена. Йеппе провел пальцами по ледяному металлу, ему в руку упал такой же ледяной металлический предмет. Ключ! Как непредусмотрительно со стороны хозяйки. Он вошел в темную каюту.

Несмотря на неумолкавшие протесты, Йеппе настоял на возвращении Анетты домой к Свену, после чего сам отправился в Рыболовецкую гавань, составляющую часть Нордхавнен. Ей нельзя было продолжать работу. Она с враждебностью отнеслась к заботе своего коллеги, но Йеппе настоял на своем — он даже потряс перед ее лицом удостоверением руководителя следственной группы и запретил участие в расследовании до тех пор, пока она не сходит к врачу. Свен пообещал позаботиться о ней, и Йеппе с чистой совестью уехал под оглушительную ругань напарницы. Самой упрямой напарницы на свете!

Корпус лодки глубоко и протяжно затрещал, Йеппе вздрогнул от неожиданного звука. Один на один с темнотой замкнутого

пространства Йеппе позабыл о том, насколько очаровало его это место при первом посещении. Лодка больше напоминала холодную и бездушную погребальную камеру, чем жилище. Он почувствовал биение пульса под ключицей и в который раз испытал острое желание развернуться и уйти прочь из тьмы и холода.

Он нащупал выключатель, зажег тусклый свет и огляделся. Надо было пересилить себя.

Пестрое и непритязательное обиталище молодой женщины, изобилующее неожиданными элементами при минимуме материальных затрат. Все это напоминало ему Ханну. Он передвинул несколько плечиков на плотно увешанном одеждой штативе, выдвинул ящички мини-комода, где обнаружил банковские документы, комплект велосипедных фонарей и связку ключей. На низком столике стояли медные миски, резные фигурки и массивные свечи, что свидетельствовало об увлечении хозяйки спиритуализмом.

В холодильнике оказалось пусто, если не считать пол-литра натурального молока 0,5 % жирности, судя по всему, прокисшего, да каких-то очень дорогих на вид кремов. Откуда женщина, живущая в рыболовецкой лодке своего дедушки, взяла на них деньги? Как и на бесчисленные пары обуви, громоздившиеся друг на друге под вешалкой? Йеппе безошибочно опознал красные, как почтовый ящик, подошвы и подсчитал — весь этот «склад» стоил несколько десятков тысяч крон.

У него начали замерзать пальцы, и он решил сделать пальчиковую гимнастику, спокойно продолжая обходить и подробно осматривать жилище. Ему вдруг показалось, что в темноте кто-то скрывается. Он будто почувствовал поблизости чью-то энергетику, устремленный на него взгляд. Ненависть. Йеппе прогнал от себя ощущение дискомфорта и продолжил работу. Во время третьего обхода помещения он наконец нашел: цоколь под одним из кухонных шкафов немного прогнулся, между полом и доской обнаружилась щель толщиной в несколько миллиметров. Немного подергав цоколь, Йеппе довольно быстро отодрал его. В открывшейся за ним нише находилась коробочка высотой примерно в три телефонные книжки, положенные друг на друга. Он извлек ее на свет и обнаружил, что коробочка красная и блестящая. Наверное, китайский лак, подумал Йеппе.

Он забрал находку в машину, где можно было наконец включить печку и более-менее приличное освещение, и свободно вздохнул. С моря налетел порыв ветра, и брезентовые чехлы на лодках затрепыхались, снег зазмеился поземкой. Вокруг лежал вымерший док, но автомобиль представлял собой островок тепла и безопасности. Он заблокировал двери.

Сверху в коробке лежала стопка пакетиков и электронные весы — основные инструменты наркоторговца. Он и раньше подозревал, что у нее имелись и другие источники дохода, помимо сеансов целительства. Он также обнаружил мешочек с таблетками, который она забыла или оставила специально. Скорее всего экстази или что-то типа того, один из самых популярных ныне наркотиков на вечеринках джетсеттеров. Вполне соотносится с тем, что Йоханнес вновь пристрастился к этой дряни. Просто Лулу Суй являлась его дилером, вот и все. Трясущимися пальцами он набрал номер Йоханнеса, но тот не ответил. Тогда Йеппе отправил ему сообщение с просьбой перезвонить. «Это важно. Мне страшно за тебя». Он не имел возможности углубляться в подробности в смс. Ниже лежал пластиковый кармашек, в котором оказались выписки из каких-то обсуждений. Йеппе смочил слюной большой палец и пролистал страницы.

Название сайта и даты, подписанные наверху, свидетельствовали о том, что это выписки из различных чатов, скопированные с [girltalk.dk](#), форума при сайте [Vørneportalen.dk](#)^[45]. Все реплики были подписаны виртуальным псевдонимом [Lostgirl](#)^[46] и размещены в теме — «Печаль».

Стиль текста был молодежным, и ругательств в нем содержалось гораздо больше, чем знаков препинания, все высказывания затрагивали темы горя, самоистязаний и издевательств. Подбор слов шокировал: [Lostgirl](#) описывала тотальное одиночество, злобу и предательство. Она называла себя безгранично уродливой и тупой. Пробуждающей ненависть неудачницей. Мир повернулся к ней спиной, никто не хотел иметь с ней ничего общего.

Это было во всех смыслах удручающее чтение. При столь низкой самооценке не удивительно, что Лулу Суй приходилось прятаться за макияжем и дорогой одеждой.

Йеппе положил распечатки, весы и пакетики обратно в коробку и осторожно поставил ее на заднее сиденье. По возвращении домой надо

будет внимательно перечитать выдержки из чата на предмет возможных подсказок о нынешнем местонахождении Лулу Суй.

Он сел за руль и вставил ключ в замок зажигания. От крайней степени замешательства его охватил раздражающий кожный зуд. Если Лулу Суй является исполнительницей преступлений, которые они расследуют, то почему она не убила Йоханнеса, когда он пришел к ней на лодку? Видимо, относительно него у нее имелись другие планы. Возможно, как раз те, которым вот-вот суждено было реализоваться: обвинить Йоханнеса Ледмарка в убийствах?

* * *

Подъезд на Скюдебэнегэде пестрел букетами и иными формами выражения симпатии, выставленными перед темно-зеленой дверью с латунной табличкой «Риос энд Ледмарк». Знаменитость не становится менее популярной, даже будучи подозреваемой в убийстве, и существовал риск, что актер станет еще более знаменитым, когда волнение уляжется. Это заразно. И, безусловно, стоит веников и открыток со словами поддержки.

Корзина прекрасно вписывалась в гущу цветов. Целлофан и широкая шелковая лента, опоясывающая черную плетеную корзину, наполненную итальянскими деликатесами: тальятелле и панфорте. Как будто эти изыски могли заставить человека забыть о том, что его жизнь висит над бездной. Карлофортский тунец, копченая колбаса из дикого кабана и, конечно же, незатейливая бутылка с любимым ликером Йоханнеса Ледмарка — лимончелло. Он не уставая рассказывал журналистам из дамских изданий о своем пристрастии к Италии — к языку, к гастрономии и — в не меньшей степени — к лимонному ликеру. Йоханнес Ледмарк не жалел на себя денег. Впрочем, как и на прессу.

Вскоре он придет домой, соберет все букеты, запрет за собой дверь. Корзину с продовольствием внесет в квартиру с особой осторожностью, снимет куртку и без всякого интереса прочитает прикрепленную открытку. Его привлечет содержимое корзины. Он достанет бутылку и обнаружит, к своему удовольствию, что она холодная. Значит, можно будет открыть ее немедленно. Возможно, он

захочет принять ванну. Долгую теплую ванну под звуки какой-нибудь оперы. Добавит в ванну из искусственного камня дорогущего ароматического масла и, пока она наполняется, не спеша разделется. Возможно, даже перед огромным зеркалом в спальне. А лунный свет будет литься в окно и наделять все предметы тенями, лежащими на серые стены. Он посмотрит на свое долговязое жилистое тело и задумается над тем, на что оно, его тело, способно. Возможно, он даже сам удивится.

Затем он облачится во флисовый халат в пол и, пока вода смешивается с эфирными маслами и ванная наполняется парами иланг-иланга, отправится на кухню за напитками. Возьмет бокал, конечно, слишком крупный для ликера, но это неважно. Он ведь не станет медлить, уже держа в руке бутылку?

Нет-нет, Йоханнес Ледмарк не станет тратить время на размышления о том, какую чудовищную боль он причинил. Он расставит напитки на краю ванны и отыщет в своем телефоне «Лакме» — музыку, о которой он всем кому ни попадя разрезвонил как о «музыке их любви», — и сам поверит в то, что он переполнен тоской и раскаянием. Йоханнес отбросит халат и сантиметр за сантиметром станет погружаться в горячую воду, пока не примет лежащее положение.

И вот он до краев наполнит хрустальный стакан ликером лимончелло, запрокинет голову назад и сделает глоток.

Глава 25

Вторник, 2 февраля

Йеппе отложил телефон и попытался осознать новость. Попытался стряхнуть с себя сон. Травматологическое отделение Королевской больницы. Йоханнес поступил с ожогами внутренних органов.

Йеппе тяжело скатился с постели. Носки, рубашка, штаны, ключи, телефон, куртка, ботинки, закрыть за собой дверь. Раннее утро, на улице еще темно. Он напомнил себе, что надо ехать осторожно. Открыл дверцу машины, завел мотор и зашуршал колесами по слякоти с максимально допустимой скоростью.

После почти двух месяцев зимних морозов наконец наступила оттепель, и заржавевшие за зиму велосипеды вновь покатали по специально выделенным дорожкам. К несчастью, потепление принесло с собой густой туман, который, опустившись на город, затруднил передвижение транспорта еще сильнее, чем мороз.

Автобусы еле-еле ползли по грязной жиже, улицы постепенно заполнялись пешеходами под зонтиками, они спешили, меся ногами кашу из льда.

Совершенно очередное покушение, другого предположения и быть не могло. Мысли Йеппе продолжали крутиться по кругу, когда секретарь на восьмом этаже Королевской больницы поздоровался с ним и указал в направлении обтянутого войлоком стула, на который он мог присесть в ожидании перевода Йоханнеса из отделения интенсивной терапии в Клинику лор-хирургии. Пока что приехал только он. Словно самый близкий родственник. Но скоро ему придется позвонить КП и сообщить ей о произошедшем, ведь тут прослеживалась явная связь с текущим расследованием.

Прибудет главный следователь, к палате приставят полицейскую охрану, криминалисты отправятся в квартиру на Скюдебэнегэде, весь механизм будет приведен в действие.

Через пять минут объявится первый фотокорреспондент; сначала в квартире, затем и в больнице. Разыщут Родриго, обнаружат старые

нелестные снимки Йоханнеса, опросят знакомых. И вся грязь, весь компромат, который до сих пор таился под спудом, вылезет теперь наружу. Йеппе больше не сможет защитить товарища.

С характерным пиканием открылись двери одного из лифтов.

Йеппе поднялся со стула. Врачи и медбратья в халатах провезли мимо кровать-каталку с Йоханнесом, Йеппе проследовал за ними в отделение.

— Как он?

— А вы кто? — на ходу поинтересовалась женщина-врач.

— Йеппе Кернер, следователь отдела убийств. И самый близкий друг Йоханнеса Ледмарка. Вы мне звонили.

Она остановилась, отпустив каталку, которую провезли вперед по коридору и закатали в палату.

— К счастью, он успел набрать «112» накануне поздно вечером, когда плохо себя почувствовал.

— Значит, он...

— Пока я не могу ничего утверждать. Мы обследуем его на предмет изъязвлений слизистых оболочек в результате проглатывания разъедающего раствора. Ожоги гортани и пищевода, иными словами. К сожалению, пока что я больше ничего не знаю. — Она профессионально похлопала его по плечу. — Ваш друг находится в хороших руках.

Мой друг, подумал Йеппе. Друг, жертва, подозреваемый... Скоро он совсем перестанет понимать, кем Йоханнес является на самом деле.

— Врачи, выехавшие на вызов, забрали стакан и бутылку, из которой он пил, так что жидкость будет исследована в ближайшее время. Лабораторное исследование еще не окончено, но уже установлено, что pH-баланс раствора сильнощелочной.

— Разумно. — Йеппе кивнул. Снова средство для прочистки труб.

— Один из лаборантов сказал, что эта жидкость пахнет лимоном. — Она улыбнулась такой профессиональной улыбкой, что ее вполне можно было не замечать. — Он сейчас спит — может, зайдете попозже? — Врач прошла по коридору и свернула в палату, куда мгновение назад доставили Йоханнеса.

Лимон? Наверняка лимончелло, любимый ликер Йоханнеса. Они с Родриго обычно делали его сами. Лимонный вкус придавала цедра, а не сок, и потому ликер получался совсем не кислым. Значит, щелочь,

содержащаяся в чистящем средстве, не будет нейтрализована кислотой. Преступник прекрасно знает химию. Вопрос заключался лишь в том, каким образом он мог подлить отраву в бутылку с лимончелло, стоявшую в хододильнике Йоханнеса и Родриго.

Йеппе подошел к большим окнам, выходящим на Тагенсвай. То ли они были настолько грязными, то ли туман был настолько густым, но Институт Панума на противоположной стороне улицы был еле различим. В Институте Панума Йеппе видел своего отца в последний раз. Именно здесь отец выполнил свой последний долг гражданина, позволив препарировать собственное тело после смерти на благо медицинской науки. Этот дар медицинско-научному факультету был оформлен в обход Йеппе; до самой смерти отец так ничего и не сказал ему об этом. Но вряд ли можно было придумать нечто более уместное, чем после смерти отдать свое столь бесполезное при жизни тело на службу науке. Так оно по крайней мере хоть как-то пригодилось.

Впоследствии тело отца кремировали и в соответствии с особым указанием умершего урну с прахом поместили в анонимную общую могилу на кладбище Сёндермарк. Он не хотел никакой напыщенности и до последнего момента не желал быть никому в тягость. Даже посмертно.

Тогда Йеппе остался один на один со своим шоком, необходимостью уладить все дела и глубоким разочарованием; ему некуда было пойти и выплеснуть свое горе. Мать любезно попросила его ей помочь, но он отказался. В отцовской квартире его ожидал мученический крест в виде запылившихся стопок книг и неоплаченных счетов. И он водрузил этот крест себе на плечи с большим пафосом.

На самом деле, зародыш неверности Терезы и их последующего развода лежал именно здесь — в затянувшемся дольше, чем надо, глубоком и так до конца и не переосмысленном горе Йеппе, которое охватывало его все больше и больше с каждым днем, в то время как он пытался игнорировать это чувство. Тереза отдалилась не по своей воле, он сам ее оттолкнул. Так отвергает ласку обиженный ребенок, хотя нежность больше всего требуется ему в данный момент. А он так ничего и не заметил, пока ее взгляд на стал отстраненным, пока она не пропиталась ароматом другого мужчины.

Йеппе смотрел на машины, которые проносились внизу в обоих направлениях. Он взял телефон и набрал номер КП.

* * *

— Как он, твой товарищ? Он держится?

Вопросы прозвучали с такой неподдельной тревогой, что поначалу Йеппе решил, что он ослышался. Обычно Томас Ларсен не выказывал подобной эмпатии.

— Да, спасибо. Он проснулся. Состояние стабильное. Учитывая обстоятельства, все не так уж плохо.

— Длительное воздействие яда?

— Не похоже. Он сразу заметил, что с ликером что-то не так, по-видимому, потому что на тот момент не находился под действием алкоголя или наркотиков. Так что чистящее средство не успело причинить существенный вред.

— Рад слышать. — Ларсен одарил Йеппе таким сердечным объятием, какие в изобилии можно наблюдать в фильмах про летчиков и автогонщиков, популярных в конце восьмидесятых годов. Затем Ларсен, к счастью, сел на свое рабочее место.

Вопреки добрым намерениям коллеги Йеппе не был сейчас настроен на сопереживание. Его уже начали беспокоить звонки с незнакомых номеров, а значит, пресса вышла на охоту.

— Кернер, я разговаривал с представителями Института Нильса Бора. У Торбена Хансена имеется железное алиби на вечер среды. Пока все лекторы и слушатели подтверждают, что он весь вечер находился в аудитории и помогал закрывать помещение после лекции. Он сидел у кафедры рядом с директором института и ни на миг не выходил наружу. Он никак не мог убить Альфу Бартольди.

— Та-ак... — Йеппе сильно потер руками лицо и попытался окончательно проснуться. У Торбена Хансена есть алиби.

А вот у Лулу Суй алиби нет.

— Если на Йоханнеса совершено покушение, а Торбен Хансен отселялся, выдвинем Сёрена Вести в качестве главного подозреваемого? — Ларсен снял крышку с пластикового стаканчика с йогуртом и мюсли и принялся есть, медленно и аккуратно. — Извини,

это мой завтрак. Дома не успел съесть. — Он подмигнул Йеппе, словно упоминание о факте недоеденного дома завтрака являлось неким условным знаком. — Я все пытаюсь идентифицировать инвестора, но управляющего фондом голыми руками не возьмешь. Он постоянно на каких-то встречах — то с официальными лицами, то с вышестоящими директорами.

Йеппе выдвинул стул и сел. Он вспомнил, что и сам сегодня не завтракал и даже не пил кофе. Причем совершенно не по той причине, что Ларсен. Голова без кофеина отяжелела, телу не хватало энергии.

— Ларсен, мне кажется, тебе стоит умерить пыл. — Ларсен застыл с набитым ртом. — Пойми меня правильно: я не сомневаюсь в том, что Вести обвел вокруг пальца и Альфу Бартольди, и тайного инвестора. Только я не вижу, каким образом это может быть связано с покушением и убийствами, с которыми мы имеем дело. — Йеппе помотал головой из стороны в сторону, так что в шее хрустнуло. С утра у него болела спина. — Мотив преступлений связан с проявлением сильных эмоций или с экономической выгодой. И как сюда вписывается убийство Кристель Тофт? А покушение на Йоханнеса?

— Но ведь Вести и Кристель были любовниками...

— Это не значит, что их связывали чувства. Нет никаких свидетельств этого. Ничего не стыкуется.

Ларсен медленно доел, выскреб дно стаканчика пластиковой ложкой и выбросил отходы в корзину. Вздохнул.

— Ну ладно, я передам все материалы отделу экономических преступлений и прерву собственное расследование. Ну и что дальше?

Вот именно — что дальше?

Лулу Суй объявлена в официальный розыск. Пока что никаких сведений о ее местонахождении получено не было, позвонили только несколько ее шокированных знакомых, которые понятия не имели, где она находилась, но очень хотели бы это знать. В том числе ее отец утверждал, что не видел и не слышал свою старшую дочь в течение недели.

На бесчисленных медиаплатформах наблюдалось нетипичное затишье с ее стороны, телефон был отключен, а единственная имевшаяся у нее кредитная карта не использовалась с середины января. За последнее время Луиза Сёборг Хансен оставила

удивительно мало виртуальных следов, что было совсем не характерно для представительницы молодого поколения начала XXI века. А теперь она и вовсе исчезла.

— Что говорят в НЦК по поводу содержимого бутылки? — Ларсен отвлек Йеппе от размышлений. Йеппе смотрел в эти ясные глаза и снова не замечал ничего, кроме искреннего соучастия коллеги. Возможно, девушка-инвесторша и впрямь положительно влияла на Ларсена.

— Только что говорил с Клаусеном из НЦК. Как и предполагали, средство для прочистки труб и лимонный ликер в соотношении один к одному.

— Ух, жуть какая! — Ларсен наморщил лоб с выражением отвращения на лице.

— Да уж, жуть. Бутылка вполне обычная, с многоцветной пробкой, такую можно купить в любом хозяйственном магазине...

— А ликеры вообще разливают в такие бутылки?

— Если они домашнего приготовления, то да. — К Рождеству Родриго обычно дарил Йеппе как раз подобную бутылку с лимончелло. — Бутылка новая, на месте оторванного ценника еще сохранились остатки клея. Но на ней обнаружены только отпечатки пальцев Йоханнеса, больше никаких.

— А откуда она вообще взялась? Как попала в дом?

— Судя по всему, за выходные поклонники и коллеги прислали ему много цветов и подарков — ну, ты понимаешь, чтобы выразить поддержку в сложный для него период. Йоханнес говорит, что эта бутылка с лимончелло находилась в корзине с деликатесами от дома моды «Le Stan». В сопровождении открытки от главного дизайнера.

— И что же говорит на это главный дизайнер?

— Она не писала никакой открытки, и «Le Stan» вообще не отправлял никакой подарочной корзины. НЦК проверяет информацию.

— Вау!

Иначе и не скажешь. Йеппе никак не мог избавиться от образа Родриго, представшего перед его внутренним взором — он стоит у раковины и усердно намывает лимоны под горячей водой, чтобы добиться безупречной чистоты фруктов, а затем отделяет цедру и кладет ее в водку. Играет фоновая музыка, Йоханнес лежит с газетой на полу. Счастливые времена.

Йеппе встал и зачем-то отправился на кухню. Точнее, он отправился туда, чтобы избежать беседы с Ларсеном и избавиться от охватившего его беспокойства. Однако это чувство не покинуло его, когда он подошел к холодильнику, и глубоко укоренилось, пока он стоял и невидящим взором смотрел на бутербродную намазку и витаминную воду. Ему совсем не помогло сосредоточиться то, что мимо прошла Сара, уклонившись от приветствия. Она даже не притормозила около него, побежала себе дальше, словно он прокаженный.

Анетта на работу не пришла, что вызвало у него одновременно удивление и облегчение — он и сам хотел настоять, чтобы она отдохнула дома. Йеппе поймал себя на мысли, что скучает по ней. А это свидетельствовало о немалой степени его уныния и усталости. Обычно присутствие Анетты не вызывало в нем никакого иного желания, кроме как что-нибудь сокрушить. Она не отвечала на его сообщения — стало ли ей лучше, что сказал врач.

В теле почему-то засвербило, где-то под корой головного мозга зазвучала песня: «If you're blue and you don't know where to go to, why don't you go where Harlem sits, puttin' on the Ritz»^[47]. Тяжко и монотонно, в такт с биением сердца.

Где же он допустил промах?

* * *

Она прочитала где-то, что людям, которых раздражает чужое чавканье, свойственны, как правило, высокая чувствительность и сообразительность. Конечно, это было лишь сомнительное оправдание собственной раздражительности, однако, стоя у себя в гостиной и наблюдая, как Грегерс тщательно пережевывает намазанный джемом кусок хлеба, Эстер надеялась, что в вычитанной ею мысли есть хотя бы доля истины.

Грегерс по-прежнему сидел в каминном кресле, с вытянутой вперед ногой. Точнее, он снова сидел в кресле, потому что накануне вечером Эстер под жалобные стенания помогла ему кое-как доковылять до его собственной постели, чтобы он получил возможность нормально отдохнуть. А теперь он вернулся и снова

занял прежнее место посреди гостиной, которое, судя по всему, не собиравшись покидать в течение многих недель.

В дополнение к утренней газете он попросил подать завтрак, и она выполнила его просьбу, а как же иначе, однако уже не с таким энтузиазмом, как накануне. Ей надо было успеть еще погулять с собаками, принять душ, а вообще-то, неплохо было бы и самой позавтракать. Однако вчерашняя благодарность со стороны Грегерса уступила место требованию достойного уровня ухода за ним.

В уголке рта Грегерса застряла капля джема, и Эстер упорно смотрела на нее, тишина в комнате нарушалась шуршанием газеты и чавканьем. Она представила себе, как тихонько подходит к нему, берет с дивана подушку, прижимает к его лицу и продолжает держать до тех пор, пока он не замирает. Она уже была готова пойти на что угодно, лишь бы прервать эти звуки.

Возможно, отсюда берут начало ее амбиции автора детективного жанра? Бытовое раздражение по отношению к окружающим, от которого она могла избавиться, лишь излив свои эмоции на бумагу. Вот только писать детективы ей больше было нельзя.

Эстер вышла на кухню и открыла холодильник, вовсе не испытывая аппетита. Она была охвачена жаждой деятельности, но никуда не могла отправиться из-за Грегерса.

Йеппе Кернер не отвечал на ее звонки, так что она понятия не имела о том, удалось ли предъявить Торбену Хансену официальное обвинение в убийстве Альфы Бартольди.

Ожидание было невыносимым. По идее, ей должно было быть все равно, но она вложила в это дело столько сил! «К тому же, — шептал ей внутренний голос откуда-то из глубин желудка, — заняться-то тебе больше особо нечем, правда?»

Налив себе стакан яблочного сока, она вернулась в гостиную и прошла мимо Грегерса к окну. Собаки побрели следом и легли у ее ног. Она сделала глоток, глядя на озеро, и постаралась расслабиться.

— «Пузырьки шампанского и кровавая луна. Поэзия и астрология в обсерватории Эстервольд». Господь всемогущий. Насколько теперь все подряд обращают в попсу. — Грегерс комментировал, не поднимая носа от газеты. — Во времена моей молодости это явление называлось просто-напросто лунным затмением, полным или частичным. И на этом точка. Ну, если случалось так, что ты в это время не спал, ты

смотрел на небо и говорил: «Вот это да!» Никто не делал из этого эпохального события. Кровавая луна, ха!

— Ну, просто потому что она красного цвета, Грегерс. Кровь, красный цвет, ну ты понимаешь. А мне кажется, звучит любопытно! — Эстер постаралась не показать своего раздражения. Это оказалось непросто. Правда, тут можно было не опасаться задеть чувства Грегерса. Ибо он как ни в чем не бывало продолжал рассуждать, сложив газету и отложив ее в сторону.

— Не совсем так, дорогая моя Эстер. Точнее, не только. Полное лунное затмение, особенно красное, всегда воспринималось в качестве предвестника гибели мира. Акопа... апопа...

— Апокалипсис?

— Ты слышала об американском библейском проповеднике, который говорил, что четыре полных лунных затмения подряд в течение 2014–2015 годов приведут к концу света? Что все завершится так называемой кровавой луной осенью 2015 года. Бум, и все! Якобы грянет лунное затмение, вслед за которым сразу последует мощный взрыв, ну или что там, человечество будет уничтожено и вновь придет Мессия! Ну и в итоге ничего подобного не произошло. Но он написал целую книжку, выступал с лекциями и заработал обалдеть сколько денег. Шарлатан. — Грегерс подкрепил свой праведный гнев обиженным покашливанием.

— Я ничего не слышала об этом.

— Смысл в том, что красное лунное затмение означает что-то ужасное: переворот, разрушение всего и вся и так далее, а СМИ лелеют ужас, который оно вселяет в людей, потому и придумали такое название — «кровавое затмение».

Грегерс самодовольно посмотрел на Эстер. Капля джема в уголке его рта пристала намертво. Но, странным образом, ее это уже не так раздражало.

— Очень неожиданное замечание осведомленного наблюдателя. Я даже впечатлена, Грегерс. — Она улыбнулась ему.

— Ну хватит болтать всякий интеллектуальный вздор. Я лишь говорю то, что написано в газете. Это ты книжки пишешь, конечно, когда возьмешь себя в руки... К тому же все и так знают, что это вовсе не луна светит красным светом. А потому глупо вообще говорить о кровавой луне и опасаться ее. Красный цвет получается, так как

солнечный свет преломляется, проходя через атмосферу Земли, и отражается от Луны. Сама-то Луна никак не может поменять цвет. — Грегерс стушевался, обнаружив, что всецело завладел вниманием Эстер, и, смущенно открыв новый разворот, углубился в изучение очередной статьи.

Эстер не могла не умилиться его непосредственности. Грегерсу гораздо легче было ворчать, чем вести нормальную беседу. «Конечно, когда возьмешь себя в руки» — каков нахал! Она про себя посмеялась над собственным раздражением, которое буквально пару минут назад заполняло собой весь мир, а теперь рассеялось, словно и не было его, стоило ему только высказать интересную мысль. Как легко с ней поладить!

Вообще-то она не очень поняла про луну, которая не сама светила красным светом, а лишь отражала солнечный свет. И все же часто случается так, что сияет и привлекает всеобщее внимание вовсе не тот, кто на самом деле выполняет всю работу! Она вспомнила кое-какие академические достижения, похвала за которые была распределена совсем не в соответствии с вкладом каждого участника.

Не всегда все обстоит так, как ты думаешь.

* * *

— Ты готов?

Йеппе выключил мотор и обернулся на Йоханнеса, сидевшего на заднем сиденье. Все сорок пять минут они ехали молча, не считая обмена короткими репликами на заправочной станции у Роскиле.

— Давай немного посидим, прежде чем войти, а? У тебя есть время? — Голос Йоханнеса был охрипшим и усталым. Да и выглядел он утомленным.

У Йеппе совершенно не было времени, к тому же он находился в состоянии стресса из-за того, что согласился довезти Йоханнеса от Королевской больницы до Мёркева, и все равно он не смог сказать «нет».

Йоханнес проснулся спустя два часа, врачи посчитали, что опасности для жизни нет, и тогда он сам настоял на скорейшей выписке. «Не собираюсь оставаться здесь даже на пять минут и

служить приманкой для полоумного убийцы!» Но домой он тоже не осмелился вернуться. Ехать домой ему было нельзя. И тогда он поразил Йеппе добровольным решением отправиться в реабилитационный центр. «Наверное, на данный момент курс лечения в стационаре — не самая плохая идея, хотя я, конечно, не до такой степени страдаю от злоупотребления алкоголем. Там убийца меня уж точно не найдет», — сказал он с особой улыбкой, характерной для ситуаций, когда человек боится признаться себе в серьезности собственных слов.

Естественно, Йеппе отвезет его. Он не забыл, как сильно поддерживал его Йоханнес, когда его собственная жизнь разваливалась на куски год назад. А потому допустить, чтобы Йоханнеса доставил к месту назначения какой-то другой сотрудник полиции или случайный таксист, было невыносимо.

— Хорошо, давай посидим.

Йеппе взглянул на белое главное здание центра «Тъеле Орелунд»^[48] с большой красной крышей. Оно выглядело на удивление уютно, по крайней мере, с внешней стороны.

— Ты читал газеты? Что там про меня пишут?

— Тебя сейчас действительно это волнует? Значит, ты идешь на поправку. — Йеппе ухмыльнулся. — Пишут о том, что ты являешься третьей жертвой сумасшедшего преступника, выбравшего своей целью представителей культурной жизни Копенгагена. О том, что полиция по-прежнему на мели и действует вслепую. Прекрасная история.

— И правда. — Йоханнес устало улыбнулся. — А о нас с Альфой что-нибудь пишут?

— Нет.

В салоне машины снова повисла тишина. Йоханнес хозяйским жестом открыл «бардачок» и обнаружил там пакетик лакрицы, который вскрыл, издав вздох облегчения.

— Хочешь шутку? — спросил чуть взбодрившийся Йоханнес, пережевывая лакрицу. — Что делает взрослый человек, соскучившись по своим родителям?

Йеппе пожал плечами.

— Отправляется в клинику лечить зависимость. Ха-ха-ха.

— Это совсем не смешно.

— Вот именно. Хочешь лакрицы? — Йоханнес протянул Йеппе пакетик, из которого тот взял одну пастилку и держал ее кончиками пальцев.

— Ты скучаешь по родителям?

Йоханнес задумался.

— Даже не знаю, можно ли назвать это «скучанием». Но мне нужен взрослый человек, который придет и уладит мою жизнь.

— Мы все периодически нуждаемся в этом. — Йеппе покосился на часы на приборной панели. Ему надо было возвращаться в Управление.

— Знаешь, что всегда говорил мой отец? — Голос Йоханнеса стал более глубоким и убедительным. — «Без приземления нет полета. Чем выше летаешь, тем жестче приземляешься». — Йоханнес со всей силы хлопнул в ладоши. — Шлеп!

— Но если пережил посадку, значит, можешь готовиться к новому полету. — Йеппе потрепал Йоханнеса по щеке. — Понятно, парень?

Йоханнес улыбнулся.

— Понятно.

В регистратуре строгая дама со стрижкой «паж» переписала все данные Йоханнеса и тут же приступила к экскурсии по заведению, монотонно излагая регламент пребывания в центре:

— Вы можете пользоваться компьютером и мобильным телефоном, но ТОЛЬКО у себя в комнате и ТОЛЬКО между шестнадцатью и двадцатью часами. Все остальное время устройства хранятся в специальном шкафу на вахте. Это сделано для того, чтобы сконцентрироваться на лечении.

Дама посмотрела на Йоханнеса с надеждой.

Тот кивнул.

Тогда она продолжила свои разъяснения и повела гостей дальше по светлым обезличенным коридорам, демонстрируя комнаты для общения.

— В течение первой недели вам запрещено покидать территорию Орелунда. В дальнейшем предоставляется разрешение на выход в связи с организованными спортивными сеансами и иными групповыми мероприятиями.

Йоханнес демонстративно закатил глаза, явно выражая неодобрение в связи с текущей ситуацией. Дама ничего не заметила.

— У нас в Тьеле постояльцы помогают персоналу поддерживать чистоту. Вы несете ответственность за чистоту и порядок в вашей комнате. Мы оставляем за собой право контроля за пациентами. — Она говорила, почти не шевеля губами.

— Ну да, вдруг я улизну в Мёрков прикупить спидбола^[49].

— Например. — Она удостоила его непреклонным взглядом и ответила без всякого намека на юмор. Затем продолжила экскурсию.

Йоханнес и Йеппе шли следом. В конце коридора она открыла очередную дверь и впустила их внутрь.

— Вот ваша комната. После двадцати трех часов должно быть тихо. Посещения — во воскресеньям между тринадцатью и семнадцатью часами. Есть вопросы?

— Я выживу? Буду ли когда-нибудь снова счастлив? Вы такие вопросы имеете в виду?

— Нет. Завтрак с шести часов утра.

— Супер.

— Через полчаса в каминной гостиной у вас встреча с вашим консультантом. Добро пожаловать!

Она закрыла за собой дверь, Йоханнес тяжело опустился на одноместную кровать.

— Сурово. Вот так сюрприз! Единственное отличие от тюрьмы состоит лишь в том, что пребывание тут я оплачиваю из собственного кармана.

— Хватит! — Йеппе даже сам вздрогнул от того, насколько жестко оборвал Йоханнеса, но сдержаться не смог. — Вот как раз с таким «жертвенным» образом мыслей тебе надо покончить. Да пойми ты уже! Тут нет ничьей вины, кроме твоей собственной. — Йоханнес смотрел на него глазами испуганного ребенка. Йеппе смягчил интонацию. — Зато у тебя появится возможность все исправить. Если ты как следует соберешься, то сам сумеешь найти выход, — продолжал Йеппе. — Обрато к людским сердцам. — Он сел на кровать рядом с Йоханнесом. — Возможно, и к сердцу Родриго.

Йоханнес сник.

— Он вообще и разу не связался со мной, даже после покушения. Я ему написал, но он не отвечает... Странно еще, что он так долго меня терпел. — Йоханнес фыркнул, выдавив из себя улыбку. — Он всегда говорит, что мне надо радоваться тому, что он любит меня так

сильно. А то давно бы возненавидел меня. Наверное, непросто меня выдержать.

Йеппе взял его за руку.

— Все наладится! Вернувшихся блудных сыновей все любят, правда? Я как можно быстрее соберу сумку с вещами и отправлю тебе сюда. А теперь мне надо возвращаться в Управление и расправиться наконец с этим делом. — Йеппе встал. — Ты в порядке?

Йоханнес мужественно улыбнулся.

— Да, в порядке. Спасибо! Ты прав, все наладится. Кажется, хуже, чем сейчас, просто некуда.

Глава 26

— А ты сам что считаешь? Можешь хоть что-то точно исключить?

КП отчаянно смотрела на Йеппе. Ее красные глаза блестели, от носа до верхней губы протянулись две розовые шелушащиеся полоски. Йеппе попытался абстрагироваться от опасности заразиться вирусом, витающим в воздухе.

— Учитывая обстоятельства, вероятность того, что преступления совершил Йоханнес, минимальна. — Йеппе старался не обращать внимания на сопливый нос КП.

Она высморкалась в очередной раз.

— Если только он не инсценировал покушение на себя самого, чтобы снять с себя подозрение.

— Конечно, такое возможно. Но я считаю маловероятным, что актер, который зарабатывает голосом себе на жизнь, добровольно выпьет какое-то чистящее средство. Насколько я его знаю, он предпочтет отсидеть в кутузке, чем нанесет себе увечье.

— А как он вообще?

— Отвратно. Но он справится. — Едва эта фраза слетела с губ Йеппе, он осознал, что так и есть, и это послужило ему утешением.

В кабинете было холодно, и Йеппе невольно стиснул зубы. И чего ж тут удивляться тому, что все болят, если они сидят и работают при четырнадцати градусах.

КП увидела, что он весь продрог.

— Я уже позвонила и пожаловалась. С отоплением опять какая-то ерунда, и дырка в радиаторе вовсе ни при чем. Он ледяной. Мне обещали прислать мастера, но до сих пор никто не пришел. — Она вытащила из ящика стола очередную пачку бумажных платков и высморкала нос, после чего попросила Йеппе продолжить.

— Если Йоханнес является жертвой, вопрос заключается в том, у кого имеется мотив с ним расправиться? — Йеппе натянул рукава на самые пальцы, которые и вовсе заоченели.

— А его сожитель? Испанец. Нельзя ведь сказать, что Йоханнес Ледмарк представляет собой идеального мужа.

Родриго. Все может быть.

— Возможно. Но тогда при чем тут другие жертвы? Мы по-прежнему исходим из того, что преступник был один. Зачем Родриго понадобилось убивать Кристель Тофт? — Йеппе покачал головой.

— А что с исчезнувшей целительницей? — Глаза КП заслезились, и она с выражением отчаяния на лице потянулась за новым платком. — Она ведь напрямую связана с радиопрограммой, да?

— Да. И мне кажется, очень сложно игнорировать связь между всеми тремя жертвами. Хотя должен признаться, я в течение долгого времени не воспринимал эту связь всерьез.

— Связь через «Мэдс и Монополию»?

— Именно! При прослушивании одного из выпусков, в котором принимали участие все трое, мы в первую очередь сосредоточили свое внимание на трех дилеммах, заключавших в себе достаточно серьезные мотивы для мести. А Лулу Суй как раз являлась действующим лицом одной из дилемм. Там мать ушла из семьи и в скором времени погибла.

— И все же, я вижу, что-то тебя смущает?..

— Что-то всегда смущает. — Йеппе ухмыльнулся. — Почему Лулу Суй не убила Йоханнеса, когда он целые сутки находился на ее лодке? Они были одни, и никто не знал о его местонахождении. Она имела возможность залить в него много литров чистящего средства, и никто бы ее не остановил. Зачем же ждать и приносить корзину с дарами к двери его квартиры?

— Ну, могут быть причины, о которых нам ничего не известно. — КП жалостно захлюпала носом.

Йеппе помедлил, а затем сказал:

— Я еще кое-что никак не могу объяснить. Лулу Суй переехала в Копенгаген два года назад, примерно в то же время, что и ее отец с сестрой. И сразу же попала в общество людей, которых, судя по всему, собиралась прикончить, но почему-то ничего не предпринимала. Почему она убила их именно сейчас?

КП снова высморкалась.

— А что с папашей?

— У него алиби на вечер среды. Железное.

— А другие дилеммы? На кого вы еще обратили внимание?

— Миккель Хустед. Его юная возлюбленная наперекор его желанию сделала аборт. После этого их отношения развалились,

Миккель Хустед совсем расклеился. Производит впечатление обозленного и неуравновешенного человека. Демонстрирует агрессивное поведение.

— Алиби имеется?

— На вечер среды нет. Он как раз находился неподалеку от музея, где проходила вечеринка. Насчет пятницы я выясню у Сары. Сайдании.

— Копенгаген — город маленький.

— Индустрия моды — среда тоже довольно ограниченная. Там все друг друга знают...

Дверь распахнулась, на пороге возникла запыхавшаяся Сара.

— Заложники в Фредериксберге! Звонили дежурные. Миккель Хустед, которого я вчера допрашивала, ворвался в жилище Оманнов на Смаллегэде и угрожает убить свою бывшую девушку и ее родителей...

Йеппе и КП одновременно вскочили со своих мест, так что их стулья загрохотали по полу. Они успели обменяться взглядами, прежде чем Йеппе бросился в коридор.

Наконец-то!

* * *

Смаллегэде была перекрыта у Дома Мёстинга, и недовольные автомобилисты цепочкой тянулись друг за другом бампер в бампер, прежде чем развернуться наконец на сто восемьдесят градусов через велодорожку, и, громко сигналив, лихо мчались обратно к Ратушной площади. Час-пик еще не наступил, однако в зимнее время истерия гораздо быстрее охватывала участников дорожного движения — темнело рано, и каждый ощущал, что его ничтожная жизнь расходуется на такое никчемное занятие, как поездки по городу.

Йеппе помахал полицейскому, который стоял у красно-белой заградительной ленты. Пуленепробиваемый жилет и скрещенные на груди руки лишь подкрепляли его авторитет. Им позволили проехать сквозь заграждение и припарковать машину у парикмахерской, в ста метрах от дома номер 41.

Две «Скорые» стояли, перекрыв собой проезжую часть, на которой толпились обычные полицейские в униформе с рациями, представители дорожной полиции, которые старались отогнать

подальше любопытных зевак, а также патрульные с собаками, готовые в любой момент приступить к преследованию или выслеживанию. Еще две машины, стоявшие чуть подальше, свидетельствовали о том, что не обошлось без бригады немедленного реагирования. Йеппе и Саре пришлось пробираться вдоль ограждения сквозь толпу зрителей; люди снимали происходящее на мобильные телефоны и сажали детей на плечи, словно на представлении бродячего цирка.

Йеппе просканировал взглядом путь вплоть до самого здания и увидел желтый жилет, мелькающий на первом этаже в мастерской под квартирой семьи Оманн. «КООРДИНАТОР СПАСАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ, КОПЕНГАГЕН» — гласила черная надпись на задней части жилета. Йеппе узнал густые усы на почти детском лице, так и не вспомнив имени этого человека, однако понял, что координатор узнал его, а потому он пропустил вежливые формальности и сразу попросил изложить суть событий.

— По словам соседей, все началось около получаса назад. — Усатый говорил быстро и по делу. — Владелец небольшого ресторана, находящегося рядом с мастерской по ремонту мебели, позвонил нам, услышав громкие крики. Семья собралась к обеду — судя по всему, как обычно в это время суток, — когда к ним ворвался захватчик.

— Он идет на контакт?

— Мы через дверь попытались убедить его выслать нам мать семейства, но он не отвечает. Мы слышим, как он жутко орет на них. Кажется, он пьян. — Координатор кивнул кому-то, кто находился за спиной Йеппе.

— Понятно. Мы можем считать это преимуществом для нас?

— Посмотрим. Специальный отряд уже размещается в подъезде дома напротив. Если один из их снайперов возьмет его на мушку, у нас сложится совершенно иная ситуация. — Он махнул в сторону предполагаемого размещения специального отряда.

— А это не слишком большое расстояние? Они действительно смогут попасть в него из такой дали?

Они почти одновременно задрали головы и посмотрели на окна квартиры над конторой, ремонтирующей мебель. В тот же самый миг кто-то из находящихся внутри людей нанес мощный удар по одному из стекол, так что оно угрожающе задрезжалось.

Миккель Хустед появился в оконном проеме, левой рукой он крепко держал перед собой в качестве живого щита свою бывшую возлюбленную. Порыв ветра растрепал ее светлые волосы, которые лезли в лицо им обоим. Парень покачнулся и дернул девушку в движении, похожем на танцевальное, чтобы удержать равновесие.

Лицо Лауры Оманн было бледное, но выражало хладнокровие, что делало девушку похожей на куклу с восковым лицом. На улице под ними воцарилась мертвая тишина, все сосредоточили взгляды на паре в оконном проеме. Из открытого окна слышались громкие женские всхлипывания.

Миккель Хустед обернулся на плач:

— Сейчас же прекрати это нытье! Я уже и так ничего не соображаю. — Он вновь повернулся лицом к улице, а затем так крепко стиснул Лауру Оманн в своих объятиях, что она, кажется, на мгновение утратила способность дышать.

Свободной рукой он вытер пот со лба.

— А вы немедленно убирайтесь по домам! Тут обычная семейная ссора. Мы сами разберемся.

Он посмотрел на молодую женщину, которую и не думал отпускать, в расчете на то, что она подтвердит его слова. Она никак не отреагировала. Так они и продолжали, покачиваясь, стоять на фоне окна. Молодая женщина и ее похититель со взглядом, преисполненным пьяной преданности. Затем Миккель Хустед наклонился к ней, чтобы запечатлеть поцелуй на ее устах, и невольно ослабил хватку. В ту же секунду Лаура Оманн вырвалась и убежала в глубину квартиры.

Координатор спасательной операции тут же дал сигнал выбить входную дверь.

* * *

Анетта Вернер в очередной раз посмотрела на часы и вытерла вспотевшие ладони о штанины. На часах было 13:47 — прошло ровно две минуты с предыдущего ее взгляда на часы. Впервые за девятнадцать лет работы в полиции Копенгагена она взяла больничный и осталась дома.

Вообще-то утром она проснулась довольно свеженькой, с почти нормальным пульсом. И если она решила остаться дома в разгар криминального расследования, то только потому, что после двух часов дня ей предстояло позвонить врачу и узнать результаты анализов. Она даже мысли не могла допустить, что будет находиться среди коллег в тот момент, когда узнает о предстоящем ей аортокоронарном шунтировании или о том, что она едва ли доживет до своего следующего, сорок четвертого, дня рождения.

Ей слишком повезло в жизни. Вот в чем проблема. Жизнь преподнесла ей все свои дары на блюдечке с голубой каемочкой — любовь, карьеру, железное здоровье, счастье. А теперь все кончено. Она исчерпала квоту. Даже крепкий ночной сон, который она всегда принимала как данность, оказался в прошлом.

Она проснулась в половине четвертого утра и не могла заснуть. Ночью зимняя тьма казалась непроглядной и вечной, и даже спокойное дыхание Свена, лежащего рядом, не могло прогнать ощущения тотального, всеобъемлющего одиночества.

Анетта заставила себя остаться в постели до шести часов утра. Затем не спеша приняла ванну и накрасилась, хотя на работу идти не собиралась. Тот же самый макияж, который она наносила каждое утро с подросткового возраста: радующие ее свежие цвета — синяя подводка для глаз и розовый блеск для губ. Не выглядит же, в самом деле, как калоша, только потому, что имеешь традиционно мужскую профессию.

Это помогло ей приобрести приличный вид, отражение в зеркале одобрило ее старания улыбкой. Все будет нормально, современные врачи творят чудеса.

Она облачилась в свой любимый костюм свободного покроя и отправилась на длинную прогулку с собаками, которые возбудились от неожиданного моциона с «мамочкой» вдоль берега, который обычно устраивали по воскресеньям. Свежий морской воздух шел на благо всем четверым. Ей даже удалось незаметно бросить в карман пачку сигарет и выкурить две сигареты на набережной, хотя она знала, что Свен и дома не стал бы возражать.

Когда она вернулась домой, он поцеловал ее, не комментируя запах табака, и удалился в свой домашний офис, чтобы она могла спокойно подкрепиться свежее испеченными булочками. Милый супруг.

Она намазала на булочку масло и спокойно сидела, целиком отдавшись счастливому мгновению, свободному от беспокойных мыслей о здоровье и о текущем расследовании. Обычно она завтракала уже в Управлении, иногда успевала перехватить на заправке по дороге в город пару «улиток» с изюмом. Так что теперь Анетта наслаждалась невероятной роскошью своего положения. Замаячившая на горизонте перспектива грядущих диет и перемен в образе жизни заставила Анетту еще больше оценить прелесть домашней кухни.

Она облизала с пальцев варенье и с большим удовольствием положила ноги на соседний стул.

Но чем ближе к двум часам, тем больше ее охватывал страх. Долговременное пребывание отца в больнице навсегда оставило на ней отпечаток. Когда ты вплотную сталкиваешься с тем, что могут сотворить с человеком скапливающаяся в легких жидкость, операция по замене сердечного клапана и хроническая одышка, проникаешься в равной степени страхом и уважением к медицине. Анетта, как сейчас, услышала затрудненное дыхание отца через кислородную маску и вспомнила, как жутко нервничала всякий раз, когда осторожно снимала с него маску, чтобы впрыснуть ему под язык нитроглицерин.

Она бросила взгляд на часы, взяла со стола телефон тяжелой, как утро первого рабочего дня после летнего отпуска, рукой и позвонила.

Занято.

Она глубоко вдохнула и выдохнула пять раз и позвонила опять. На этот раз трубку взяли.

— «Медики у Ратуши». Слушаю вас.

Небольшое повышение интонации в конце реплики. Призыв рассказать о причине звонка.

— Добрый день. Меня зовут Анетта Вернер. Я звоню, чтобы узнать результаты анализов.

— Ваш персональный номер, будьте добры... подождите, простите, как ваше имя, еще раз?

— Анетта Вернер.

— Секундочку. Доктор попросил меня перевести соединение на него, когда вы позвоните. Но сейчас у него пациент. Вы не могли бы немного подождать?

— О, конечно.

Прозвучал щелчок, и в ухо Анетте полилась давнишняя музыкальная композиция Хельмига, мелодия ожидания ответа. Она почувствовала, как сердце забилось быстрее. Что, черт возьми, тут может быть такого серьезного, что врач хочет объявить ей об этом лично?

Она подумала, не сбегать ли за Свенном в кабинет, но так и не решилась. Болезнь принадлежала ей одной, а не им вместе, так что ей одной надлежало выслушать приговор.

Анетта сидела, прижав телефонную трубку к уху, и чувствовала, как пот проступает у нее на шее ниже границы волос. Так могло запросто пройти несколько часов; она утратила ощущение времени и пространства. Хельмиг наконец замолчал, и Анетта услышала авторитетный голос доктора. «Может, врачи учатся такой интонации в медицинских вузах?» — успела подумать она.

— Анетта Вернер?

— Да, это я. — Она поняла, что чуть ли не выкрикнула врачу ответ. Собаки заскулили, почувствовав нервозность хозяйки.

— Хорошо, что вы позвонили. Вы сидите?

Повисло молчание. Горло Анетты сжалось. Ну вот сейчас. Внезапно она перестала себя контролировать, такого не случилось с момента родительских похорон. Анетта заплакала.

— Что-то серьезное?

— Что ж, вполне уместно охарактеризовать ваше состояние как серьезное.

Анетте показалось, что она падает на спину. Медленно и тяжело весь мир и ее собственное тело неизбежно устремились в пугающее падение на пол и далее к концу света.

— Алло, вы еще тут?

— Да. — Ее голос стал глухим, почти неслышным.

— Должен признаться, результат анализов оказался неожиданным. Исходя из симптомов и описанной вами наследственности, мы в первую очередь искали проблемы в области сердца. — Он вдруг рассмеялся.

Что тут, черт подери, такого смешного?

— Ну, к тому же, принимая во внимание ваш возраст, результат оказался не самым очевидным...

— ЧТО СО МНОЙ НЕ ТАК?

Смех на другом конце трубки внезапно смолк.

— Да с вами абсолютно все нормально. У вас на самом деле совершенно здоровый и крепкий организм. Вы всего-навсего беременны.

* * *

Четверо полицейских в униформе из отдела немедленного реагирования повалили Миккеля Хустеда на пол, прежде чем он успел подумать о преследовании Лауры Оманн. Его реакции были настолько заторможены зашкаливающим количеством промилле в крови, что привлечь снайперов даже не возникло необходимости. Полицейские обездвижили его, пока все семейство Оманн не проводили в машину скорой помощи и не вывезли в Клинику кризисной психологии при Королевской больнице. Судя по всему, физически они не пострадали, но Лаура Оманн, кажется, пребывала в состоянии шока. Мать, не переставая рыдать, оперлась на руку супруга. Йеппе вновь обратился к координатору спасательной операции:

— Нам необходимо допросить преступника. Немедленно! Куда вы его тащите?

— Вам придется нелегко. Он пьян в доску. Сначала позвоните в Институт судебной медицины, узнайте, когда будут готовы результаты, мы сами их заберем. Нам ведь тоже предстоит с ним поговорить.

— Захват заложников связан с одним из наших дел. Сейчас найду его в системе, чтобы не было никаких недомолвок.

— Ладно, найди. — Координатор подал Йеппе руку.

— Хорошо вам поработать!

Йеппе позвонил комиссару полиции и попросил ее организовать допрос Миккеля Хустеда как можно быстрее. Лучше прямо сразу. Он положил трубку и осторожно хлопнул Сару по плечу. Она устало кивнула и отошла.

По дороге к машине уровень адреналина в крови Йеппе вернулся к норме. На Саре были брюки из плотного материала, который шуршал при каждом шаге. Этот звук оказался успокоительным в своей ритмичной предсказуемости.

— Они наверняка быстро расправятся с пробами. Он не был вооружен, пострадавшие отсутствуют. Мы получим возможность пообщаться с ним совсем скоро. — Голос Сары звучал неуверенно.

Йеппе тепло улыбнулся ей, довольный, что сейчас в их общении не возникало никакой неловкости. Довольный, что все не так уж и плохо.

Они дошли до машины и залезли внутрь. В тот самый миг позвонила КП и подтвердила, что они могут рассчитывать на допрос в Управлении через полчаса. Йеппе показал Саре большой палец и, закончив разговор, завел машину.

— Можно готовиться к допросу.

— О'кей, прекрасно. — Сара вытянула ремень безопасности и посмотрела в окно со стороны пассажира.

Йеппе откашлялся.

— Вообще-то, я хотел сказать... мне жаль, что мы так... м-м-м... — Даже в его собственных ушах это звучало натянуто.

— Забудь! — устало сказала она, не поворачиваясь к нему, без всякой злости. — Все свое терпение я отдаю детям, и на запутавшихся в себе мужчин ничего не остается.

— Ладно.

— Давай будем просто хорошими коллегами, как прежде. Забудем о том, что произошло. Ведь это так просто. — Ее безразличная интонация ранила гораздо больше, чем слова.

Йеппе сидел за рулем со странным ощущением внутренней опустошенности. Но ничего не оставалось, как взять себя в руки и проявить профессионализм.

— Думаешь, мы поймали настоящего преступника?

Она так и продолжала сидеть отвернувшись, пока они не проехали добрую часть Гаммель Конгевай. Йеппе заметил часовую мастерскую на левой стороне улицы. Сара повернулась к нему и ответила, обеспокоенно сдвинув брови:

— Скажу так. Я надеюсь, что это он. Потому что если это не так, возможно, мое вчерашнее посещение заставило эту хрупкую душу переступить границы дозволенного.

Им пришлось прождать почти час, пока Миккеля Хустеда под конвоем перевезли из Травматологического центра Королевской больницы в Управление, где два сотрудника усадили его на жесткий стул в комнате для допросов под номером четыре, а сами устроились позади него, сцепив руки за спиной.

От него так воняло шнапсом и желудочной кислотой, что скоро запах наполнил всю комнату, и Йеппе слышал, как Сара сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем сесть. Туловище Миккеля Хустеда угрожающе нависало над столом, но примерно через минуту он поднял голову и изо всех сил постарался сфокусировать блуждающий взгляд на Саре. Подозреваемый кренился на стуле то в одну, то в другую сторону и косился из-под тяжелых век, больше характерных для восьмидесятилетнего старика. Йеппе не мог понять — человек напротив пытается выглядеть грозно или же просто мучается от подступающей к горлу тошноты.

В данный момент невозможно было установить, каким образом сложилась напряженная ситуация вокруг семейства Оманн и позже переросла в намерение захватить заложников. Похоже, Миккеля Хустеда можно было повалить, ткнув кончиком пальца.

— Миккель, и снова здравствуйте. Благодарю за вчерашний прием. — Сара невольно отклонилась назад, подальше от перегарного духа.

Йеппе проверил, что камера включена, и позволил коллеге продолжить допрос.

— Для протокола я сообщаю, что следователь полиции Йеппе Кернер и я, следователь полиции Сара Сайдани, получили разрешение допросить подозреваемого по рассматриваемому делу. Подозреваемый уведомлен о своем правовом положении.

Миккель Хустед громко рыгнул.

Сара продолжала как ни в чем не бывало:

— Нам известно, что ваша бывшая возлюбленная Лаура Оманн пять лет тому назад сделала аборт, что разрушило ваши отношения. Что вы желали рождения этого ребенка больше всего на свете. Она приняла решение попросить совета у экспертов программы «Мэдс и Монополия». На момент обсуждения ее проблемы экспертами передачи являлись Альфа Бартольди, Кристель Тофт и Йоханнес

Ледмарк, и все они подверглись покушению, для двоих из них это завершилось летальным исходом.

Сара произносила свою речь уверенно, ничуть не смущаясь немигающим взглядом Миккеля Хустеда. Но Йеппе слышал в ее голосе кипение адреналина. Они вплотную приблизились к завершению расследования. Еще немного, и все будет кончено, дело будет раскрыто.

— В среду вечером вы находились в Геологическом музее в качестве водителя, приглашенного через агентство «Beautiful People». Что там произошло?

Никакой реакции.

— Вы увидели Альфу Бартольди на улице перед входом в музей и узнали его? И решили отомстить, да?

Миккель Хустед громко зевнул.

— Наверное, несложно было проникнуть на вечеринку и выследить его. К тому же он мог забыть что-то в машине. — Наводящие вопросы. Йеппе пытался заставить подозреваемого заговорить. — Как вам пришло в голову воспользоваться средством для прочистки труб?

По-прежнему молчание в ответ.

— Вас все равно уже задержали за захват заложников, так что теперь можете спокойно поведать и об остальном. — Теперь Сара говорила увлеченно, нервозность уступила место раздражению. — Вы отказываетесь отвечать?

Миккель Хустед нескоординированными движениями потер глаза. Он едва не рухнул со стула и был вынужден положить локти обратно на стол, чтобы обрести точку опоры. Подозреваемый вновь устоял на Сару.

Тут вмешался Йеппе:

— Он слишком пьяный. Сейчас мы от него ничего не добьемся.

— Почему вы решили отомстить Лауре и ее родителям? — Сара распалилась. — А те трое служили просто для разогрева перед финальным действием, да? Неужели все люди на земле должны быть наказаны за то, что вы не получили ребенка, которого так хотели? За то, что вам не дали стать отцом?

Миккель Хустед перенес вес на руки и открыл рот, словно к чему-то приготовившись. Тяжко вздохнул.

Сара наклонилась к нему.

Плевков угодил ей аккуратно между глаз.

— Проклятие! — Йеппе вскочил со стула. — Ты в порядке? — Он вытащил из кармана упаковку влажных салфеток и протянул Саре.

Она сидела неподвижно и смотрела прямо в глаза Миккелю Хустеду, который, в свою очередь, тоже не спускал с нее взгляда. Ярость так и клокотала в них, прорываясь наружу дрожащими мучительными всполохами.

Не отрывая взгляда от оппонента, Сара взяла салфетку и вытерла лицо. Заправила за ухо выбившийся локон.

— Где вы были в пятницу между шестнадцатью и двадцатью часами?

В воцарившейся после вопроса Сары тишине дверь в комнату для допросов вдруг распахнулась и внутрь ворвалась женщина с короткими всклокоченными волосами, с длинным шарфом радужной расцветки и бесцеремонно взгромоздила свой рюкзак прямо на стол.

— Я бы хотела попросить вас предоставить мне время на консультирование с моим клиентом. Добрый день, меня зовут Беата.

Она протянула руку сначала Саре, затем Йеппе, после чего похлопала по плечу Миккеля Хустеда и склонилась к нему:

— Миккель, ты в порядке?

Он пожал плечами.

Она немного постояла рядом с парнем, Йеппе ощутил исходящую от пожилой женщины волну тепла по отношению к молодому человеку. Быть может, она друг его семьи.

Йеппе встал и знаком показал Саре следовать за ним. Она поднялась с сожалением.

Йеппе обратился к адвокату:

— Ваш клиент отказывается сотрудничать со следствием. Пожалуйста, помогите ему вспомнить, где он находился в пятницу двадцать девятого января между семнадцатью и двадцатью одним часом, а затем сообщите нам. Мы вернемся чуть позже, когда он протрезвеет. А у вас как раз будет достаточно времени на общение.

Йеппе пропустил Сару вперед. Перед выходом он обернулся, чтобы поймать взгляд Миккеля Хустеда, и адресовал ему изрядную порцию ненависти. Захватчик заложников, предполагаемый убийца, возможно, именно он пытался убить Йоханнеса. Но вот что

действительно переполнило чашу терпения Йеппе и вызвало в нем чуть ли не первобытную ярость, так это плевок в лицо Саре.

Так проявлялась корпоративная солидарность.

Сара быстрыми шагами направилась по коридору. Йеппе догнал ее и взял за локоть.

— Ты в порядке?

К своему ужасу, Йеппе заметил, что глаза у нее мокрые, и инстинктивно привлек ее к себе, чтобы успокоить. Однако она оттолкнула его и раздраженно смахнула слезы резким движением.

— Я в порядке! — Она поспешила к лестнице. Йеппе немного постоял, а затем последовал за ней.

Этажом ниже Йеппе, к своему удивлению, увидел Лауру Оманн. Она сидела в обществе родителей, прижавшись к отцу, который обнимал ее рукой, словно защищая от окружающего мира. Они не заметили Сару и Йеппе. Тихо и спокойно сидели в своем тесном анклавe и ожидали своего захватчика. Дороги любви поистине неисповедимы.

Глава 27

«Heaven has no rage like love to hatred turned, nor hell a fury like a woman Scorned»^[50].

Цитата пришла на ум Родриго, когда он выбирал последнюю фотографию. И автором этой цитаты был вовсе не Шекспир, как многие могли бы подумать, а Уильям Конгрив, пьеса «Невеста в трауре». Трагедия о любви и предательстве, как и все трагедии на свете. Однажды Йоханнес декламировал ему отрывок из этой драмы, или просто какие-то отдельные цитаты. Тогда они лежали в обнимку, обнаженные и влюбленные. В далеком прошлом, когда они с легким сердцем могли себе позволить посмеяться над несчастными жертвами любовного чувства.

Родриго вошел в интернет-банкинг и обнаружил, что деньги переведены на его счет. 572 845 крон. Не стоит оставлять на их общем сберегательном счете ни единой кроны. Дело не в том, чтобы получить моральную компенсацию — тут любая сумма оказалась бы недостаточной, — просто Родриго не имел возможности в ближайшее время позаботиться о зарабатывании денег. У него ожидалось множество других дел.

Йоханнес едва не умер минувшей ночью, но Родриго не испытывал ни малейшего сочувствия, как не испытывал и страха или желания разыскать своего партнера. Внутри у него поселилась пустота.

Судя по всему, все чувства настолько притупились, что способность испытывать малейшие душевные порывы тоже исчезла. Йоханнес играл в опасные игры и теперь расплачивается за эту игру. Икар потонул в море вместе со своими пропитанными потом крыльями.

Погибнуть от бутылки лимончелло — разве это не иронично? Как может убить то, что ты любишь?

Родриго вернулся к монитору, ему предстояло завершить свой план. Он думал, сложно будет причинить вред человеку, которого он так долго любил. Единственному человеку, которого он любил. Однако это оказалось совсем не сложно. Жажда мести поселилась в каждой

клеточке его тела, в каждой мысли, и все остальное стало ему безразлично.

На мониторе мелькали фотографии раздетых Альфы и Йоханнеса, возбужденных наркотиками и развратом. Снимки, сделанные в порыве озорства и самолюбования. Позже Альфа будет шантажировать ими Йоханнеса. Родриго выбрал пятнадцать изображений — замечательная компактная пачка с компроматом находилась теперь в его руках.

Он прикрепил фотографии в качестве вложений к электронному письму, написал адрес редакции «Смотри и слушай»^[51] в строке «Кому» и нажал на «Отправить».

* * *

Тьма окутала Главное управление полиции Копенгагена. Миккель Хустед по-прежнему спал в своей камере. Тем временем его адвокат работала над поиском пробелов в обвинении, а полиция — над тем, чтобы эти пробелы заполнить. Они заполучили нужного человека. Теперь надо было не дать ему ускользнуть.

Йеппе поручил Томасу Ларсену проверить окружение Миккеля Хустеда, связаться с членами его семьи, друзьями, работодателем, чтобы создать собирательный образ молодого человека. Сара вновь занялась обзвоном гостей вечеринки «Le Stan» с целью узнать, не видел ли кто-нибудь из них Миккеля Хустеда в музее или в непосредственной близости от здания. Странное ощущение поселилось у Йеппе внутри: он словно сидел в вагонетке на американских горках на том отрезке аттракциона, когда кажется, что поездка завершилась, но в следующий момент вагонетка неожиданно дергается, снова устремляется вперед и отвесно мчится вниз.

Он проверил телефон. Ханна прислала сообщение. Прежде чем открыть его, Йеппе понял, что это отнюдь не признание в любви. «Милый Йеппе!» Восклицательный знак сразу уничтожил всю «милоту» обращения. «Что-то ничего не получается. Наверное, из-за разницы в возрасте? Я скучаю по тебе. Но дальше так продолжаться не может. Х.»

Обидно. Искренне. Не то чтобы ультиматум, но... Йеппе убрал телефон. Дело тут было не просто в муках совести. Истина

заклучалась в том, что он совсем не скучал по Ханне. Возможно, чувства перечеркнула его измена. Возможно, и впрямь виной всему разница в возрасте. Как бы то ни было, ему предстояло собраться с силами и порвать отношения. Йеппе отправился в кабинет Сары с ощущением нарастающего беспокойства.

У нее на столе по-прежнему возвышались горы бумаг. Если уж ты такой человек, что привык накапливать вокруг себя груды хлама, ты их так никогда и не разгребешь. Бывшая жена Йеппе принадлежала как раз к такому типу людей, так что он знал об этом не понаслышке.

Он пододвинул стул к той стороне рабочего стола, с которой сидела Сара, и пристроился рядом, так что их локти почти соприкасались.

Склонившись к монитору, она изучала список гостей. Непослушная кудряшка выбилась из пучка и упала на глаза, Сара несколько раз попыталась сдуть ее с лица, но в результате заправила в пучок рукой. У нее были невероятно миниатюрные ушки и узкие морщинки у уголков глаз.

— Ты успела что-нибудь поесть? — Он улыбнулся ей.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза, всего на мгновение.

— Да, сэндвич, все нормально.

— Есть что-нибудь любопытное?

— Хм, сложно сказать. Я побеседовала с одним из мужчин-моделей, который присутствовал на вечеринке. Ему кажется, что он видел на холме у башни какую-то фигуру, когда выходил покурить. Он не помнит, во сколько именно это было. Но наверху была крошечная тьма, какой-то человек по снегу направлялся к обсерватории.

— Это мог быть кто угодно. Может, кому-то в туалет приспичило. — Йеппе почувствовал, что вагонетка снова разгоняется, медленно, но верно.

— Ну да.

— Или кто-то решил ширнуться в спокойном месте.

— Ну да.

Йеппе отодвинулся на стуле назад:

— Но это мог быть и Миккель Хустед, который искал бутылку с чистящим средством. Или он искал место, куда можно было бы выкинуть уже пустую бутылку.

— Ну да. — Сара тоже отодвинулась назад.

— Жилище Торбена Хансена не запирается на замок. Туда можно спокойно зайти и взять то, что нужно. А мы знаем, что хозяина дома не было...

— Быть может, мы только зря тратим время? — Сара пожалала плечами.

— Но сидеть тут и ждать, когда он наконец проспится, это тоже пустая трата времени.

Они поднялись со своих мест, захватили по табельному пистолету и, прыгая на лестнице через ступеньку, побежали вниз к машине.

Короткая поездка по городу от Главного управления до обсерватории Эстервольд в Ботаническом саду прошла под знаком контролируемой обеспокоенности, характерной для ситуаций, когда цель не вполне ясна, но при этом существует явная угроза жизни.

Стоя на светофоре на Нёрре Вольдгэде, Йеппе посмотрел на темные деревья в парке Эрстеда. За кустами перемещалась какая-то тень. Неужели проститутки работали тут и зимой, когда нет листвы, зато снега по колена? Вообще-то, сугробы были уже не очень глубокими. Снег просел и превратился в бурые слякотные пятна, на тротуарах уже проглядывала плитка, возвещающая отступление холодов и более мягкую погоду.

Йеппе заехал на велосипедную дорожку у замка Росенборг и дернул ручник. Они с Сарой вышли и, перейдя на другую сторону улицы, направились к Ботаническому саду. Очередь интересующихся астрономией датчан протянулась от здания обсерватории, возвышающегося на холме, по дорожке, бегущей по склону, аж до самой улицы Нёрре Вольдгэде.

Близилось лунное затмение, он и забыл совсем. До этого редкого астрономического явления оставалось еще несколько часов, к тому же в настоящий момент небо и вовсе было затянуто облаками, так что выстроившиеся в очередь люди, судя по всему, являлись настоящими фанатами проекта. Явно астрономы-любители. Народ запасся складными стульчиками и пледами, термосами и теплыми шапками с очевидным намерением сопроводить процесс ожидания пикником. Стеариновые свечи и мобильные телефоны светились, как фонарики в пляжном итальянском ресторане; это сходство усиливалось, стоило только прищуриться.

Сара и Йеппе поднялись на холм вдоль длинной очереди. Люди обменивались последней информацией относительно прогноза погоды и улыбались им, явно пребывая в прекрасном настроении, несмотря на холод. Маленькие разноцветные листочки с напечатанными на них номерами объясняли дружелюбность толпы. Если бы публика переживала, что Сара с Йеппе собираются пролезть вперед без очереди, от ее доброжелательности не осталось бы и следа. Можно долго испытывать терпение датчанина, но влезая куда-нибудь без очереди, ты немедленно обретаешь кровного врага на всю жизнь.

На лестнице перед входом в обсерваторию стоял Торбен Хансен в меховой шапке-ушанке и пуховике, надетом поверх рабочего комбинезона. Он собирался оградить вход веревкой и, казалось, был не очень рад их видеть.

— И снова здравствуйте, Торбен. Какой успех! Думаете, облачность рассеется?

Йеппе пустил в ход обезоруживающую доброжелательность. Тщетно.

Торбен Хансен с серьезным видом пожал плечами и продолжил натягивать веревку.

— Мы бы хотели взглянуть на башню и, возможно, еще раз осмотреть ваше жилище. Хорошо?

— Что вы ищете? — Он говорил тихо из-за присутствия толпы ожидающих посетителей, которые стояли у самой лестницы и проявляли любопытство.

— Мы не можем вам сказать. Но мы вас не побеспокоим.

— Я пойду с вами. — Торбен Хансен осмотрелся, затем прикрепил свободный конец веревки к столбику ограждения и направился к небольшому фахверковому домику, стоявшему рядом с обсерваторией.

Йеппе и Сара пошли следом.

Торбен Хансен зажег стоваттную лампочку в прихожей и отступил, чтобы впустить гостей. Склонив голову набок, он дал понять, что они могут делать то, зачем пожаловали, но помогать им он не намерен.

— Мы только осмотрим дом, ладно?

— Что вы ищете? — Голос его звучал все так же отстраненно и неприветливо.

Он снял шапку и принялся перебирать ее в руках, как четки, с порога наблюдая, как гости исследуют пространство его обиталища. От яркого света под глазами у него легли мрачные тени.

— Здесь где-нибудь есть шкаф с причиндалами для уборки?

Торбен Хансен кивнул на мойку. Он и накануне не произвел на Йеппе впечатления сговорчивого типа, но теперь у него во взгляде появилась открытая враждебность, отсутствующая раньше. Возможно, они и впрямь пришли не вовремя, учитывая ожидаемый ажиотаж вокруг мероприятия в связи с лунным затмением.

Сара открыла дверцу под раковиной и заглянула в глубину за мешок с мусором, где стоял ряд пластиковых бутылок. Она достала бутылки и выставила их на стол одну за другой. Моющее средство. Хлор. Концентрированный аммиак.

— А средство для прочистки стоков у вас есть? — поинтересовалась Сара.

— Для прочистки стоков? — Выражение лица Торбена Хансена оставалось суровым. — Не пойму, о чем вы.

— Вы не пользуетесь средством для прочистки труб во время уборки в обсерватории?

— Нет. Конечно, нет. — Его глаза забегали. — Все, кто хоть немного знаком с устройством сантехники, знают, что ни в коем случае нельзя заливать такие средства в стоки. От них образуется жесткая пробка, и сток совсем забивается. Кипяток гораздо эффективнее. — Торбен Хансен снова нахлобучил шапку. Аудиенция близилась к завершению.

— Вы так и не получили вестей от дочери? — Йеппе не понял, почему он задал этот вопрос. Видимо, поддавшись первому порыву. — Мы хотели бы побеседовать с ней в связи с нашим расследованием. — Он старался поддерживать нейтральную простодушную интонацию.

Торбен Хансен напрягся. Замер, точь-в-точь как олень за мгновение до того, как его коснется бампер несущегося по шоссе автомобиля. Можно было даже подумать, что он принял такую позу ради смеха, настолько нелепо он выглядел.

— Вы знаете, где она скрывается? Если впоследствии выяснится, что вы намеренно противодействуете нашей работе, помогая ей спрятаться, или помогаете ей как-то иначе...

Йеппе не договорил, так как у него зазвонил телефон. Он взглянул на дисплей, кивнул Саре и прошел мимо Торбена Хансена на улицу.

— Кернер слушает.

— Да, я обещала связаться с вами как можно быстрее. Я выяснила.

Йеппе тщетно пытался опознать женский голос, звучащий в трубке.

— Простите, с кем я говорю?

— Беата Росенберг, адвокат Миккеля Хустеда. Вы просили меня выяснить, где он был в пятницу во второй половине дня.

Йеппе отошел от служебного домика Торбена Хансена, приблизившись к мрачным зарослям Ботанического сада, чтобы посторонние не слышали разговора.

— Говорите же!

— В пятницу двадцать девятого января Миккель был на рабочем тренинге в агентстве по трудоустройству на Бальдерсгэде. С семнадцати до двадцати часов. Затем там же был предложен вечерний кофе для участников, на который он тоже остался. Это подтверждается его непосредственным руководителем. На курсе числятся пятнадцать человек, я могу переслать вам их список, чтобы вы имели возможность сверить показания.

Итак, у Миккеля Хустеда имеется алиби на момент убийства Кристель Тофт.

Йеппе устремил взгляд в темноту, пытаясь переосмыслить полученную информацию и выводы, вытекающие из новых сведений. Адвокат тем временем продолжала говорить дальше — что-то насчет допроса и прав сторон.

Он услышал крик и в тот же миг почувствовал, что телефон выпал у него из руки, покатился по склону и в конце концов провалился в глубокий сугроб.

Глава 28

Крик раздался со стороны очереди, и так как Йеппе отвлекся на звук, он увидел Сару и Торбена Хансена лишь в следующий момент. Торбен обмотал горло Сары толстой оранжевой веревкой и толкал девушку перед собой, натянув веревку так сильно, что ноги жертвы, едва касаясь земли, семенили по слякоти.

Шапка упала с его головы, седые волосы сияли нимбом, контрастируя с яростным выражением лица. Рот искривился в причудливой гримасе, выражавшей напряжение и решимость. У левого виска Сары сверкнул ее табельный пистолет, готовый выпустить пулю в любой момент и пробить ей череп, если вдруг она вздумает вырваться.

Паника охватила очередь. Внезапно люди кинулись небольшими группками вниз с холма и далее к выходу. Как только стало ясно, что есть угроза чего-то более непоправимого, чем потеря места в очереди, сборище перед обсерваторией рассосалось за считанные секунды.

Торбен Хансен остановился, не отпуская Сару, метрах в десяти от Йеппе. Свет от лампы над лестницей освещал их сзади, так что их лиц было не видно. И все же Йеппе знал, что оба смотрят прямо ему в глаза. Он медленно передвинул руку к бедру, остановив ее в одном сантиметре от кобуры пистолета.

Десять шагов, а может, и меньше. Все трое оценивали в уме это расстояние.

Дуло пистолета находилось в нескольких сантиметрах от глаза Сары. Йеппе перенес вес на левую ногу, приготовившись выхватить оружие и выстрелить. Влажные ладони, сердце того и гляди выпрыгнет из груди, но рассудок совершенно ясный. В одну секунду ствол пистолета повернулся дулом к звездному небу, а затем вновь принял горизонтальное положение. Всего одно движение пальца, и мозги Сары будут разбрызганы по снегу. Это был жест, в значении которого сложно было усомниться.

Йеппе продемонстрировал пустые ладони и остался стоять на месте.

Торбен Хансен продолжал отступать к краю холма, выставив вперед Сару. Ровно в тот момент, когда они скрылись из виду, Йеппе выхватил пистолет и помчался вниз с противоположной стороны холма им наперерез. Нельзя было рисковать, следуя за ними по пятам.

Он соскальзывал по сырой почве между кустами и стволами деревьев, падал и вновь поднимался как можно тише. В парке было безлюдно и безмолвно, лишь отчетливо слышались тяжелые шаги Торбена Хансена где-то поблизости. И это означало, что Торбен тоже слышит Йеппе.

Оказавшись под холмом, Йеппе побежал к музею так быстро, как только мог, в кромешной темноте. Какая-то ветка прицепилась к его щеке прямо под глазом, и Йеппе на миг остановился, чтобы освободиться от нее. Он пытался не обращать внимания на пульс, стучавший у него в ушах, и прислушивался к тому, что происходит около построек, находившихся перед ним.

Никого не было.

Йеппе выпрямился и просмотрел насквозь тропинку, что тянулась вдоль института и освещалась мощной наружной лампой на фасаде. Тропинка была свободна. Он осторожно направился к свету. С правой стороны от тропинки узкий забетонированный ход вел в недра холма. Там находился бункер. Массивная железная дверь в самом конце хода была приоткрыта. Есть ли другие варианты?

Дверь вела в помещение, напоминавшее многоуровневую котельную с бойлерами, трубами и железной лестницей. Люминесцентные лампы на потолке освещали коридоры холодным белым светом.

Йеппе медленно продвигался вперед, крепко сжимая в руке пистолет. Здесь было много удачных мест для засады. Правда, для того, чтобы спрятаться, надо было обезвредить заложницу. Только бы он ничего не сделал с Сарой!

В глубине помещения находилась металлическая лестница, спускавшаяся на подземный уровень. Йеппе принялся аккуратно спускаться, тщательно прислушиваясь. В данный момент, посреди хорошо освещенной комнаты он являлся удобной приманкой. Подземный этаж представлял собой целый лабиринт с еще большим количеством бойлеров и мощных труб, прикрепленных к низкому потолку. Длинные коридоры ответвлялись от центрального отсека и

исчезали в темноте. Йеппе обошел бочкообразный резервуар и осмотрелся.

Ничего.

Когда он решился продолжить обследование места, свет неожиданно выключился. Тотальная темнота обрушилась настолько резко, что у Йеппе перед глазами заплясали световые пятна. Через несколько секунд он привык к мраку, и пятна исчезли. Он ничего не видел. Совсем ничего.

Новые служебные пистолеты были оснащены карманными фонариками, однако Йеппе не успел поменять оружие.

Он шарил по карманам в поисках мобильного телефона, но вспомнил, что его телефон лежит в сугробе на холме перед обсерваторией. Он не имел никакой возможности сориентироваться, оставалось только продвигаться на ощупь и надеяться на лучшее. Где-то высоко над его головой захлопнулась железная дверь. Гул пронесся по всей котельной.

Затем наступила тишина.

Йеппе пытался ориентироваться на звуки, исходившие от котлов и генераторов, однако в темноте все воспринималось иначе. Он опустился на колени и попробовал передвигаться ползком, стараясь не поддаваться приступам клаустрофобии. Выходило как-то хаотично. Пальцы его наткнулись на горячий металл, он отдернул руку. Пол почему-то был мокрым и пах спиртом.

Свет.

Источник света находился впереди, в коридоре, ответвлявшемся от центрального отсека всего в паре метров от Йеппе. Он почувствовал тепло и тогда понял, откуда взялся свет.

В котельной начался пожар.

* * *

Следователь полиции Томас Ларсен на мгновение застыл. Он стоял на возвышении и являлся свидетелем крушения мира. Повсюду были люди — они куда-то бежали, падали в грязь, поднимались на ноги и бежали дальше. С топорами, шлангами, чемоданчиками с инструментами и лекарствами. Шум стоял невыносимый. Сирены

пожарных и «Скорых», крики коллег и заглушающий все остальные звуки грохот и треск от пожара, пожирающего обсерваторию. Настоящее светопреставление.

Во время учебы в полицейской академии не раз симулировали подобные ситуации, чтобы учащиеся смогли справиться с ними в реальной жизни. И все же момент был и впрямь впечатляющий.

— Вы нашли их? — Крик донесся снизу, от руководителя операции, и вывел Ларсена из состояния оцепенения.

— Нет. Посмотрю в башне! — Ларсен кинулся к башне обсерватории. Огонь еще не дошел туда. Пока. Снег почти растворился в почве, которая с готовностью поглотила его и превратилась в грязь. Ларсен успел растянуться два раза на довольно коротком отрезке.

Дверь была открыта. Он миновал пустые учебные аудитории первого этажа, эхом отразившие звук его шагов. Его решимость поубавилась, он прищурился и старался сфокусировать взгляд на том, что находилось перед световым конусом от фонарика на пистолете. Слабый розоватый свет лился через окна внутрь. Наверное, от луны. А может, от огня.

Он мог бы запросто оказаться последним человеком на свете.

— Кернер? Сайдани?

Ларсен заглядывал во все помещения, мимо которых проходил. Столы, сиденья, доски. Ничего другого. Добравшись до винтовой лестницы в самой башне, он остановился. На белой стене чуть повыше самой первой металлической ступеньки виднелась полоса и половина отпечатка руки. Отпечаток был темным, смазанным, но несомненно кровавым.

Ларсен снял пистолет с предохранителя и принялся подниматься. Прислушался.

Из рации донесся какой-то стрекот, и Ларсен поспешил уменьшить звук, чтобы продвигаться вверх в полной тишине. Нельзя было терять время.

Резиновые подошвы его замызганных ботинок «Diemme» ступали бесшумно. Ларсен выключил фонарик и ступенька за ступенькой, пролет за пролетом преодолевал подъем, пока не оказался перед десятью последними ступеньками, ведущими к самому куполу. На полу у нижней ступеньки узкой лесенки темнели какие-то пятна. Ларсен не осмелился включить фонарь, но и так догадался, что это

было. Он немного постоял, прислушиваясь, но не уловил никаких иных звуков, кроме треска от пожара да воя сирен. В куполе было тихо.

Десять, девять, восемь, семь... Ларсен вел обратный отсчет, преодолевая ступеньку за ступенькой.

Досчитав до одного, он услышал, как деревянная половица треснула под его весом. Он обвел взглядом помещение под куполом. Люк в крыше был открыт, через него лился внутрь золотисто-красный свет, так что Ларсен мог различить контуры предметов. Силуэты стремянок, стульев и конторки проступали из темноты, в центре комнаты стояла подзорная труба на подставке, направленная своим цилиндрическим корпусом на пылающее небо. Чуть ниже располагался массивный цоколь, на пару метров выше — перекладина, к которой был прикреплен настоящий телескоп с зубчатым колесом.

Вот там-то она и висела.

Сайдани.

Как темный ангел. Безжизненное тело качалось между небом и землей.

Позже Ларсен с трудом мог вспомнить хронологию событий, произошедших в последующие минуты. Он каким-то образом срезал веревку, на которой висела Сайдани, и позвал подмогу. Пространство под куполом наводнилось людьми и наполнилось светом, Ларсен оказался отпихнут в сторону и стоял у стены, всеми покинутый, пытаясь восстановить дыхание. Потом кто-то спросил, все ли с ним в порядке, и дал попить.

Ларсен кивнул с отсутствующим видом, отпил глоток и сел на корточки, уткнувшись головой в колени. Он медленно возвращался к реальности.

— Появился пульс! — крикнул фельдшер.

Ларсен протиснулся между широкими спинами и посмотрел на коллегу, лежавшую на полу. Удерживая кислородную маску у лица, ее собирались переложить на носилки. Никаких видимых повреждений на теле Сайдани не было, если не считать темно-синей шишки над левым виском, но все было перепачкано кровью.

— Как она? — Ларсен едва мог говорить — в горле пересохло. И даже вода не помогала.

— По крайней мере она жива. Серьезные травмы отсутствуют. Кровь не ее. К счастью, он подвесил ее не за горло, иначе она бы давно скончалась. — Фельдшер продемонстрировал оранжевую веревку. — Он ударил ее по голове, связал руки и подвесил на веревке, которой обмотал ее в области груди.

С пола послышалось слабое покашливание. Сайдани открыла глаза. Моргнула и снова закашлялась.

Фельдшер склонился над ней и убрал кислородную маску. Поднес к ее губам бутылку с водой и, осторожно приподняв ей голову, дал попить.

Она застонала и сделала глоток, опустила голову обратно на пол и осмотрела лица людей, собравшихся вокруг.

— Кернер? — произнесла она хриплым шепотом.

Ларсен опустился на корточки и взял ее за руку.

— Мы его еще не нашли. Где ты видела его последний раз?

— В котельной.

Медики подхватили носилки и начали спускаться по крутой лестнице.

Котельная! Если Кернер остался там... Ларсен попытался вычислить возможные варианты развития событий, но потерпел поражение. Он просто-напросто не мог думать об этом в одиночку. Тут уж было неважно, на больничном сотрудник или нет. Томас Ларсен взял телефон и позвонил Анетте Вернер.

* * *

Пепел проникал повсюду и затруднял дыхание. Жар казался нестерпимым. Из одного из коридоров с грохотом вырвалось облако дыма и сразу же показались языки пламени. Йеппе неловко поднялся на ноги и побежал в сторону, противоположную пожару. Если по полу действительно был разлит спирт, вся котельная вспыхнет за считанные минуты. Он убегал от источника света, вытянув перед собой руки. Наткнувшись на низкие трубы, прикрепленные к потолку, он потерял равновесие, упал на бетонный пол и не смог встать. Падая, он выронил пистолет, а в коленном суставе что-то треснуло. Огонь полыхал за его

спиной и быстро приближался. Не так уж много времени оставалось до того, как языки пламени поглотят его.

Где-то рядом должна находиться лестница, он проходил мимо нее до начала пожара.

Дым клубился вокруг и затруднял дыхание. Глаза слезились.

Йеппе кругами блуждал вдоль стен, напарывался на розетки и трубы, стукнулся бедром об какой-то острый угол, но продолжал движение вслепую.

Неожиданно его левая рука наткнулась на горизонтальный поручень. Вот и лестница.

Металл раскалился, но Йеппе, пересиливая себя, схватился за перила обеими руками. Колено не слушалось. Видимо, травма оказалась гораздо серьезнее, чем он предполагал.

Он нащупал ногой ступеньку и, игнорируя боль в руках, начал подтягиваться вверх, по одной ступеньке за раз. Он понятия не имел, куда ведет эта лестница. Через четыре ступеньки его голова уперлась в люк на потолке. Он уперся локтем в перекладину и толкнул люк изо всех сил. Но крышка люка не поддалась.

Нет, он не может умереть прямо сейчас! Это было бы чересчур нелепо. К тому же он не мог бросить Сару в беде. Йеппе вновь собрал все свои силы, заревел, как роженица, и почувствовал, как крышка у него над головой медленно поднялась. Вот и укрытие от пламени. Он на руках подтянул туловище вверх.

В ту секунду, когда он захлопнул крышку за собой, огонь взвился и приступил к пожиранию лестницы. Йеппе покачнулся, от дыма к горлу подступила тошнота. Он попытался собраться с мыслями. Крышка была деревянная, скоро пожар поглотит и ее. Йеппе вытянул руки в стороны и уперся обеими ладонями в металлические стенки. Он очутился в широкой вертикальной трубе.

Ощупывая внутреннюю поверхность трубы, он тихо молился. Да! Внутри трубы тоже была лестница.

Он начал карабкаться по ней.

Подъем продолжался бесконечно. Труба вела все выше и выше.

Постепенно в нее тоже начал просачиваться дым, скоро концентрация угарного газа настолько вырастет, что Йеппе потеряет сознание. Ощувив во рту металлический привкус, он поднялся на

очередную ступеньку. Затем ему пришлось остановиться и переждать приступ тошноты.

Труба неожиданно меняла направление на горизонтальное. Это было невероятное облегчение. Йеппе уползал от огня так быстро, как только позволяло больное колено. Но вскоре труба вновь поменяла направление и опять стала вертикальной.

Голова кружилась от усталости, Йеппе сел передохнуть. Всего на мгновение, пока в мозгу чуть-чуть не прояснится.

Его внутреннему взору предстала ясная картина. Она всплыла из подсознания, навеянная окутывающим его дымом, и продемонстрировала то, чего он прежде никак не мог осознать. Вовсе не то, что само бросалось в глаза, кое-что менее очевидное.

Йеппе вдохнул, сажа проникла в глубину легких.

Преступник предстал его воображению во всей красе.

Ну конечно, само собой разумеется!

Йеппе закашлялся. Нащупал лестницу и полез дальше с новыми силами. Черт возьми, он не собирается подохнуть в этой трубе! Десять ступенек наверх, затем снова горизонтальный отрезок. Кровь хлестала из раны на колене, от чего он несколько раз падал на живот.

Труба снова изогнулась, на этот раз вертикально вниз.

Он начал считать. Двадцать ступенек, и лестница закончилась.

Йеппе ощупал внутренние стенки трубы и обнаружил выпуклости в металле — это был край. Волна жара внезапно нахлынула сверху, в легких засадило; труба постепенно наполнялась дымом. Йеппе ощупал весь край по периметру и нашел небольшую ручку. Черт подери. Господь всемогущий. Наконец-то. Судя по всему, это был люк, предназначенный для выхода вентиляционной трубы. Достаточно большой по размеру, чтобы можно было через него вылезти.

Проблема заключалась только в том, что люк был закрыт снаружи на замок.

Йеппе оказался в ловушке.

* * *

Анетта Вернер не относилась к числу женщин, которые колеблются, принимая в жизни решения, важные и не очень. Ее

философия заключалась в том, что каждый заранее знает, где белое, а где черное, так что главное было — взять правильный курс и придерживаться его без лишних разговоров. А потому решение отправиться к обсерватории далось ей очень легко.

Ведь все-таки она не больна. К тому же она была совсем не прочь оттянуть разговор со Свенем, так как не имела ни малейшего представления об исходе этого разговора. Беременна? Это вполне могло оказаться всего лишь недоразумением. Ошибочным «диагнозом». Бывает же. В свое время она установила гормональную спираль, врач говорил о 99 % надежности такого метода предохранения.

Измученный взгляд Свена, когда она вошла к нему в гостиную и похлопала его по плечу, уже в куртке и с ключами в руках, преследовал ее всю дорогу до города. Он никогда не мешал ей делать то, что она хотела, не старался навязать ей совершенно ненужную опеку. Никогда не сомневался в правильности принимаемых ею решений. Такое доверие являлось одним из краеугольных камней их брака.

И все-таки он достаточно хорошо знал ее для того, чтобы понять, что происходит нечто странное — сначала она остается на больничном, а потом пулей вылетает из дома на ночь глядя, наспех поцеловав его на прощание. Она все расскажет ему, как только вернется. Разбудит его и признается, что они станут родителями — на этот раз родителями человеческого детеныша, а вовсе не собаки.

Если, конечно, будет не слишком поздно. А то, может, лучше подождать до завтра. Горло у нее сжалось от этой мысли.

Она увидела зарево пожара, прежде чем услышала вой сирен. Небо над Ботаническим садом окрасилось в золото, и тому могла быть лишь одна причина.

Эстер Вольдгэде была заблокирована пожарными и «Скорыми». Свет синих мигалок смешивался с золотистым свечением пламени, и множество полицейских были похожи на подростков в разгар дискотеки с дешевыми световыми эффектами.

Анетта оставила машину посреди улицы и бросилась к обсерватории, все отчетливее ощущая приближение панического состояния. Неужели она опоздала?

Ларсен встретил ее на вершине холма. Он выглядел вконец вымотанным — весь перепачканный грязью, с темными пятнами на

торчавшем из-под униформы воротнике рубашки. Похоже было на кровь.

— Здравствуй, Вернер. Все нормально? — Он потер лицо.

— Замечательно. Что здесь происходит?

— Горит котельная под холмом. Похоже на поджог. Пожарные пытаются остановить огонь, пока он не перекинулся на башню обсерватории.

— Сайдани в порядке? — Анетта говорила спокойным тоном, однако сам воздух между собеседниками был пропитан пугающей неизвестностью.

— Он оглушил ее и связал веревкой. Она пострадала, но, кажется, не очень серьезно. Ее увезли в больницу.

— Торбен Хансен?

Ларсен кивнул.

— Мы его еще не нашли. Он скрылся с ее табельным оружием.

— Черт!

Анетта бросила взгляд к подножию холма, где бригада пожарных разматывала очередной шланг.

— А Кернер?

— Пока нигде нету. К телефону не подходит. Сайдани считает, что он может находиться в котельной.

Они молча переглянулись. Затем Анетта охватила взглядом пламя, пожирающее котельную. Огненные языки уже лизали дверь в глубине холма. Мог ли он оказаться заблокирован внутри, когда начался пожар?

— Сейчас внизу есть пожарные?

— Кажется, пожарные с изолирующими противогазами пытаются проникнуть внутрь, но это требует времени. Там есть какая-то электроника, которая продолжает самовоспламеняться.

— Дьявол! — Она оглядела холм, пытаясь подавить совершенно не свойственное ей чувство бессилия, которое теперь готово было завладеть ею. — Здесь есть кто-то из сотрудников обсерватории?

— Вон менеджер по оптимизации помещений из Музея естественной истории, он отвечает за все постройки в саду. Его зовут Йенс какой-то там.

Ларсен указал в направлении мужчины, стоявшего в десяти метрах от них. Он выделялся тем, что был без верхней одежды. Стоял

с закатанными по локоть рукавами и в отчаянии смотрел на огонь.

Анетта направилась к нему.

— Из котельной есть другой выход, кроме вон той железной двери?

Мужчина покачал головой, не отрывая взгляда от пожара.

— Если пламя доберется до музея и обсерватории, будет нанесен непоправимый ущерб. Здесь сами здания уникальны.

— Ни запасных выходов, ни туннелей, никаких иных путей наружу? Совсем ничего?

— Только вот эта дверь.

— Черт! — Анетта устремилась дальше, толком не зная, куда ей идти.

Отойдя на пару метров от менеджера, она услышала, что он как ни в чем не бывало продолжает говорить:

— Есть, конечно, вентиляционные трубы, которые тянутся к аудитории прямо под тропинкой. Они довольно широкие.

Он еле сдержался, чтобы не вскрикнуть, когда Анетта жестко схватила его за руку.

— Покажите мне эту аудиторию, немедленно!

Основное здание было пустым и безмолвным, шаги гулко грохотали по коричневым плиткам на полу. Такие же плитки устилали пол Ратуши, ни к селу ни к городу пришло на ум Анетте, пока менеджер взбегал перед ней по лестнице к гладкой деревянной двери серого цвета и включал свет.

Аудитория выглядела довольно современной, однако оформлена была в классическом стиле — те же деревянные скамьи для слушателей, те же колонны и основательная кафедра перед доской. Белая вентиляционная труба поднималась к потолку, затем изгибалась под прямым углом, шла горизонтально вдоль стены, а затем вновь отвесно спускалась, формируя таким образом подобие прямоугольной арки. Диаметр ее составлял около одного метра. Анетта бросилась к трубе, менеджер следовал за ней по пятам.

— А где конец этой трубы?

— Конец? Уф, я даже не знаю. Нам как-то незачем это знать.

Анетта обняла трубу и приблизила лицо к поверхности, выкрашенной белой краской. Вот! Небольшая крышка.

Замок был плотно закрыт — судя по всему, крышку не открывали годами. Анетта поковыряла его пальцами, затем пнула со всей силы.

Он не поддавался.

Не успев как следует подумать, Анетта вытянула вперед руку со служебным пистолетом. Прежде чем выстрелить, она лишь услышала крик менеджера, и небольшой замок разлетелся во все стороны фонтаном осколков. Сила отдачи отбросила Анетту прямо на опешившего менеджера, в ушах еще грохотало эхо выстрела.

Она поднялась на ноги и открыла крышку.

В трубе было пусто.

Глава 29

К полуночи небо прояснилось. Облака потихоньку истончились, передвинулись к горизонту и наконец исчезли вовсе. Температура упала ниже нуля, звезды засияли над Копенгагеном вместе с полной луной, которая висела низко, даже слишком низко, над Землей.

Эстер ди Лауренти решила бодрствовать до самого лунного затмения и устроилась на диване с книгой Джулиана Барнса «Предчувствие конца». Она долго сопротивлялась желанию налить себе бокал красного вина, но в конце концов уступила. В прошлом году она едва не превратилась в алкоголичку и прекрасно понимала, что ей необходимо сдерживать себя, чтобы не угодить в эту пропасть снова. Ну ничего, всего один бокальчик под хорошую книжку. И все-таки посреди размытых воспоминаний Тони она уснула, несуразно уронив голову на грудь, от чего подбородок уперся в ключицу. Ее разбудил яркий свет.

Как будто где-то за Озерами полыхал пожар, настолько сильный, что слепящие отблески осветили лицо Эстер, словно ярким лучом фонаря, и разбудили ее.

Она сонно встала и подошла к окну, укутавшись в шерстяной плед, которым она укрывалась, сидя на диване, теперь он показался ей чересчур колючим.

Луна замерла в небе над крышами домов, стоявших на противоположном берегу. Огромная, золотисто-красная, словно кровоточащая. Свет ее был настолько ярким, что нагие кроны деревьев отбрасывали длинные тени на тающий снег. Она была прекрасна. Как предзнаменование, соблазнительное и опасное.

Эстер содрогнулась и припомнила цитату из Джулиана Барнса: «Я не верю в Бога, но мне Его не хватает».

А затем отправилась спать.

* * *

— Должны быть другие способы выбраться из котельной! Подумайте, какие! — Анетта пнула кафедру ногой, так что вся аудитория задрожала.

Менеджер по оптимизации помещений развел руками в стороны в паническом жесте.

— Я ничего не знаю. Ничего не знаю.

— Запасной выход, черт возьми, шахта, какое-нибудь окно?..

— Ну почему они никак не могут остановить огонь? Неужели нельзя...

— Эй ты! — Анетта схватила опешевшего мужчину за плечи и принялась трясти, как провинившегося ребенка. — В ловушку пожара загнан мой коллега. Он гораздо важнее всех этих идиотских музеев. Понятно?

Она поймала его взгляд.

— Сосредоточьтесь. Все эти здания вам знакомы. Если моего коллегу застал врасплох пожар, где он мог бы выбраться наружу из котельной?

Мужчина на мгновение задумался. А затем серьезно посмотрел на Анетту: — Только через трубы. Это единственный путь наружу.

— Прекрасно. Где заканчивается труба? Что находится под аудиторией?

— О, там должен быть офисный коридор, где находится секретариат института. Непосредственно под аудиторией расположен склад. Но он заперт.

— Покажите мне дверь на склад!

Анетта бросилась к лестнице. Она слышала, что менеджер, спотыкаясь, следовал за ней.

Этажом ниже автоматически зажглись люминесцентные лампы, осветив коридор с высоким потолком, по обе стороны находилось огромное количество одинаковых серых дверей.

— Какая из дверей нам нужна?

Менеджер подбежал к ближайшей двери, приблизился вплотную к табличке и прищурился.

— Она должна располагаться справа по коридору. Я вот только позабыл очки...

Анетта с трудом сдерживалась, чтобы не закричать от безысходности.

— «Лектор Аппель», — громко прочитала она и перешла к следующей двери. — «Координатор учебных программ Арлет»...

— У меня все равно нет ключей.

— ...«Приглашенный профессор Бьеркели». Остановите меня, когда попадется нужная дверь. «Адьюнкт Бринч». А, вот дверь без таблички.

— Вполне возможно, это и есть склад. Сейчас я посчитаю двери, проверю, сходится ли.

Горе-менеджер едва успел досчитать до трех, когда Анетта резким движением сбила замок и открыла дверь.

Прямо на них повалил дым. Лампы автоматически зажглись и здесь, но пыльные стеллажи, возвышающиеся до самого потолка, едва просматривались сквозь дымную завесу. Все пространство на полках был занято колбами с заспиртованными чучелами животных, небольшими скелетами, роговыми подставками и цветными камнями. Контуры этих предметов еле угадывались в окутавшем их чаду.

Анетта закрыла рот полкой блузки и стремительно направилась вдоль узкого прохода между стеллажами, ведущего в глубь помещения. Ей показалось, что она видит там силуэт вентиляционной трубы, хотя она могла ошибаться. От дыма щипало глаза. Огромное количество стеллажей сбивало ее с толку, но она успешно пробралась сквозь большую грудку стульев и оказалась у объекта, впрямь оказавшегося вентиляционной трубой — буровато-серого цвета от пыли, с размытыми в дыму очертаниями.

Поперек дальней части помещения, между Анеттой и трубой проступал силуэт какого-то массивного предмета. Возможно, это был положенный горизонтально шкаф. Анетта осторожно попробовала наступить на него — оказалось, что он вполне выдержит ее вес. Забравшись на шкаф, она вытянула руки вперед и принялась исследовать трубу. Дым был настолько густым, что она почти ничего не видела; приходилось исследовать поверхность исключительно на ощупь. На передней части трубы ничего не обнаружилось, как и на задней. Анетта села на корточки и продолжила поиски.

За шкафом примерно в метре над уровнем пола пальцы нащупали наконец то, что искала Анетта. Люк. Он был открыт. Анетта легла на живот и пошарила рукой на полу. Вот! Что-то мягкое. Йеппе. Она схватила его под мышки и потащила вверх, затем встала на колени,

продолжая тащить изо всех сил. Прокричала его имя, не получив никакого отклика.

Относительно короткий путь от обсерватории до неотложного отделения в машине скорой помощи навсегда запечатлелся в памяти Анетты.

Невероятно, каким образом пять минут могли показаться ей чуть ли не месяцем.

Врачи «Скорой» подсоединили Йеппе к кислородной маске, затем взяли анализ крови и попытались разбудить пострадавшего.

Анетта прекрасно понимала, что должна оставаться в стороне и не мешать медикам, но это было невозможно.

— Пульс прощупывается? Он жив? Пульс есть? — Один из фельдшеров удерживал ее от вмешательства. — Он дышит? — В данный момент она была счастлива сознавать, что повышенное давление у нее самой было вызвано всего лишь беременностью. Ее сердце билось так сильно, словно на кону стояло олимпийское золото.

Йеппе приоткрыл глаза, когда они переезжали мост Фреденсбро. Он пару раз моргнул, затем с трудом поднял руку и снял маску. Анетте пришлось низко наклониться к нему, чтобы расслышать хриплый шепот:

— Сара?

— Она в порядке. Прибыла в Королевскую больницу чуть ранее. Отделалась несколькими царапинами.

— А ему удалось сбежать? — От напряжения на лбу у Йеппе выступили капельки пота. Врач снова надел на него маску и адресовал Анетте предупреждающий взгляд.

— Он скрылся. Весь Копенгаген поднят на поиски. Патрули с собаками, вертолеты, все средства. Мы найдем его!

Кажется, под маской его губы растянулись в подобии улыбки?

Он закрыл глаза, прежде чем Анетта успела удостовериться, что улыбка ей не почудилась. Возможно, он все-таки успел надышаться дымом и разум его повредился. Она поддалась внезапному порыву и, потянувшись к Йеппе, взяла его за руку. Да, он часто вел себя как придурок, но они были знакомы почти десять лет и она успела к нему привыкнуть.

Он сжал ее руку вместо ответа, совсем слабо, но все же ощутимо.

Анетта приблизила губы к самому уху Йеппе и прошептала:

— Пришли результаты анализов. Я ничем не больна. Я беременна!
На этот раз она была уверена — Йеппе улыбнулся.

Глава 30

Среда, 3 февраля

— Анетта, хватит смотреть на меня собачьими глазами, это невыносимо!

Он говорил осипшим голосом, чуть ли не шепотом. Йеппе приподнял руку и замахнулся на напарницу. Конечно, он не хотел причинить ей боль.

Нежный утренний свет едва забрезжил над Сортедамссёэн и проник в больничную палату, в которой лежали двое коллег. На кресле рядом с кроватью лежала куча одеял и подушек, которые пригодились Анетте на несколько часов сна. Ночь оказалась длинной.

— Легко тебе говорить, Йеппесен! А конец, черт возьми, был близок. Если бы не я, ты бы до сих пор валялся там в дыму. Серый и окоченевший, как бревно.

Одной из основных характеристик Анетты была склонность к хвастовству. Тут и речи не было о ложной скромности. И все же она была права. На данный момент медицинский прогноз сводился к тому, что ему удалось избежать повреждений внутренних органов и разрушений тканей мозга, хотя врачи опасались делать громкие заявления, пока не придут официальные результаты анализов.

Но он испытывал боль. Мозг превратился в разбухшую болезненную массу, явно превосходящую по объему черепную коробку. Врачи уверяли, что это временное ощущение. В шутку сравнивали состояние Йеппе с похмельем.

— Спасибо, Анетта. Ты настоящий герой.

— Да брось ты.

— На самом деле. Мой герой. — Йеппе благосклонно протянул ей руку, иронизируя лишь отчасти.

— Ну хватит уже! Ты еще мне оду спой. — Рассмеявшись, Анетта взяла стул, села рядом с кроватью и сделала вид, что сейчас отключит его нажатием на кнопку, регулирующую высоту матраса. — Как же ты все-таки выбрался из трубы? Замок-то находился снаружи.

Йеппе вытянул руки вперед. Кончики пальцев были перевязаны бинтом и заклеены пластырем.

— Сила воли. — Он устало улыбнулся. — И ржавчина. Замок насквозь проржавел. На мое счастье.

— Да уж, ничего себе счастье. Это спасло тебе жизнь... Тебе отдали телефон?

— Да, спасибо. Ларсен приходил. Очень любезно с его стороны. Только он принес мне не старый добрый аппарат, навеки погрязший в слякоти. Он переставил сим-карту в новый.

Анетта отбила барабанную дробь по металлической конструкции кровати.

— Ты слышал, что Сайдани выписывают сегодня или завтра? Она вся измучена, на лбу у нее жуткая шишка, но в целом с ней все нормально. — Она откашлялась и серьезно посмотрела на Йеппе. — Пока мы так и не нашли его. Я про Торбена Хансена.

— Я больше беспокоюсь о том, чтобы нашли Сигрид. — Йеппе глубоко закашлялся и отпил прозрачную красную жидкость из стакана.

— Почему?

— Потому что она — преступник, которого мы ищем.

От неожиданности Анетта раскрыла рот.

— А что случилось с Торбеном Хансеном?

— Товарищ Вернер, вы отстаете. У него имеется алиби на вечер среды, он не может быть убийцей... Придется тебе научиться жить без больничного! — Йеппе рассмеялся и тут же закашлялся.

Анетте было не до смеха.

— Расскажи поподробнее!

— Сигрид, младшая дочь Торбена, убила Альфу Бартольди и Кристель Тофт и покушалась на Йоханнеса, — продолжил Йеппе слабым уставшим голосом.

— Как ты это узнал?

— Так же, как ты узнала, что я не сгорел заживо в котельной. — Йеппе снова улыбнулся. — Сочетание фактов и инстинкта. Строго говоря, я пока ничего не знаю. Мы ведь еще не допросили ее.

— Но с таким же успехом убийцей можно назвать ее старшую сестру. Эту самую Хулубулу. — Анетта взяла стакан Йеппе, понюхала содержимое и, скорчив гримасу, поставила обратно.

— Нет. Лулу Суй было семнадцать лет, когда ее родители развелись, мать вскоре погибла, затем девочка быстро съехала из дома. А Сигрид все еще оставалась ребенком, хоть и подростком. Она оказалась предоставлена самой себе и явилась свидетельницей краха отца. — Йеппе со скрипом склонился над прикроватным столиком и взял папку с бумагами. — Вот эти выписки из молодежного чата я нашел в лодке Лулу Суй. Они вызывают беспокойство. У меня не получилось ни к чему их приплести. Я думал, они принадлежат перу Лулу Суй, однако она не являлась сообщницей преступника.

— Потому что?

— В первую очередь потому, что она защищала Йоханнеса, а вовсе не собиралась его убивать. И выписки эти сделала не Лулу Суй, а Сигрид, ее младшая сестра. Вчера я связался с модераторами чата, и они подтвердили, что аккаунт принадлежит Сигрид Хансен. В этой папке находятся также распечатки интервью Альфы, Кристель и Йоханнеса. Такое впечатление, что она изучала их. — Йеппе откашлялся в локоть. — Кроме того, она скопировала подозрительные рецепты изготовления яда в домашних условиях, из каустической соды и других химических веществ.

— Раствор для прочистки стоков?

Йеппе вяло кивнул.

— Сигрид основательно изучила эту тему и вынашивала план убийства в течение долгого времени. Тут содержатся подробные расчеты рН-баланса и оптимальной пропорции отравы и всевозможных газировок. — Он указал на бумаги, лежавшие у него на коленях. — В чатах она производит впечатление чрезвычайно несчастной и обозленной молодой женщины. Склонной к суициду и переполненной ненавистью.

— А почему эти записи оказались в лодке у старшей сестры?

— Возможно, чтобы утаить их от отца. Или от нас. — Йеппе задумался, а потом кивнул сам себе. — Вот поэтому между выпуском радиопрограммы и убийствами прошло целых пять лет.

— Ты имеешь в виду, что ей надо было вырасти?

На лице Йеппе промелькнула улыбка.

— И переехать в Копенгаген, да. Но не только это. Сигрид не встречалась с Альфой, Кристель и Йоханнесом так регулярно, как ее сестра. Они были полумифическими, полуабстрактными объектами

накопившегося в ней гнева. В среду вечером двое из них очутились в непосредственной близости от ее жилища. Наверняка она была шокирована этим обстоятельством. И восприняла это как знак — именно сейчас настал момент осуществить план.

Анетта в огорчении взмахнула руками.

— Эх, очередной преступник — точнее, преступница, судя по всему, обязана жуткими деяниями своему несчастливому детству.

— Замолчи, Анетта! — В горле у него снова запершило, он зашелся в приступе кашля. — Это весьма грубое упрощение, оно едва ли имеет смысл. Тяжелое детство не порождает автоматически инстинкт убийцы. Тут нет прямого следствия. В противном случае нам с тобой пришлось бы туго. Просто Сигрид Хансен оказалась предоставлена самой себе, ей не уделялось должного внимания, и в результате ее, скажем так, дисбаланс не был вовремя замечен и исправлен.

— Ей снесло крышу.

— В любом случае, нельзя не согласиться с тем, что она превратилась в неуравновешенную молодую женщину. — Йеппе осторожно закрыл папку. — Поэтому Лулу Суй забрала Йоханнеса к себе на лодку.

— Чтобы уберечь его? — В голосе Анетты прозвучало сомнение.

— Скорее, чтобы уберечь свою младшую сестренку.

— Что ты имеешь в виду?

С приходом медсестры в палате повеяло свежим воздухом, атмосфера несколько оживилась. Йеппе закрыл глаза, пока она проверяла катетер и капельницу, измеряла давление. Затем она поспешно удалилась, а он медленно продолжил изложение своей версии. Ему приходилось откашливаться чуть ли не после каждой фразы.

— Лулу Суй увела Йоханнеса, чтобы Сигрид больше никого не убила. Очевидно, она знала, что младшая сестра обладает подвижной психикой, и все же ее охватил настоящий шок, настолько ужасными оказались деяния Сигрид. Видимо, Лулу Суй ощущала себя причастной к ее преступлениям. — Йеппе сделал глоток. Кожа еще не избавилась от серого оттенка. — Но Сигрид не желала останавливаться.

— Ты в порядке?

Йеппе кивнул, хотя судя по внешнему виду он был совсем не в порядке.

— Я думаю, что произошло примерно вот что. В среду вечером Сигрид пришла на работу, надела униформу и приступила к обслуживанию гостей на вечеринке «Le Stan». Она работала официанткой на нескольких мероприятиях Недели моды, но как раз эта вечеринка проходила в музее, в ста метрах от домика зрителя, где жили они с отцом. Она заприметила Альфу и Йоханнеса. Они сами пришли к ней, переступили границу ее владений. Это стало последней каплей. Она решила подлить что-нибудь им в напитки, зашла домой и нашла бутылку со средством для чистки стоков в шкафчике с причиндалами для уборки. Вот вам и смертельный коктейль.

Анетта замахала рукой, прося слово.

— Альфа выпил свою порцию, и тут Лулу Суй догадалась, к чему идет, ведь она читала выписки Сигрид, и успела увести Йоханнеса до того, как он выпил отраву. Через день Сигрид повторила свой успех в отеле «Нимб», на этот раз с Кристель Тофт. Этому убийству Лулу Суй помешать не успела...

Анетта вскочила и выбежала в ванную. Йеппе услышал звук льющейся из крана воды.

— Что ты там делаешь?

— Мне нехорошо. — Анетта вернулась и села рядом с кроватью, вытирая рот тыльной стороной ладони. — А что с телефоном? Каким образом телефон Альфы очутился в кармане Йоханнеса?

— Видимо, Лулу Суй забрала его у Сигрид и подложила Йоханнесу в куртку.

— Таким образом, он тоже получил свое наказание.

— Точно! Наверное, она пыталась убедить Сигрид в том, что эта мера исчерпает его вину сполна.

— Но тщетно. — Анетта отпила сока из стакана Йеппе и сморщилась. — А сколько ей вообще лет?

— Сигрид? Восемнадцать.

— Значит, здесь можно говорить о так называемом «синдроме раненой птицы». — Она покачала головой, скорчив гримасу отвращения. — Всего восемнадцать лет, и два умышленных убийства на совести.

— Лишь бы двумя все ограничилось.

— Поиски отца и двух дочерей форсированы, однако до сих пор не принесли никакого результата. Ни свидетелей, ни транзакций по банковским картам, ни иных виртуальных следов.

— М-м-м, понятно. — Йеппе прикрыл глаза; он устал. Устал говорить, устал думать. Вообще устал.

Голос Анетты осторожно вытаскивал его из лап обволакивающего сна.

— Наверное, Торбен и сам подозревал Сигрид. И, видимо, решил, что вы с Сайдани пришли за ней.

Йеппе улыбнулся.

— Родитель пойдет на все что угодно, чтобы защитить свое потомство.

Анетта непроизвольно положила руку себе на живот.

— Скажи-ка, а разве твоя подружка не должна сейчас сидеть на моем месте и гладить твой лоб? — Анетта приторно улыбнулась.

— Я порвал с ней.

— И с ней тоже?

Все-таки Анетта — дипломат до кончиков ногтей.

Йеппе на мгновение задумался и в результате уступил желанию поделиться своим секретом.

— На этот раз идиотом оказался я...

— Ого! — Его признание сильно впечатлило Анетту. — Никак не подозревала, что ты можешь оказаться идиотом, Йеппесен!

— Ничего смешного. Меня действительно мучает совесть.

— Как тебе не стыдно! — Она откинулась на спинку стула и положила ноги на кровать.

— Стыдно. И мне очень жаль, что так получилось. — Он совсем не ожидал подобного осуждения от Анетты.

— Нет, я про муки совести. Ты не имеешь на них права.

— Не понимаю, о чем ты. Что я был бы за человек, если бы не страдал из-за собственной измены? — Йеппе вновь отпил сока из стакана.

— В таком случае ты был бы честным человеком. Муки совести — это алиби, которым прикрываешься, чтобы делать так, как тебе удобно, но при этом не прослыть дурным человеком. У тебя был выбор, ты его осуществил. А твое чувство вины лишь еще больше унижает эту девушку.

Йеппе кипел изнутри, сознавая справедливость ее слов. Ему надо было проявить мужество и принять последствия своего решения.

— Ничего не получается. Она слишком молодая.

— Ну либо ты слишком старый.

— Ну либо я слишком старый. Как бы то ни было, между нами ничего не может быть.

Йеппе снова закрыл глаза.

Анетта сидела и рассматривала коллегу. Он выглядел разбитым. Сероватая кожа и ультракороткая стрижка лишь усугубляли его измученный вид. И все-таки было в нем что-то иное, искрящееся, какой-то прорывающийся наружу оптимизм. Может быть, облегчение в связи с тем, что дело вот-вот будет раскрыто. Анетта тихонько встала, взяла куртку и прокралась к выходу. Прикоснувшись к дверной ручке, она услышала за спиной его тихий, но внятный голос:

— Эй, Вернер!

Она обернулась.

Он по-прежнему лежал с закрытыми глазами.

— Поздравляю!

* * *

Сёрен Вести медленно шел по Хальмторвет, направляясь к своему кабриолету «Ауди», который стоял на улице Хельголэндсгэде, ожидая хозяина с тренировки в Кёдбюэне. Он редко ставил машину у зала, где занимался кроссфитом, потому что, как бы много ни говорили об изменении репутации района Вестebro, это по-прежнему было не самое подходящее место для парковки дорогого спортивного автомобиля. Сегодняшняя тренировка была невероятно сложной. Ощущение тяжести в спине вернулось, но Вести игнорировал его. Никакого нытья, тренировка должна прогнать дискомфорт.

Он не обратил внимания на двух мужчин, пока они не приблизились к нему вплотную с двух сторон. Они схватили его под локти и запихнули в темно-синий «Лексус», откуда ни возьмись возникший у бордюра. Спортивная сумка с одеждой и ключами от машины так и осталась стоять на тротуаре.

На пассажирском месте рядом с водителем сидел Эрик Сидениус, он обернулся к Вести и завел с ним разговор, пока машина неспешно катилась в направлении Вестебро. Они не виделись давным-давно, но Эрик совсем не изменился: тощий и жидковолосый, с лицом, выцветшим от злоупотребления табаком и солнцем, на ногах надеты «кроксы», которым он был верен круглый год, правда, сейчас они были надеты на толстые носки. Живое доказательство того, что стиль не купишь ни за какие деньги. Он был таким всегда, в том числе и во времена юности, когда они вместе росли.

Эрик Сидениус приветливо улыбнулся:

— Ну что, Сёрен, нехорошо получилось, верно?

Вести лихорадочно пытался вспомнить слова, которые он заранее подготовил для этой неизбежной встречи, но внезапно вся формулировка рассыпалась, из его уст вылетала какая-то бессвязная чепуха.

— Послушай, я пытался связаться с тобой тысячу раз, чтобы мы... С моей стороны был тотальный контроль за ситуацией, но фабрика... За тендер отвечал Альфа Бартольди. Он сделал все по-своему.

— И едва не стал разбойником с большой дороги, да?

Вести почувствовал, что его футболка прилипла к спине.

— Я понятия не имел о том, что он нечист на руку, я...

— Где деньги, Сёрен? Я хочу знать, где мои деньги. Только и всего.

— У меня нету... В общем, продукция сгорела при пожаре. А отчетами занимался Альфа. У меня даже доступа не было...

— Не было никакого пожара. Как и фабрики, и продукции, которая сгорела. И я вновь задаю тебе тот же вопрос: где мои деньги?

«Лексус» бесшумно скользил по Нёрре Вольдгэде, мимо парка Эрстеда и пожарища у Геологического музея, далее по Калькбрэнерихавнсгэде. Затем свернул направо и еще раз направо и устремился сквозь безотрадную промышленную зону, какую представляет из себя Нордхавнстиппен, один из немногих существующих по сей день районов Копенгагена, где человек запросто может бесследно кануть в небытие.

— Эрик, давай поедem ко мне в офис и разберемcя. Мы ведь давно знаем друг друга, ты и я...

— Как дела у детишек? — Эрик Сидениус достал из «бардачка» шапку и натянул ее на лысую макушку. — Наверное, уже совсем большие выросли?

— Меня тоже надули, слышишь? Возможно, мне удастся отыскать часть денег, но я не фокусник.

— Надо хранить верность своему прошлому, Сёрен. Глупо обманывать старых друзей.

Сердце Вести в панике выпрыгивало из груди.

— Не теряй разум, Эрик.

— Разум, говоришь? Я никогда не теряю разум, и ты это знаешь. Довольно, благодарю.

Автомобиль скользнул на небольшую площадку, усыпанную гравием, перед синей верфью, обитой гофрированным железом. Здесь валялось несколько деревянных палет, сбоку стоял древний желтый полутрактор-полу-«Ягуар». В углу стоял жестяной стол с раковиной и разделочной доской в палец толщиной, на которой еще хранились следы недавней расправы над свежей рыбой.

Чайки настырно кружили над столом.

Сёрен Вести впитывал в себя окружающую обстановку, ощущая, что находится в мире, параллельном его существованию; в ином измерении, от которого он никак не может пробудиться и избавиться. Лишь когда водитель открыл дверцу и выпихнул его из машины, так что он приземлился на четвереньки в гравий, действительность оглушила его. Сёрен Вести поднял голову и посмотрел на Эрика Сидениуса.

— Не забывай, Сёрен, что жизнь полна острых краев и слепых углов. Как только забудешь, непременно наткнешься на один из них.

* * *

Свен стоял у кухонного стола спиной к двери. Замешивал тесто для хлеба. Он всегда месил тесто вручную, не менее двадцати минут. Все иные способы приготовления хлеба были для него неверными, неприемлемыми. Она даже со спины видела, что он расстроен. Возможно, злится. Явно переживает.

Ее не было всю ночь, а прежде чем уйти, она была отстраненной и чужой.

Свен не оборачивался, хотя собаки давно уже возвестили о возвращении хозяйки.

Анетта присела за небольшой деревянный стол, стоявший посреди кухни. Сюда обычно усаживал ее Свен, когда просил порубить, почистить или нарезать что-нибудь, пока он колдовал у плиты. «Как же я его люблю! — подумала Анетта отнюдь не в первый раз и опустила взгляд на свои сжатые в кулаки руки. — И совсем не хочу, чтобы наша жизнь поменялась».

— Свен. Нам надо поговорить.

Он продолжил месить тесто, никак не отреагировав на ее слова. И все-таки она заметила, что он насторожился.

— Иди сюда, присядь, пожалуйста.

Свен положил тесто в миску и обтер руки о фартук. Затем подошел к столу и выдвинул табуретку.

Она была потрясена его выражением лица. Он словно шел на эшафот. Доселе неведомый Анетте экзистенциальный ужас пронзил ее, как молния. До сих пор она воспринимала беременность как вызов, как сюрприз, преподнесенный жизнью, с которым они разберутся вместе, благополучно справятся с этим испытанием, как всегда справлялись со всем остальным. А может, все совсем и не так. Возможно, это как раз ахиллесова пята, о которой, как казалось ей прежде, неуместно говорить в применении к их отношениям.

— Мне надо тебе кое-что сказать. И это серьезно. — Анетта осознала свое волнение лишь тогда, когда надломился ее голос.

Свен стиснул зубы и кивнул. Он уставился на край стола, не в силах встретить ее взгляд.

«Ну все, карточный домик рушится», — подумала Анетта. Закрыла глаза, выдохнула и выпалила:

— Я беременна. У нас будет ребенок.

Она так и сидела с закрытыми глазами и ждала, что будет дальше. Поскольку Свен так ничего и не говорил, ей все-таки пришлось открыть глаза и встретить его взгляд.

Анетта еле узнала мужчину, сидевшего перед ней. Слезы ручьем текли из серо-синих глаз, которые она так любила, ладони по-прежнему лежали на столе. А лицо! Лицо Свена светилось от счастья.

— Правда? Я думал... Неужели я стану отцом?

Он весь сиял, и переполнявшая его радость волной окатила ее и сломила последнюю оборону. Его улыбки она уже не выдержала. Анетта Вернер одновременно всхлипывала и смеялась от эйфории, смешанной с облегчением.

Его голос звучал как-то необычно, словно откуда-то сверху:

— У нас будет ребенок. Ты станешь мамой!

* * *

Его обнаружил могильщик. Он чистил и посыпал песком дорожки, расплзшиеся от оттепели, как вдруг услышал хлопок. Одиночный выстрел отчетливо прогремел спокойным ранним утром у церкви Прэстё. Могильщик владел охотничьим удостоверением и потому не сомневался, что это был за звук, донесшийся из заброшенного отеля. Он бросил грабли на тачку и, не раздумывая, кинулся к главному входу, находившемуся в пятидесяти метрах. Впоследствии его спрашивали — неужели он не испугался? И почему он не позвал подмогу по телефону вместо того, чтобы броситься на звук выстрела? Он лишь отвечал, что действовал, повинувшись инстинкту. Так оно и было.

Двери главного входа оказались заперты, так что он обежал вокруг здания и обнаружил выбитое стекло в одной из дверей, ведущих на террасу с противоположной стороны. И крикнув «Кто здесь?» и не получив ответа, он даже подумал было о том, чтобы вернуться, но в конечном итоге все-таки побежал осматривать пыльные пустующие комнаты. Возможно, кто-то сюда зачем-то пришел. Быть может, просто дети залезли поиграть.

Он обнаружил тело наверху, в комнате с тоненькой фарфоровой табличкой, по-прежнему висевшей на двери, с надписью «Свадебный съют». Торбен Хансен сидел на полу у стены, где, видимо, некогда стояла кровать, судя по форме выгоревшего на гобелене пятна. Он сидел, широко расставив ноги, уронив подбородок на грудь, так что сразу бросалось в глаза, что пуля снесла ему большую часть затылка и размазала кровавое месиво по стене. На полу между ногами у него

лежал девятимиллиметровый «Хеклер и Кох» Сары Сайдани, в кармане — письмо, адресованное Луизе и Сигрид.

Могильщик повидал в жизни всякое. Он не закричал и не стал заходить в комнату, чтобы попытаться спасти человека, который явно уже был мертв. И все же, когда он сбегал вниз по кривым старым ступеням и мчался через парковку к тачке, на которой лежала его куртка с мобильным телефоном в кармане, перед глазами у него танцевали темные круги. Ему даже пришлось на секунду остановиться и постоять некоторое время, уперевшись руками в колени.

Он почувствовал, как тошнота вот-вот выдавит из его горла утренний кофе. Вскоре он выпрямился и набрал номер «112».

* * *

Путь из Рыболовецкой гавани к станции Нордхавн с тяжеленными рюкзаками за спинами казался бесконечным, но девушки не могли рисковать и добираться до аэропорта на такси. Кто-нибудь мог их узнать и сообщить в полицию, так что передвижение на поезде было безопаснее. Оставалось лишь мужественно преодолеть слякоть пешком.

Несколько последних дней были проведены в старом рыболовецком сарае Харди, пустующем в зимний период. Он находился менее чем в ста метрах от лодки Луизы, но являлся более безопасным убежищем, по крайней мере пока они довольствовались электрообогревателем и вечерами не включали свет. Из сарая они несколько раз видели, как патрульная машина проезжала неподалеку от лодки, от чего их охватывали в равной степени страх и возбуждение. Луиза подключила все свои контакты, с помощью которых им относительно легко удалось раздобыть еду, туристическое снаряжение, новые паспорта и билеты на самолет. Обе покрасили волосы, склонившись над старой лоханью.

Складывая в рюкзак вещи в холодном темном сарае, Сигрид ощутила в себе какое-то новое чувство. Перспектива начать все заново на другом конце земного шара затмевала страх всеобъемлющим предвкушением свободы и легкости бытия. Перелет окажется для них ластиком, который сотрет одиночество прошлого и вину настоящего.

Не то чтобы она испытывала раскаяние за то, что обрекла людей на смерть.

Ведь этих людей не было рядом в тот момент, когда она потеряла семью и дом, когда неожиданно появился этот проклятый Ларс с ямочками на щеках. Или, точнее: эти люди как раз всплыли ненадолго в непосредственной близости, чтобы убедить ее мать бросить детей. А потом они исчезли, а Сигрид осталась одна-одинешенька.

Ее мать погибла вместе с Ларсом, Луиза съехала и превратилась в Лулу Суй, а отец настолько замкнулся в себе, что с трудом справлялся с приготовлением пищи и частенько забывал пожелать ей спокойной ночи. Можно было бы предположить, что ею займется школьный психолог или классный руководитель, или медицинский работник, семейный доктор, соседи или, на худой конец, кто-то из родителей одноклассников. Но нет. К несчастью для Кристины. К несчастью для Торбена.

Они обнаружили, насколько ей плохо, только тогда, когда она стала весить сорок три килограмма и была госпитализирована. Но тогда уже было слишком поздно. К этому моменту ненависть выросла в ней дополнительным органом. Девушка пришла в себя и поправилась. Она не хотела, чтобы эти люди ощутили удовлетворение, став свидетелями ее смерти. Впервые она четко осознала свое желание, когда они предстали перед ней в среду вечером. Она хотела уничтожить их.

Сигрид застегнула рюкзак на молнию и надвинула козырек кепки на лоб. В ее списке не хватало всего одного человека. Этот человек предал ее, когда от него зависело многое. Единственный, кто действительно мог ей тогда помочь, но предпочел сбежать и забыть о своих корнях. Оставить свою младшую сестренку на произвол судьбы.

Но с этим можно подождать, пускай сначала все уладится, сначала они заметут следы. У Сигрид в запасе было много времени.

Луиза зашла к ней с рюкзаком за спиной.

— Ты готова?

Сигрид улыбнулась старшей сестре. Да, она была готова.

Родриго со смешанными чувствами ставил на багажную ленту холщовую сумку и вытаскивал ноутбук и дорожную косметичку, чтобы положить их в отдельный пластмассовый ящик для проверки. Минувшая неделя убедила его в том, что умереть от горя можно. Но он от горя не умрет. Он сам так решил. И мысль о том, что он вернется домой и впервые за десять лет увидится со своей семьей, будет говорить на родном языке и есть касуэлу, приготовленную матерью, была для него отрадой и надеждой. Он слишком долго пренебрегал собой, довольствуясь местом в тени своего знаменитого возлюбленного.

Теперь хватит.

Боль, вероятно, притупится со временем. Пока что каждый день представлял собой хождение по пустыни в неизбывной тоске, но Родриго понимал, что долго это не продлится.

Он затянул потуже на запястье ремешок часов «Панерай Люминор», утренний подарок от Йоханнеса, и закрыл сумку. Он еще успеет перекусить и купить пару журналов в дорогу, прежде чем идти к выходу. Впереди его ждало двадцатичасовое путешествие. Пересадка в амстердамском «Скипхол», далее рейс до Сантьяго де Чили.

Он взял сок и сэндвич и пристроился в уголке шумного аэрокафе. Наблюдал за толпами пассажиров и размышлял о любви как о дереве, которое либо вырастет мощным и крепким, либо подгниет изнутри и в один прекрасный день рухнет от порыва ветра.

В кафе вошли две девушки и стали в конец очереди. Он рассматривал их, попивая сок. Хрупкие и приятные на вид, одеты, как подобает туристам-походникам: практичные удобные футболки, брюки с отстегивающимися штанинами, походные ботинки. Обе светловолосые — судя по всему красились сами краской не лучшего качества, потому что из-под бейсболок у них выбивались пряди зеленоватого оттенка.

Родриго улыбнулся сам себе. Итак, он стоит на пути к приключениям.

Девушки заказали кофе и ожидали заказа прямо перед Родриго. Одна из них пошарила в поясной сумочке и вытащила паспорт и посадочный талон. Он прищурился, чтобы прочитать, что там написано. Неужели Перт? Говорят, самый изолированный крупный

город Австралии. Им явно предстоит длительное путешествие, как и ему самому. Они выглядят слишком юными для такой поездки.

Родриго подумал о своей семье, с которой он намеревался воссоединиться. О братьях, которые встретят его в аэропорту. Осушил пластиковый стаканчик и поднялся, чтобы пойти к нужному выходу. Проходя мимо девушек, он им улыбнулся.

Они справятся. Все-таки их двое.

* * *

Грегерс был в ярости. Он проснулся в дурном настроении и ворчал с того самого момента, как Эстер помогла ему устроиться в кресле и приступила к приготовлению кофе. Под окнами всю ночь шумели, действие болеутоляющего закончилось, кофе оказался недостаточно крепким. Эстер сделала вывод, что Грегерс выздоравливает. Она попыталась рассказать ему о ночной кровавой луне, но он лишь что-то обиженно пробубнил и уткнулся носом в газету.

Эстер взяла собак на поводок и отправилась на прогулку вокруг озер. В итоге ей пришлось большую часть пути тащить их за собой силком — маленькие лапки попросту не поспевали за ней. Лед на озере начал подтаивать. В воздухе витала особая атмосфера, не то чтобы сама весна, но предвкушение весны. Грядущие перемены.

Эстер вдохнула в себя это предвкушение, так что оно переполнило ее душу, а к горлу ни с того ни с сего подкатил комок. Такое бывает, когда осознаешь, что жизнь неумолимо движется к своему завершению. Ты становишься до смешного благодарным за перспективу в очередной раз стать свидетелем цветения вишен.

Возможно, все дело в кровавой луне. Возможно, она действительно предвещала перемены, кровавое обновление, смерть и воскресение. Искупление. Что-то необычное витало в воздухе этим вечером.

В прошлом году теплым днем на исходе лета, когда хоронили Кристоффера, обстановка в часовне была тяжелой, перегруженной эмоциями. Эстер вместе с матерью погибшего выбрали для церемонии музыку, которая многое значила для юноши. Однако проигрыватель то

и дело задал, и все благоговение оказалось разрушено некачественным исполнением композиции. Жизнь вторглась в печальную церемонию и, как всегда, помешала смерти проявить величие во всей полноте. Ибо всегда остается кто-то, кому уготовано жить дальше. Кто-то ведь прогуливает собаку во время выноса гроба, кто-то внезапно чихает во время официальной речи, а проигрывающая аппаратура отказывается выполнять свои функции. Жизнь продолжается во всей своей небыстротности.

Вернувшись с прогулки, Эстер погрузилась в себя. Собаки устроились на сон у кресла, в котором дремал Греггерс с газетой на коленях. Эстер осторожно прикрыла пледом его ноги. Когда она гладила его ладони, он в полудреме пребольно ударил ее по руке. Вот ведь глупый старикан!

Она вытащила посуду из посудомоечной машины и, заглянув в холодильник, составила заказ в онлайн-супермаркете, а затем решила прибраться на столе. Эстер села и взялась за самую маленькую стопку бумаг, сложила все счета в одну папку, письма от ассоциации собственников жилья — в другую.

Эстер задумалась.

Когда умирает тот, кого ты любил, он словно уносит с собой частичку тебя самого. Она исчезает навсегда или в лучшем случае ограничивается статусом музейного экспоната, который можно поместить в витрину и обращаться к нему в случае надобности. Эта частичка отмирает. В то время как сам ты продолжаешь жить. Ты не мертв. Вот она сама, к примеру, ведь не мертва, ей необходимо продолжать. Принять как должное то, что жизнь не останавливается. Отодвинув стопку бумаг, Эстер открыла ноутбук. Замерла ненадолго с дрожащими пальцами. И приступила к печатанию.

Эпилог

Солнце над Вальбю сияло. Стоял один из последних зимних дней, мороз уже отпустил, облака разбежались, показав чистое небо. Все вокруг прорастало и наливалось жизненными соками, насыщалось влагой и наслаждалось теплом. Йеппе открыл дверь, переполненный смиренным предвкушением встречи. Он нервничал, но совсем чуть-чуть, и радовался представившейся возможности встретиться с ней и ее семьей.

Тереза стояла на крыльце с крошечным ребенком на руках. Она пришла без Нильса, вероятно, из чувства такта, и Йеппе это оценил. Здорово было увидеть ее и малыша. Она выглядела волшебно. У нее отросли волосы и пушистыми длинными прядями струились по узким плечам. Она перестала краситься и выглядела уставшей, но счастливой. Возможно, она тоже немного нервничала перед встречей.

— Привет. — Ее голос был по-прежнему мягким и густым, как и в те далекие времена, когда у них все было в порядке.

— Привет. Проходи. Покупатель придет через десять минут вместе с агентом.

Она поспешно обняла его, насколько ей это удалось с ребенком на руках. Жест этот даже почти не выглядел неловким.

Она пахла иначе, чем помнил Йеппе. Он наблюдал, как она осматривает дом, осознавая, что ничего не изменилось с тех пор, как фургон уехал отсюда со всеми ее вещами, прихватив и часть собственности Йеппе.

Тереза не комментировала то, что видела.

— Все-таки удалось. И почти без потери в цене.

— Да. Наконец-то! Они скоро приедут. Ах да, я же уже говорил. Кофе будешь?

Она покачала головой.

— Ты пришел в себя после отравления дымом?

— Я все еще наблюдаюсь на предмет повреждений сердечной мускулатуры. Но в целом я нормально. Вообще-то, можно сказать, даже хорошо. И к табаку теперь вообще не тянет. Так что тут даже есть свои плюсы.

Тереза щедро рассмеялась при его попытке пошутить.

— Подержишь ее?

Вопрос из разряда тех, на которые невозможно ответить «нет». Йеппе протянул руки.

— Только головку надо обязательно придерживать, она еще не может держать ее сама.

Йеппе аккуратно взял крошечное теплое тельце и прижал к себе. Он ощутил напряжение сразу во всех мышцах из страха слишком придавить или уронить малышку. Она слегка пахла молоком и очень сильно теплой чистой кожей. Глаза у нее были голубыми, но это ведь свойственно всем новорожденным. Не то чтобы она показалась ему особенно симпатичной — вся какая-то сморщенная и в то же время пухлая. Но сходство с Терезой было невероятным.

— Прелестная. Похожа на тебя.

— Правда? Но на Нильса тоже очень похожа. — Тереза произнесла это неуверенно, словно опасаясь причинить ему боль.

И когда они стояли так все втроем, Йеппе пришло в голову, что со стороны они похожи на семью, которой у них так и не получилось.

Он вдохнул аромат новорожденной малышки и подумал: забавно, слово «развод» помимо заключенного в нем значения «расторжение брака» в бытовом обиходе может являться синонимом «обмана, вранья»; в то время как «изъян, дефект» обозначается тем же словом, что и «супружество» — брак.

Он сдался раньше Терезы. Но он больше не злился на нее и не горевал по поводу разрыва.

В дверь позвонили, и он передал девочку матери, чтобы открыть. Он был готов подписать бумаги.

Формальности были улажены довольно быстро. Новые владельцы оказались симпатичными людьми и производили впечатление глубоко влюбленной пары. Каждый поставил по аутентичной закорючке на листе бумаги, все обменялись рукопожатиями. Таким образом, дверь в прошлое закрылась де-факто. Вот так запросто попрощались они с общим прошлым. По дороге на улицу Тереза нерешительно скользнула взглядом по сливовому дереву, сиявшему на солнце.

— *Мир состоит из воды и света*^[52], — сказала она вместо прощания. Одна из их любимых цитат. Свидетельство давнего существования той любви, о которой они скоро совсем позабудут.

Он улыбнулся ей.

Тереза пристегнула детское автокресло ремнем и села за руль. Йеппе помахал ей, и неуверенное весеннее солнце сверкнуло в стекле отцовских часов «Омега». Часы эти были отремонтированы, почищены и оснащены новым циферблатом. Теперь они принадлежали ему. Но продолжали отставать.

Тереза исчезла за углом.

Самая большая печаль на свете — прощение, ибо, простив человека, ты отпускаешь его по-настоящему.

На мгновение Йеппе неожиданно ощутил себя счастливым, и это чувство охватило его настолько мощной волной, что он был уверен — данный момент запомнится ему навсегда. Он испытывал такое полное счастье, что едва не плакал. Новый старт, чистая доска, внутреннее очищение. Любовь — это всегда неожиданность. Когда она покидает нас и когда она к нам приходит.

Он совсем не думал о формулировке, а просто взял и написал сообщение, стоя прямо там, в дверях, и тут же отправил его.

Сара ответила сразу. Одно слово, единственное слово, которое действительно имеет значение.

«Да».

Спасибо!

В первую очередь, огромное спасибо многочисленным читателям, которые так замечательно приняли Йеппе Кернера и компанию. Особая благодарность большому количеству людей, нашедших время написать мне о своих впечатлениях от чтения — вы даже не представляете себе, насколько ваши отзывы мотивируют и воодушевляют!

Большое спасибо полицейским Йесперу Арффу Риммену и Киму Йуулю Кристенсену, химику-эксперту Кеннету Сёндергорду, главе отделения отоларингологии Северо-Зеландской Больницы Стиину Непперу Кристенсену и главному врачу Клиники Отоларингологической Хирургии при Королевской Больнице Кристоферу Хольсту Ханну. А также выражаю благодарность медицинскому секретарю Клиники Отоларингологической Хирургии при Королевской Больнице Маргит Андерсен.

В очередной раз благодарю профессора Ханса Петера Хугена и специалиста по судебно-химической экспертизе Ирене Бреум Мюллер

из Института судмедэкспертизы при Университете Копенгагена за помощь в соответствующих вопросах.

Менеджер по оптимизации помещений Йенс Рефслунд Кристенсен и механик Вибекке Крамер Педерсен из Музея естественной истории потратили часть своего драгоценного рабочего времени на то, чтобы показать мне обсерваторию Эстервольд. Посещение обсерватории было немаловажно для замысла книги и в то же время являлось моей давней мечтой, которая наконец сбылась, и за это им большое спасибо!

Благодарю Мартина Хольмфора за введение в мир бизнеса, оперного певца Петера Лодала и профессора Института Нильса Бора — Мортена Бо Мадсена.

Спасибо Мэдсу Стеффенсону и «Радио Дании» за благосклонное позволение злоупотребить популярностью их программы среди датчан. Несмотря на то, что источником моего вдохновения послужили реальные дилеммы из передачи, все, о чем повествуется в данной книге, является чистым вымыслом.

Спасибо «Десятке избранных», Ларсу Бьеррегорду и Сюссе Энгберг за конструктивную критику в самый подходящий момент.

Большое спасибо также моим литературным агентам, Карин Линдгрэн и Федерико Амбросини, как и остальным прекрасным сотрудникам агентства «Саломонссон». Не меньшую благодарность выражаю моему удивительному, поистине чудесному издательству «Пиплс Пресс», которое верит в мои задумки и помогает мне в их реализации.

Моему редактору Биргитте Франч, моей вдохновительнице, спарринг-партнеру и хорошему другу, принадлежит огромная заслуга в появлении этой книги на свет. Я чрезвычайно рада тому, что мы создаем совместно с ней!

Спасибо, исходящее из самых недр моего существования, моей маме и моим любимым друзьям — Метте, Саре, Могенсу и Анне-Метте, которые помогли мне встать на ноги, когда я спотыкалась и падала.

И, конечно, моей маленькой банде, моей семье — Тимму и Кассиусу. Ради вас я встаю по утрам. Спасибо вам за дом, в котором я живу, и за то, что заставляете биться мое сердце.

notes

Примечания

1

«Природное окно» — смотровая площадка в австралийском национальном парке Калбарри.

«Что будет, то будет» (*фр., англ.*) — песня из кинофильма А. Хичкока «Человек, который слишком много знал».

3

«Мы не властны знать будущее...»

Британский дизайнер и модельер, часто дополняла свой образ простыми короткими стрижками, в частности, стрижкой «боб».

5

Крупные овощные бананы.

6

От *араб.* «*wallah*» — «клянусь Богом», используется в среде датских мигрантов в качестве усиления смысла высказывания.

«Какое пламя пылало у него во взоре» (*ит.*).

Старейшая в Дании школа моды и дизайна.

Гуннар Тайлум — датский врач, в честь которого был назван корпус патологической анатомии и судебной медицины Королевской больницы.

Хенрик Нордбрандт — современный датский поэт и писатель. В одном из его стихотворений лирический герой говорит о том, что в году 16 месяцев: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, ноябрь, ноябрь, ноябрь...

Жидкое экстази, то есть гаммагидроксибутират, нередко входит в состав моюще-чистящих средств, в том числе в автомобильной промышленности.

Кликбейт (от *англ. click* — щелчок и *bait* — наживка) — способ построения заголовка, искажающий смысл основного материала статьи ради того, чтобы заинтересовать потенциального читателя.

Нелегко успокоить, усмирить это чувство (*англ.*).

Партия из оперы «Лакме» Лео Делиба — «О прият, где цветут розы, свесясь над рекой. Нас она в час утра манит хладною водой. В тишине по реке поплывем мы вдвоем!» (*пер. либретто Е. Клетновой*).

Популярная в свое время в Копенгагене дискотека для гомосексуалистов.

Район Копенгагена.

Британский коллектив перкуссионистов, создающих музыкальные шоу с привлечением бытовых объектов в качестве реквизитов и музыкальных инструментов.

Датский бренд сигарет.

Очень обеспеченные люди, которые могут позволить себе личный авиатранспорт и перемещаются на нем по всему миру.

Сэм Спейд — частный сыщик из детективов американского писателя Дэшила Хэммета.

Традиционное французское блюдо. По сути это яйца всмятку, только приготовленные без скорлупы.

Пеппи Длинныйчулок — главный персонаж одноимённой повести шведской писательницы Астрид Линдгрен.

23

Вид пирожного, покрытого шоколадом.

Датская ежегодная премия в сфере сценических искусств.

Серия популярных датских комедий.

Положение, выдвинутое канадским педагогом Лоуренсом Питером, о том, что «человек, работающий в любой иерархической системе, повышается в должности до тех пор, пока не займёт место, на котором он окажется не в состоянии справиться со своими обязанностями, то есть окажется некомпетентным».

Ночлежка для бездомных на Амагере.

Бокор — жрец вуду.

Датский бренд шоколадного молока.

«Я как ребенок на пляже, когда ты швыряешь в меня новое солнце. Твоя любовь — энтеоген, в который я бросаюсь с разбегу...»
(англ.)

Датская музыкальная группа, исполнитель инди-попа.

«То, что было неозвратно потеряно, возможно вернуть...» (*англ.*)

«Сама по себе, я не хочу жить сама по себе...» (*англ.*) — строки из популярной песни Селин Дион.

Имеется в виду название копенгагенского кафе «Банг энд Йенсен».

«У моего мужа потрясающая жена» (*англ.*).

«Мне нужна только ты» — песня из фильма «Бриолин» (*англ.*).

Посттравматическое стрессовое расстройство.

«Не макай свое перо в казенные чернила» (*англ.*), т. е. не вступай в романтические отношения с коллегами.

Пункт сдачи анализов на ВИЧ и сифилис, где в отличие от больниц применяется анонимный экспресс-тест.

В датской системе образования обучение в гимназии можно продолжить после окончания 9 или 10 класса общеобразовательной школы.

Датская газета и интернет-сайт, специализирующиеся на покупке-продаже между физическими лицами.

Цитата из фильма «Робин Гуд: Принц воров» — «Неужели в этой проклятой стране никогда не бывает солнца?» (*англ.*)

Проект жилого квартала в датском городе Фарум, состоящего из домов террасного типа. Возведен в 1970-е годы в качестве архитектурного эксперимента.

Кристиан фон Хорнслет — современный датский художник-концептуалист.

Датский сайт, созданный с целью консультации детей и юношества по возникающим проблемам.

«Потерянная девочка» (*англ.*).

«Если вам плохо и вы не знаете, куда пойти, почему бы вам не отправиться в Гарлем, надев все самое модное?» (*англ.*) — известная джазовая песня, неофициальный гимн Голливуда.

Датский реабилитационный центр для лечения алкогольной зависимости.

Спидбол — смесь героина с кокаином.

«В преисподней нет ярости, сравнимой с любовью, перешедшей в ненависть, как, впрочем, в аду нет гнева, сравнимого с гневом отвергнутой женщины» (*англ.*).

Датский еженедельный журнал, образчик желтой прессы.

Цитата из одноименного стихотворения датского поэта Нильсена Мортена.